

Николай Иванович Павленко

Меншиков: полудержавный властелин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Окинем взглядом панораму событий, происходивших в России в бурные годы петровских преобразований. Это поможет нам представить обстановку, в которой протекала кипучая деятельность нашего героя, и истинно оценить его роль в событиях тех дней. Надобность в подобной характеристике эпохи нам кажется очевидной, ибо мера участия Александра Даниловича Меншикова, – а именно он является героем повествования, – в тех делах была неоднозначной: в одних он являлся главной фигурой, и его роль была решающей, к другим он не имел никакого отношения или участвовал мимоходом.

На протяжении жизни одного поколения в России произошли столь разительные перемены, что они приводили в изумление одних и вызывали гнев других. Не оставались равнодушными и европейские дворы – преобразования тоже вызывали доброжелательные или враждебные толки.

В самом деле, Россия конца XVII столетия – огромная, неповоротливая, с границами от Тихого океана до Новгорода и Пскова, которая и стояла-то в стороне от прогресса и была лишена возможности общаться с более развитыми странами, уж не говоря о том, чтобы влиять на их политику, вдруг за какие-то два десятилетия стала могущественной державой, прочно закрепившись в семье европейских народов.

О том, что дали России петровские преобразования, со всей определенностью сказало время. Известный историк и публицист второй половины XVIII века Михаил Михайлович Щербатов считал, что путь, пройденный страной при Петре, без него пришлось бы преодолевать два столетия. Николай Михайлович Карамзин в начале XIX века полагал, что на это потребовалось бы шесть столетий. Ни Щербатов, ни Карамзин отнюдь не питали симпатий к царю-преобразователю, но даже они должны были признать гигантский скачок России в годы петровских реформ.

Отличительная особенность преобразований первой четверти XVIII века – их универсальность, всеобъемлющий характер. Невозможно назвать ни одной сферы жизни общества или уголка страны, которых бы они не коснулись.

Весь ход предшествующей истории России ставил перед нею первостепенной важности задачу – закрепиться на Балтийском море. Еще отец Петра, царь Алексей Михайлович, пытался вернуть отнятые шведами в годы польско-шведской интервенции начала XVII века земли в устье Невы, но цели не достиг – в 1661 году пришлось заключить Кардисский мир, оставлявший за Швецией захваченную территорию.

Русское государство еще с середины XVI века располагало единственным портом, обеспечивавшим морской путь в Европу. Но Архангельск имел множество неудобств. Отдаленность экономического и политического центра страны от Архангельска была вдвое больше, чем от побережья Балтийского моря. И кораблям, следовавшим из Архангельска в Европу через Белое, Баренцево и Северное моря, приходилось преодолевать вдвое большее расстояние, чем через Балтийское море. К тому же путь по северным морям считался более опасным – свирепые штормы и айсберги приводили к гибели кораблей. Наконец, навигационный период был менее продолжительным, чем в Балтийском море.

Впрочем, внимание Петра сначала привлекало не Балтийское море, а южные моря – Азовское и Черное. Чтобы овладеть подступами к ним, он совершил два Азовских похода. Последний, 1696 года, закончился блестящим успехом – взятием османской крепости Азов в устье Дона. Чтобы основательно закрепиться на Азовском море, царь основал новый порт – Таганрог.

Выход к побережью Азовского моря еще не обеспечивал морских путей в Западную Европу: для этого надлежало стать хозяином Керченского пролива, утвердиться на Черном море и получить право прохода через Босфорский пролив и Дарданеллы. Всего этого предстояло добиться оружием, и в Москве понимали, что страну ожидает длительная и напряженная борьба с Османской империей. Именно поиск союзников в этой войне составлял одну из задач Великого посольства, отправившегося в Западную Европу в марте 1697 года. В его составе находился и Петр.

Дипломатические переговоры Великого посольства по сколачиванию антиосманской коалиции закончились неудачей, и Петру пришлось круто менять внешнеполитический курс – вместо борьбы за выход к южным морям начать утверждение России на Балтике. Царь готовился к войне и вести ее также намеревался не в одиночестве, а вместе с Данией и Саксонией. Так возник Северный союз, весной 1700 года начавший военные действия против Швеции.

Вопреки ожиданиям, союзников подстерегали крупные неудачи. Восемнадцатилетний шведский король Карл XII, слывший повесой, проводивший время в беспутных забавах, проявил вдруг незаурядные полководческие дарования. Он молниеносно высадил десант под стенами Копенгагена и под угрозой бомбардировки столицы вынудил датского короля выйти из Северного союза и заключить мир.

Вслед за этим Карл XII двинулся на помощь гарнизону Нарвы, осажденной русскими войсками. Битва 19 октября 1700 года завершилась полным поражением русских войск, потерявших около шести тысяч человек и лишившихся всей артиллерии. Офицерский состав от капитана и выше, вопреки условиям капитуляции, был захвачен в плен.

Шведский король, полагая, что Россия после такого потрясения быстро не оправится, направил свои войска против третьего союзника – саксонского курфюрста Августа II, одновременно являвшегося польским королем. Это был один из крупных просчетов шведского полководца. Вместо того чтобы, развивая успех, достигнутый под Нарвой, навязать России выгодный для себя мир, Карл XII, пренебрежительно относясь к ее возможностям, по образному выражению Петра, «увяз в Польше», годами гонясь за войсками Августа II.

Время, «отпущенное» Карлом XII, Петр использовал лучшим образом. Вспоминая поражение под Нарвой, он писал, что Нарва «леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила».

Война вытекала из потребностей внутреннего развития России, но, начавшись, она оказывала огромное влияние на внутреннюю жизнь страны и потянула за собой цепь новшеств. К ним относится создание Навигацкой школы, артиллерийского и медицинского училищ, Морской академии. Все они готовили для армии и флота офицеров, кораблестроителей, навигаторов, врачей, артиллеристов. Обеспечить армию и флот однотипным вооружением, снаряжением и экипировкой могло только крупное производство, и правительство в срочном порядке создает казенные мануфактуры: суконные, парусно-полотняные, чулочные. Особым попечением государства пользовалась металлургическая промышленность. К традиционным районам размещения металлургических заводов, существовавших в XVII веке, прибавился еще один – уральский. Край этот быстро становится основным производителем чугуна, железа, пушек и ядер.

Казалось бы, введение нового шрифта, печатание книг, переведенных с иностранных языков, появление первой в России печатной газеты «Ведомости» были далеки от военных событий. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что книги иностранных авторов посвящены преимущественно военным сюжетам (сооружению крепостей и их осаде, тактике и стратегии войны), а газета «Ведомости» информировала читателей о ходе военных событий; упрощение шрифта было подчинено все той же цели – достижению победы над неприятелем: книги, инструкции, указы, наставления, напечатанные новым шрифтом, были доступнее для чтения, чем книги с церковнославянскими литерами. Даже Сенат царь учредил «на время отлучек наших».

Было бы ошибочно ожидать сиюминутных результатов от перечисленных новшеств и приписывать именно им успехи, достигнутые вскоре после нарвского поражения; понадобилось несколько лет, пока ученики Навигацкой школы или сотни волонтеров, отправленных для обучения за границу, овладели минимумом знаний и набрались опыта, чтобы оказывать влияние на ход событий. Время было необходимо и для того, чтобы пушки и ядра уральских заводов внесли свой вклад в победы над неприятелем – не случайно их в 1702 году доставляли не водой, а дорогостоящим гужом. Тем не менее русская армия с конца 1701 года начала одерживать одну победу за другой.

Тому способствовали, по крайней мере, два обстоятельства. Самонадеянный король, ни в грош не ставивший боевую мощь русской армии, выделил против нее полки, укомплектованные рекрутами из Эстляндии и Лифляндии, то есть своих прибалтийских владений, отправившись с отборными войсками в Польшу; кроме того, командовавший русскими войсками Борис Петрович Шереметев располагал двойным и даже тройным превосходством над шведами. Территория Эстляндии и Ингрии являлась своего рода полигоном, на котором русские войска проходили практическую школу обучения военному мастерству.

В ноябре 1702 года русские войска овладели, казалось бы, неприступной крепостью, запиравшей выход из Ладожского озера в Неву: древнерусским Орешком, переименованным шведами в Нотебург. Петр дал крепости новое название – Шлиссельбург. Весной 1703 года все течение Невы оказалось в руках России. 16 мая на одном из островов в устье Невы была заложена крепость, положившая начало будущей столице – Санкт-Петербургу. В 1704 году русским оказалось под силу принудить к капитуляции гарнизоны двух хорошо укрепленных крепостей – Дерпта и Нарвы.

События последующих лет в целом существенно не повлияли на оптимизм царя и его генералов, хотя в отдельные моменты возникли серьезные опасения за исход войны. В 1706 году Карл XII оккупировал Саксонию и вынудил Августа II заключить мир, разорвать союз с Россией и отказаться от польской короны. Таким образом, с 1706 года Северный союз фактически перестал существовать, и вся тяжесть войны с Швецией пала на плечи России.

Основательно отдохнув и не менее основательно пограбив Саксонию, войска Карла XII направились на восток. Русское командование приняло решение уклоняться от генерального сражения на территории Польши, отступать к своим границам, уничтожая запасы продовольствия и фуража и нанося урон нападениями на противника малыми отрядами. Предполагалось также замедлять продвижение неприятеля устройством засад, завалов, обороной переправ.

Карл XII, находясь в Белоруссии, долго размышлял над тем, в каком направлении ему двигаться: на Москву, на север, к берегам Невы, или на юг, в богатую продовольствием Украину. Наконец, решил идти на Украину, где его поджидал изменник гетман Мазепа.

Разгром в сентябре 1708 года корпуса генерала Левенгаупта у деревни Лесной стал прологом Полтавы.

День 27 июля 1709 года решил исход войны, и если Швеция еще 12 лет тянула с подписанием мира, то объясняется это не ее способностью оказывать сопротивление, а неуязвимостью ее коренных земель – Россия не обладала достаточным флотом, чтобы угрожать ей вторжением. Полтавская виктория имела огромное международное значение: был восстановлен распавшийся Северный союз, ставленник Карла XII на польском троне Станислав Лещинский бежал из Варшавы, и польским королем вновь стал Август II. Престиж России и ее полководца поднялся на небывалую высоту, и царь, отправившийся после Полтавы за границу, пожинал плоды успеха: перед ним заискивали и добивались благосклонности коронованные особы Европы.

Кампания 1710 года позволила русским войскам без особого труда утвердиться на южном побережье Балтийского моря, были взяты крепости Рига, Ревель, Кексгольм, Динамюнде, а также Выборг. Правда, под Ригой осаждавшая крепость армия понесла значительные потери, но не от неприятеля, а от чумы, унесшей около десяти тысяч человек.

Ничто уже не могло повернуть ход событий вспять. Даже Прутский поход, поставивший русскую армию в такое критическое положение, что и поныне нельзя с точностью установить, как ей удалось выбраться из мышеловки, не мог поколебать престижа России в международных делах. Сколь критическим было положение русской армии на Пруте, свидетельствует готовность Петра, ради заключения мира, вернуть все завоеванные территории, за исключением выхода к морю на Неве. Даже Псков царь готов был отдать шведам, а «буде же того мало, то отдать и иные провинции», – наставлял царь своего уполномоченного на переговорах. Подобных жертв от России, однако, не потребовалось – османы «довольствовались» передачей им Азова и разрушением Таганрога и Каменного Затона.

После изгнания шведов из Прибалтики события Северной войны протекали довольно вяло. Отчасти это объяснялось возникшими в стане союзников противоречиями, отчасти отсутствием у России линейного флота, о котором царь стал проявлять особое попечение после Полтавы. Померанская операция 1712–1713 годов, в результате которой русские войска совместно с союзниками изгнали шведов из Померании, а также две морские победы русского флота – у мыса Гангут в 1714 и у Гренгама в 1720 году – оживили затянувшиеся на десятилетие военные действия.

Особую радость Петра вызвала Гангутская операция, которую он любил сравнивать с Полтавской викторией. Сравнение было данью увлечения царя кораблестроением и военно-морским флотом, ибо победа у Полтавы сопровождалась полным разгромом и ликвидацией армии Карла XII, солдаты и офицеры которой либо сложили головы на поле битвы, либо сложили оружие у Переволочны, в то время как у Гангута было захвачено несколько кораблей и пленен контр-адмирал Эреншельд. Подлинное значение этого сражения в том, что оно было первой морской победой русского флота. Морское сражение у Гренгама закрепило успех Гангута и обеспечило военно-морскому флоту России господствующее положение в Балтийском море.

Балтийский флот превратился в грозную силу, оказывавшую давление на Швецию. Дважды, в 1719 и 1720 годах, на шведское побережье был высажен русский десант, что вынудило шведов сесть за стол переговоров. 30 августа 1721 года был подписан Ништадтский мир, по которому к России отошли Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, города Выборг и Кексгольм.

Сенат в знак признания заслуг Петра в войне поднес ему титул императора. Россия обрела статус морской державы и стала именоваться империей.

Цель войны была достигнута – Россия не только овладела выходом к Балтийскому морю, но и обеспечила безопасность «Парадиза» – Петербурга, как называл царь основанный им город.

Казалось бы, какое дело мужику, возделывавшему пашню в глухом захолустье и ничего не ведавшему о том, что происходило за околицей его деревни, что Московия превратилась в великую державу, что царь стал именоваться императором, что столицей государства вместо Москвы стал Петербург, что его барин щеголял в венгерском кафтане, что вместо Боярской думы стал править Сенат, а приказы заменены коллегиями? Крестьянин как был, так и остался в рабском послушании у помещика, селянина обошли ассамблеи, указы о бритье бороды и о запрещении жениху, не овладевшему грамотой, обзаводиться семьей; образованность, как и прежде, оставалась уделом господ.

Казалось, что жизнь бурлила только в столицах, и особенно – в новой, и все события обходили стороной десятки тысяч деревенок и уездных городов, где жизнь текла монотонно, как в сонном царстве. Достаточно, однако, внимательно присмотреться к событиям эпохи, чтобы отказаться от утверждения о непричастности к происходившему миллионов тружеников – и они испытали на себе влияние преобразований – не столько в культурном, бытовом и экономическом, сколько в социальном плане.

После Прутского похода, когда угроза вторжения неприятеля в Россию отпала (у Швеции для этого не было сил, а Османская империя довольствовалась уходом русских из

Причерноморья), у Петра появилась возможность уделить больше внимания внутренней жизни страны и продолжить преобразования. И если раньше новшества вводились для удовлетворения внезапно возникавших военных надобностей и носили, если так можно выразиться, стихийный характер, то преобразования этого периода отличались планомерностью, тщательным изучением опыта государственного строительства Западной Европы.

В 1718–1720 годах возникли коллегии, заменившие старинные приказы. От приказов коллегии отличались строгим разграничением обязанностей; они управляли определенной отраслью государственного хозяйства на территории всей страны благодаря разработанным регламентам, определявшим место каждой коллегии в государственном механизме. Во главе 12 коллегий, заменивших 44 приказа, царь поставил самых опытных администраторов: Г. И. Головкин возглавил Коллегию иностранных дел, А. Д. Меншиков – Военную коллегию, Ф. М. Апраксин – Адмиралтейскую и т. д.

В ряду административных реформ важное место занимало учреждение Синода, заменившего патриарха. Последний патриарх Адриан умер еще в 1700 году, но Петр не спешил с избранием нового; вместо патриарха была учреждена должность местоблюстителя патриаршего престола, которую вплоть до образования Синода (1721) занимал Стефан Яворский. Учреждение Синода, состоявшего из чиновников в рясах, означало полное подчинение духовной власти светской. Отныне не могло возникнуть ситуации, аналогичной делу Никона при отце Петра, когда патриарх пытался затмить царя и претендовал на первенствующую роль в государстве.

Подверглись совершенствованию Сенат, а также губернская администрация – основной административной единицей стали не восемь губерний, на которые была поделена страна, а провинции – более мелкие по размерам территории.

Надзор за деятельностью созданного бюрократического механизма осуществляли генерал-прокурор и обер-прокурор Сената и Синода, прокуроры коллегий и провинций. Российское чиновничество существовало до Петра, в годы же проведения административных реформ царь вооружил его уставами и регламентами, четко определявшими каждое действие должностного лица и порядок продвижения бумаги от одной инстанции к другой. Строгая регламентация привела к тому, что мерилом работы чиновника стало не дело, а след, оставленный им на бумаге, – многочисленные пометы и резолюции.

К внутривластным акциям правительства, оставившим заметный след в преобразованиях, относится указ о единонаследии 1714 года, определивший порядок передачи наследства потомкам. Отныне главное богатство помещика – земля и крестьяне – не подлежало дроблению, оно целиком передавалось одному из сыновей. С одной стороны, указ принуждал дворянских отпрысков служить: репрессии к уклонявшимся от службы дворянам не давали должного эффекта. Теперь все сыновья, лишённые земли и крестьян, должны были добывать себе хлеб насущный службой в армии, на флоте и в канцеляриях. С другой стороны, указ предотвращал дробление имений, а следовательно, и обнищание дворянства. Кроме того, указ 1714 года объявлял все земельные пожалования, в том числе и поместные, вотчинами, чем оформил слияние вотчинного и поместного землевладения.

Изначально повелось, что всякий прогресс, всякое продвижение вперед осуществлялись за счет усилий прежде всего трудового народа. Преобразования первой четверти XVIII века не являлись исключением.

Под Полтавой разгромили шведов калужские, тверские, рязанские, владимирские, новгородские, вологодские мужики, обряженные в непривычные солдатские мундиры. Изнурительным трудом таких же мужиков, согнанных со всей страны, создавалась величественная столица империи. За счет мужика кормилась армия чиновников, за его же счет офицерам платили жалованье и содержали 220-тысячную армию, покрывали расходы на обучение дворянских недорослей, отправляемых за границу, устраивали маскарады и фейерверки.

Бюджет государства на 1725 год увеличился втрое по сравнению с бюджетом 1680

года. Из этого не следует, что налоговый пресс давил на каждого налогоплательщика с утроенной силой. Размер налога бесспорно увеличился, но утроенные бюджетные поступления достигались не столько за счет повышения налоговых ставок, сколько за счет увеличения числа налогоплательщиков. Их списки пополнились миллионом душ государственных крестьян, которых обязали платить сорокакопеечный оброк, ту же сумму, что получал помещик с каждой крепостной души мужского пола. Ранее государственные крестьяне оброка не платили. В налогоплательщики, кроме того, были зачислены холопы – челядь, находившаяся в услужении у барина либо обрабатывавшая на него пашню.

Уплатой налога обязанности трудового населения перед государством не ограничивались – крестьяне и горожане несли множество других повинностей, из которых самыми обременительными были рекрутская, подводная (поставка телег для перевозки казенных грузов), постоинная (предоставление жилища для войск, находившихся на марше), а также привлечение на строительство городов и крепостей.

Ответом на тяготы, нередко превышавшие хозяйственные ресурсы населения, явились два крупных народных движения. В 1705–1706 годах выступили астраханцы, перебившие начальных людей и около восьми месяцев державшие в своих руках город, а затем вспыхнуло восстание на Дону под предводительством Кондратия Булавина. В правительственных кругах оно вызвало смутение, ибо пик его совпал с наступлением на Россию армии шведского короля.

Преобразования связаны с кипучей деятельностью Петра. Современники нисколько не преувеличивали, когда называли Петра человеком необыкновенным. Прежде всего поражает разносторонность его дарований: он был незаурядным полководцем и дипломатом, флотоводцем и законодателем, его можно было встретить с топором и пером в руках, вырезающим новый шрифт и сидящим за чертежом нового корабля, озабоченным постигшей неудачей и ликующим по поводу одержанной победы, за изучением какой-либо диковинной машины и размышляющим над устройством правительственного механизма обширного государства.

Дарования его современника и противника Карла XII были значительно беднее. Талант шведского короля проявился лишь в одной сфере – военной. Безумно храбрый воин, великолепный тактик, замкнутый честолюбец, Карл XII считал для себя недостойным заниматься тем, что не было связано с походами и кровавыми сражениями, лихими налетами и звоном сабель, артиллерийской канонадой и торжеством победителя. Меч был единственным предметом, которым Карл XII владел в совершенстве.

С Петром не выдерживал сравнения не только шведский король, но и все предшественники и преемники из дома Романовых, «Божией милостию» занимавшие российский престол. Разве можно было представить отца Петра, царя Алексея Михайловича, едущим за границу в составе Великого посольства, чтобы там овладеть основами кораблестроительного ремесла. Разве мог Алексей Михайлович позволить себе находиться в гуще сражения и руководить им, как то делал сын у стен Полтавы. Холеные руки царя Алексея Михайловича не знали иной заботы, как творить крестные знамена. Мозолистые руки Петра владели множеством ремесел, среди которых он выше всего ставил кораблестроение.

Царь Алексей Михайлович появлялся перед народом в особо торжественные дни в тяжеловесном одеянии и в сопровождении многочисленной свиты из бояр и сотен стрельцов. Его сын щеголял в сопровождении денщика в удобной для работы одежде, дотошно проверяя строительство в столице, или мог часами расспрашивать заезжего шкипера.

Отец принимал послов, торжественно восседая на троне, задавая при этом пару банальных вопросов о здоровье государя. Его сын лишь изредка соблюдал посольский обряд, он его утомлял своим сложным церемониалом. Петр мог принимать посла в токарной мастерской или вести деловые разговоры во время пирушки или свадебного торжества. Ему были чужды чопорность и стесненность этикета.

Одним словом, перед изумленными подданными в России и не менее изумленной

Европой предстал царь, ни на кого не походивший. Сознанием людей того времени прочно владела мысль о том, что Бог – царь небесный, а царь – земной Бог. Неземное существо, облеченное властью Божественным промыслом, вдруг наряду с подданными стало заниматься земными делами: тесать бревна, тянуть лямку бомбардира, выбивать дробь, как заправский барабанщик, появляться в семье рядового гвардейца, чтобы стать крестным отцом новорожденного, рубить головы стрельцам или выковывать полосу железа на металлургическом заводе.

Этим занятиям, а их число можно увеличить многократно, царь придавал воспитательное значение, о чем сам однажды сказал волонтеру И. И. Неплюеву, сдававшему экзамены после возвращения из-за границы. Показывая натруженные руки, Петр произнес: «Я и царь, а руки в мозолях». Манеру поведения Петра отметил и Пушкин: «Он... на троне вечный был работник».

Откуда у Петра все эти качества, как проходило становление его личности, рискнувшей пойти наперекор старине и внести свежую струю в затхлую атмосферу кремлевского дворца? Возникает и другой вопрос: откуда мог взяться такой царь, умевший находить общий язык и с изощренными в хитросплетениях дипломатами, и с коронованными особами других государств, и с учеными с мировым именем, и с вельможами, кичившимися своими предками, и с худородными выскочками, с плотниками, корабельными мастерами, снисходить до которых считалось зазорным.

Ответить на поставленные вопросы, опираясь на какие-либо источники, практически невозможно – таких источников в природе нет: мы не знаем педагогических воззрений воспитателей Петра и его матери. Думается, что эти беспрецедентные качества приобретались Петром не благодаря системе воспитания, а вопреки ей.

Дело в том, что Петра не готовили к занятию престола – он мог стать всего лишь третьеочередным претендентом на трон: согласно обычаю, царский скипетр после смерти Алексея Михайловича должен был получить его старший сын Федор, а за ним – следующий сын Иван, и только после него приходил черед Петра. Никто, разумеется, не мог предусмотреть ни недолговечности Федора Алексеевича, ни дебильности Ивана Алексеевича, ни того, что волею случая трон неожиданно скоро займет Петр. Сказанное отразилось и на воспитании, и на обучении малолетнего Петра – он не получил даже того минимума знаний, которым довольствовались царевны, только в шестнадцать лет Петр усвоил четыре действия арифметики.

В еще большей мере, чем отсутствие заботы о систематическом образовании, сказалось отсутствие воспитания. Царица Наталья Кирилловна Нарышкина, мать Петра, оказалась в положении опальной вдовы. Не улучшилось, а, скорее, ухудшилось ее положение при царевне Софье, когда Петр, провозглашенный царем в 1682 году, должен был ограничить свою роль участием в церемониях царских выходов и приемах послов. Царица Наталья с сыном и ее окружением жили не в Кремле, а в Преображенском.

В то время как штат «робяток», однолеток царя Ивана, был составлен из потомков знатнейших фамилий, которые проходили практическую школу подготовки к придворной карьере, малый двор в Преображенском набирался из сыновей либо второстепенных и третьестепенных вельмож, либо лиц, находившихся в услужении у опального двора, – сыновей конюхов, прачек, поваров... В этой среде, видимо, мало-помалу воспитывался тот «демократизм» Петра, который так импонировал новой, выбившейся при нем знати и который вызывал осуждающие пересуды великородных людей.

Мы привлекли столь пристальное внимание к личности Петра прежде всего потому, что личность олицетворяет эпоху – оригинального царя окружали столь же оригинальные соратники. Такое могло произойти только при новых критериях подбора сподвижников. Традиционно ближайшие родственники царицы – отец, братья, дядя – назначались на высокие посты и жаловались столь же высокими чинами. В окружение царя входили высокородные люди, представители древних фамилий. Свою карьеру они начинали с придворных чинов, находясь в услужении царя: стольники, спальники, стряпчие и прочие.

Со временем они получали думный чин окольничего, а затем боярина и тем самым возводились в ранг государственных деятелей. Считалось, что способностей у высокородного боярина вполне достаточно, чтобы с одинаковым успехом командовать войсками, вести дипломатические переговоры, управлять каким-либо приказом или уездом либо заседать в Боярской думе. О последних современник язвительно писал: «Иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе и многие из них грамоте не ученые и студерованные».

Образ боярина, созданный Григорием Котошихиным, можно было бы счесть утрированным, если бы мы не располагали свидетельством, исходившим от самого Алексея Михайловича. Он вгорячах как-то сказал Ивану Хованскому, за хвастовство и болтливость прозванному Тараруем: «Я тебя взыскал и выбрал на службу, а то тебя всяк называл дураком». Столь нелестная оценка способностей тем не менее не помешала царю вручить Тарарую судьбы ратных людей только на том основании, что он из рода Хованских, потомков Гедиминовичей.

Строгую и сложную иерархию знатности происхождения регистрировал местнический счет – каждая фамилия ревниво следила за сложившимися отношениями между ее представителями не только в настоящем, но и далеком прошлом. Именно прошлое, традиция и являлись основанием для отказа от должности, ставившей родовитого человека в подчиненное положение другому, на том основании, что этот другой в стародавние времена в иерархии чинов был ниже. Даже при распределении мест за царской трапезой руководствовались местническим счетом, и на этой почве нередко возникали конфликты и даже потасовки, когда от боярских бород летели клочья.

В местнический счет включались все представители рода с его многочисленными ответвлениями: родные, двоюродные и троюродные братья, их племянники. Сложно было определить старшинство внутри рода. Еще сложнее было установить степень старшинства между представителями разных родов. Особенно пагубно сказывалось местничество во время войны, когда воеводы вместо дружных и согласованных действий, как того требовала обстановка, занимались выяснением местнического счета. Именно перед походами стали объявлять «быть без мест», то есть местничество временно отменялось.

Удар по местничеству был нанесен 12 января 1682 года, когда на торжественном заседании Боярской думы царь Федор Алексеевич и патриарх выступили с речами о вреде местничества. В приговоре традиция была названа «братоненавистным и любовь отгоняющим местничеством». В Кремле были сожжены Разрядные книги, из которых извлекали данные для местнического счета.

Отмена местничества ослабила позиции аристократических фамилий, создала предпосылки для продвижения по службе неродовитым дворянам, консолидировала дворянство, расшатала перегородки, отделявшие один «чин» от другого.

Табель о рангах, введенная в 1722 году, окончательно лишала служебных преимуществ великородных людей. Им предоставлялось преимущество только на ассамблеях и во время приемов при дворе. В остальных случаях свой вес и влияние надо было завоевывать служебным рвением, знаниями и способностями. Едва ли не самым смелым новшеством Табели о рангах было предоставление возможности проникнуть в привилегированное сословие выходцам из прочих сословий. Карьера любого чиновника на гражданской или военной службе предусматривала продвижение вверх по лестнице, состоявшей из 14 ступеней или рангов. Выходцы из недворянского сословия, достигшие 14-го ранга на военной службе и 8-го ранга на гражданской, становились потомственными дворянами, «хотя б они, – сказано в Табели о рангах, – и низкой породы были». Родовое начало, таким образом, уступило место личностному.

Табель о рангах всего лишь возводила в силу закона то, что уже давно было в жизни. Вспомним имена Меншикова, Курбатова, Шафирова, Нестерова и многих других менее ярких фигур, выдвинувшихся не благодаря происхождению, а благодаря способностям, личным дарованиям. В этом и состояла особенность Петровской эпохи – колорит ей

придавали не сподвижники, представлявшие знатные роды Долгоруких, Голицыных, Шереметевых, а соратники из простолюдинов. В том, что представители рода Голицыных или Шереметевых занимали видное место в правительственном механизме, нет ничего удивительного: не будь Петра, они все равно сохранили бы свой вес и влияние, а скорее всего, достигли бы большего. Но Меншиков, в детстве торговавший пирогами, мог стать вторым после царя лицом в государстве только при Петре, равно как и сын органиста Ягужинский – занять первую строку в бюрократической иерархии страны.

Сказанное не должно создавать впечатления, что при Петре были идеальные условия для процветания личностного начала. В действительности царь одной рукой подписывал Табель о рангах, а другой – указы, упрочавшие крепостное право и распространявшие его на новые категории населения. Но крепостное право находилось в вопиющем противоречии с личностным началом, оно унижало человеческое достоинство, приучало крестьян к рабской покорности. В итоге самая многочисленная категория людей – помещичьи, дворцовые и монастырские крестьяне исключались из числа тех, кто мог проявить дарования и, выражаясь словами царского указа, оказывать услуги «нам и отечеству».

Простор для проявления личностного начала ограничивало не только крепостное право. Его ограничивали и воззрения царя на роль и место подданного в государстве. Подданному в этих взглядах отводилась пассивная роль исполнителя правительственных предначертаний. Общеизвестно, что указы Петра носили регламентарный характер. Одни из них наставляли чиновников, другие – офицеров, третьи – купцов и промышленников, четвертые касались различных сторон жизни селян и горожан: хозяйственной, семейной, духовной.

Обращаясь к чиновникам, царь писал: «Глава же всему, дабы должность свою и наши указы в памяти имели и до завтра не откладывали, ибо как может государство управляемо быть, егда указы действительны не будут, понеже презрение указов ничем рознится с изменою». Призыв царя к неукоснительному выполнению царских повелений содержится и в другом указе: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить, или играть, как в карты, подбирая масть к масти».

Что касается остальных подданных, то здесь царь руководствовался несложной сентенцией. «Наш народ, – писал он, – яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера (наставника. – *Н.П.*) не приневолены бывают». В изобретательности царю, как «приневолить» подданных выполнять указы, не откажешь: ссылка на Нерчинские рудники и на галеры, разнообразные истязания, денежные штрафы, конфискация имущества, лишение жизни – такими и им подобными угрозами заканчивается едва ли не каждый указ Петровского времени. Справедливости ради отметим, что указы Петра не только угрожали, но и убеждали. Публицистическая направленность указов, особенно тех из них, которые были написаны лично царем, общеизвестна. Указы регламентировали жизнь подданных от рождения до смерти. Вспомним указы, касавшиеся внешности подданного, – о бранобритии, об одежде и обуви. Добившись желаемого в этой области, царь переходит к регламентации жизни подданных в прочих сферах. Указы определяли, что хлеб надлежит убирать не серпами, а косами, чтобы кожу для обуви обрабатывали не дегтем, а ворванным салом, чтобы избы в деревнях ставили одну от другой на указанном расстоянии, чтобы потолки в сенях обмазывали глиной, как и в горнице, чтобы ткали не узкие, а широкие холсты, чтобы купцы довольствовались прибылью, не превышавшей 10 процентов. Бани разрешалось топить раз в неделю.

Указы не оставляли подданных без наставлений и в то время, когда им приспело жениться или выходить замуж: родителям не разрешалось принуждать детей «к брачному сочетанию без самопроизвольного их желания». В то же время запрещалось дворянским отрокам вступать в брак, если они «ни в какую науку и службу не годятся», от которых «доброе наследия к государственной пользе надеяться не можно».

Законодательство не оставило без внимания и духовную жизнь подданных. Указы обязывали их посещать церковь в воскресные и праздничные дни, регламентировали

поведение прихожан в храме.

Приспело время отправляться в лучший мир – указы и здесь наставляли подданных: рядовых смертных «внутри градов не погребать», подобной роскоши удостаивались только «знатные персоны». Не разрешалось хоронить в гробах из дубовых досок или выдолбленных из толстых сосновых деревьев. Для этой цели надлежало использовать менее ценные породы древесины.

Указы, как видим, по своей сути не только регламентарные, но и рационалистические: в совокупности они на бумаге создавали идеальные порядки, следование которым приведет к полному благополучию государства и его подданных. Сразу же оговоримся, что мир, сконструированный указами, был эфемерным и мало схожим с реальными условиями бытия. Впрочем, для нас в данном случае важно не это обстоятельство, а четко выраженная тенденция этих указов к нивелировке жизни подданных в рамках сословия, к которому они принадлежали.

Нет надобности доказывать, что в рамках самодержавной политической системы огромное значение имела личность самого монарха, его взгляды, определявшие в конечном счете выбор лиц, приближаемых к трону. Какими критериями он при этом руководствовался, какие качества личности вызывали у него симпатии или антипатии? Кто входит в фавор?

Уместно в этой связи вспомнить Бирона, человека желчного, мстительного, с садистскими наклонностями, истязавшего не только своих соперников, но и занимавшую трон возлюбленную – Анну Иоанновну. Круг интересов этого грубого фаворита ограничивался пристрастием к лошадям, в которых он понимал толк. Не занимая никаких официальных должностей в правительстве, Бирон оказывал влияние на такую же грубую императрицу при назначении на должности, организации развлечений, определении меры наказания провинившегося и др.

Бывший певчий Алексей Розум стал при Елизавете Петровне графом Разумовским. Он никогда не вмешивался в дела управления. Приходит на ум еще один фаворит – брадобрей Кутайсов, возведенный неуравновешенным Павлом I в графское достоинство. Как видим, личность монарха проявляется в выборе фаворита. Монарх ограниченных способностей выбирал и соратников серых и бесцветных.

Чтобы быть замеченным и облаканным Петром, надлежало соответствовать взыскательным требованиям царя-рационалиста. «Однако ж мы для того никому какого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получают» – гласит Табель о рангах.

Одна из граней дарования Петра Великого состояла в умении угадывать таланты, выбирать соратников. Можно назвать десятки ярких индивидуальностей, раскрывших свои способности в самых разнообразных сферах деятельности. Но Петр умел не только угадывать таланты, но и использовать их на поприще, где они могли оказаться наиболее полезными. Несколько тому примеров.

Под Полтавой под рукой царя находился весь цвет командного состава русской армии: фельдмаршал Б. П. Шереметев, генералы А. И. Репнин, Я. В. Брюс, А. Д. Меншиков. Петр послал преследовать бежавшего с поля боя противника А. Д. Меншикова и, как дальше убедится читатель, не ошибся в своих расчетах – только Меншиков, и никто иной, обладал такими свойствами характера и дарования, которые могли обеспечить успех операции у Переволочны.

При крайне опасном положении русской армии на реке Прут Петр отправил вести переговоры с османами не кого-либо из своего окружения, например того же канцлера Г. И. Головкина, а вице-канцлера П. П. Шафирова, человека столь же настырного, как и гибкого, умевшего быть грозным и неумолимым и источать столько любезностей и комплиментов, что совершенно обескураживал собеседника. Искусство Шафировадипломата оказалось весьма полезным, ибо перемирие, заключенное им на Пруте, как отмечалось выше, предусматривало условия самые легкие из мыслимых.

Не менее удачным было назначение Б. П. Шереметева командиром карательного

отряда, направленного на подавление мятежных астраханцев, или назначение в состав делегации для переговоров со шведами А. И. Остермана. Этот коварный и вкрадчивый человек, умевший быстро завоевывать доверие и переходить на конфиденциальный тон, хотя официально и не занимал руководящей должности в делегации, но играл решающую роль в переговорах со шведами и на Аландском, и на Ништадтском конгрессах. В выборе соратников Петр ошибался редко, но ошибки все же случались, как, например, в его недооценке хитрости Мазепы.

Но мы знаем и другого Петра – человека жестокого и деспотичного, низводившего соратника до роли послушного исполнителя своей воли. Едва ли не самым выразительным примером могут служить взаимоотношения Петра и его фельдмаршала Б. П. Шереметева.

Царь никогда не возлагал на себя роль главнокомандующего армией или флотом. Такую должность номинально выполняли на суше Б. П. Шереметев, а на море – Ф. М. Апраксин. Фактически армией и флотом командовал Петр. Подобно тому как в Адмиралтействе, по свидетельству современников, не вбивался ни один гвоздь без повеления царя, так в армии и на флоте без его ведома не принималось ни одного более или менее важного решения. Где бы ни находился Петр – на самом театре военных действий, вблизи него или за многие сотни верст, именно Петр, а не Шереметев руководил перемещением войск, их формированием, определял своевременность или несвоевременность сражения. В адрес фельдмаршала сыпались понукания, угрозы, распоряжения, включавшие даже мелочи боевой жизни.

Шереметев был настолько приучен к такого рода царским повелениям, что, оказавшись без них, пребывал в полной растерянности. Именно в таком положении оказался Борис Петрович, когда Петр, сразу же после Прутского похода, отправился за границу – в Карлсбад на лечение и в Торгау на свадьбу своего сына Алексея. Связь с царем была затруднена, и Шереметев плакался Ф. М. Апраксину: ранее, писал фельдмаршал, было «не так мне прискорбно и несносно, как сие мое дело, за отлучением его самодержавства в такую дальность, також что вскорости не могу получить указ, а к тому отягощен положением на мой разсудок, что трудно делать». Своим «разсудком» Борис Петрович отвык пользоваться. Посочувствовал Шереметев и Апраксину: «Мню себе, что и вы в такой же тягости и печали застаешь».

И все же время Петра – время формирования в России личностного начала. Впервые появляются в таком количестве авторские сочинения о современности, с петровским временем связана портретная живопись с ее стремлением проникнуть во внутренний мир человека, появляются прожектеры – люди, подававшие проекты о переустройстве порядка в стране, появляется, наконец, плеяда сподвижников царя-реформатора, вышедших из низов и твердой поступью вошедших в историю исключительно благодаря личным заслугам.

Среди них первое место справедливо занимает Меншиков.

В 1726 году при Екатерине титул князя выглядел так: «светлейший Римского и Российского государств князь и герцох Ижорский, ее императорского величества всероссийского рейхсмаршал и над войсками командующий генерал-фельтмаршал, тайный действительный советник, Государственный военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Питербурхской, от флота всероссийского вице-адмирал белого флага, кавалер орденов св. апостола Андрея, Слона, Белого и Черного орлов и св. Александра Невского, и подполковник Преображенский лейб-гвардии, и полковник над тремя полками, капитан-компании бомбардир Александр Данилович Меншиков».¹ Год спустя в титуле произойдут изменения – Меншиков получит чин генералиссимуса и адмирала красного флага.

Меншиков был единственным вельможей, которому Петр Великий разрешал обнародовать указы с использованием формуляра, близкого к царскому: «Мы, Александр

¹ РГАДА, ф. 198, д. 237, л. 6.

Меншиков, светлейший Римского и Российского государства князь и герцох Ижорский, наследный господин Аранибурха и иных, его царского величества Всероссийского верховный действительный тайный советник и над войски командующий генералфельтмаршал и генерал-губернатор губернии Санкт-Петербурхской и многих провинций его императорского величества, ковалер св. апостола Андрея и Слона, Белого и Черного орлов, от флота Российского шатбенахт и прочая и прочая».²

Правда, указы такого рода, исходившие от Меншикова, носили распорядительный характер и встречаются довольно редко, но само их существование отражает место князя в правительственной иерархии.

Каково же было происхождение человека со столь пышным титулом, уступавшим только царскому?

Дать точный ответ на поставленный вопрос вряд ли возможно, ибо сохранившиеся источники сообщают противоречивые сведения о предках светлейшего. Одну группу источников составляют донесения иностранных дипломатов, а также мемуары русских и иноземных современников. Надобно, однако, помнить, что ни дипломаты, ни мемуаристы не могли наблюдать Алексашку Меншикова в годы его детства, ни тем более интересоваться жизнью его безвестного родителя. Александр Данилович попал на страницы донесений послов и сочинений мемуаристов, лишь когда он прочно укрепился в положении царского фаворита и оказывал влияние на ход военных и дипломатических событий, а также внутреннюю политику. Молва, на которую опирались современники, отказывала Меншикову в знатных родителях. Она была беспощадной к княжескому тщеславию и единодушной относительно его предков.

Самое раннее свидетельство происхождения Меншикова относится к 1698 году, ко времени, когда он еще не был ни князем, ни фельдмаршалом. Не занимал он тогда никаких постов и в правительственном аппарате, хотя ему тогда было 26 лет (родился 6 ноября 1672 года). Секретарь австрийского посольства Иоганн Корб называл Меншикова «царским фаворитом Алексашкой». В «Дневнике путешествия в Московию» Корб поместил фразу, свидетельствующую, с одной стороны, о влиятельности Алексашки, а с другой – о его происхождении: «Говорят, что этот человек вознесен до верха всем завидного могущества из низшей среди людей участи».

Несколько позже, 23 февраля 1699 года, Корб сделал еще одну запись о происхождении Меншикова: «Один из министров ходатайствовал перед царем об его любимце Александре, чтобы его возвести в звание дворянина и сделать стольником. На это, говорят, его царское величество ответил: „И без этого он уже присволяет себе неподобающие ему почести, его честолюбие следует унимать, а не поощрять“».

Свидетельство Корба о недворянском происхождении Меншикова заслуживает доверия по двум соображениям: секретаря австрийского посольства нет оснований подозревать ни в злопыхательстве, ни даже в недоброжелательности к царскому фавориту. Поэтому измышлять что-либо о происхождении Меншикова у него не было оснований. Не менее важно и другое соображение: перед нами дневниковая запись – источник, регистрировавший события по их горячим следам, а не воспоминания – источник в этом отношении менее достоверный. Характерно, что английский посол Витворт шесть лет спустя, в 1705 году, тоже сообщал своему правительству, что Меншиков – «человек очень низкого происхождения».³

Позже, в 1710 году, датский посол Юст Юль в своем дневнике повторил эту версию, дополнив ее некоторыми подробностями: «Родился он в Москве от весьма незначительных

² Там же, д. 109, л. 175.

³ Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 83, 84, 128; Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 125.

родителей. Будучи подростком, лет 16-ти он, подобно многим другим московским простолюдинам, ходил по улицам и продавал так называемые пироги». Миних, поступивший на русскую службу в 1721 году, считал происхождение Меншикова «из простолюдинов» настолько общеизвестным и бесспорным, что полагал лишним приводить какие-либо доказательства. Князь Куракин в незаконченной «Истории царствования Петра I» заявил, что Меншиков «породы самой низкой, ниже шляхетства», то есть простолюдинов.⁴

Полковнику Манштейну, современнику необычайного возвышения и падения Меншикова, были известны две версии о предках князя: одни – и таких, писал Манштейн, было большинство – считали Александра Даниловича сыном крестьянина, который пристроил свое чадо «в учение к пирожнику в Москве». Другие, продолжал Манштейн, полагали, «будто отец Меншикова находился в военной службе при царе Алексее Михайловиче», а сам Александр Данилович служил конюхом при дворе царя. Петр заметил остроумие будущего князя, перевел его в денщики, а затем, открыв в нем большие дарования, стал давать ему ответственные поручения.

Отношение самого Манштейна к версиям о предке Меншикова достаточно определено: «Я всегда находил первое мнение более близким к правде. Несомненно верно, что Меншиков низкого происхождения; он начал с должности слуги, после чего царь взял его в солдаты первой регулярной роты, названной им потешною. Отсюда же царь взял его к себе, оказывая ему полное доверие».⁵

Мнение о низком происхождении Меншикова разделял и известный историк второй половины XVIII века князь М. М. Щербатов. Он писал свои сочинения много лет спустя после смерти Меншикова, поэтому можно предположить, что он либо черпал сведения о нем из несохранившихся источников, либо пользовался свидетельствами младших современников светлейшего. В своем памфлете «О повреждении нравов в России» Щербатов писал: «Пышность и сластолюбие у двора его (Меншикова. – *Н.П.*) умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужем, хотя достойным, но из подлости происшедшим...»⁶

Подробнее всех о детских и юношеских годах Меншикова сообщает француз на русской службе Вильбоа. Как и многие современники, Вильбоа писал, что отец Меншикова «был крестьянин, получавший пропитание от продажи пирожков при воротах кремлевских, где завел он маленькую пирожковую лавочку». К своему ремеслу он привлек и сына, вертевшегося с лукошком в Кремле, где покупателями товара были стрельцы и солдаты, с которыми разбитной продавец часто шутил. Проказы Алексашки забавляли и Петра, наблюдавшего за ним из кремлевского дворца. Непосредственное знакомство царя с пирожником состоялось, писал Вильбоа, при следующих обстоятельствах: «Однажды, когда он сильно кричал, потому что какой-то стрелец выдрал его за уши, уже не шутя, царь послал сказать стрельцу, чтобы он перестал обижать бедного мальчика, а с тем вместе велел представить к себе проказника продавца пирожков».

Остроумие и находчивость мальчика, ровесника царя, понравились Петру, и тот велел его вымыть и одеть, чтобы определить к себе пажом. С тех пор Петр стал неразлучным с Меншиковым, и приятель царя, одаренный способностями мгновенно все схватывать, стал быстро возвышаться.⁷

Сюжет, изложенный Вильбоа, близок к сентиментальной сказке о превращении нищего

⁴ Юст Юль. Записки. М., 1899. С. 128; Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 76.

⁵ Манштейн К.Г. Записки о России. СПб., 1875. С. 8.

⁶ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 170.

⁷ Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 147, 148.

в принца. По-иному описывает сближение Петра с Меншиковым Петр Брюс.

По версии Брюса, Петр воспылал доверием и любовью к Меншикову после того, как тот предупредил его о грозившей ему смертельной опасности: Меншиков якобы рассказал царю о намерении бояр отравить его во время очередной пирушки.

Разноречивость версий, подчас содержащих явный налет фольклора, свидетельствует, с одной стороны, об интересе современников к карьере Меншикова, а с другой – подтверждает факт, что и для них, современников, в возвышении князя было немало загадочного.

Что касается происхождения Меншикова, то иностранцы, несмотря на различия в частностях, сходились в одном – будущий князь был родом из незнатной семьи.

Версию иностранных современников подтверждает царский токарь Андрей Нартов, описавший событие, очевидцем которого был. Как-то Меншиков чем-то разгневал царя. «Знаешь ли ты, – кричал рассерженный Петр, – что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был? Тотчас же возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и улицам и кричи: пироги подовые, как дельвал прежде. Вон!»

Данилыч, отличавшийся находчивостью, возвел происшедшее в шутку. Он выбежал на улицу, схватил кузов у первого попавшегося пирожника, повесил его на себя и в таком виде вернулся во дворец. К этому времени царь успокоился. При виде светлейшего он расхохотался и сказал:

– Слушай, Александр, перестань бездельничать, или хуже будешь пирожника.

Меншиков продолжал выкрикивать: «Пироги подовые! Пироги подовые!»⁸

Происхождение еще одного источника, освещавшего родословие Меншикова, было необычным. Ранним утром 2 июля 1727 года мастеровой Городовой канцелярии Даниил Колосов, выходя «для нужды» на улицу, обнаружил в сенях бывшей Штатс-канторы, где жил, крашенный мешочек. В нем было завернуто подметное письмо. Находка доставила мастерскому немало хлопот. Он попытался сдать ее своему начальству, но Ульяна Синявина не застал дома. Пошел в Тайную канцелярию, но майор Румянцев тоже не пожелал принять письмо и направил обладателя «счастливой» находки к коменданту столицы Фаминцыну. Тот повертел письмо и поспешил от него избавиться, порекомендовав отнести его в Верховный тайный совет. Выше инстанции уже не было.

Странное на первый взгляд стремление чиновников отмахнуться от письма объяснялось очень просто – оно жгло им руки, его содержание было направлено против Меншикова. Анонимный автор обвинял Меншикова в том, что он «дванадцатилетнего отрока (Петра II. – *Н.П.*) принудил обручиться с недостойною того брака дочерью своею, внукою маркитанскою».⁹ Следовательно, дед Марии Александровны Меншиковой, отец Александра Даниловича, согласно анониму, был маркитантом – продавцом съестного для солдат.

Иные сведения о предках Меншикова сообщают источники официального происхождения. Речь идет о дипломах на пожалование Меншикову княжеского достоинства Римской империи и Ижорского князя Российского государства. В царском дипломе глухо сказано, что Меншиков происходил «из фамилии благородной литовской, которого мы, ради верных услуг в нашей гвардии родителя его и видя в добрых поступках его самого надежду от юных лет, в милость нашего величества, восприяти и при дворе нашем возрастити удостоили».¹⁰

⁸ Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 91; Bruce F. Nachrichten von seinen Reisen. Leipzig, 1784. S. 88–90.

⁹ РГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 64, л. 3.

¹⁰ ПиБ. СПб., 1907. Т. 5. С. 284.

Давно известно, что чем меньше в тексте фактов и больше общих слов, тем легче завуалировать истину. Приведенная выше фраза из диплома оставляет простор для домыслов и вопросов, а также ответов на любой вкус.

В самом деле, что скрывалось за расплывчатым понятием «верные услуги», будто бы оказанные родителем Александра Даниловича; на каком поприще проявил себя отец Меншикова: административном, военном, придворном? Много лет спустя Александр Данилович предпримет попытку расшифровать смысл «верной услуги» – она состояла в том, что отец якобы раскрыл заговор Федора Шакловитого. Однако на страницах четырехтомной публикации розыскного дела фамилия Меншикова даже не упомянута.

Заслуги можно списать на счет «милости Божией» – так угодно было оценить их Петру. Сложнее обстояло дело с отдаленными предками, причисленными к «фамилии благородной литовской», конечно же, со слов Александра Даниловича и при участии барона Гюйссена, хлопотавшего при венском дворе о выдаче ему княжеского диплома. Эта версия нуждалась в обосновании, и Меншиков предпринял две попытки добыть необходимые доказательства.

Первая из них была предпринята вскоре после получения дипломов – в середине декабря 1707 года он заручился документом, утвержденным съездом литовской шляхты и подписанным великим маршалом княжества Литовского Воловичем, директором съезда князем Радзивиллом и еще 46 знатными литовцами. Подписавшие удостоверяли, что они признали Александра Меншика «нашей отчизны княжества Литовского сыном». ¹¹ Но, удостоверив принадлежность Меншикова «к породе нашей», шляхта уклонилась сообщить какие-либо подробности: она не могла назвать фольварк, которым владели предки Меншика, равно как и сообщить, где, когда и на какой службе находились эти предки.

Подписанный документ вызывает подозрения. Не появился ли он на свет после обильного угощения, устроенного Меншиковым, чье княжеское достоинство уже было зарегистрировано австрийским императором и русским царем. Светлейший, надо полагать, не поспешил и на обещания предоставить какие-либо льготы шляхте, чьи владения находились на театре военных действий.

Получив постановление съезда, князь уgomонился. Но когда у него возник план породниться с царствующей фамилией, для надутого тщеславия уже было недостаточно принадлежать к дворянскому сословию вообще. Князю хотелось быть потомком не ординарного дворянина, а дворянина, ведущего свою родословную из глубины веков, и показать, что тесть российского императора не человек случая и безродный выскочка, а потомок варягов, людей, близких к Рюриковичам. Так возникла идея взрастить пышное генеалогическое древо, своими корнями уходящее в далекое прошлое.

В архиве сохранился черновой набросок генеалогии князя на латинском языке. Автор ее, видимо, признал безнадежной попытку прибегать к именам и точным датам и их отсутствие решил возместить общими рассуждениями о превратностях человеческой судьбы. Тем самым открывался простор для взлета фантазии.

В качестве теоретической основы составитель генеалогии использовал банальную мысль, что «на земном шаре все подвержено изменению, что в мире нет ничего постоянного». Даже звезды и большие светила часто «подвержены затмениям», – заявлял автор.

От рассуждений в масштабе вселенной составитель генеалогии спускается на грешную землю, чтобы опереться на исторические примеры: существовала могущественная Греция, но оказалась завоеванной османами; Китай был покорен татарами, Рим тоже утратил блеск и величие. Аналогичные события известны и русской истории: пали Галич, Владимир, Новгород.

Все эти примеры сочинителю генеалогии понадобились для того, чтобы подвести читателя к мысли: «нет ничего удивительного, что и знаменитые фамилии и роды

¹¹ РГАДА, ф. 198, д. 14, л. 3.

подвергаются переменам счастья» – знатные роды вымирают либо предаются забвению, чтобы при благоприятных условиях вновь подняться со дна и вознестись на новую высоту. Подобную метаморфозу испытал и род Меншиковых, который, по заявлению составителя генеалогии, был «за несколько сот лет» известен и в России, и в Польше и в обеих странах «пользовался большим уважением». Он имел герб с изображением головы быка на золотом поле – герб ободритов, от которых произошли Рюриковичи. На этом основании, написано в тексте, «некоторые пришли ко вполне правдоподобному заключению, что род Меншика был связан родственными узами с королями или князьями ободритов, откуда берет начало род Рюрика».

Кто такие ободриты, которых составитель генеалогии прочил в предки Меншикова?

Ободриты, или бодричи, – племя западных славян, обитавших в бассейне реки Лабы (Эльбы). У бодричей, ранее чем у восточных славян, сложились феодальные отношения: они уже в V–VIII веках имели князей, дружину и предпринимали походы на соседей. Родовитые люди России XVII века любили корни своего родословного древа выращивать не в родной земле, а на чужбине, изображая предков пришельцами из других стран – пруссами, варягами, бодричами. Меншиков, естественно, не желал быть хуже других. Если, однако, у подлинных аристократов – Куракиных или Шереметевых – мифических варягов или пруссов уже в XI или XIV веке сменяют реальные лица, имена которых отразили источники, то у Меншикова, как ни старались ученые составители, реальных предков, живших в отдаленные времена, обнаружить не удалось.

Уязвимость туманных рассуждений была, вероятно, очевидна и автору генеалогии, и он вынужден признаться, что всякие подробности скрываются «во тьме веков». Это не помешало ему категорически утверждать: «существовал род Меншика в России и знатный род Меншика в Польше», от последнего и произошел отец светлейшего князя.

Ни один из перечисленных фактов генеалогии Меншикова документально не подтвержден, как, впрочем, не подтвержден и факт пленения в 1664 году, во время русско-польской войны, отца Меншикова Даниэля. Будучи в плену, Даниэль женился на «Игнатъевне», дочери какого-то «уважаемого купца», и поступил в службу к царю Алексею Михайловичу. По совету друзей Даниэль Меншик русифицировал свое имя и фамилию и стал Даниилом Меншиковым. По совету тех же друзей он поступился еще одним достоянием: чтобы не раздражать знать, Даниэль в семейном гербе изображение головы быка заменил коронованным сердцем. «Поскольку он, как никто другой, владел искусством править лошадьми и объезжать их, царь Федор Алексеевич взял его служителем своей конюшни». Родословие далее, как упомянуто выше, приписывает Даниле Меншикову раскрытие заговора Шакловитого в 1689 году. Этот факт изъят из печатной генеалогии и заменен другим – оказывается, что заговор Шакловитого раскрыл Александр Данилович, он же обнаружил заговор Циклера – Соковнина в 1697 году.

Отец Александра Даниловича, согласно родословию, умер, а по другой версии был убит во время осады Азова 1695 года, «оставив без какого-либо имущества и в величайшей бедности четырех детей-сирот». Далее следует перечень основных вех жизни Александра Даниловича, не вызывающий сомнений в их достоверности: участие в сражениях Северной войны, получение наград от Петра и иностранных государей, назначение на должности. Бросается в глаза множество неточностей и недомолвок как о дальних, так и о ближних предках Меншикова. К ним, например, относится версия о пожаловании его предка Андрея Васильевича Меньшого землями в Вологде и ее округе. Она является либо вымыслом, либо результатом невежества, ибо Вологодская летопись повествует о совершенно ином Андрее Васильевиче – младшем сыне князя Василия Васильевича Темного, названного, как и принято было в те времена, в отличие от старшего сына, Меньшим. К родословной Меншикова ни старший, ни младший сын Василия Темного отношения не имели.

Вызывает недоумение текст об Анне Игнатъевне, матери Меншикова. Согласно архивной генеалогии, она была дочерью почтенного купца, а в опубликованном переводе с немецкого «Игнатъевна» значителся дочерью «тверского именитого гостя». Как, однако,

случилось, что внуки этого купца оказались в «величайшей бедности»? Как, далее, могло стать, что дети Данилы Меншикова, находившегося на службе при дворе в должности стремянного, терпели нужду сразу же после его смерти? Кстати, Александр Данилович в год смерти своего отца уже пользовался благосклонным вниманием царя. А как добывал средства к жизни Алексашка в годы, предшествовавшие знакомству с царем?¹²

В опубликованной генеалогии есть текст, явно нацеленный на подготовку читателя к мысли, что Меншиков не мог похвастаться знатностью ближайших предков. Автор рассуждает, что представители многих «благородных фамилий», оказавшись в плену, причисляли себя «к мещанскому либо крестьянскому сословию, или по неведению своих предков и своего происхождения, или по нужде и бедности, в которую повергло их пленничество». Таким людям довелось хлебнуть горя, «покуда они не получили сведений о своем благородном происхождении или трудолюбием и добрым поведением не вышли из этого состояния и не доказали верными свидетельствами своего дворянского происхождения». Не следует ли понимать признание бедности родителя и необходимость добывать знатность «трудолюбием и добрым поведением» как косвенное признание того, что источником существования Алексашки была торговля пирогами? Не ясен вопрос и о времени смерти матери князя, а также судьбе одной из ее дочерей – Марьи.

Короче, перед нами далекий от совершенства пример фальсификации генеалогии. Во второй половине XVIII столетия в подобных делах настолько поднатерели, что представитель крапивного семени средней квалификации за сходную мзду мог состряпать любую генеалогию и изобрести предков, угодных заказчику. Во времена Меншикова с этой задачей не могли справиться и европейски образованные юристы, несомненно привлеченные светлейшим для выполнения поручения.

Поскольку генеалогия, как и сочинение о жизни и деятельности Александра Даниловича Меншикова, составлялась в окружении князя и не без его ведома, то небезынтересно ознакомиться с тем, какой версии придерживался он сам в описании своего детства и обстоятельств знакомства с царем.

В одном анонимном сочинении, будто бы имевшем хождение среди современников и пересказанном в жизнеописании Меншикова, было написано: «Князь был не единственным на свете человеком, который с низших степеней достиг до высших. Он и сам не скрывал этого, но часто откровенно рассказывал, какую бедность терпел в юности». Это признание, однако, не лишало Меншикова возможности упрямо твердить о своих благородных предках: «Впрочем, он происходил от благородной, хотя и обедневшей фамилии, из которой в прежние века были в России и князья, и теперь милостию государя и долговременными тяжкими, но полезными услугами, достиг сам до высоких почестей, званий и достоинств».

Что касается появления Меншикова при царском дворе, то рассказ о том выглядит не менее респектабельно: будущий князь заставил обратить на себя внимание царя такими привлекательными качествами, как ум и сметливость.

Поначалу Алексашка прибыл устраивать свою судьбу в потешную роту. «Как скоро его светлость явился в эту роту, тотчас был принят его величеством в число солдат (в октябре 1691 года в день рождения Алексея Петровича), потому что он отличался красивою наружностью и счастливою физиономией и в своих речах, возражениях и ответах, равно как и в своих приемах, обнаружил бойкий живой ум, здравый рассудок и добросердечие».

Перечисленные свойства характера позволили Меншикову быстро усвоить экзерциции и превзойти в этом не только своих сверстников, но и более великовозрастных сослуживцев. Царь, кроме того, обратил внимание на опрятность, вежливость и воздержание новобранца и взял его к себе денщиком.¹³

¹² РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 5, л. 330–336.

¹³ 13 Сын Отечества. М., 1848. № 1. С. 15–28; № 2. С. 2, 3.

Однажды в архиве нам попался документ, оказавшийся, как потом выяснилось, опубликованным, содержание которого давало вроде бы основание полагать, что удалось сделать маленькое открытие – напасть на след таинственных родителей Александра Даниловича, о которых в источниках, внушающих доверие, нет ни единого слова. Речь идет о письме, создающем иллюзию, что оно написано матерью Меншикова. В самом деле, автор письма, обращаясь к адресату, дважды называет его «сыном», а само послание проникнуто нежностью и материнской заботой о своем чаде. Она желает ему успехов на поле брани и сетует по поводу того, что не получает от него вестей. В письме есть такие строки: «Однако ж я молю всегда всещедрого Бога, чтоб намерение ваше над неприятелем Бог исполнил и чтоб ваш страх над неприятелем везде был славен, а нам бы, о том слыша, благодарить Вышнего творца, душою и сердцем радоватца.

За сим, яко сыну моему любезнейшему и милостивому и драгоценному... и добродетельному с нижайшим поздравительным поклонением благословение отсылаю».

Надежды на открытие рассеялись, как только письмо было дочитано до конца. Под ним стояла подпись: «Елена Фадемрехова». Оказалось, что в те годы, когда царь и Меншиков были завсегдатями Немецкой слободы, Елена Фадемрех, будучи подругой Анны Монс, предоставляла свой дом для свиданий царя с возлюбленной.

Помимо письма Елены, отправленного Александру Даниловичу в мае 1704 года, сохранилось еще три письма, подписанных ею в 1718, 1719 и 1721 годах. Они свидетельствуют об ослаблении связей между корреспондентами, бывшими достаточно прочными в молодые годы Данилыча. Изменения объяснялись отчасти тем, что князь, находясь то в действующей армии, то живя в новой столице, стал редким гостем Немецкой слободы, а отчасти тем, что названный сын стал первой величины вельможей, которому воспоминания о проказах молодости не доставляли удовольствия. Во всяком случае, в двух последних письмах фамильярное обращение заменено официальным. 9 января 1719 года Елена писала: «Милостивый мой государь, генерал, кавалер и фельтмаршал, светлейший князь Александр Данилович». Еще более пышный титул обнаруживаем в письме 1721 года: «Светлейший Римского и Российского государства, Ижерский князь, генерал-фельтмаршал и генерал-губернатор и от флота всероссийского контр-адмирал и Военной коллегии президент и многих ординов кавалер Александр Данилович».

Не подвергались изменениям лишь две жалобы Елены Фадемрех: на состояние здоровья и на то, что ее письма оставались без ответа. Она, видимо, принадлежала к типу людей, любивших плакаться по поводу своего здоровья. В 1704 году она писала: «Лежю едва жива в болезни моей лихораткою». Через 15 лет: «Я в сем временном житии всегда пребываю в болезнях». Или: «В скорбях живота своего пребываю, столько же хожу, сколько в болезни пребываю». Последнее из сохранившихся писем Елена Фадемрех отправила Екатерине I с поздравлением по случаю ее вступления на престол. Елена хорошо была известна не только Екатерине, но и Петру Великому. 10 октября 1703 года она отправила ему послание с игривым обращением: «Свету моему, любезнейшему сыночку, чернобровинкому, черноглазинкому, востречку дороговому».¹⁴ Тем самым прояснился вопрос о «материнстве» Елены Фадемрех. Она, видимо, исполняла роль названной матери царя и его фаворита в годы, когда те были завсегдатями Немецкой слободы.

Скудость источников о происхождении Меншикова и их противоречивость породили и противоречивые суждения историков. Уже упомянутый автор тридцатитомного сочинения о Петре I, опубликованного в XVIII веке, Иван Иванович Голиков, писал: «За достовернейшее из преданий касательно славного князя Меншикова принято, что он родился в Москве в 1674 году от бедного польского шляхтича, служившего при царской конюшне в стремянных, и что, оставшись после отца, в детстве, лишился и последнего малого его имущества и

¹⁴ Семеvский М.И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884. С. 336; РГАДА, ф. 198, д. 984, л. 1–5.

принужден был искать себе пропитание у одного из московских пирожников». Затем он в 1686 году поступил в услужение к Лефорту, а от него – к царю.¹⁵

В утверждении Голикова вкралась неточность, существенно меняющая суть дела: он писал, что Меншиков лишился отца в детстве, в то время как, по свидетельству самого князя, его родитель умер, когда ему исполнилось 23 года – в 1695 году. Следовательно, если Алексашка и продавал пироги, то изготовленные не московским пирожником, а Данилой Меншиковым. Кроме того, круг источников, находившихся в распоряжении Голикова, был крайне узок: он не мог пользоваться ни донесениями иностранных дипломатов, ни мемуарами, ставшими достоянием историков лишь столетие спустя.

У А. С. Пушкина, живо интересовавшегося временем Петра I, имеются два несхожих высказывания о происхождении Меншикова. В 1829 году, в знаменитом четырехстишье «Полтавы» о птенцах гнезда Петрова, Пушкин писал:

И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин...

Имя «полудержавного властелина» не названо, но, вне всякого сомнения, под ним подразумевается Меншиков, которого поэт аттестовал «баловнем безродным». Иными словами, Пушкин в конце 20-х годов придерживался неофициальной версии происхождения Меншикова. Позже, в середине 30-х годов, когда поэт приступил к сбору материалов о Петре I, он безоговорочно принял версию диплома Меншикова: «Никогда он не был лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину». Под «историками» Александр Сергеевич подразумевал И. И. Голикова, труд которого он основательно штудировал. Пушкин упоминает и о том, что А. Д. Меншиков «отыскивал около Орши свое родовое имение».¹⁶ Однако документального подтверждения этих поисков обнаружить не удалось.

Ближе всех к истине о происхождении Меншикова был, на наш взгляд, крупнейший историк прошлого столетия С. М. Соловьев. «Современники иностранцы, – писал ученый, – единогласно говорят, что Меншиков был очень незнатного происхождения; по русским известиям он родился близ Владимира и был сыном придворного конюха».¹⁷

Страницы предисловия, посвященные происхождению Меншикова, проливают в какой-то мере свет на характер князя. Он пускался во все тяжкие, чтобы удовлетворить свое неуемное тщеславие. Происхождение Меншикова помогает постичь еще одну его особенность – ненасытную тягу к богатству. Человек, подобно ему выбившийся из нищеты, быстро познавал цену богатству, прелесть роскоши и не стеснялся в выборе средств для приобретения того и другого. По алчности Меншикова можно сравнить с нуворишами XIX века, лишь с тем различием, что у последних главным мерилom богатства являлись деньги, а у князя, жившего в иных социальных условиях, – крещеная собственность. Вместе с тем надобно помнить: кем бы ни были предки Александра Даниловича, торговал ли он сам пирожками или нет, существенного значения это не имело, ибо Меншиков, влившись в ряды новой знати, став светлейшим князем, безоговорочно служил интересам этой знати. Прошлое оставляло у него лишь неприятное воспоминание, создавало своего рода комплекс социальной неполноценности в общении с родовитыми людьми, Впрочем, легко

¹⁵ Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до Петра Великого. М., 1807. С. 323, 324.

¹⁶ Пушкин А.С. Собр. соч. М., 1960. Т. 3. С. 229; М., 1962. Т. 8. С. 89.

¹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 576.

преодолеваемый при жизни Петра, поскольку рядом с сыном конюха с царем сотрудничали сын сидельца в лавке купца, сын пастора, а супруга царя, будущая императрица, в прошлом была прачкой.

Какие же сведения из разноречивого потока версий о происхождении Меншикова следует признать более или менее достоверными?

Менее всего внушают доверие попытки князя вести свою родословную от ободритов. Можно с уверенностью сказать, что сведения о предках, запечатленные в генеалогическом сочинении, относятся к разряду мифов. Столь же сомнительно свидетельство литовской шляхты, разглядевшей в князе человека «нашей породы» и признавшей его выходцем из Литвы. Вряд ли можно положиться и на версию о пленении отца Меншикова в годы русско-польской войны за воссоединение Украины с Россией и службе Даниэля Меншика стремлянным конюхом у царя Алексея Михайловича. Сведения известных нам источников, подтверждающих «благородное» происхождение князя, настолько мутны, что принимать их всерьез нет оснований.

Остается одно – исходить из достоверного факта, что Александр Меншиков добывал хлеб насущный торговлею пирогами.

Путь Меншикова от пирожника до светлейшего князя совершен на глазах у современников, он отражен и в источниках. Исключение составляет тот отрезок пути, когда юный Алексашка сменил порты и рубаху пирожника на мундир солдата потешной роты и денщика Петра. Надо полагать, что он принимал какое-то участие в событиях стрелецкого бунта, когда царь противостоял честолюбивым замыслам своей сестры Софьи, участвовал вместе с ним в потешных маневрах, поездках на Переяславское озеро и в Архангельск, наконец, в Азовских походах.

ПРОБА СИЛ

Самое раннее упоминание о Меншикове относится к 1694 году: 29 августа царь отправил письмо архангельскому воеводе Федору Матвеевичу Апраксину; в перечне лиц, посылавших привет адресату, значился Алексашка Меншиков. «Алексашка» упомянут еще в одном письме, адресованном царем Андрею Андреевичу Виниусу в 1697 году.¹⁸ Среди волонтеров, отправившихся в 1697 году за границу для обучения кораблестроению, Алексашка стоял первым в списке того самого десятка, который возглавлял десятник Петр Михайлов – царь. Меншиков не расставался с ним ни на минуту. Вместе с Петром он работал на верфи Ост-Индской компании в Голландии, одновременно с ним получил от корабельного мастера аттестат, удостоверявший, что он овладел специальностью плотника-кораблестроителя. Из Голландии Петр отправился в Англию для обучения инженерному искусству кораблестроения. Его и здесь сопровождал неразлучный друг Алексашка. Вместе с царем он находился в толпе волонтеров, составлявших свиту Великого посольства, присутствовал на торжественных приемах, осматривал достопримечательности столиц западноевропейских стран – арсеналы, монетные дворы, кунсткамеры, промышленные предприятия, учебные заведения. Как и Петр, он жадно впитывал увиденное, с поразительной легкостью усваивал азы артиллерийского дела, фортификации, кораблестроения. Это была практическая школа, расширявшая кругозор царского любимца, в детские годы не получившего никакого образования.

Известие о стрелецком мятеже вынудило Петра срочно вернуться в Москву. Здесь сразу же начался стрелецкий розыск. Известно, что Меншиков, как и царь, участвовал в казнях стрельцов и хвастал: самолично отрубил головы двадцати обреченным. О возросшем влиянии Меншикова на царя свидетельствует случай, происшедший на пиру у царского

¹⁸ ПИБ. СПб., 1887. Т. 1. С. 26, 143.

фаворита Лефорта в один из первых дней по возвращении царя в Москву. Находясь в состоянии крайней раздраженности, Петр выхватил шпагу и, ударив ею по столу, закричал на Алексея Семеновича Шеина: «Так я уничтожу твой полк, а с тебя сдеру кожу до ушей!» В чем была причина ярости Петра? Боярин Шеин, командовавший правительственными войсками, разгромив бунтовавшие стрелецкие полки под Новым Иерусалимом, проявил подозрительную, по мнению царя, поспешность, расправившись с зачинщиками стрелецкого бунта. Вместе с казненными вожаками навечно была похоронена тайна о подготовке бунта и о возможной причастности к нему царевны Софьи, с 1689 года находившейся в заточении в Новодевичьем монастыре. Царь был твердо убежден, что бунт был инспирирован Софьей, но доказательства отсутствовали.

К тому же Шеин дал царю еще один повод для неистовства – Петру стало известно, что боярин производил в офицеры и повышал в званиях за взятки. Судя по всему, Петр, размахивавший шпагой, находился в иступлении, и эпизод мог закончиться трагедией.

Успокаивать разбушевавшегося царя кинулись учитель царя Зотов, князь-кесарь Ромодановский, Лефорт. Но Зотов получил удар по голове, Ромодановскому царь ранил руку. Петр занес шпагу, чтобы расправиться с Шеиным, но генералиссимуса спас от гибели Лефорт, схвативший царя за руку; самому Лефорту тоже досталось несколько ударов. Никто не мог погасить гнев Петра, и неизвестно, каким было бы продолжение этой сцены, если бы не вмешался Меншиков. Он увел царя в соседнюю комнату и устроил так, что от прежнего возбуждения не осталось и следа.¹⁹

Это отнюдь не значит, что сам Меншиков был всегда защищен от царского гнева. Случалось, что Алексахке доводилось получать от Петра и увесистые затрешины. О двух из них сообщает в своем «Дневнике путешествия в Московию» Иоганн Корб. Первая запись относится к 29 сентября 1698 года. На семейном торжестве у датского посла царь разгневался на Меншикова за то, что тот танцевал с саблей. «Заметив, – повествует Корб, – что фаворит его Алексахка танцует при сабле, он научил его обычаю снимать саблю пощечиной; силу удара достаточно показала кровь, обильно пролившаяся из носу». Второй раз царский гнев, обрушившийся на фаворита, Корбу довелось наблюдать 15 мая 1699 года: «Когда царь уезжал из Воронежа в Азов и уже находился в лодке, ему стал что-то нашептывать Александр, хорошо известный при дворе царскою к нему милостью. Совершенно неожиданно это нашептывание рассердило царя, и он дал своему докучливому советнику несколько пощечин, так что тот упал пред ногами разгневанного величества чуть-чуть не замертво».²⁰

Вспышки гнева не изменяли благосклонности царя к фавориту, и тот, видимо, с еще большим старанием занимался устройством незатейливого быта царя. В начале 1700 года царь пишет ему: «Мейн герценкин. Как тебе сие письмо вручитца, пожалуй, осмотри у меня на дворе и вели вычистить везде и починить». Далее следовали распоряжения о смене полов, заготовке льда, постройке погреба.²¹

Но обязанности денщика для Алексахки не ограничивались выполнением хозяйственных поручений. После смерти Лефорта в 1699 году Меншиков становится доверенным царя в его амурных делах. Вместе с Петром он частенько навещал Немецкую слободу, куда влекла царя дочь виноторговца Анна Монс. Сам Данилыч сердечную привязанность обрел не в Немецкой слободе, а при дворе сестры царя – Натальи Алексеевны. Там среди девиц, окружавших царевну, ему приглянулась одна из трех сестер Арсеньевых – Дарья Михайловна.

¹⁹ Богословский М.М. Петр I. М., 1946. Т. 3. С. 20.

²⁰ Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). С. 91, 149.

²¹ ПиБ. Т. 1. С. 331.

В 1700 году началась изнурительная Северная война. Главное внимание царя теперь было приковано к театру военных действий. Надо полагать, что Меншиков сопровождал Петра повсюду.

В начале 1702 года Петр получает от Шереметева известие о победе русских войск под Эрестфером и тотчас же отправляет расторопного Меншикова вручить Борису Петровичу усыпанный алмазами орден Андрея Первозванного на золотой цепи, общей стоимостью в две тысячи рублей.

Меншиков привез награды офицерам победоносного сражения – свыше восьмисот золотых знаков разного достоинства. Не забыты были и рядовые: «Драгунам и солдатам по рублю человеку, им же с кружечного двора вина по ковшу».

Раздав награды, Александр Данилович в тот же день, 15 февраля, обратился к фельдмаршалу и ратным людям с призывом, чтобы они, «видя к себе его царского пресветлого величества милость и жалованье, ему, великому государю, наипаче служили со всяким усердием». Все присутствовавшие на церемонии «от высшего чина даже до нижнего» заверили царского фаворита, что они готовы государю «служить со всяким усердием, до последней капли крови своею».

Цель приезда Меншикова в Псков не ограничивалась раздачей наград; надо полагать, своему фавориту царь дал какие-то особые задания, связанные с организацией похода на Орешек. Фельдмаршалу Петр отправил еще в январе указ о подготовке похода – «по льду Орешек доставать». Войска уже были готовы к походу, но его пришлось отложить по случаю рано наступившей оттепели.

Чем конкретно занимался Александр Данилович при подготовке похода, мы не знаем, но Шереметев не находил слов для его похвал. Правда, должно учитывать, что Борис Петрович знал меру влияния фаворита на царя и поэтому, заискивая перед ним, мог в своем отзыве преувеличивать его заслуги. Но даже с учетом сказанного организаторский талант Меншикова и его рдение о делах фельдмаршал несколько не завышал. От 17 февраля 1702 года он писал царю: «Каково у нас во Пскове есть распутие и противная погода, будет тебе весно чрез письма Александра Даниловича. А люди ратные все готовы, драгуны и солдаты, только не будет ли какие препоны за подводы, что путь здесь вовсе испортился». Далее Борис Петрович высказывает свое отношение к трудам Меншикова: «А как Александр Данилович трудитца, и написать не уметь, каков он трудолюбив, и как желает, чтобы по воли твоей совершилось, только есть препона от Бога».²²

Фавориты всех времен держались на угодничестве, причем сфера их угождения могла быть самой разнообразной: одни преуспевали, споспешествуя в амурных похождениях, другие не жалели усилий для лести, третьи достигали успехов, организуя всякого рода забавы, наконец, четвертые завоевывали уважение и расположение царственных особ тем, что, «не жалея живота», помогали им в их заботах по управлению страной. Такие фавориты становились соратниками и государственными деятелями. В свое время предшественник Меншикова Франц Лефорт, весельчак и балагур, угождал юному Петру уроками изысканной вежливости, предупредительности, а также светского обхождения в дамском обществе, покорял его изобретательностью в развлечениях, добродушным юмором и бесконечной жизнерадостностью. Подобными качествами Александр Данилович не обладал. Да и вряд ли эти качества могли бы привлечь теперь внимание Петра – в его жизни наступил новый этап, игры в войну сменились настоящей войной с суровыми испытаниями и напряжением нравственных и физических сил. В этих условиях царь искал в фаворите совсем иные достоинства, которые как раз и были свойственны Александру Даниловичу: усердие, сочетаемое с талантами, беспредельная преданность и умение угадывать помыслы царя, распорядительность, опирающаяся на уверенность в том, что царь поступил бы в том или

²² Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра (далее: Постепенное развитие). СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 1. С. 83.

ином случае точно так же, как поступает он, Меншиков. Иными словами, критерием «годности» фаворита становятся его деловые качества.

Весной 1702 года Меншиков отправляется вместе с Петром в Архангельск, имея должность гофмейстера царевича Алексея, а осенью участвует в осаде Нотебурга. Под Нотебургом впервые проявились его военные дарования.

Известно, что осада и штурм крепости сопровождались огромными потерями русских войск. Отчаявшись в успешном завершении штурма, Петр даже дал команду о его прекращении, но, как это часто бывает на войне, выполнить его повеление помешала случайность – в суматохе сражения посыльный никак не мог добраться до руководившего штурмом князя Михаила Михайловича Голицына, чтобы передать ему царское повеление. В этот критический момент приспела помощь, ее привел поручик Меншиков. Подоспевшие свежие силы определили успех – гарнизон крепости капитулировал.

Петр щедро наградил участников штурма, как офицеров, так и рядовых. Голицын был пожалован полковником Семеновского полка и деревнями. Достоинство была оценена и отвага Меншикова. Указом от 18 октября 1702 года царь повелевал: «Преображенского полку поручика Александра Даниловича Меншикова во всяких письмах писать губернатором».²³ Заметим, что должность губернатора Меншиков получил за восемь лет до губернской реформы, после которой в России были учреждены губернии.

Петр едет сначала в Москву, а затем в Воронеж, а оставленный в Шлиссельбурге губернатор развивает кипучую деятельность. Две главные задачи стояли перед начинающим администратором и военачальником: хозяйственное освоение края, использование его ресурсов для нужд войны и защита только что возвращенных земель.

Меншиков преуспел и на том и на другом поприще. Царь поручил Меншикову разыскать место для основания верфи. В феврале тот доносит Петру, что им найдено такое место на реке Свири, где имеются леса, пригодные для постройки не только мелких, но и пятидесятипушечных кораблей. Так, стараниями Меншикова была основана Олонецкая верфь, с которой уже в августе 1703 года был спущен первенец Балтийского флота фрегат «Штандарт».

Верфь находилась под особым присмотром Меншикова. Олонецкий комендант Иван Яковлевич Яковлев едва ли не в каждом письме Меншикова мог прочесть слова: «корабль и другие суды строить с великим смирением неотложно»; чтобы «пушки лили безо всякого мотчания»; «как наискорее в деле поспешай»; «чини по сему, не отлагая в даль времени». С верфи поступали обнадеживающие сведения: «На Олонецкой верфи корабельные строения строятся, милостию Божиею, в добром поведении»; «Во известие тебе, государю, буди: на Олонецкой верфи корабли строятся во всяком поспешании».²⁴

Входя в курс дела, Меншиков накапливал опыт администратора и военачальника. Уже в эти годы его письма к царю или распоряжения подчиненным отличались деловитостью и лаконичностью – в них ни одного лишнего слова. Опять напрашивается сравнение: фаворит усваивал и тон, и манеру писем Петра.

Вот письмо Меншикова к царю в Воронеж от 9 февраля 1703 года; в нем он сообщает, что прибыл в Шлиссельбург, что до его приезда у пяти паузков «дны сделаны и бока станем обивать тотчас». Но дела вновь зовут его в путь, и он делится планами: «Еще 5 паузков заложу, я поеду на Олонец для осмотра вырубке лесов, и чаю, что на Олонце заложу при себе шмак, также и на Сясю поеду немедленно».

Меншиков готов ради дела поступиться спокойствием и удобствами оседлой жизни. Он весь в движении и непрестанных заботах, всюду он присматривает за тем, сколь успешно выполняются его задания, и на месте вносит необходимые поправки.

²³ Архив ФИРИ, ф. 83, картон 4, д. 83, л. 1.

²⁴ Материалы для истории русского флота (далее: Материалы). СПб., 1865. Ч. 1. С. 22, 30, 38, 39, 48.

Память Меншикова удерживает сотни имен и дел. 17 октября 1703 года он отписывает Яковлеву: «Для пряжи канатной и для дела канатов на верфи велено взять из Нижнего мастеров, сколько возможно, и о том указ послан.

Англичанина Этваллена для измерения глубины Свирью на Ладожское озеро отпусти, дав ему судно, какое пригоже, по рассмотрению... Лукьяна Верещагина в леса те, которые он описывал, пошли для рубки дубового лесу и кривуль...»

От Яковлева он тоже требует полной самоотдачи: в апреле 1703 года Меншиков велит ему отправиться на Сясское устье, где строились корабли, чтобы «присмотреть» самому, что там делается, ибо это «государю зело будет угодно».

Поражает превосходное знание Меншиковым обстановки на Олонецкой верфи. Сидя в Шлиссельбурге, он, кажется, видел, что там делается, не хуже, чем олонецкий комендант. Яковлев как-то пожаловался губернатору на Московскую ратушу, задерживавшую отправку парусных полотен. Меншиков тут же попрекает коменданта: «В том на ратушу и слагаться тебе не для чего», так как в Москве находился специальный человек, Автомон Телицын, употребляя современную нам терминологию – «толкач», которому вменено выбивать в Москве припасы и отсылать их на верфь. Комендант жалуется на нехватку подвод, чтобы отправить те припасы. Меншиков счел, что Яковлев обратился к нему преждевременно, не использовав своей власти: «Ты впредь о том ко мне не пиши, да и писать не для чего», так как к верфи приписаны города, где и надлежит брать подводы. На худой конец, можно использовать подводы, прибывающие с грузом из Москвы. Их, советовал Меншиков, и нагружать припасами, когда они будут возвращаться в столицу.²⁵

20 июня 1705 года Яковлев пишет Меншикову: «Известно тебе, государю, буди: на Олонецкой верфи состроенный корабль, шнявы и галеры спущены на воду и оснащены и в Санкт-Петербург отпустим вскоре, но есть, государь, остановка за железом, за якоря, за пушки. С заводов по сие число никаких припасов в привозе нет, и железом у нас исправлялись прошлогодским привозом. И о том многажды к Алексею Чоглокову писано, а отповеди нет».

Александр Данилович усмотрел в этой жалобе попытку Яковлева без всякого на то основания опорочить службу управителя Олонецких железных заводов Чоглокова. Поэтому жалобу коменданта он отклонил, сочтя ее зряшною. «Писать было многократно не надлежало», – отвечал Меншиков, так как все припасы готовы, но не отпущены «за неочищением ото льду Онежского озера».

Взаимные жалобы Чоглокова и Яковлева обнаруживали натянутые отношения, вредившие делу. Ответ Меншикова содержал любопытное внушение: «Для Бога в делах с Алексеем Чоглоковым имейте согласие и друг на друга многократно писать оставьте. Сами вы ведаете, что не постороннее какое, его великого государя дело на вас положено, и доведется вам в том друг другу вспоможение чинить».²⁶

В требованиях Меншикова неукоснительно и без всяких оговорок выполнять как царские, так и личные повеления нетрудно разглядеть стиль Петра. И Меншикова, и царя мало волновал вопрос, как будет выполняться поручение, сколько оно отнимет сил и как отразится на благополучии и здоровье людей, – важен был конечный результат.

В конце февраля 1704 года Яковлев доносил о падеже лошадей на Олонецкой верфи. Ответ Меншикова: «Да ты ж пишешь, что лошади мрут, и ты как ни на есть исправляйся, без чего быть невозможно – хотя и мрут, однако ж делать надобно». Суровый рационализм Меншикова проявлялся не только в отношении лошадей, но и людей. В списке присланных в Шлиссельбург плотников обнаружилось около половины беглых. Меншиков потребовал от Яковлева, чтобы бежавшие были выловлены и присланы в сопровождении караула

²⁵ Материалы. С. 14, 25, 29.

²⁶ Там же. С. 82, 92.

скованными. Это распоряжение не должно удивлять: не только строителей, но и рекрутов тоже часто доставляли в оковах. Удивляет другое: Меншиков делает вид, что якобы не может взять в толк, почему они бежали, будучи, как он полагал, вполне удовлетворены всем необходимым. «Олонецкие ж работники, – недоумевал он в письме к Яковлеву, – из Шлиссельбурга с работы бегают непрестанно, хлеб им и кормовые деньги дают по вся месяцы без задержания, а бежат неведом от чего».²⁷

Ничего загадочного в поведении плотников не было. Они бежали из-за тяжелых условий жизни на верфи и на заготовке леса, изнурительного труда, отсутствия крыши над головой. Отсюда огромная смертность мобилизованных работников, о чем, конечно же, знал Меншиков, ибо ему то и дело сообщали: «Присланные с Москвы и из городов прошлых годов разных дел мастеровые люди померли, а иные хварают» или: «Плотниками в работе зело имеем оскудение, понеже многие свои сроки отжив, померли».

Меншиков давал подчиненным наглядные уроки безволокитного ведения дел. 26 марта 1704 года Яковлев послал письмо, в котором жаловался Меншикову на недостаток прядильщиков для изготовления канатов. Если бы подобная жалоба была адресована какому-либо московскому приказу, то истекли бы недели, если не месяцы, прежде чем громоздкий и неповоротливый приказный аппарат как-нибудь на это отреагировал. Меншикову понадобился день-другой, чтобы не только ответить Яковлеву, но и принять необходимые меры. «Ты пошли от себя, не медля, посыльщиков, – писал он Яковлеву 2 апреля, – в Ярославль, на Вологду, в Каргополь, на Мологу и вели взять прядильщиков сколько надобно [...] а к воеводам в те города указ отселе послан».²⁸

Меншиков, в то время еще не избалованный властью, к промахам подчиненных относился снисходительно, проявлял сдержанность, журил их слегка и не прибегал к угрозам. Тому же Яковлеву, задержавшему отправку трехсот плотников в Шлиссельбург, он писал в феврале 1703 года: «Я на вас надеюсь как на себя, вы, мои секретные друзи и любимые мною, не так в деле своем поступаете, как мне угодно, и волю мои не творите». Спустя несколько дней плотники прибыли, и усердие коменданта Меншиковым тут же было отмечено: «Благодарствую вашу милость, что вы ко мне в Шлиссельбург плотников и работников выслали и тою высылкою меня повеселили, и за то ваше ко мне исправление любезный поклон до вашей милости отсылаю и за свое здравие по чарке горелки кушать повелеваю».

И даже когда олонецкий комендант осмелился донести царю о неполадках, минуя Меншикова, он получил лишь укоризненное письмо, взывавшее к дружеским чувствам Яковлева: «Ты разсуди сам себе, хотя бы то и так было, дельно ль приступил к донесению мимо меня, в чем надобно было тебе опасну быть, в чем я от тебя не чаял, но еще паче всякого остерегательства надеялся, а ты вместо того пакость чинишь и с такими бездельными словами докладываешь».²⁹ Строки этого письма изобличают в Меншикове не только строгого ревнителя служебной субординации, но и человека, стремившегося не выносить сор из избы и все дела, к которым он был причастен, изображать в лучшем виде.

Не менее успешно Меншиков справлялся и с другими поручениями. Для создаваемого Балтийского флота требовались железо и корабельные пушки. Меншиков организует поиски руд и закладывает два завода – Петровский и Повенецкий. Оба были пущены в небывалые по тем временам сроки – через несколько месяцев на них уже отливали пушки.³⁰ Так царский

²⁷ Там же. С. 28, 20.

²⁸ Материалы. С. 29, 30.

²⁹ Там же. С. 15, 16, 23.

³⁰ Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957. С. 56–65.

слуга постепенно становится соратником царя.

В суете хозяйственных забот Александр Данилович не оставлял хлопот военных. На этом поприще он тоже быстро завоевал репутацию надежного и энергичного исполнителя.

С самого начала 1703 года царь готовится к новой кампании: вслед за Шлиссельбургом предстояло изгнать неприятеля из земель по всему течению Невы. Для подготовки войска к новому походу Петр решил вызвать в Шлиссельбург Шереметева. Фельдмаршал в ответном письме просил оставить его во Пскове. «А без меня во Пскове, ей, – доказывал он необходимость своего там пребывания, – все станет и будет большая во всем остановка и непорядство... и тебе известно, на ково мне положитца: один Василий (псковский воевода Василий Борисович Бухвостов. – *Н.П.*), и тот глуп [...] А в Слисенбургу Данилович, и сам изволишь быть».³¹

Царь согласился с доводами Шереметева и отвечал фельдмаршалу 20 марта: «...не изволь ездить того для, что здесь, слава Богу, все готово, и с лишком, трудами начальника здешняго к вашему приезду и будущему начинанию». «Начальником здешним» был Александр Данилович.

Роль Меншикова была заметной не только в подготовке кампании, но и непосредственно в военных действиях. В марте он совершил успешный рейд под Ниеншанц, в результате которого гарнизон этой крепости не досчитался двухсот человек. Захвачено было несколько пленных, рядовых и офицеров, а также две тысячи человек гражданского населения. Известие об этом успехе царь назвал «радостной ведомостью от господина поручика нашего».³²

Несмотря на бивуачную жизнь, не забывает Меншиков и о своих бытовых удобствах. Уже в это время отчетливо проявляется его тяга к роскоши и комфорту. В Шлиссельбург к коменданту крепости потянулись обозы, нагруженные всякими припасами: из Архангельска он выписал заграничные экипажи, из Москвы – заморские напитки. Богатый солепромышленник Григорий Строганов удружил царскому любимцу органиста Афоньку.

Следы хозяйственной распорядительности, умение обустроить быт видны и при осмотре его усадеб.

Известный путешественник Корнелий де Бруин оставил краткое описание подмосковных владений Меншикова. Об одном из них, селе Алексеевском, расположенном на реке Яузе в двенадцати верстах от столицы, де Бруин в 1702 году писал: «Это прекраснейшее местечко, где устроены были удивительные садки, наполненные отборною рыбой. Но лучше всего для меня показались там громадные конюшни, хотя они были деревянные, так же как и самый дом. В конюшнях этих было более пятидесяти лошадей превосходной красоты».

Еще большим благоустройством и роскошью отличалась другая усадьба Александра Даниловича, более отдаленная от Москвы. Здесь все вызывало восторг у видавшего виды путешественника: «Помещичий дом Меншикова – громадное прекрасное строение, похожее на увеселительный дом, с красивым кабинетом (покоем) наверху в виде фонаря, покрытого отдельною кровлею, раскрашенною очень красиво всеми возможными цветами. В самом доме множество отличных и удобных комнат, довольно высоко расположенных над землей. Войти в него можно только через ворота крепостцы».³³

Искусством жить в роскоши Данилыч овладел довольно быстро. Столь же быстро он научился пользоваться и своим положением царского любимца. Уже во время Великого посольства Меншиков был настолько близок к царю, что, выполняя обязанности его

³¹ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 1. С. 166.

³² ПиБ. СПб., 1889. Т. 2. С. 137, 483, 484.

³³ ЧОИДР, 1872. Кн. 1. С. 57; Кн. 2. С. 122.

казначей, расходовал деньги без всякого контроля не только на него, но и на себя. На яхту для отправки в Россию было погружено тринадцать ящиков и сундуков со всякой «рухлядь», купленной для царя: книги, инструменты, корабельные снасти. Груз Меншикова был иным, им овладели помыслы построить в Москве роскошный дворец, поэтому он закупил «800 мраморных камней».³⁴

Сохранился еще один любопытный документ – запись издержанных денег на различные покупки для царя и его фаворита. В 1702 году для Петра были куплены два парика общей стоимостью 10 рублей, в то время как для Меншикова – восемь, на 62 рубля. В 1705 году общие расходы царя и Меншикова на экипировку составили 1225 рублей. Петр довольствовался сорока аршинами ивановского полотна на порты. Остальные деньги были издержаны на покупку штофов, тафты, кисеи, кружев, сукна, предназначавшихся для Меншикова, его сестры Анны Даниловны и сестер Арсеньевых.

И хотя Меншиков уже давно расстался с обязанностями денщика, он всегда проявлял трогательную заботу о личных удобствах царя. В начале июня 1703 года ожидался приезд Петра на Олонецкую верфь. Меншиков отправляет Яковлеву послание: «Прикажи устроить светлицу и в той светлице кровать убрать [...] изрядно. Чтоб у милости твоей было все исправно, столовые запасы и питья были изрядные и льду было больше».³⁵

Зимой 1702/1703 года Меншиков сторожит Шлиссельбург. Царь, находясь на Воронежских верфях, вместе с веселой компанией отправляется в подаренное Меншикову село Слободское, что близ Воронежа, где «веселились довольно». Царь сам составил план небольшой крепости у села и придумал название для нее Ораниенбург. «Все добро, – писал царь, – только дай, дай Боже, видеть вас в радости».

Не менее сердечно отвечает Меншиков, заждавшийся приезда Петра в Петербург, прибегая к шутливому тону, принятому в кругу близких к царю людей: «Разве за тем медление чинится, что ренкова у вас, ведаем, есть бочек с 10 и больше и секу (шампанского. – *Н.П.*) не без довольствия, и потому мним, что, бочки испразня, да хотите приехать или, которые из них разохлись, замачиваете или размачиваете, о чем сожалеем, что нас при том не случилось».³⁶

В военную кампанию 1703–1704 годов русские войска овладели всем течением Невы и принудили к сдаче гарнизон Нарвы. Меншиков дважды отличился в сражениях. Одно из них произошло в устье Невы вскоре после овладения Ниеншанцем. Шведский адмирал Нумерс, не зная, что Ниеншанц пал и в руках русских, вошел с отрядом кораблей в устье реки. Два корабля бросили якорь вблизи крепости.

В предрассветном тумане 7 мая 1703 года от берега отчалили тридцать лодок с солдатами, вооруженными ружьями и гранатами. Половиной из них командовал Петр, другой – Меншиков. Подкравшись к кораблям, атаковавшие взяли их на абордаж и в считанные минуты завершили операцию. Она доставила царю огромную радость прежде всего потому, что это была первая морская победа. Ликовавший Петр возложил на себя орден Андрея Первозванного. Другой орден был вручен Меншикову. Данилыч получил еще одну привилегию, высоко поднимавшую его престиж: ему разрешалось содержать на свой счет телохранителей, своего рода гвардию.

Петр поспешил оповестить своих друзей об успехе. Известил об этом девиц Арсеньевых и Меншиков: «Против 7 числа господин капитан (Петр. – *Н.П.*) соизволил ходить на море, и я при нем был же, и возвратились не без счастья. 2 корабля неприятельские с знамены, и с пушки, и со всякими припасы взяли; на первом 10, на другом

³⁴ Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. // Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 48.

³⁵ РГАДА, ф. 198, д. 2, л. 2–4.

³⁶ Материалы. Ч. 1. С. 24.

8 пушек». Сообщалось и о полученной награде. Примечательна подпись Меншикова под письмом. Ранее он подписывался просто: Александр Меншиков. В письме, отправленном 10 мая, нетрудно обнаружить следы пробудившегося честолюбия. В подписи под сугубо частным посланием он обозначил и свою новую должность и свое кавалерство: «Шлюссельбургский и Шлотбургский губернатор и кавалер Александр Меншиков».³⁷

С овладением Ниеншанцем, близ которого была заложена Петропавловская крепость, забот у Меншикова прибавилось. Вновь отвоеванная территория тоже была поручена его управлению. Ответственным за сооружение одного из шести бастионов крепости Петр назначил Меншикова. Вблизи крепости был построен деревянный домик царя, сохранившийся до наших дней. Поодаль от него возводили дома вельможи – Гавриил Иванович Головкин, Яков Вилимович Брюс, Петр Павлович Шафиров. Среди зданий выделялся размерами дом петербургского губернатора Меншикова. Он назывался Посольским, потому что в нем принимали послов и отмечали празднества.

Основав Петербург, Петр принимает энергичные меры к его обороне от набегов генерала Крониорта, командовавшего довольно сильным отрядом шведов. Набеги эти наносили урон русским войскам и мешали строительным работам. Царь решил отогнать Крониорта подальше от Петербурга и снарядил для этой цели несколько драгунских полков. Для них Меншиков составил инструкцию или «Статьи во время воинского похода». Это была проба сил Меншикова в военной теории, в обобщении опыта боевых действий, правда, пока еще незначительного. Прочитав инструкцию, Петр начертил: «Достойное учреждение войску. Piter».

Хотя царь и дал «Статьям» высокую оценку, сочинение было далеко от совершенства. Оно любопытно прежде всего как свидетельство порядков, царивших в только что организованных драгунских полках. Правила ведения боя в этом кратком сочинении отсутствуют, внимание уделено лишь поведению солдат в походе и во время сражения, как-то: «Варварской, мерской крик весьма оставлен быти имеет, понеже во оном не только что доброва мочно учинить, но ниже слов и повеления начальника невозможно слышать». Без команды старших офицеров запрещалось грабить обоз, а также выносить раненых и убитых, «хотя б главный начальник или отец его был». Запрещалось также разрушать или поджигать здания в селениях «без главного указу». Инструкция требовала от драгун стойкости в бою – «не должен ни кто бегать назад, но стоять до последнего человека».³⁸

Командование войсками, отправившимися в поход на Крониорта, взял на себя царь: Меншиков также участвовал в сражении. 8 июня 1703 года у реки Сестры войска Крониорта были разбиты. Шведы понесли огромные потери. «На сем бою побито неприятелей с тысячу человек», – извещал Петр своих друзей. Русских было убито тридцать два и ранено сто пятнадцать человек. Остатки шведского войска укрылись за стенами Выборга.

Столь существенная разница в потерях объяснялась паникой в рядах противника. Царь (в чине капитана) и Меншиков (в чине поручика) действовали отчаянно.

Участники этого сражения убеждали царя беречь себя и, по свидетельству цесарского посла Плейера, напоминали ему, «что он такой же смертный, как и всякий, и что малейшая пуля, выбивающая из строя мушкетера, может с ним сделать то же самое».³⁹

О возросшем влиянии Александра Даниловича на театрах войны можно судить по участвовавшим упоминаниям его имени военными источниками. Сошлемся, например, на переписку царя с Шереметевым в июле – августе 1703 года. Фельдмаршал заблаговременно беспокоится о размещении подчиненных ему войск на зимние квартиры и испрашивает

³⁷ Есипов Г.В. Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. М., 1875. < 7. С. 239.

³⁸ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 1. С. 197, 198, 199.

³⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. С. 614.

указаний царя. Петр адресует его к Меншикову: «Где им зимовать, о том положите, поговоря с губернатором (А. Д. Меншиковым. – *Н.П.*), который хотел ехать вскоре к вам».⁴⁰

Меншиков прибыл в Ямы, и 3 августа Шереметев отправил царю «Учиненные пункты с общего совету с господином кавалером и губернатором с Александром Даниловичем, которые требуют на сие самодержавнейшего повеления».

Любопытная деталь, подтверждающая полное доверие царя мнению Меншикова. Петр, находившийся в это время на Олонецкой верфи, получив «Пункты», не стал их утверждать до прибытия туда Меншикова. Александр Данилович появился на Олонецкой верфи 15 августа. В тот же день «Пункты» были царем утверждены.

Укрепление острова Котлин, запиравшего вход в Неву, царь также доверил губернатору. В устье реки постоянно маячили корабли эскадры Нумерса. Как только эскадра удалилась на зимнюю стоянку, на Котлине начали спешно возводить крепость по чертежу, присланному Петром из Воронежа.

Слух об основании русскими города в устье Невы распространился среди западноевропейских купцов, и в ноябре 1703 года на реке пришвартовался первый иностранный корабль, доставивший соль и вино. На радостях петербургский губернатор щедро наградил шкипера, рискнувшего пробиться к городу, минуя шведских каперов: ему были выданы пятьсот золотых, а каждому матросу по тридцать талеров.

Все эти хлопоты занимали уйму времени, с утра до ночи Меншиков в непрерывных заботах, его высокую фигуру можно было встретить на болварках спешно возводимой Петропавловской крепости, в Адмиралтействе, за распределением на строительные работы крестьян и горожан, прибывших со всех концов страны, в полках, охранявших подступы к новому городу, на Олонецкой верфи. Расторопный Меншиков поспевал всюду. Свободного времени у него поубавилось настолько, что он затруднялся выкроить несколько минут, чтобы продиктовать письмо девицам Арсеньевым: «А что вы пеняете, что не часто вам пишу, а вы в том не подивуйте, потому что за недосугами то чинится, а вам мочно всегда писать».⁴¹

Петр доволен распорядительностью любимца, не щадившего ни себя, ни других. Царь нуждался в советах Меншикова и не скрывал своего желания встретиться с ним. Будучи в Шлиссельбурге, Петр вызывает к себе Меншикова из Ладоги: «Зело мне нужда видетца с тобою». И тут же разъясняет, что он приглашает его вовсе не для разноса: «Для Бога не думай о своей езде, что здесь нездорово; истинно здорово, только мне хочется видетца».⁴²

В 1704 году Меншиков участвует во взятии Нарвы.

Когда сопоставляешь армию, подошедшую к Нарве осенью 1700 года, с армией, осаждавшей эту крепость четыре года спустя, то поражаешься разительным переменам, происшедшим в организации ратного дела в стране. В 1700 году под Нарвой стояла не только плохо вооруженная и еще хуже обученная армия, со слабыми представлениями ее командиров о современном военном искусстве, но и войско, лишенное четкого плана ведения осадных работ и не располагавшее точными сведениями ни о силе сидевшего в крепости гарнизона, ни о его артиллерийском парке. Совсем другое дело теперь!

Операция у Нарвы началась еще в конце апреля, за месяц до полной осады. Возглавил ее Петр Матвеевич Апраксин, а общее руководство осуществлял ингерманландский губернатор – Меншиков. Свою главную задачу Апраксин видел в том, чтобы воспрепятствовать входу шведских кораблей в устье Наровы и таким образом лишить гарнизон подмоги.

⁴⁰ ПиБ. Т. 2. С. 225, 226; Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 1. С. 206.

⁴¹ Есипов Г.В. Указ. соч. С. 240.

⁴² ПиБ. Т. 2. С. 221.

Эта задача была выполнена успешно – на рейде маячили шестнадцать шведских кораблей с провиантом и солдатами на борту, но долгое время ни один из них не рискнул войти в устье реки под дула русских пушек, расставленных на берегу в семи верстах от Нарвы. Попытка прорвать блокаду, предпринятая 28 апреля, кончилась тем, что шведы вынуждены были отбуксировать в море свои корабли, поврежденные русскими ядрами. Лишь однажды шведам удалось на глухом и безлюдном побережье в тридцати верстах от Нарвы высадить семьсот человек пехоты и под покровом ночи благополучно провести их в крепость.

Благодаря умелым действиям отряда Апраксина, то и дело захватывавшего «языков», русское командование было хорошо осведомлено о том, что творилось в Нарве. Показания пленных, не всегда, разумеется, надежные в смысле достоверности, рисовали безотрадные перспективы – гарнизон Нарвы продовольствием не был обеспечен.

Вот показания рейтера, захваченного в плен 11 мая: «Кораблей-де ныне на море к Наровскому устью слышали, что пришло много, а сколько числом не ведают, а пришли было в Ругодев (Нарву. – *Н.П.*) с хлебными запасы и пройти ныне тем кораблям немочна: московские войска устья заняли. И о том у них в Ругодеве великую печаль имеют и страх... А в Ругодеве хлебных запасов еще есть нескучно и им, солдатам, дают по четверику чистой ржи на месяц». ⁴³

21 мая Апраксин доносил Меншикову, что ему удалось захватить в плен «доброго и на все известного человека» – хорошо информированного капитана Георгия Сталь фон Голштейна, отправленного ревельским губернатором с ответным посланием к генералу Горну, коменданту гарнизона Нарвы.

«Зело изрядный язык» сообщил кучу ценных сведений о численности отряда Шлиппенбаха и планах генерала. Что касается положения в самой Нарве, то капитан пользовался информацией из вторых рук, которая, впрочем, существенно не отличалась от той, которую в русском лагере получали от «языков» из самой Нарвы. Сталь фон Голштейн показал, что «хлебных запасов в Ругодеве мало, естли с кораблей не могут пройти, станет не надолго». ⁴⁴

28 мая сдался в плен нарвский житель, поверстаный в солдаты. Перебежчик заявил: «В Ругодеве начинает быть великий голод. Преж сего солдатам давали на месяц по четверику ржи, а теперь норму уменьшили вдвое».

27 июня захваченный в плен «лекарев служитель» сообщил о катастрофическом положении гарнизона: «Генерал де маеор Горн и все служивые и купеческие люди от приходу московских войск страх имеют великой и непрестанно тужат и плачут для того, что в городе хлеба мало и долго в осаде сидеть нечем. Хлеба на нынешний июнь месяц давали пред прежними месяцами со мноюу убавкою, и то давали большую половину овсом, и люди у них голодны, досыта не наедаются».

В журнал П. М. Апраксина за 1704 год занесена обобщенная характеристика положения в Нарве: гарнизон и городские жители «в правиианте имели великий голод [...] оная крепость по оным вышеписанным нуждам ко взятию его величеству учинена быть удобна».

Сопоставляя свидетельства «языков», в русском лагере установили численность нарвского гарнизона: четыре полка пехоты в две тысячи человек, плюс семьсот человек прибывшей подмоги. Рейтар насчитывалось двести, половина из них померла. К штатному составу гарнизона можно прибавить еще четыреста горожан, получивших оружие из арсенала.

Другая информация касалась сикурса (подкрепления), с нетерпением ожидавшегося

⁴³ Постепенное развитие. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 3. С. 13.

⁴⁴ ПиБ. СПб., 1893. Т. 3. С. 73, 74.

комендантом крепости Горном от генерала Шлиппенбаха. По сведениям П. М. Апраксина, оказавшимся недостоверными, которыми он поделился с Меншиковым, явствовало, что в Нарве «ждут генерала Шлиппенбаха, которого-де конечно сего мая 20 числа ждут, и от Колывани (Ревеля. – *Н.П.*) де уже войски ево пошли».⁴⁵

Сведения об ожидавшемся приходе к Нарве отряда Шлиппенбаха в 7400 человек натолкнули Меншикова на одну военную хитрость; по другим данным, это придумал сам Петр. На виду у осажденных было разыграно «сражение» между спешившим на помощь «шведским» отрядом и русскими войсками. Двумя полками солдат, облаченными в синие «шведские» мундиры, командовал Петр. Полками в русских зеленых мундирах командовал Меншиков. Инсценировка сражения удалась вполне: шведы поверили, что к ним подоспела помощь, и комендант Горн велел открыть ворота, чтобы ударить по русским войскам с тыла. Выманенные из крепости шведы понесли значительные потери.

«Губернатор и кавалер» получил за это сражение не только новые чины и должности, но и пожалования вотчинами.

Первое из таких пожалований относится к 1700 году – сын пирожника стал владельцем деревни Лукина в Московском уезде, населенной 115 душами мужского пола; в следующем году хозяйство Меншикова увеличилось еще на две вотчины, тоже пожалованные Петром. Кроме того, Меншиков округлял свои владения скупкой деревень. В 1700–1701 годах он прикупил в Московском уезде три вотчины, за одну из них, самую меньшую, уплатив три тысячи рублей.⁴⁶

Из каких источников Меншиков изыскивал средства для столь значительных расходов? Сведения о казнокрадстве Меншикова в эти годы отсутствуют. Быть может, он и залезал в казенный сундук, но брал немного, не вызывая зависти у других. О степени распространенности этого порока в то время мы знаем по жестоким и все же безуспешным мерам, применяемым Петром. Что касается подношений, то, хотя они и текли в дом фаворита непрерывным потоком, удельный вес их в бюджете был невелик.

Молва о близости Меншикова к царю, о влиянии, оказываемом любимцем на Петра, стала достоянием не только придворных, но проникла и в купеческие круги. Одни одаривали посредничество царского любимца за уже обделанное дельце, другие подносили так, на всякий случай, чтобы заручиться его поддержкой в предвидении того часа, когда придется обратиться к его услугам, третьи о чем-либо просили и тут же поощряли усердие фаворита. Органист Афонька, подаренный Строгановым, не являлся исключением. Как-то Меншиков остановился в Троице-Сергиевом монастыре. Получив от Меншикова три экземпляра планов только что завоеванной крепости Шлиссельбург, монастырские власти отблагодарили фаворита тремястами рублями.

Планы завоеванных крепостей Шлиссельбурга и Выборга стали для него особой статьей дохода. Меншиков «с шапкой по кругу» объехал, видимо, уйму монастырей и посадских общин, что принесло ему, по собственному признанию, 19 410 рублей чистоганом.

В других случаях подносили по мелочам: из Архангельска Василий Ржевский прислал «от заморских припасов, чтоб тебе, государь, кушать во здравие» сто лимонов, бочонок «анчевусу», копченостей, бочку масла, голландского сыру и прочего. Упоминавшийся выше олонецкий комендант Яковлев подарил «сукна и материи». Меншиков благодарил: «Тое присланное от милости вашей принято с любовью и из тех потреб устроен кафтан». Какой-то архимандрит прислал сельдей. Руководитель Мундирной канцелярии Матвей Голтвин бил челом принять двести свежих яблок, бочонок слив и бочонок яблок в патоке. Войсковой

⁴⁵ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 3. С. 19, 35, 14.

⁴⁶ Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 222.

атаман Василий Фролов, занявший этот пост не без протекции Меншикова, почти ежегодно присылал по скакуну. Преемник Фролова Иван Краснощеков отправил Меншикову «презенту: калмычат младых – мальчика и девочку», а также турецкого табаку. Представитель России в Курляндии Петр Бестужев прислал в подарок платки. Более крупные подношения Меншиков получал от сибирского губернатора Матвея Гагарина, но светлейший, как ни напрягал память, так и не мог вспомнить, в чем состояли эти подношения.⁴⁷ Вероятно, Меншиков, особенно в годы, когда находился в зените могущества, получал и денежные подарки, но источники факты такого рода, естественно, регистрировали лишь в порядке исключения. Так, секретарю австрийского посольства Корбу в марте 1699 года стал известен факт, когда какой-то богатый купец решил купить расположение Меншикова за тысячу рублей. За полученные деньги фаворит должен был исхлопотать возвращение купцу конфискованной лавки. Меншиков, рассказывает Корб, «старался привлечь на свою сторону лицо, которому вверено было тогда управление казною, но тот оказался более верным государю и воспротивился намерениям Александра, считая греховным увеличивать имущество частного человека обманным путем и с ущербом для государевой казны. Тогда Александр дерзнул даже угрожать, что если тот будет долее упорствовать, он найдет легко случай отомстить ему за его отказ и неуважение».⁴⁸

Чем закончился этот инцидент, мы не знаем, но вот пять лет спустя Меншиков без всяких осложнений, надо полагать, тоже за какое-то покровительство положил в карман две тысячи рублей. Об этом мы узнаем из письма Алексея Курбатова, которому в это время протезировал Меншиков, продвигая его по службе. Курбатов писал своему патрону: «Благодарствуя твое милосердие, Григорий Племянников прислал ко мне в почесть тебе, государю, две тысячи рублей, которые ныне, до повеления твоего, соблюдаются у меня в палате».⁴⁹

Однако крупные взятки поначалу он брать не рисковал, о чем свидетельствует случай с Виниусом. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, обрусевший голландец, отец которого основал еще в 1636 году первый в России вододействующий металлургический завод, относился к числу близких к Петру людей, входил в так называемую компанию царя, состоявшую из самых доверенных лиц. Он занимал множество должностей – руководил Сибирским, Аптекарским и Пушкарским приказами, в его ведении находилась также и почта. В 1703 году было решено освободить Виниуса от ряда постов, и он, чтобы сохранить за собою Сибирский приказ, приносивший, видимо, наибольшие доходы, решил дать Меншикову взятку в десять тысяч рублей. Меншиков деньги взял, обещал содействие, но тут же донес об этом царю. «Зело я удивляюсь, – не то с деланным, не то с подлинным возмущением писал Меншиков, – как те люди не познают себя и хотят меня скупить за твою милость деньгами».⁵⁰ В итоге карьера Виниуса оборвалась, он был лишен всех должностей и доверия царя.

В последующие годы подобных сентенций в эпистолярном наследии Меншикова мы не встречаем. В данном же случае Меншиков удержался от соблазна, видимо, потому, что предложенный ему куш был непомерно большим, и он психологически еще не был подготовлен, чтобы брать подношения таких размеров. В этом состоял просчет Виниуса, ибо, предложи он взятку поскромнее, быть может, все обернулось бы по-другому. Взял же Меншиков год спустя, не моргнув глазом, подношение от Григория Племянникова в две

⁴⁷ Материалы. Ч. 1. С. 18; РГАДА, ф. 198, д. 49, л. 2; д. 106, л. 121; д. 525, л. 3; д. 578, л. 10, 18, 25, 29, 32, 63.

⁴⁸ Корб И.-Г. Указ. соч. С. 134.

⁴⁹ Архив ФИРИ, ф. 83, картон 2, д. 13, л. 1.

⁵⁰ ПиБ. Т. 2. С. 608.

тысячи рублей. Возможно и другое: положение фаворита обязывало Меншикова не стоять в стороне от придворных интриг и своевременно сметать с пути своих соперников. К ним относился и Виниус, пользовавшийся расположением царя.

В начале 1704 года положение Меншикова при Петре еще более упрочилось: «товарищ» уступил царю пленницу Марту.

В августе 1702 года Шереметев овладел Мариенбургом. Среди взятых в плен оказалась семья пастора Глюка, державшая в услужении сироту Марту. Сначала Марта попала в руки какого-то сержанта, затем оказалась у Шереметева, а в конце 1703 года ее отнял у фельдмаршала Меншиков. У Меншикова Марту, которую к тому времени стали называть Катериной Трубачевой, заметил Петр. Быть может, знакомство Петра с Екатериной было случайным. Но не исключено, что Меншиков это знакомство подстроил. С Анной Монс, фавориткой царя, у него сложились неприязненные отношения, и он был заинтересован в разрыве Петра с дочерью виноторговца из Немецкой слободы. Со временем Катерина Трубачева прочно овладела сердцем царя. Своим возвышением она была обязана Меншикову и чувство признательности ему сохранила на всю жизнь.

А пока Меншиков приютил ее в своем семействе – она жила вместе с его сестрой Марьей, Анисьей Толстой и девицами Арсеньевыми. Это дамское общество, на первых порах коротавшее время в Москве, по вызову приятелей отправлялось в нелегкое путешествие к театру военных действий.

Дамы вели оживленную переписку с Меншиковым и Петром. Поначалу ответы Александра Даниловича были сухими, почти официальными, будто бы написанными нехотя, ради того, чтобы отделаться от приставаний назойливых корреспонденток. Сведения, содержащиеся в таких письмах, точнее цидулках, лишь извещали, что корреспондент здоров. Примером могут служить послания, хотя не датированные, но не оставляющие сомнения, что они принадлежат к начальному этапу переписки Александра Даниловича и Дарьи Михайловны. «Дарья Михайловна и Варвара Михайловна, на лета многа». Вслед за этой фразой подпись печатными буквами: «Александр Меншиков». Сдержанностью отличаются и последующие его цидулки: «Дарья Михайловна, Варвара Михайловна, здравствуйте на лета многа. Челом бью. За писание ваше благодарствую и впредь о том прошу».⁵¹

Новый этап в отношениях засвидетельствовало письмо Меншикова от 27 марта 1703 года. Это был ответ на послание, сопровождавшее подарки: Дарья Михайловна прислала ему сорочку и алмазное сердце, а Варвара Михайловна – галстуки. Но не подарки тронули получателя – «не дорого мне алмазное сердце, дорого ваше ко мне любительство».

От письма к письму «любительство» Дарьи Михайловны и взаимная привязанность Александра Даниловича становились все более явственными. Его волнуют переживания Дарьи Михайловны от продолжительной разлуки, и он находит слова утешения: «Вы для Бога как при мне, так и ныне, веселитесь и ничего не думайте». Здесь же угроза, высказанная, разумеется, в шутку: «А буде вы станете о чем печалица, а веселится не учнете, о чем я, приехав, уведаю подлинно, то в то время на меня не прогневитесь – истинно лишены будете моей милости вечно». Но слова утешения часто не находили понимания Дарьи Михайловны. Ей хотелось всегда быть при своем возлюбленном и делить с ним опасности. Она как-то писала ему: «Только не могу больше блажить против милости твоей. Желая сердешно видеть тебя, радость свою, и неотлучно быть при милости твоей всегда».⁵² Дарья Михайловна не упускала возможности порадовать нареченного. Она баловала его ягодами, присылала рубашки, галстуки, новые камзолы, кафтаны, штаны, «дорожную кровать с постелею и одеялом», чулки, башмаки и прочее. «Не покручинься, свет мой, – извинялась она, – что подарки не корысны, ей, от любви сердешной послала к тебе, радости своему».

⁵¹ РГАДА, ф. 198, д. 1168, л. 1, 2.

⁵² Там же, д. 1169, л. 100, 22.

Данилыч благодарил за полученное, и особенно за ягоды, потому что их вырастила она сама: «Имели оные с любовью употреблять, понеже зело показались мне угодны».

Меншикова, рано лишившегося ласки родителей, радовала забота Дарьи Михайловны о его здоровье и безопасности. Когда судьбе угодно было соединить его и Дарью Михайловну брачными узами, эти заботы для супруги станут едва ли не главными в ее жизни. Тогда же, до замужества, хлопоты Дарьи Михайловны о своем суженом были достаточно робкими. В письме от 5 сентября 1705 года Меншиков отвечает на предостережение Дарьи Михайловны: «А что ты, Дарья Михайловна, изволишь меня письмом своим остерегать и попечение имеешь, и за то я особо паки милости твоей благодарствую. Однакож ныне никакой опасности не имеем». Слова признательности за беспокойство о нем Меншиков высказывал Дарье Михайловне и в письме от 12 ноября: «За писания ваши я благодарствую, а паче за то паки благодарен, что изволите меня через свои письма опасать» – предупреждать об опасности, призывать быть осторожным.

В течение шести лет, начиная с 1705 года, между Петром и Меншиковым, судя по их переписке, поддерживались самые теплые отношения, не возникло ни одного повода, чтобы омрачить их.

Уместно отметить одну особенность переписки Петра с Меншиковым. Эпистолярное наследие царя велико, оно включает несколько тысяч записок, распоряжений, писем, отправленных многочисленным корреспондентам. Петр любил и умел писать письма. Но среди многих сотен корреспондентов особое место занимает Меншиков. Всем остальным царь писал кратко, четко и, как правило, без эмоций. Он поручал сделать то-то и то-то и донести об исполненном поручении. Иное дело – письма к Меншикову. Они отличаются и по тону, и по форме. Это письма не царя к подданному, а дружеские послания, в них не чувствуется дистанции, перед нами два приятеля, равных по положению, обменивающихся взаимными советами, сетующих на трудности. Деловая часть писем Петра к Меншикову перемежается с сообщениями о здоровье, о погоде, о дорогах, о жажде встречи, наконец, о переживаниях в связи с неудачами или успехами.

Меншикову царь повелевал так же, как и прочим подданным. Но приказы Петра Меншикову напоминают скорее просьбы – в них отсутствуют угрозы за невыполнение, нет в них и повелительного тона, характерного для посланий Петра другим лицам. Петр был уверен, и эта уверенность подтверждалась повседневно, что Данилыч, если потребуется, сделает больше, чем ему поручено, и будет действовать смело и энергично, проявляя собственную смекалку.

Ни к кому Петр не обращался так нежно, не проявлял столько заботы и предупредительности, как к Меншикову. Как он только не называл его! «Мейн липсте камрат», просто «товарищ», «Мейн Херценкинд», «Mein Her», «Mein Her Leutnant». Меншикову, единственному из корреспондентов царя, дозволено было обращаться к нему так: «Майн гер каптейн», «Мой господин капитан». Петр пользуется любым поводом, чтобы выразить глубокую привязанность и доверие к своему приятелю. Осенью 1704 года царь пишет: «У нас все добро и весело, только одно лишение от вас меж веселости точку прешкоды ставит». В феврале 1705 года из Митавы: «За сим желаем вам от Господа Бога всякого блага и радостного паки свидания, понеже ныне все веселье от нас вы увезли». Еще более выразительны письма царя, отправленные в мае того же года из Москвы. В первом из них он жалуется на болезнь, но более всего тоскует о разлуке с Алексашей. Три дня спустя новое послание в таком же духе: к болезни присоединилась еще «тоска разлучения с вами, что я многажды терпел, но ныне уже вяще не могу. Извольте ко мне быть поскорей, чтоб мне веселей было, о чем можешь разсудить».

Меншиков позволял себе кокетничать. На одно из писем Петра он отвечал в марте 1705 года: «Не прогневишь, мой государь, что мало и не часто к милости твоей пишу. Истинно рад бы писать часто, да опасен того, чтоб милости вашей частыми бездельными письмами не надокучать. И впредь, кроме дела и самой нужды, ни о чем писать к милости вашей не буду,

только что разве о здоровье вашу милость безвестна не оставлю». ⁵³ Петр, однако, требует от своего «товарища» писать чаще, он хочет знать, как у него идут дела и каково самочувствие. «Для Бога прошу, чтобы чаще вы писали», – не велит, а умоляет царь своего друга в апреле 1709 года. ⁵⁴

Раньше они были неразлучны: участвовали в лихом налете на неприятельские корабли или брали Нарву. То была проба сил Меншикова-военачальника. Теперь Петр доверяет своему «товарищу» действовать самостоятельно.

Петербургский губернатор успешно защищает отвоеванные земли по течению Невы и будущую столицу. В июле 1704 года Меншиков организует отпор шведскому десанту у Петербурга. Неприятеля, подошедшего к крепости, встретили таким плотным огнем артиллерии, что он вынужден был поспешно ретироваться, понеся большие потери. С таким же успехом отбили шведов и от Котлина. Высадившийся там десант повернул на свои корабли. За умелые действия Петр присвоил губернатору чин генерал-поручика.

После Нарвы театр военных действий переместился в Польшу. Шведские войска в погоне за неуловимым Августом II колесили по стране, грабя население и нанося в бесчисленных стычках поражения саксонцам. Петр был заинтересован в сохранении союзнических отношений с Августом II, ибо, когда Карл XII был занят польскими делами, Россия получала передышку.

Наконец, в 1704 году Карл XII отнял у Августа польскую корону и вручил ее своему ставленнику Станиславу Лещинскому. Среди польских магнатов и шляхты возникло два лагеря: один – за Станислава Лещинского, опиравшегося на шведские штыки, другой оставался верным Августу II.

Августу было совершенно очевидно, что водрузить на свою легкомысленную голову польскую корону без энергичной помощи со стороны России ему не удастся. Но столь же очевидно было Петру, что чем дольше станет сопротивляться Август, тем продолжительнее будет отсрочка шведского вторжения в Россию. Именно из этих соображений Петр охотно заключил союз с польским королем Августом II в только что отвоеванной Нарве.

Договаривавшиеся стороны обязались воевать «до безопасного и обоим государствам полезного мира» и не вступать в сепаратные переговоры. А так как Август не обладал боеспособным войском, то Россия обязалась отправить в его распоряжение двенадцатитысячный корпус и выдавать польскому королю ежегодную субсидию в двести тысяч рублей.

Осенью 1704 года в Польшу были двинуты два соединения русских войск: одно – под командованием Никиты Ивановича Репнина, другое – фельдмаршала Шереметева. Позже, в 1705 году, когда Шереметев будет отправлен на подавление Астраханского восстания, общее командование русскими войсками в Польше Петр поручит нанятому на русскую службу фельдмаршалу Огильви. В Польшу отправился и Меншиков в качестве командующего русской кавалерией. Здесь он энергично громил сторонников Станислава Лещинского, за что был пожалован Августом II орденом Белого Орла. Но главную награду для своего фаворита исхлопотал Петр. По его поручению русская дипломатия долго и настойчиво добивалась от венского двора титула для Меншикова. Еще в 1702 году канцлер Федор Алексеевич Головин поручил русскому послу в Вене Петру Алексеевичу Голицыну исходатайствовать Меншикову титул «гофа» (то есть графа). Перед расходами велено было не останавливаться, ибо Головин обещал их возместить. Канцлер соблазнял посла возможностью получить за труды изрядное вознаграждение: «А от него (А. Д. Меншикова. – *Н.П.*) тебе заплата будет добрая, что и сам возможешь разсудить. И другим бы было во угождение». ⁵⁵ Под

⁵³ ПиБ. Т. 3. С. 155, 162, 342 и др.

⁵⁴ ПиБ. СПб., 1900. Т. 4. Вып. 1. С. 226.

⁵⁵ РГАДА, ф. Письма разных лиц на русском языке. 1702 г., д. 1, л. 7.

«другими», видимо, подразумевался царь.

Титул графа Меншиков все же получил, ибо в обращениях к нему в 1705 году он использовался, хотя далеко не всеми. Ф. А. Головин писал: «Государь мой, Александр Данилович», Б. П. Шереметев традиционно: «Государь мой и брат Александр Данилович», генерал Рене: «Господин губернатор и кавалер». А вот Петр Павлович Шафиров, вице-адмирал Корнелий Крюйс величали Меншикова «высокаграфским превосходительством».⁵⁶

Не успела весть о новом титуле Меншикова разнестись по стране и внедриться в сознание современников, как в 1706 году австрийский император наградил царского фаворита дипломом князя Священной Римской империи. Бывший пирожник стал светлейшим князем.

КАЛИШСКАЯ ПОБЕДА

Год 1705-й оставил четыре зарубки в памяти современников: Мур-Мыза, Бауск, Митава и Астрахань. Три из них произошли на театре военных действий. Операции русских войск, сосредоточившихся в Литве, протекали с переменным успехом. 15 июля 1705 года войска, находившиеся под командованием Бориса Петровича Шереметева, неудачно атаковали шведский корпус Левенгаупта под Гемауертгофом (по русским источникам – под Мур-Мызой). Царь указывал на две причины поражения. Одна из них была в плохо организованной разведке, так что Шереметев имел смутное представление о численности неприятельских войск и об их артиллерии. Другая, еще более важная причина поражения – в слабой уставной дисциплине только что созданных драгунских полков. Добившись значительного успеха на первом этапе сражения, вместо того чтобы преследовать неприятеля, драгуны принялись грабить его обоз.

Шведы воспользовались передышкой, перестроили свои боевые порядки, напали на русскую пехоту, и та, оказавшись без прикрытия драгун, отступила, оставив неприятелю 13 орудий, 8 знамен и 1 штандарт.

Поражение это хотя и не оказало сколь-либо существенного влияния на ход войны и имело частное значение, тем не менее так расстроило Бориса Петровича, что царь должен был его утешать: «Не извольте о бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать, а паче людей ободривать».⁵⁷

Неудачу под Мур-Мызой восполнили победы – под Митавой (Елгавой. – *Н.П.*) и Бауском. Русские войска под командованием самого царя осадили Митаву. Гарнизон крепости оборонялся четыре дня, но изнурительная для неприятеля бомбардировка продолжалась десять часов и принудила коменданта 4 сентября капитулировать. Десять дней спустя сдался и Бауск. Победителям достались огромные трофеи, в десятки раз превосходящие потери при Мур-Мызе – 290 пушек, 23 мортиры и 35 гаубиц в Митаве и 46 пушек, 2 мортиры и 8 гаубиц в Бауске.

30 июня в Астрахани вспыхнуло восстание. Влияние Астраханского восстания на ход войны сказалось в том, что царю пришлось срочно отправить на его подавление единственного русского фельдмаршала Б. П. Шереметева, а также снять с театра военных действий часть войск, правда незначительную. Это назначение позволило царю выйти из затруднения и решить, не ущемляя самолюбия Бориса Петровича, вопрос о главнокомандующем русской армии. Раз Шереметев отправлялся в Астрахань, то, естественно, командование передавалось Огильви.

⁵⁶ Архив ФИРИ, ф. 83, картон 4, д. 47, л. 1; д. 61, л. 1; д. 87, л. 1; д. 189а, л. 1.

⁵⁷ ПиБ. СПб., 1893. Т. 3. С. 391.

В преддверии зимы царь был озабочен размещением русской армии на зимние квартиры. Впрочем, одну вылазку против неприятеля он все же наметил, – вручив командование русско-саксонской конницей Меншикову. Петр направляет его в рейд на Варшаву, с тем чтобы разорить ее окрестности и лишить шведов возможности пополнить запасы продовольствия. Инструкция Меншикову повелевала «чинить поиск, з помощью Божию, сколько возможно». Зная азартный характер Меншикова, Петр внес в инструкцию существенное дополнение: «Аднако надлежит во всех походах зело осторожно поступать, чтобы неприятель каким предлогом не обманул».⁵⁸

Успех похода к Варшаве обеспечило сражение у моста через Вислу; оно хотя и имело локальное значение, но нанесло чувствительный урон противнику – свыше 1000 человек убитыми и 357 – пленными.

В конце ноября Александру Даниловичу был пожалован первый в России чин генерала от кавалерии, дававший ему право командовать всеми драгунскими полками.

Формально Меншиков находился в подчинении Огильви. Фактически светлейший, опираясь на устные инструкции царя, либо игнорировал распоряжения Огильви, либо действовал вопреки им. Между наемным фельдмаршалом и фаворитом царя установились неприязненные и даже враждебные отношения.

Началось с выбора места для расквартировки русских войск на зиму.

Меншиков не видел лучше места, чем Гродно. В донесении царю от 1 сентября он восторженно отзывался о неприступности «натуральной крепости», то есть об удобном для обороны рельефе местности, «понеже зело сия натуральная фартефикация крепка и безопасна». «В здешней замок, – продолжал Меншиков убеждать царя, – хотя 300 человек посадить, то неприятелю ни по которому образу невозможно оногo взять, кроме что прямою атакою атаковать».⁵⁹

Осмотрел Гродно и Огильви, но ничего привлекательного для обороны в нем не обнаружил: «во оном никакого иного прибытку не обрел», кроме обрывистых берегов, «но тамо, – охаивал выбор Меншикова Огильви, – ради пещаной земли на несколько миль позади невозможно конских кормов получить». Огильви приглянулась Мереча – «которое место я, – доносил он царю, – положением прибыточнее всех со всех сторон ко установлению ваших войск и к сохранению Литвы».⁶⁰

В конечном счете Меншиков взял верх, и местом зимнего расположения русских войск стал Гродно. Туда прибыли Петр и Август II. Вместе с бароном Огильви, князьями Меншиковым и Репниным они многократно совещались по поводу предстоявших военных действий на случай, если Карл XII вздумает вступить в Литву. 7 декабря Петр, вручив армию, находившуюся под командованием Огильви, Августу II, покинул Гродно и отправился в Москву, а через несколько дней после его отъезда в ставку пронесся слух, будто шведы готовятся к походу против русско-саксонско-польских войск.

Английский посол Витворт докладывал в это время из Гродно своему правительству: «Дня три тому назад здесь поднялась сильная тревога вследствие слуха, что шведы намерены переправиться через Вислу в трех пунктах и атаковать москвитян...» И хотя войска союзников приведены в боевую готовность, «большинство генералов держится мнения, что такое наступление шведов вряд ли возможно при недостатке фуража и настоящих морозах».⁶¹

⁵⁸ Там же. С. 452–453.

⁵⁹ Там же. С. 938–941.

⁶⁰ Постепенное развитие. М., 1912. Вып. 1. Кн. 2. С. 178.

⁶¹ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 203, 204.

Меншиков, без сомнения, принадлежал к этому большинству генералов, считавших невозможным наступление неприятеля в зимнюю стужу. Все же князь решил проверить готовность своих драгун, как они выполняют сторожевые обязанности. Впечатлениями он поделился с царем.

Заметим, что Меншиков из-под Гродно регулярно отправлял донесения Петру и в каждом из них настойчиво внушал ему мысль, что шведы не рискнут сняться с места, чтобы напасть на союзные войска.

14 декабря он писал царю: «О неприятеле, при Варшаве будучем, здесь подлинная ведомость есть, что оной, взяв там сей день (по их календарю) Рождества Христова, хочет кончая сюда итти». Здесь же сомнения в возможности выполнить намерение: «Но мы рассуждаем: естли сие время продолжится, то путь ему через Вислу займет (понеже со вчерашнего дня стал быть здесь при жестком морозе великой ветер, при котором довольно и снегу выпало)». Если даже неприятель и появится, то будет встречен достойным образом: «Однако ж мы во всякой готовности и чаем милости Божии, что неприятель незапно на нас не нападает».⁶²

23 декабря: «Неприятель, как по здешним ведомостям слышно, в прежних местах обретается...»

28 декабря, за четыре дня перед отправлением письма, князь прибыл в Пултуск, где отметил Рождество Христово: «Зело повесилились при довольной стрельбе ис пушек без опасения, понеже хотя некоторые из Гродни чрез письма по польским непостоянным ведомостям (которым отнюдь верить не надлежит), нас и тревожили, однако ж мы, будучи в Пултовску (и в 4 милях от Варшавы), никакой противной ведомости не имели, и все здесь, слава Богу, смирно».⁶³

3 января 1706 года: «Хотя неприятель поход свой и к Гродне разглашает, однако ж нам кажется, хочет нас обойти и в Вильне с Левенгоуптом случиться, х которому о походе и указ послан».⁶⁴

9 января Меншиков, к тому времени осведомленный о движении неприятельских войск к Гродно, все же продолжал настаивать на том, что на марше находится не вся шведская армия, а ее часть, «понеже, – рассуждал князь, – невозможно мыслить, как мочно таким скорым временем, хотя и не нынешним несвободным путем, так поспешно итти».⁶⁵

11 января: «Правда, что неприятель намерил либо нас отрезать, или на нас итти, только путь принимает на Минск, по чему мочно видеть, либо хочет прямо к Смоленску или к Полоцку итти».⁶⁶

Как видим, Меншиков проявлял завидное постоянство в оценке сложившейся ситуации. Чем оно было вызвано – упрямством, нежеланием признать ошибочность первоначального прогноза, высказанного еще в середине декабря 1705 года, или из рук вон плохо поставленной разведкой – сказать трудно. Скорее всего, и тем, и другим.

Судите сами, в тот самый день, 28 декабря, когда светлейший в донесении сообщал царю о весело проведенных рождественских праздниках, явил по поводу «польских непостоянных ведомостей» и уведомлял Петра, что «все здесь, слава Богу, смирно», Карл отдал приказ о марше своей армии из Варшавы. В Гродно об этом стало известно только

⁶² ПиБ. Т. 3. С. 1058–1059.

⁶³ ПиБ. СПб., 1900. Т. 4. Вып. 2. С. 528, 529.

⁶⁴ ПиБ. Т. 3. С. 1059–1061.

⁶⁵ ПиБ. Т. 4. Вып. 2. С. 543.

⁶⁶ Там же. С. 538.

неделю спустя – 3 января 1706 года.

Еще более прискорбно, что лишь к исходу первых десяти дней января гродненскому генералитету стало ясно, что Карл XII держит путь не куда-нибудь, а именно в Гродно, и Август II созвал 11 января военный совет, который должен был решить, как встречать армию шведского короля. Александр Данилович был озабочен не столько организацией отпора, сколько сохранением в глазах царя репутации человека, умеющего разгадывать хитроумные планы шведского полководца.

Военный совет должен был ответить на три вопроса Августа II, связанные с приближением шведской армии в Гродно. Что надлежало в этом случае предпринять русско-польско-саксонской армии? Идти ли навстречу Карлу и атаковать его до того, как он соединится с войсками своего генерала Реншильда; или ожидать прихода Карла к Гродно и защищаться за «натуральными фортециями», или, наконец, предпринять отступление, но куда, в каком направлении?

Участники военного совета высказывали два противоположных суждения: Меншиков, Репнин, а также наемные генералы Галларт и Венецигер сочли целесообразным отступить к Полоцку; Огильви, напротив, полагал разумным остаться в Гродно и защищать его.

Август, верховный, так сказать, главнокомандующий союзными войсками, не придумал ничего более вразумительного, как отправить протокол военного совета царю – пусть примет решение, а он, Август, умывает руки.

Карл XII, однако, не предоставил времени на раздумья ни Августу, ни сидевшим в Гродно генералам, ни царю, выехавшему из Москвы 13 января. Именно в этот день, 13 января, шведов обнаружили у Гродно.

Как их бросок оказался незамеченным? Повинен в этом тоже князь Александр Данилович – это он велел конницу, располагавшуюся на пути от Варшавы к Гродно, сосредоточить в одном месте, чем открыл путь для беспрепятственного движения Карла XII к позициям союзной армии.

В ожидании обоза Карл разбил лагерь под открытым небом в трех верстах от Гродно. Король, подавая пример выносливости, провел студеную ночь в седле, разъезжая по полкам; иногда он приближался к городу, чтобы лично убедиться, не готовятся ли в гарнизоне к вылазке. Утром 15 января король еще раз тщательно осмотрел город, изыскивая в нем уязвимые места, и после этого отказался от его штурма. Карл решил отрезать пути отступления союзной армии на восток и по возможности блокировать город, чтобы лишить многочисленный гарнизон подвоза продовольствия и фуража и вынудить его к сдаче.

16 января шведы отошли от Гродно верст на пять. На следующий день еще дальше. Постепенно удаляясь на восток, они расположились в местечке Желудки, в семидесяти верстах от Гродно. Отход объяснялся просто – вблизи Гродно нечем было кормить войска. Здесь Карл XII стал терпеливо выжидать, когда русская армия, пытаясь выбраться из мышеловки, двинется к своим границам. Вокруг Гродно рыскали шведские разъезды, пресекая всякие связи осажденного гарнизона с внешним миром.

Чем были в эти дни озабочены лица, на долю которых выпала ответственность за судьбу союзной армии в Гродно?

Август II бежал, как только к тому представилась возможность. Темной ночью 17 января в сопровождении шестисот драбантов и четырех полков русских драгун он выехал из Гродно якобы затем, чтобы привести на помощь осажденным саксонские войска.

Еще до похода войск Карла XII Гродно оставил и светлейший. Его отъезд тоже выглядел бегством. Именно так расценили поступок князя его недоброжелатели. Витворт записал рассказ одного из них: «Царский любимец при первых же выстрелах бежал за пятьдесят английских миль, не выпуская поводьев из рук». Огильви писал царю 6 февраля: «Хотя не ведаю, как те пред вашим царским величеством и пред честным миром оправдаться могут, которые меня здесь при разорванном и разоренном войске без денег, без магазейну, без артиллерии и полковых лошадей покинули, все войска в замешании приведши: как неприятель пришел, без моего известия, не сказав мне ни слова, от войска и чину своего

убежали и тем уходом людям неохотия прибавили, прочим же, которые еще в Гродно притти имели, случай дан для убежания». ⁶⁷

В этих пышущих злобой к Меншикову словах масса передержек. Неверно, что войска находились без продовольствия и фуража, что они оказались «разорванными и разоренными». Наветом является и обвинение князя в трусости.

Светлейшему было присуще множество слабостей. С ними мы отчасти уже познакомились и еще будем иметь возможность познакомиться. Но среди них напрочь отсутствовала та, которую пытался приписать Александру Даниловичу Огильви, – в трусости Меншикова никто никогда не подозревал. Скорее всего, его можно упрекнуть в противоположном – в безрассудной отваге, азартном риске и утрате в пылу сражения чувства осторожности.

Меншиков оставил Гродно по повелению Петра. Царь писал ему: «По получении сего моего письма изволь немедленно ко мне на встречу наскоро ехать, чтоб я мог безопаснее с вами в Гродно путь иметь». ⁶⁸

Царь выехал из Москвы, как упоминалось выше, 13 января. Недомогание, которым он страдал еще до отъезда, обострилось в дороге настолько, что Петр вынужден был вернуться в столицу и возобновить путь после того, как почувствовал облегчение.

В итоге расстояние до Смоленска Петр преодолевал десять дней и прибыл туда 23 января. Через пять дней он продолжил путь в Гродно, но в девяноста верстах от Смоленска встретил Меншикова с тревожной вестью: пути к Гродно перерезаны неприятелем, и русской армии, сосредоточенной в городе, грозили тяжелые испытания.

Царь был в смятении. В Гродно находилась самая боеспособная часть русской армии, в том числе два гвардейских полка – Преображенский и Семеновский. Утрата этой армии могла привести к окончанию войны на крайне невыгодных для России условиях. Удручала и весьма ограниченная возможность связаться с осажденными. Кроме того, в Гродно неведомо как был утрачен шифр, и воспользоваться даже запоздалыми рекомендациями царя стало затруднительно. Но особенно обескураживало царя намерение Огильви отсидеться в Гродно.

23 января 1706 года Петр отправил в Гродно письмо Репнину. Заметим, что оно было адресовано не Огильви, под началом которого находилась русская армия, а русскому генералу Никите Ивановичу Репнину. В этом поступке просматривалось явное недоверие царя к Огильви. «Зело удивляемся, – писал царь Репнину 28 января, – что по ся поры от вас жадной ведомости нет, что нам зело печально; тако ж объявляем, ежели всеконечно надеется мочно и совершенную подлинную ведомость о приближении саксонских войск имеете, к тому же правиант месеца на три имеете и конской корм (хотя с небольшою и нуждою), то бутте у Гродни: буде же о приближении саксонских войск вернаго известия нет, а обнадеживают польскою правдою, то, хотя и Рейншильда не чаять и довольство в правиантах и кормех конских есть, отступить к русской границе всеконечно, не выпуская времени, куды удобнее и безопасне... ибо неприятель уже почитай что отрезал войско наше от границ». ⁶⁹

Итак, при решении вопроса, оставаться армии в Гродно или уходить из него, Петр руководствовался не столько запасами продовольствия и фуража, сколько приходом на помощь саксонских войск. Впрочем, сам царь относился к изложенному здесь плану не как к указу, подлежащему безоговорочному исполнению, а как к совету. «Аднако же, – резюмировал Петр, – все сие покладаю на ваше тамошнее разсуждение, ибо нам, так далеко будучим, невозможно указ давать, понеже, пока спишемся, уже время у вас пройдет». Что

⁶⁷ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 2. С. 202.

⁶⁸ ПиБ. Т. 4. СПб., 1900. Вып. 1. С. 13.

⁶⁹ Там же. С. 38.

касается тяжелой артиллерии, то если она будет задерживать движение войск, то пушки, «разорвав, в Немон бросить».

Репнин показал царское послание Огильви, и тот писал Петру: «Войска вывести не могу потому, что реки еще не замерзли; неприятель одолеет меня конницею; при том же, за недостатком лошадей, придется покинуть знатную часть артиллерии, также предать в жертву неприятелю саксонские войска, которые уже на походе... Посему я решился остаться здесь до лета и ожидать или вящего отдаления неприятельского или совокупления с саксонским войском».

Итак, царь требует от Огильви вывода армии из Гродно, а Огильви, не сознавая меры опасности, нависшей над ней, намеревается пробить в Гродно до лета. Не случайно у Петра вырвались полные горечи слова, что он находится вдали от армии и бессилён ей помочь. «О, зело нам печально, что мы не могли к вам доехать и в какой мысли ныне мы, то Богу одному известно».⁷⁰

Так писал царь Репнину 6 февраля. В этом же письме Петр вновь и вновь повторял, что если не будут получены достоверные сведения о марше саксонцев к Гродно, то армии, «не мешкая», следует идти «к рубежам». Но, как это часто бывало в те времена, когда несовершенные средства связи доставляли крайне важную информацию с большим запозданием, страсти продолжали бушевать по поводу факта, который давно перестал существовать. Именно так случилось и на этот раз – царь в письме от 6 февраля уповал на саксонский «сикурс», а уже 2 февраля саксонцы были наголову разгромлены под Фрауштадтом.

Катастрофа при Фрауштадте была полной неожиданностью для всех – для Августа II, для генералитета, сидевшего в Гродно, для Петра, метавшегося между Оршей и Минском.

Неожиданной она была прежде всего потому, что саксонцы располагали трехкратным преимуществом в живой силе, тридцатью двумя пушками, в то время как у противника не было ни единой. У Августа II и его генералов существовало даже опасение, что Реншильд, командовавший шведским корпусом, будет всячески уклоняться от сражения и тем самым лишит саксонцев лавров победителей. Самодовольный тон приказа Августа II своему генералу Шуленбургу говорит о том, что саксонский курфюрст несколько не сомневался в успехе: «Не теряя ни минуты, вступить с армиею из Саксонии в Польшу и сокрушить Реншильда, у которого не более 8000 человек».⁷¹

Но генерал Реншильд хотя и знал, что саксонцев было не менее двадцати тысяч, но не помышлял о капитуляции. Он воспользовался старой, как мир, хитростью, на которую с необычайным легкомыслием поймался саксонский генерал – шведы притворно отступали, делая вид, что боятся навязываемого сражения, а Шуленбург азартно преследовал их и, вероятно, уже в уме подсчитывал трофеи. Игра продолжалась до 2 февраля, когда в 11 часов саксонцы напоролись на хорошо изготовившихся к бою шведов.

Сражение скорее напоминало побоище, ибо на поле при Фрауштадте полегло свыше семи тысяч человек. Погибла и большая часть русских драгун, тех четырех полков, взятых Августом II для охраны собственной персоны, когда он 17 января пробирался из Гродно в Варшаву; шведы их избивали с особым ожесточением потому, что те проявили себя наиболее стойкими бойцами и оказали им упорное сопротивление.

Петр узнал о случившемся только 26 февраля. Извещая об этом руководителя дипломатической службы России Федора Алексеевича Головина, царь иронизировал: «Все саксонское войско от Реншильда разорено и артиллерию всю потеряли. Ныне уже явна измена и робость саксонская (ибо 30 000 человек побеждены от 8000), так что конница, ни единого залпа не дав, побежала; пехоты более половины, киня ружье, отдались, и только

⁷⁰ Пиб. Т. 4. С. 53.

⁷¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Вып. 1. С. 465.

наших одних оставили (которых не чаю половины в живых)». «Саксонцы явились яко бездельники, – писал царь вице-адмиралу Крюйсу, – наших оставили одних, которые так пред светом славу заслужили, что против 12 000 6000 вяще 4 часоф по убегании саксонцоф стояли». ⁷²

Фрауштадтская катастрофа рассеяла у царя все сомнения о судьбе армии, находившейся в Гродно. 27 февраля Петр отправляет Огильви и Репнину тщательно разработанный план выхода армии из мышеловки. «По несчастливой баталии саксонской в Гродне делать уже нечего; немедленно выходить по которой дороге способнее и где ближе леса». С собою надлежало прихватить только полковую артиллерию, «сколько возможно», а тяжелые пушки утопить в Немане.

Выйдя из Гродно, двигаться несколькими удаленными друг от друга колоннами, «для избежания неприятельского нападения всею силою».

Главное условие выхода – соблюдение глубочайшей тайны. Надобно было «поставить караул такой крепкий, чтоб из жителей никто не мог не только вытти, даже выползть». Сколь глубоко царь вникал в суть дела, свидетельствует еще одна его рекомендация: выступать он велел с вечера, «чтобы ночью осталось больше времени для перехода».

Все внимание Петра в эти дни было нацелено на Гродно, его голову непрестанно сверлила мысль, как вывести войска без потерь, как избежать генерального сражения, которого так жаждал Карл XII. Прошло всего лишь два дня после отправки послания к Огильви и Репнину, как Петр сочиняет дополнение к нему. Если в первом царь был озабочен выходом войск из Гродно, то теперь речь шла о маршруте движения. «На Вильно идти невозможно, – размышлял царь, – там добрая часть шведов и едва не все поляки. Также и в Ковно не без опасения». Безопаснее всего, полагал Петр, двигаться на Слуцк – «там есть изрядная фортеция с доброю артиллериею и амуницею». Заслуживает внимания еще один совет царя: переход через Неман надо совершать тотчас («не мешкая») по вскрытии реки по заранее сооруженному мосту. Здесь Петр брал себе в союзники ледоход, который, как рассчитывал царь, помешает шведам быстро построить мост, что позволит русской армии оторваться от шведов, если те организуют преследование.

А каково отношению к этому плану Огильви? Саксонской армии не существовало, но он продолжал упорствовать и настаивать на своем плане. «Я читал ваше письмо от 2 марта, – доносил он царю. – Лучше бы простоять здесь целое лето. Впрочем, исполню вашу волю и отступлю к Бресту». Царь решительно настаивал на своем: «И не думайте оставаться в Гродно до лета». К тому времени шведы станут не слабее, а сильнее: они отдохнут, получают «под ноги корм» кавалерии, к армии Карла XII подойдут войска Реншильда и Левенгаупта.

Какова же роль Меншикова в этих событиях? 13 марта Петр покидает Минск, отправляется в Петербург и передает командование войсками, находившимися за пределами Гродно, Меншикову. С этого дня светлейший становится важнейшей фигурой в реализации гродненского маневра царя. Выход из Гродно был совершен без его участия – полки начали переправляться через Неман 23 марта, на следующий день они ночевали на противоположном берегу. Через два перехода, 27 марта, отступавшую армию настиг Меншиков. Теперь он стал полновластным хозяином положения. 28 марта Меншиков устроил смотр войскам.

Натянутые отношения между князем и Огильви перешли в открыто враждебные. Александр Данилович вел себя так, словно Огильви не был главнокомандующим. Князь рискнул даже задержать у себя донесения Огильви царю. К письму, отправленному из Бреста, Меншиков приложил цидулку: «При заключении сего письма я разсудил фельдмаршаловых писем до вашей милости не посылать – в них нужды никакой нет: писано плодисто об одном выходе из Гродно. Когда увижусь с вашею милостью, сам их вручу». ⁷³

⁷² ПиБ. Т. 4. Вып. 1. С. 109, 110, 129.

⁷³ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 475.

Такое своеволие мог себе позволить только царский фаворит, и то во времена, когда его фавор находился в зените.

Разработанный Петром план вывода войск из Гродно удался лучшим образом. Войска двинулись не к своим границам, не на восток, где их сторожил Карл XII, а на юго-запад, где шведы их не ждали. Достигнув Тикоцына, русская армия круто повернула на юг, к Брест-Литовскому. В него войска вступили через двенадцать дней пути. Только здесь находящимся практически в безопасности, изнуренным войскам был предоставлен первый дневной отдых. До этого они отдыхали лишь в ночные часы.

Что касается Карла XII, то он оказался в положении, предугаданном Петром. При сильном ледоходе шведский король убил ровно неделю на восстановление разрушенного льдом моста и, переправившись через него, начал погоню за отступавшей армией. Он тоже двинулся на юг, чтобы перерезать путь отступления, но, совершив лишь один дневной переход по пинским болотам, так утомил войска, что должен был отказаться от преследования.

В пинских болотах Карл XII простоял два месяца, в течение которых его армия безжалостно опустошала и без того бедный край. Это стояние на одном месте труднообъяснимо – видимо, король полагал, что русская армия в конце концов повернет на восток, двинется к Смоленску и тогда он ее настигнет и разгромит. Но русские войска продолжали движение на юг, к Киеву. Александр Данилович периодически отправлял с пути мажорные донесения царю.

5 апреля 1706 года из Бреста: «Все войска из Гродно благополучно вышли 24 марта... Я с ними соединился 27 марта в 7 милях от Гродно. Ренне стоит при Немане и стережет переправы. Какое намерение у неприятеля, мы еще не знаем. Поход отсюда будем править со всяким тщанием против вашего повеления».

17 апреля из местечка Колки на реке Стыри: «Армия идет благополучно. Фельдмаршал с правым крылом у Луцка; я здесь, при Колках: соединимся в Александрии. О неприятеле никаких слухов не имеем».⁷⁴

Весть о благополучном выходе армии из Гродно доставила царю немало радости. «Истину сказать, – делился Петр 29 апреля в письме с Меншиковым, – что сей ведомости вовсе здесь стали радосны. А да того хотя и в раю жили, однако всегда на сердце скребло». Петр сообщал о своем намерении в мае отправиться к армии. Поехал бы и раньше, «но дохтуры так определили, что по пускании крови жильной, которая вчерась отворена, две недели на месте принимать лекарство». Петр вновь вспоминает о тревожных днях своего пребывания в Орше и Минске: «Сам, ваша милость, видел, каково мне было, когда разлучены были от войск мы».⁷⁵

Пинские болота, вынудившие Карла XII отказаться от погони, выпали и на долю отступавшим русским полкам. Об огромном перенапряжении физических и нравственных сил воинов можно судить по численности больных и «отсталых», сведения о которых то и дело встречаются в донесениях генералов князю Меншикову.

В середине мая русская армия расположилась в Киеве. Уверенности в том, что Карл XII не появится у стен города, не было, и поэтому Александр Данилович на случай прихода неприятеля изыскивал возможности для сооружения дополнительных укреплений в Киеве. 12 мая он доносил царю о результатах своих поисков: «Сегодня ездил я круг здешняго города и около Печерского монастыря, и все места осмотрил. Точию не вем, как вашей милости понравится здешней город, а я в нем не обретаю никакой крепости. Что же Печерской монастырь, зело потребен, и трудов немного надобно к нему приложить, понеже

⁷⁴ Там же. С. 474, 475.

⁷⁵ ПиБ. Т. 4. Вып. 1. С. 231, 249.

город изрядный, каменной, немного не доделан, и хотя против старого маниру зачат, но однако ж мочно оной доброю фортецию учинить».⁷⁶

4 июля в Киев прибыл Петр. Осмотрев Печерский монастырь, царь одобрил выбор Меншиковым места под крепость. Здесь 15 августа Петр заложил фортецию, сооружавшуюся по его чертежам в течение десяти лет.

В сентябре был уволен с русской службы Огильви. Царь отставил его скорее всего по внушению Меншикова.

Нельзя не отдать должного распорядительности Меншикова – армия к тому времени находилась в превосходном состоянии. Вот каким представлялось ему самому русское войско в июле 1706 года: полки обретаются в добром состоянии, ибо «вся наша кавалерия ныне рекрутована, мундирована и добрыми лошадьми дополнена». Уверенность в успехе усиливало ожидаемое подкрепление в составе четырех полков, что в итоге доводило численность регулярной кавалерии до двадцати тысяч человек, не считая трех тысяч калмыков и четырех тысяч казаков. «А неприятель уже бывши в Полонном местечке, о нашем приходе уведав, то бег воспринял».⁷⁷

Скромностью это письмо Меншикова к П. П. Шафирову не отличалось. И тем не менее дальнейший ход событий подтвердил способность русской армии «добре» встретить неприятеля.

К повышению боевой выучки войск Меншиков имел прямое касательство. В июле он утвердил «Артикул краткий» – наставление для обучения драгун военному ремеслу. «Артикул» гласил, что все чины от генерала до рядового драгуна должны статьи «совершенно ведать и оные исполнять и от объявленных вин остерегаться». Каждый офицер обязан был «непрестанно читать» главы «Артикула» в ротах, «чтоб каждый, ведая за вины положенные казни, от всяких злых дел воздержался и свою должность честно и благопорядочно отправлял, как честному кавалеру надлежит».

Все двенадцать глав «Артикула краткого» главное внимание уделяют дисциплине и порядку в войсках. В частности, в них говорится и о поведении драгун на территории союзной Польши. «Артикул» требовал великодушия к мирному населению: «При отправлении воинской службы, яко при взятии городов и мест, старых и безоборонных людей, также не смелых женщин и детей при смертной казни пощадить» или: «Кто без именного указа вышних с резвости в неприятельской земле дома, гумна и прочее зажжет, живота лишен будет».

«Артикул» воспитывал чувство воинского долга, чести и патриотизма. За троекратно совершенное воровство виновный каждый раз подлежал телесному наказанию, а кто и после этого не уймется – «на виселице повешен быть имеет».

Убеждение сочеталось с суровыми наказаниями. За ослушание приказам офицеров – «живот отнят будет»; «кто к знамю присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен»; «в крепости никто б осмелился о сдаче говорить, но каждой должность свою до последней капли крови исполнял под потеряннем живота». Мысль о необходимости стоять насмерть при обороне крепости развивает следующая статья: «Оной, кто крепость без нужды сдаст, а крайняя нужда в провианте и амуниции его не застигла и хотя мнейший способ к обороне имеет, голову потеряет».

В отдельную главу сгруппированы статьи о прелюбодеяниях: «Никакой явной блудницы у войска ниже в гварнизоне, ниже в походе, ни в обозе не держать, но доносить и того часу чрез профоса выгнать». «Прелюбодеяние насильством конечно приносит собою смертную казнь».⁷⁸

⁷⁶ ПиБ. Т. 4. Вып. 2. С. 838.

⁷⁷ РГАДА, ф. 198, д. 1035, л. 3.

⁷⁸ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 2. С. 334–348.

«Артикул краткий» далек от совершенства, в нем мало сказано о порядке обучения войск и ведения ими боевых действий, он, бесспорно, уступает «Уставу воинскому» 1716 года. И это неудивительно: составитель «Устава воинского», а им был царь, воспользуется накопленным за десятилетие боевым опытом, проанализирует причины побед и поражений его армии. «Артикул краткий» был лишь первым шагом к знаменитому «Уставу воинскому».

Тем временем кавалерия Меншикова получает предписание царя двигаться в глубь Польши и совершить «диверзии». Русские войска должны были блюсти интересы польского короля, дабы, как писал царь, оказывать сопротивление намерению Карла XII «выгнать» того из Польши.

Корпусу Меншикова следовало действовать «против неприятеля наступательно». Впрочем, наступательный порыв князя царская инструкция тут же ограничивала: действия конницы должны были всего лишь «утеснить» неприятеля. Меншикову запрещалось вступать «в генеральную баталию без случая полезного, в чем не без опасения есть».

Осторожность Петра вполне объяснима: ни он сам, ни его генерал, поставленный во главе русских войск, понятия не имели ни о численности, ни о дислокации неприятеля. Даже от своего союзника Августа II Петр два месяца не получал сведений ни о месте его пребывания, ни о силах, которыми тот располагал.

Марш русских войск от Киева на запад оказался не из легких прежде всего из-за недостатка провианта и снаряжения. «О запасах милости вашей доношу, – писал Александр Данилович царю 24 июля, – что идем такими степями, что не токмо провианту збирать, но и воды взять негде». В другом донесении царю Меншиков писал о «великой нужде» его драгун в палатках: «понеже в таких степях не токмо шелашей делать не ис чего, но и дров на нужду взять негде». Драгуны изнурены и болеют изза того, «что беспрестанно на сонце пекутся».⁷⁹

В первые недели похода неприятель не беспокоил корпус Меншикова, и светлейший, по вызову царя, в начале августа вернулся в Киев, где произошло огромной важности событие в его личной жизни – 18 августа давние связи с Дарьей Михайловной Арсеньевой были закреплены брачными узами.

В переписке Меншикова с царем конца 1705 – начала 1706 годов встречаются загадочные слова. Петр писал: «Еще вас о едином прошу: ни для чего, только для Бога и души моей, держи свой пароль». Меншиков отвечал: «А что изволишь, ваша милость, меня подкреплять, чтоб мне пароль здержать, и о том не изволь, государь, сумневатца: истинно не преступляю твоего повеления». Петр остался удовлетворен ответом: «Что вы изволите пароль свой держать, за то зело благодарен».⁸⁰

О каком «пароле» шла здесь речь? Под «паролем» подразумевались взаимные обязательства царя и Меншикова: первый должен был жениться на Екатерине, второй – на Дарье Михайловне. С тех пор как была пышно отпразднована свадьба в Киеве, в письмах Петра исчезло требование к Меншикову блюсти «пароль». Сам царь, женившийся пятью годами позже, употреблял слово «пароль» в последний раз в 1711 году в ответе Меншикову на его поздравление по случаю помолвки с Екатериной: «Благодарствую вашей милости за поздравление о моем пароле».

Через неделю, 25 августа, новобрачные начали «свадебное путешествие» – их путь лежал к войскам, расположенным в Дубно, куда чета прибыла 3 сентября «в добром состоянии», о чем Меншиков известил царя и тут же дал команду корпусу двинуться в поход на Люблин. Здесь намечалось соединение русского корпуса с шеститысячным отрядом польско-саксонской конницы, возглавляемой Августом II. Встреча с королем состоялась 20 сентября и сопровождалась пиршествами, пушечной и ружейной пальбой. Меншиков

⁷⁹ Там же. С. 352, 353.

⁸⁰ ПиБ. Т. 3. С. 540, 1060.

доносил царю: «...королевское величество зело был рад и довольно с нами повеселился».

К этому времени Меншиков уже располагал сведениями о численности неприятельских войск: с основными силами шведский король отправился в Саксонию, а в Польше оставил восемь тысяч человек под командованием генерала Мардефельда, из коих половину составляла пехота, а другую – конница.

Первое соприкосновение с неприятелем могло состояться на берегу Вислы 23 сентября, но не состоялось. Александр Данилович доносил царю, что перед появлением его корпуса у берегов Вислы там находилось десять тысяч шведов и поляков, которые, «как слышали наш приход, вскоре паки за реку ушли». Меншиков продолжал марш на запад.

Осень с ее дождями и бездорожьем – не лучшее время для преследования противника, поэтому у князя были колебания: давать или не давать баталию неприятелю. В первых числах октября Меншиков, как явствует из его донесения царю, намеревался дать неприятелю сражение у Петрокова, но шведы и поляки, «не дождався нас, наскоро пошли от нас вдаль» и расположились у Калиша. Утомленные переходами войска князь намеревался разместить на зимних квартирах.

«Мы здесь будем стоять еще неделю, – писал он царю из Петрокова 7 октября, – и, буде неприятель своего дального от нас походу не оставит, то пойдем на зимовые квартиры, понеже время своих людей, также и лошадей нам покоить».⁸¹ Предполагалось, что русские полки будут зимовать во Львове, а войска Августа II – в Кракове.

11 октября до Меншикова дошло известие, что неприятель начал укреплять свой лагерь у Калиша. Меншиков меняет планы – он решает атаковать. Август II пытается всячески отговорить князя, но безуспешно. Александр Данилович, по словам хорошо осведомленного английского посла Витворта, заявил королю: «Совершив такой дальний поход и подойдя к неприятелю на милое расстояния, он решился не возвращаться, не посмотрев на него поближе».⁸²

Извещая царя о намерениях дать шведам сражение, Меншиков как бы между делом сообщил: «Здесь ведомость есть, что в Саксонии учинено перемирие на десять недель, о чем зело сомневаюсь, ради чего так учинено».⁸³ В этой приписке проявилась одна из черт характера князя, которую затруднительно выразить одним словом, – его непосредственность, излишняя доверчивость, неумение самого лгать, принятие лживых заверений собеседника, его внешней предупредительности за чистую монету. Эту свою наивную доверчивость он не мог преодолеть до конца дней своих, и она, как еще увидим, не раз его подводила. Ему и в голову не приходила мысль, что союзник России, ради интересов которого он вместе с корпусом находился в Польше, способен был на столь коварный шаг. Не вязались с этим любезность и предупредительность Августа: еще совсем недавно, 16 сентября, оба они, Меншиков и король, «изрядно веселились» по случаю соединения войск, и эта радость сопровождалась пушечной и ружейной пальбой. Свое расположение к царскому фавориту король выразил тем, что назначил его шефом одного из своих кирасирских полков, который отныне стал называться кирасирским полком князя Александра. Но, вопреки сомнениям доверчивого Меншикова, слух, о котором он получил известие, оказался более чем достоверным – Август изменил и заключил не десятидневное перемирие, а мир.

Как только Карл XII вторгся на территорию беззащитной Саксонии, дипломаты Августа вступили с завоевателями в тайные переговоры. Саксонский курфюрст, уже лишившийся польской короны, опасался, что Карл отнимет у него и трон в Дрездене. Чтобы сохранить его, он готов был совершить предательство.

⁸¹ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 2. С. 392, 393, 395.

⁸² Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 327.

⁸³ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 2. С. 395.

В те самые дни, когда в местечке Альтранштедт, что недалеко от Лейпцига, министры Августа II в непроницаемой тайне вели переговоры с представителями Карла XII, сам Август, рыдая, выпрашивал у Меншикова деньги. Князь доносил Петру: «Королевское величество зело скучает о деньках и со слезами наодине у меня просил, понеже так обнищал; пришло так, что есть нечего». Прижимистого Данилыча королевские слезы растрогали настолько, что он выдал Августу из собственных денег десять тысяч ефимков.

Петр одобрил поступок Меншикова. Хотя царь и знал, что Август постоянно попрошайничает и транжирит деньги на удовольствия, произведения искусства и многочисленных дам, он считал, что «ежели при таком злом случае постоянно король будет, то, чаю, надлежит ево во оных крепко обнадежить».⁸⁴

Эта игра поставила Августа в весьма затруднительное положение. С одной стороны, он уже санкционировал унижительный Альтранштедтский мир с Карлом XII, по которому он отрекался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрывая союз с Россией, и обязался выплачивать на содержание шведской армии колоссальную контрибуцию в 625 тысяч рейхсталеров в месяц. С другой стороны, под боком находилась русская армия во главе с Меншиковым, рвавшимся преследовать Мардефельда. Участие саксонцев в сражении на стороне русских могло вызвать взрыв гнева у мстительного Карла и далеко идущие последствия: король мог разорвать только что заключенный мир и в отместку начисто опустошить богатую Саксонию, а у ее курфюрста отнять корону. В то же время отказ Августа II от участия в сражении мог вызвать подозрение у Меншикова, и тогда возмездия за измену следовало ожидать со стороны русских.

Август II нашел, как ему казалось, самый безопасный выход из щекотливой ситуации. Он решил предупредить шведского генерала Мардефельда – чтобы тот, не дожидаясь нападения объединенных русско-польско-саксонских войск, убирался восвояси. Участвуя в походе, он лишил Меншикова повода для подозрений, а с другой стороны, рассчитывал, что его услуга будет по достоинству оценена и Карлом XII – это он, Август, предупредил Мардефельда о грозившей опасности.

Хитроумному плану курфюрста не суждено было осуществиться – совершенно неожиданно спутал все карты Мардефельд. Август II отправил в шведский лагерь парламентаря, и тот, улучив момент, когда остался наедине с Мардефельдом, передал ему письмо с предупреждением, чтобы тот спешно отступал на запад и не ввязывался в сражение. Предупреждение осталось без ответа. Август счел, что Мардефельд еще не осведомлен о тайных переговорах, завершившихся заключением мира, и поэтому спустя несколько дней повторил предупреждение. Как последний аргумент саксонский генерал, действовавший от имени Августа, сообщил, под честное слово, о заключенном договоре между саксонским курфюрстом и шведским королем. Мардефельд был предупрежден, что в его распоряжении оставалось два дня и две ночи, которыми он еще мог воспользоваться для отступления. Вопреки ожиданиям шведский генерал не прислушался к советам, посчитав их провокационными. Парламентеру он ответил, что не нуждается в советах врагов.⁸⁵

Мардефельд был по-своему прав. Противник, рассуждал шведский генерал, своими советами намеревается выманить его войска из лагеря, хорошо оборудованного, за три дня до подхода к нему союзных войск. Риск выхода из укрепленного лагеря велик: силы атаковавших превосходили его собственные. В распоряжении Мардефельда находилось четыре тысячи кавалерии, три тысячи пехоты и до двадцати тысяч поляков, державших сторону Станислава Лещинского. Меншиков располагал семнадцатью тысячами драгун и около пятнадцати тысяч кавалерии, находившейся в распоряжении Августа II. И хотя польский король нарочито медленно перестраивал свою конницу в боевые порядки,

⁸⁴ Пиб. Т. 4. Вып. 1. С. 426–427.

⁸⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 523.

предоставляя тем самым возможность Мардефельду использовать последний шанс для отступления, шведский полководец не воспользовался этим шансом. Он не рассчитывал оторваться от неприятеля. Уйти – значило заведомо отдать пехоту на растерзание русским драгунам.

Как ни пытался Август уклониться от сражения, оно все же состоялось 18 октября. По одним данным, началось оно в два часа дня, по другим – в четыре. На правом крыле боевого порядка стояли драгуны Меншикова, на левом – саксонская кавалерия Августа II. Фланги занимали поляки.

Первый этап сражения шел с переменным успехом, но после того как Меншиков распорядился спешить несколько эскадронов драгун, – наметился перевес. Битва продолжалась три часа и закончилась капитуляцией шведов, а на следующий день сдались в плен и поляки, засевшие в обозе. Драгуны Меншикова пленили 1800 шведов во главе с Мардефельдом и 86 офицерами, в то время как саксонцам удалось захватить лишь семерых неприятелей. Потери русских войск были небольшими: 84 убитыми и 324 ранеными.

Тщеславный Меншиков не удержался, чтобы не похвастаться победой перед английским послом Витвортом. В письме к нему он сообщает несколько иные сведения о численности неприятельской армии – в сражении участвовало восемь тысяч шведов, а поляков – двадцать четыре тысячи. «У меня, – писал князь послу, – было только 8000 драгун; в деле участвовал еще король польский с 4000 саксонцев. Поляки же, бывшие при его величестве, во время самой битвы оставались в бездействии вместе с нашими калмыками и казаками, но оказали большую помощь в преследовании разбитого неприятеля».⁸⁶

Победоносный исход сражения определили русские войска и энергичные действия Меншикова. В сражении он блеснул и полководческими дарованиями, и личной отвагой. Хотя он накануне и успокаивал супругу, находившуюся в обозе, что «в баталии сам не буду», но в критический момент сражения ринулся в пекло битвы и был легко ранен. Отвагу светлейшего признал даже Август. Он писал Петру после сражения у Калиша: «Я был вполне всем доволен, и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство».⁸⁷

Меншиков спешит уведомить Петра об успехе. «Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как со обеих сторон регулярно бились... И сею преславною щастливою викториєю вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Петр отвечал из Петербурга: курьер «неописанную привез нам радость о победе неприятельской, какой еще никогда не бывало», – и тут же добавил: «Уже сей третий день мы празднуем». Обрадованный приятной вестью, Петр садится за стол и «сочиняет» чертеж дорогой трости, украшенной алмазами, крупными изумрудами и гербом Меншикова. Тростью, стоившей 3064 рубля 15 алтын 4 деньги, царь одарил своего любимца.⁸⁸

День Калишской победы, 18 октября, был объявлен викториальным днем и ежегодно торжественно отмечался наравне с днями победы у Лесной, Полтавы и Гангута. Это было самое значительное событие первых шести лет Северной войны: ни в одном из предшествующих сражений не участвовало такое количество войск, ни одно из них не завершилось пленением неприятельского командующего. Наконец, ни в одном из полевых сражений предшествующего времени русские войска не проявили столь высоких боевых качеств, как под Калишем. Восстанавливалась репутация армии России. Шафиров по случаю

⁸⁶ Сб. РИО. Т. 39. С. 329.

⁸⁷ Сын Отечества. М., 1848. № 4. С. 3.

⁸⁸ ПИБ. Т. 4. Вып. 1. С. 437, 442; Вып. 2. С. 1196.

победы устроил в Москве званый обед. Английский и датский послы, доносил Шафиров царю, рассуждали, «что сия победа всех возбудит против шведа смелее поступать». ⁸⁹

Меншикову тоже рисовались радужные последствия одержанной победы. Ставленник шведов Станислав Лещинский, по мнению Александра Даниловича, «ныне вконец уничтожен и в первую силу никогда притить не может». Положение Августа II теперь упрочится. Поляки, находившиеся под гипнозом побед шведов, не верившие, что русские не только способны оказать им сопротивление, но и победить их, переходили на сторону Станислава из страха. После Калиша, рассуждал Меншиков, неприятель «первого своего куража лишен» и можно надеяться на переход польской шляхты и магнатов на сторону законного короля. ⁹⁰ В то время Меншиков еще не знал, что Август II отрекся от польской короны.

Калишской победе не суждено было стать поворотным пунктом в истории Северной войны – измена Августа расстроила все планы русского командования. Александр Данилович узнал о ней слишком поздно – новость стала его достоянием лишь в конце ноября 1706 года. «Уже ныне мы подлинную ведомость получили о мире, каков учинил тайно король Август с королем шведским, и имеем з договорных статей списки». Копию договора Меншиков «для подлинного уведомления» отправил своему корреспонденту Шафирову. ⁹¹

А вот признание самого царя, высказанное много лет спустя после событий: у него «и не было того в мысли, чтобы король Август о мире с королем шведским так безчестное намерение имел». ⁹² Королевские клятвы в верности настолько усыпили бдительность Меншикова, что он не придал никакого значения слухам, носившимся в его ставке за неделю до сражения.

Участие саксонских войск в разгроме шведов как бы замыкало цепь предательских поступков Августа. Как объяснить этот факт шведскому королю, всегда неприязненно отзывавшемуся о его моральных качествах? Карл, разумеется, лучше, чем кто бы то ни было, знал о низкой боеспособности саксонских войск, терпевших непрерывные поражения от шведов. Знал он также и о том, что роль саксонцев в победе была ничтожной. Но поверит ли Карл, что саксонцы были невольными участниками сражения? Что могло искупить вину перед новым хозяином?

Новый хозяин действительно пребывал в гневе. После получения известия о понесенном Мардефельдом поражении шведский король объявил эмиссарам Августа II, участвовавшим в переговорах: если Август действовал преднамеренно, то он, Карл XII, немедленно возобновит военные действия. Подозрительность Карла XII Август рассеял еще одним предательством по отношению к России.

За победу у Калиша он отслужил благодарственный молебен в Варшаве, подарил Меншикову Оршу в Литве и Полонное на Волыни (чем еще более расположил его к себе) и в то же время настойчиво просил передать ему оказавшихся в плену шведских генералов, офицеров и рядовых. Меншиков долго не поддавался уговорам, но, когда Август пригрозил разрывом союза с Россией, в конце концов уступил. Взамен полученных пленных Август дал Меншикову письменное обязательство обменять их в течение трех месяцев на русских офицеров, томившихся в шведском плену еще со времен первой Нарвы. Меншиков заручился также обязательством Мардефельда вернуться в русский плен в том случае, если

⁸⁹ Постепенное развитие. Вып. 1. Кн. 2. С. 409.

⁹⁰ РГАДА, ф. 198, д. 1035, л. 22–24.

⁹¹ Там же, л. 26.

⁹² Журнал, или Поденная записка Петра Великого (далее: Журнал, или Поденная записка). СПб., 1770. Ч. 1. С. 134.

обмен не состоится.

Хитрец на троне обманул – ни о каком обмене пленных он не помышлял, вырученное из беды шведское воинство было передано Карлу XII, чтобы смягчить его гнев. Обманул и Мардефельд. Шесть месяцев спустя после освобождения Мардефельда Меншиков отправляет ему письмо с напоминанием о необходимости выполнить «кавалерский пароль», то есть возвратиться в плен, что его поступок противен «всенародным нравам и обычаям» и является «бесчестным». Шведский генерал предпочел не отвечать.⁹³

Русские войска отошли к местечку Жолква, что в двадцати пяти верстах севернее Львова, где и расположились на зимних квартирах. Меншиков настоятельно приглашал туда царя. 28 ноября он писал ему: «Сомневаться, что король нас оставил, ты не изволь: можно выбрать и другого короля».⁹⁴

Получив это письмо на пути в Москву, царь тут же изменил маршрут – круто повернул на юг и в последних числах декабря прибыл в Жолкву. Здесь он пытался подобрать кандидатуру на «вакантную должность» польского короля, но успеха не имел. Тем не менее Жолква вошла в историю Северной войны. Именем этого западноукраинского местечка был назван стратегический план последующих военных действий. Суть его состояла в том, чтобы в случае движения шведов на восток уклоняться от генерального сражения на территории Польши, но, отступая, непрестанно «томить» неприятеля нападениями мелких отрядов, уничтожать запасы продовольствия и фуража; препятствовать переправам.

В начале 1708 года шведскую армию, хорошо отдохнувшую и экипированную в Саксонии, а также пополненную рекрутами, Карл двинул в поход на Россию.

МАТЬ ПОЛТАВСКОЙ ВИКТОРИИ

Год 1708-й был для России самым тяжелым за всю историю изнурительной войны. Пока армия Карла XII набиралась сил в Саксонии, грабя ее население и изымая колоссальную контрибуцию, русские войска считали себя в большей или меньшей безопасности. Саксонский генерал Матиас Иоганн Шуленбург, наблюдавший состояние шведской армии после ее вторжения в Саксонию, записал: «Шестилетние походы в Дании, Эстляндии, Лифляндии, Польше так истомили шведское войско, что Карл мог привести в Саксонию не более 22 тысяч человек, измученных, оборванных, без обозов». За год с небольшим пребывания в Саксонии шведская армия преобразилась. «Все части шведского войска, – сообщал Шуленбург, – как пехотные, так и конные, были прекрасны. Каждый солдат хорошо одет и прекрасно вооружен. Пехота поражала порядком, дисциплиной и набожностью. Хотя состояла она из разных наций, но дезертиры были в ней неизвестны».⁹⁵

Карлу удалось не только экипировать и вооружить свою армию, но и пополнить ее личным составом отчасти за счет рекрутов, прибывших из Швеции и Померании, отчасти за счет наемников, набранных в Саксонии, Силезии, Баварии и других странах. Главная армия короля, оставившая в середине сентября 1707 года Саксонию и вступившая на территорию Речи Посполитой, чтобы двигаться на восток, насчитывала не менее 44 тысяч человек. К ним следует добавить корпуса генералов Левенгаупта в Лифляндии и Любекера в Финляндии.

Сухопутные войска России тоже были разбиты на три группы. Основным силам Карла XII, которыми командовал он сам, противостояла главная армия под началом Б. П.

⁹³ Картина жизни и великих деяний кн. А.Д. Меншикова. М., 1809. С. 42, 43.

⁹⁴ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 532.

⁹⁵ Клокман Ю.Р. Неизданный том «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова // Полтава. М., 1959. С. 315, 316.

Шереметева общей численностью в 57,5 тысячи человек. Противодействовать Левенгаупту, корпус которого насчитывал 16 тысяч и стоял в Риге, должен был примерно такой же численности корпус генерала Боура, располагавшийся между Дерптом и Псковом. В Финляндии, где дислоцировался пятнадцатитысячный корпус Любекера, русские держали Ингерманландский корпус Ф. М. Апраксина: 20 тысяч пехоты и 4,5 – кавалерии.⁹⁶

На исходе зимы, как доносила молва, Карл XII находился в Сморгони. Петр совершенно справедливо считал: если «до десятого марта неприятель не тронется, то уже, конечно, до июня не будет». Расчет был прост и опирался на практику ведения войн тех времен: в весенние месяцы начиналось половодье, а вместе с ним и бездорожье, что исключало возможность передвижения войск.

Петр и его генералитет понимали меру опасности, нависшей над страной. Опасность эта усугублялась двумя обстоятельствами. Первое – после Альтранштедтского мира Россия одна противостояла победоносной армии шведского короля; другое – связано с социальным кризисом внутри страны: тяготы войны привели к восстанию донских казаков, подавление которого требовало оттока сил с театра военных действий.

О напряженности, царившей в правящих кругах России, сохранилось множество свидетельств. Петр лихорадочно искал путей к миру. Известно, однако, что все попытки к перемирию успеха не имели. Принимаются срочные меры – строятся оборонительные сооружения на западной границе России и в столице; царский указ срочно повелевал отремонтировать стены Кремля и Китай-города и расположить на них пушки. Ремонтные работы велись и на Земляном валу. Английский посол Чарльз Витворт, лично наблюдавший эти работы, доносил 10 марта в Лондон: «Укрепления вокруг Москвы возводятся с прежним усердием, но, так как они возводятся в морозы, сам старший их инженер опасается, как бы большая часть не обрушилась при оттепели, обыкновенно наступающей здесь в начале апреля. Когда работа окончится, верки снабжены будут сильной артиллерией разного калибра; на валы и бастионы предположено поставить около двух тысяч орудий [...] Несколько сот чугунных орудий и мортир недавно привезено еще из Сибири».

Внимание всех было приковано к театру войны. Меншиков ни на день не отлучался от войска, он – непереманный участник всех военных советов. Таких «консилиев», как называли в то время военные советы, за 1708 год было не менее двадцати двух.⁹⁷ Он же, командуя всей русской кавалерией, внес немалый вклад в осуществление Жолкиевского плана изнурения противника.

Какие цели преследовал Карл XII, вторгаясь в пределы России?

Общеизвестна склонность шведского короля изрекать истины, наваянные ему «Божественным промыслом». Истины не подлежали обсуждению и для того и изрекались, чтобы окружающие безропотно претворяли их в жизнь. Об этой королевской особенности рассказал современник событий генерал-адъютант Карла XII Габриэль Отто Канефер, который «всегда во всех походах у шведского короля был передовым, и великий наездник, и о польских всех дорогах совершенный сведомец, и в королевской великой милости был, и командовал многаяжды за генерала-маера». Военная карьера Канефера оборвалась в начале августа 1708 года. Отправленная Меншиковым «партия» благополучно преодолела Днепр и совершила дерзкий налет на Смоленичи, где наряду с прочими пятьюдесятью шведами пленила и генерал-адъютанта. Находясь в плену, Канефер охотно поделился своей осведомленностью и сообщил ценные сведения о состоянии шведской армии и о порядке в королевской ставке: «О королевском намерении ничего он подлинно не ведает, для того что король ни с первыми генералами, ни с министрами о том не советует, а делает все собою и

⁹⁶ Мышлаевский А.З. Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный сборник. СПб., 1901. № 10. С. 3.

⁹⁷ Подъяпольская Е.П. Военные советы 1708–1709 гг. // Полтава. М., 1959. С. 114; Сб. РИО. СПб., 1884. 39. С. 464.

генералу квартирмистру повелит, о всех дорогах разведав, учинить и подавать росписи себе, когда намерение восприимет, куды идти [...] А консилиума он ни с генералами, ни с министрами никогда не имеет, а думает он все один, только в разговорах выпрашивает и выслушивает, кто что говорит».⁹⁸

И все же сохранившиеся документы позволяют понять, как мыслили себе завершение войны с Россией Карл XII и его министры. Тайный секретарь Карла XII Цедергельм в беседе с австрийским посланником при главной квартире шведской армии Францем-Людвигом фон Цинцендорфом заявлял еще 10 февраля 1707 года, когда шведская армия находилась в Саксонии: «Лотя война с королем Августом и закончена, но предстоит еще война с Москвой, которая должна быть тотчас же с особенной силой направлена в сердце Московии и таким образом скоро и выгодно приведена к окончанию. В силу этого его король собирает теперь армию такой силы, какую еще ни один из его предков не выводил на поле брани, считаясь с тем, что расстояние не допустит так скоро новой мобилизации. Кроме того, король хочет компенсировать себя при помощи Москвы за все понесенные в этой войне убытки».⁹⁹

Цедергельму вторил премьер-министр Пипер. 24 февраля он признавался Цинцендорфу: «Нигде не может быть заключен мир выгоднее и надежнее, как только в самой Москве».¹⁰⁰

В благоприятном для Швеции исходе вторжения в Россию не сомневался никто, начиная от короля и его министров и кончая последним солдатом. Овеянная славой многочисленных побед, шведская армия, по их представлению, должна была совершить легкую прогулку и разделаться с русскими с таким же успехом, как с датчанами, поляками и саксонцами. «Шведская армия, – записал оказавшийся в русском плену шведский лейтенант Ф. К. Вейе, – к 1708 году приобрела такую славу, что никто не сомневался, что, победивши датского, польского и шлезвигского противника, эта армия вскоре победит Москву, тем более что король к своей главной армии решил присоединить и ту армию, которая стояла в Лифляндии под командованием генерала Левенгаупта. Все считали поход таким выгодным, что каждый, кто только имел искру честолюбия, хотел принять в нем участие, полагая, что теперь настал удачный момент получить почести и богатства. Я был такого же мнения».¹⁰¹ Король, еще будучи в Саксонии, назначил генерала Акселя Спарра московским губернатором.

Все эти грозные замыслы могли осуществиться не ранее лета 1708 года. Пока же на театре военных действий наступило затишье, шведы не двинулись с места, и царь 11 марта счел возможным отправиться в Петербург. В канун отъезда состоялся знаменитый военный совет в Бешенковичах, обсудивший план ведения кампании на случай, если в отсутствие царя шведы все же предпримут наступательные действия.

Предметом обсуждения был план, по поручению царя составленный Меншиковым. Он интересен прежде всего как документ, позволяющий судить о полководческих дарованиях светлейшего, его способности ориентироваться в сложившейся обстановке и предвидеть ход военных действий в более или менее отдаленной перспективе.

Александр Данилович в своем плане «Како поступать против неприятеля при сих обстоятельствах» допускал передвижение неприятеля в любом направлении. Но куда бы ни

⁹⁸ ТРВИО. СПб., 1909. Т. 1. С. 147; Стилле А. Операционные планы Карла XII в 1707–1709 гг. // Журнал РВИО. СПб., 1910. Кн. 4. С. 3–11.

⁹⁹ Шутой В.Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М., 1958. С. 209.

¹⁰⁰ Там же. С. 210.

¹⁰¹ Кордт В. Бої під Лісним і під Полтавою зашеденником шведського лейтенанта Ф. Вейе // Українська Академія наук. Записки исторично-філологічного відділу. Київ, 1931. Кн. 24. С. 215.

шли шведы – на Смоленск и Москву, в Ингерманландию или на Украину, – русские войска должны были придерживаться единого плана: главной армии надлежало двигаться впереди неприятеля, производя опустошение местности; кавалерийским частям – находиться в тылу шведов, наносить удары на переправах и уничтожать мелкие отряды. Иррегулярная конница – казаки и калмыки – должна была сопровождать шведов на флангах.

Если же неприятель, паче чаяния, откажется от намерения вторгнуться в Россию и захочет возвратиться в Силезию, то главная нагрузка ложилась на плечи драгун – эти маневренные части должны были держать шведов в постоянном напряжении и изматывать их. Пехоту Шереметева намечалось направить против Левенгаупта, с тем чтобы, загнав его в Ригу, осадой принудить к капитуляции. Петр брал на себя командование Ингерманландским корпусом, которому надлежало овладеть Выборгом.

План Меншикова, по отзыву военного историка прошлого века А. З. Мышлаевского, обнаруживает в его авторе незаурядные способности мыслить широко, с учетом всей сложности обстановки. Вместе с тем он имел и изъян, без труда обнаруженный его критиками. Главный из них – фельдмаршал Б. П. Шереметев – полагал, что раздвоение сил армии чревато серьезными опасностями. Раздельно действующие пехота и конница не могли оказывать друг другу помощи, ибо между ними находились шведы; конницу трудно было обеспечить провиантом и фуражом. В самом деле, ей надлежало двигаться по дважды опустошенной местности: сначала ее «оголаживала» отступавшая впереди шведских войск русская пехота, а все, оставшееся после нее, изымали у населения шведы. Шереметев задавал резонный вопрос: как может конница «по тем пустым и разоренным местам путь свой править»?¹⁰²

Окончательные «пункты», утвержденные царем перед отъездом в Петербург, учитывали еще и возможность продвижения главных сил шведов к Левенгаупту или Левенгаупта – к королю. В том и другом случае русские войска должны были препятствовать объединению неприятельских сил, разбивать их по частям. Но «пункты» царя словно отрицали движение неприятеля на Украину и на восток – к Москве.

Итак, ставка в войне была крайне высокой. Речь шла не о частичных уступках, а об утрате целостности Российского государства. Именно это обстоятельство, независимо от того, в каком направлении двинутся шведы, вынуждало царя непреклонно претворять в жизнь суровые условия Жолквиевского плана и приносить в жертву ему жизненные интересы населения.

Петр внимательно следил за выполнением плана. В указе генерал-майору Николаю Инфлянту 9 августа 1708 года он повелевал: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда итить у оной перед и везде провиант и фураж, також хлеб стоячей на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов), польской и свой, жечь не жалея и строенья перед оным и по бокам такоже мосты портить, леса зарубать, и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара. «Тажо и то сказать везде, – продолжал царь, – ежели хто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет».

Меншиков извещал Петра 13 августа, что он дал команду генерал-майору Волконскому, чтобы находившиеся в его подчинении донские казаки и калмыки «неприятеля спереди и з боков, где будет мочно, по случаю шкодили, не давая нигде ему покою».

В другом указе царь велел хлеб, не вывезенный в Смоленск, «прятать в ямы», а «мельницы, и жерновы, и снасти вывезть все и закопать в землю или затопить где в глубокой воде или разбить».

Когда в конце сентября стало известно, что неприятель двинулся на Украину, шляхте и крестьянам велено было объявить, «чтоб приходили из лесов и жили по-прежнему в домах

¹⁰² Мышлаевский А.З. Указ. соч. // Военный сборник. СПб., 1901. № 10. С. 17–25.

своих». Впрочем, хлеб из ям вынимать не следовало.¹⁰³

Долго ждать результатов Жолквиевской стратегии не пришлось. Показания русских и иностранных современников единодушны в ее оценке.

Первые сообщения о трудностях, испытываемых шведами во время похода, относятся к весне 1708 года. Меншиков, находясь в Могилеве, сообщал Гавриилу Ивановичу Головкину, сменившему Ф. А. Головина во главе Посольского ведомства: «Превеликий у неприятеля голод, понеже уже и солому с немалым трудом сыскивают». В другом письме он сообщал о недостатке у шведов фуража. Добывая его, они «мучат, вешают и жгут мужиков [...] дабы ямы хлебные показывали».¹⁰⁴

К Меншикову стекались сведения – конные партии чинили урон шведским арьергардам и препятствовали изъятию продовольствия у населения. Григорий Волконский доносил светлейшему, «что у неприятеля в войске голод великой». Генералмайор Николай Инфлянт 30 августа: неприятели «по фураж по сторонам не посылают, только ездят промеж полков для того, что от моих людей бывают им частые тревоги; и дорогою палых лошадей лежит много, такожде и больных шведских солдат, и хлопцов в деревнях покидают многих». Путь шведов был усеян трупами умерших от голода и болезней. «Вашей же светлости доношу, – писал Инфлянт неделю спустя, – которым трактом шел швед – и тем трактом везде пометано больных живых многое число, такожде и мертвых пометано многое ж число».

Шведам стало не легче и в сентябре. Захваченный в плен купец, обеспечивавший шведов продовольствием, показал, что он был очевидцем сцены, когда «рядовые солдаты х королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут, чтоб король во гнев не поставил, ежели когда от него уйдут. Король же их утешал, дабы еще четыре недели потерпели, и тогда им в провианте никакого оскудения не будет, но в Москве все в ызlishке найдут».

Слухи об испытываемом шведами голоде докатились до Варшавы. Французскому посланнику при дворе Станислава Лещинского стало известно, что «начинает чувствоваться недостаток в съестных припасах, в особенности в вине, в водке и пиве, а хлеб имеется только на случай крайней необходимости; недостаток продовольствия становится ощутительным главным образом потому, что не только ничего нельзя найти в квартирном районе, но и удаляться от него опасно, благодаря неприятельским разъездам».

В дневниковых записях с 1 по 17 сентября 1708 года анонимный автор, хорошо осведомленный о положении дел с продовольствием, отмечал: «Голод в армии растет с каждым днем; о хлебе больше уже не имеют понятия, войско кормится только кашей, вина нет ни в погребах, ни за столом короля [...] Трудно даже выразить словами то, что приходится испытывать в настоящее время, но все это пустяк по сравнению с тем, что предстоит еще испытать в будущем». Витворт тоже сообщал в Лондон в середине сентября, что «шведы терпят сильный недостаток в провианте, два раза вместо хлеба пришлось раздавать солдатам капусту и репу. Такой недостаток в пище и постоянное утомление вызвали кровавый понос в тревожных размерах».¹⁰⁵

Трудности в продовольствии, испытываемые шведами, были следствием не только Жолквиевского плана русского командования и враждебного отношения населения к оккупантам, но и тактики, исповедуемой королем. Сторонник стремительных маршей, король был против обозов, сковывавших маневренность армии. Он не держал при себе даже личного обоза. «Король одевается как простой драгун, – свидетельствовал генерал

¹⁰³ ПиБ. М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 72, 73; М., 1951. Вып. 2. С. 559, 508.

¹⁰⁴ Северная война: Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892. Вып. 1. С. 18, 20.

¹⁰⁵ ТРВИО. СПб., 1909. Т. 1. С. 229–231; см. также: с. 67, 78, 79, 225; ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 633, 634; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 55, 56.

Шуленбург, – и так же просто обедает». ¹⁰⁶ В Польше и Саксонии король обеспечивал армию, реквизируя продовольствие и фураж у населения, в России ему это не удавалось.

Обстановка вынуждала Меншикова трудиться с полным напряжением сил: русская армия отступала. Она то отбивалась от наседавших шведов, то сама нападала на них.

Мелкие стычки, которым не было числа, иногда перемежались сражениями с участием сотен и даже тысяч солдат. В 1708 году было три сражения, оставивших заметный след в войне: под Головчином, у села Доброго и у деревни Лесной. Их могло быть значительно больше, но у противостоявших друг другу армий были диаметрально противоположные задачи: шведы лихорадочно искали генеральной баталии, чтобы одним ударом победоносно завершить войну; русские, зная мощь шведов, столь же лихорадочно избегали генерального сражения, уклонялись от поединка, могущего привести государство на край гибели. Петр и его генералы еще хорошо помнили первую Нарву, считались и с блистательными победами, одержанными Карлом XII в сражениях с саксонскими войсками. Гипноз непобедимости шведов был настолько велик, что русское командование, не будучи уверенным в успешном исходе крупных операций, предпочитало неукоснительно держаться Жолкиевской стратегии и отступать.

Обычно хорошо осведомленный о том, что творилось не только при царском дворе, но и на театре военных действий, Чарльз Витворт в марте 1708 года в донесении своему правительству давал весьма нелестную характеристику действиям отступавшей кавалерии Меншикова, будто бы «бегущих от небольшого отряда шведов и валахов с поспешностью разбитой армии. Вообще полагают, – продолжал Витворт, – что паника овладела кавалерией и что вся она устремилась к границе, не останавливаясь, не приблизившись к неприятелю хотя бы насколько нужно, чтобы убедиться в его силе и положении». ¹⁰⁷

Витворт сгустил краски. В донесении бесспорным может быть признан лишь тот факт, что хорошо вымуштрованному неприятелю действительно противостояла армия, только несколько лет назад начавшая овладевать военным ремеслом, что значительная часть этой армии еще не была обстреляна в огне сражений. Но Витворт сгустил краски еще и потому, что и сам он, и лица, рассказывавшие ему о событиях на фронте, продолжали находиться под впечатлением нарвской катастрофы и под влиянием шведского командования, продолжавшего пренебрежительно отзываться о боеспособности русских войск.

То, что эту боеспособность надо было совершенствовать, подтвердило Головчинское сражение. Инициатива сражения исходила от шведского короля. Кстати, это была последняя в Северной войне операция, навязанная им русскому командованию, и последний успех, правда весьма скромный, достигнутый шведами.

В ночь со 2 на 3 июля 1708 года шведские войска, ведомые самим королем, совершили нападение на дивизию генерала Никиты Ивановича Репнина, расположившуюся на берегу реки Бабич. В русском лагере полагали, что форсировать ее можно было только в одном месте, где берег с обеих сторон был возвышенным. Именно там и была сосредоточена и русская, и шведская артиллерия. Что касается остальной местности, то, коль скоро сочли ее непроходимой, об укреплении и не позаботились.

Случилось, однако, неожиданное: под покровом темноты шведы бесшумно, вне досягаемости русской артиллерии, почти беспрепятственно форсировали реку Бабич. По приказанию короля они не отвечали на ружейные выстрелы русских и, увязая по грудь в топком русле реки, поднимая ружья и патроны над головой, упорно двигались к берегу. Шведам удалось отрезать пехотные полки Репнина от стоявшей невдалеке конницы генерала Гольца и не только закрепиться на берегу, но и принудить Репнина к отступлению. Русская пехота часа три-четыре оказывала ожесточенное сопротивление, но вынуждена была

¹⁰⁶ Клокман Ю.Р. Указ. соч. С. 314.

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 39. С. 461.

оставить неприятелю поле боя и десять пушек.

4 июля Шереметев, Меншиков, Головкин и Долгорукий отправили царю донесение. Оно было составлено, видимо, Шафировым, да так ловко, что из его содержания Петр сделал однозначный вывод – русским войскам сопутствовал успех. Такой вывод вытекал из заключительных фраз донесения: «...имеем о неприятеле ведомость, что вдвое больше нашего потерял и много генералов и знатных офицеров побито у него. И за помощью Вышнего, кроме уступления места, неприятелю из сей баталии утехи мало». ¹⁰⁸

Столь же искусно была составлена реляция. В ней тоже царя радовали известием, что дивизии Репнина и Гольца «неприятелю жестокий отпор дали», что тот понес значительные потери, в том числе «многими знатными офицерами», что наша конница «неприятеля многократно с места сбивала», а дивизии отступили с поля боя только потому, что его не было никакого резона удерживать, причем отступление произвели организованно, по повелению фельдмаршала.

Впрочем, при желании царь мог бы обнаружить в донесении некоторые несуразности, например сведения о потерях: «А сколько с нашей стороны пехоты и конницы побито и ранено, того подлинно донести еще не можем, понеже не осмотрелись. Однако ж, – продолжали авторы донесения, – имеем о неприятеле ведомость, что вдвое больше нашего потерял». При чтении этих строк у Петра должен был сразу возникнуть вопрос: как могло случиться, что наши войска, уйдя с поля боя, ничего толком не знали о своих потерях, но уверяли, что неприятель потерял в два раза больше.

Петр, однако, оставил без внимания недомолвки и противоречия и ответил Шереметеву посланием мажорной тональности: «Письмо ваше, от Головчинина писанное, я здесь получил, на которое ответствовать иного не имею, только дай Боже вам помощь над гордым сим неприятелем, а я всем сердцем к вам быть рад и спешу, сколько силы моей есть [...] В протчем паки прошу Господа Бога, дабы меня сподобил к сему вашему пиршеству и всех бы вас видеть в радости здоровых».

Так рассуждал царь 5 июля 1708 года, находясь в пути между Великими Луками и Смоленском. Не изменил он своей оценки Головчинского дела и два дня спустя – 7 июля он писал Ф. М. Апраксину: «Однако ж я зело благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от всей ево армии одна наша треть так выдержала и отошла».

В Горки Петр прибыл 9 июля и тут же стал выяснять подробности сражения. Они его разочаровали – события, как оказалось, развернулись совсем не так, как это было изображено в реляции: с крупными промахами действовали оба генерала – Гольц и Репнин. Вместо наград виновников ждал «кригсрехт» – военный суд. В указах Шереметеву и Меншикову, назначенным соответственно председателями судов над Гольцем и Репниным, царь формулировал степень виновности каждого из них. Некоторые полки Гольца «знамя и несколько пушек потеряли, иные не хотели к неприятелю ближе ехать, иные в комфузию пришли». Примерно такую же оплошность допустила и пехота Репнина: «Многие полки пришли в комфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдацким боем». Шереметеву и Меншикову надлежало «не маня никому» и «со всякою правдою» расследовать случившееся. ¹⁰⁹

Началось следствие. Поражает благородство Репнина – всю вину он взял на себя, не было ни одной попытки переложить ее на плечи своих подчиненных.

Следствие, возглавляемое Меншиковым, установило, по крайней мере, четыре упущения Репнина. Он неразумно занял невыгодную для обороны позицию – клочок земли длиной в семьсот сажень, а шириной и того менее. В результате, как признал сам князь, он

¹⁰⁸ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 442.

¹⁰⁹ ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 15, 16, 28.

не мог развернуть на таком малом клочке земли имевшиеся у него батальоны. Другой просчет Репнина состоял в том, что он, прибыв на место дислокации 30 июня, тотчас не приступил к возведению оборонительных сооружений. Ко времени атаки шведов окопы были вырыты всегонавсего на глубину колена.

Репнина, далее, обвинили в беспечности, которую, кстати, невозможно объяснить: он никак не отозвался на сведения, полученные от шведского перебежчика. Тот сообщил о готовящейся атаке на позиции Репнина. Князь не только не предпринял срочных мер к ее отражению, но и не предупредил об этом подчиненных. Наконец, Репнин не выработал диспозицию на случай отступления.

А события в русском лагере, как их прояснило следствие, протекали так: увидев переправляющихся шведов, Репнин отправил одного за другим несколько нарочных к Шереметеву и Гольцу с просьбой о подмоге. Гольц пообещал оказать «сикурс», но когда нарочный прибыл с этим известием к ретраншементам (укреплениям), ранее занимаемым полками Репнина, то обнаружил, что ими уже овладели шведы.

Что касается Шереметева, то медлительный фельдмаршал, получив призыв о помощи, пребывал в раздумье: с одной стороны, надлежало оказать помощь терпящему бедствие Репнину, а с другой – на виду у него маячили шведы, демонстрируя, как выяснилось позже, ложное намерение напасть на его пехоту.

Терзаемый сомнениями Борис Петрович оставался в бездействии, теряя драгоценные минуты, так дорого стоившие дивизии Репнина. Просьбы прибывших от Репнина нарочных он оставил без ответа. Тогда светлейший сам во главе драгунского полка отправился помогать Репнину, но опоздал.¹¹⁰

К лесу, что находился в тылу русских войск, потянулись группы солдат. В приговоре кригсрехта было сказано, что «никто не ведал, куда уступить в лесу», «люди разбежались – оставив на поле боя десять пушек». Если бы неприятель продолжал наступление, то мог бы, по мнению кригсрехта, разгромить «всю дивизию».

Из сказанного вовсе не следует, что нападение шведов на русский лагерь было равнозначно увеселительной прогулке и что им с легкостью необычайной удалось прогнать с поля боя дивизию Репнина. Сражение, как явствует из потерь, понесенных обеими сторонами, носило упорный и ожесточенный характер: у русских было 350 убитых, 675 раненых и 630 пленных; потери шведов составляли 255 убитых и 1219 раненых.

Кригсрехт тем не менее вынес Репнину суровый приговор: обвиняемый, сказано в нем, «достоин быть жития лишен», но, учитывая, что преступления он совершил «не к злости, но из недознания», суд счел возможным заменить смертную казнь лишением чина и должности, а также взысканием денег за оставленные на поле боя пушки и снаряжение. 5 августа 1708 года царь утвердил этот приговор: генерал Репнин стал рядовым солдатом.

Чем объяснить столь суровую меру наказания Репнина? Счел же царь возможным причастного к «комфузии» у Головчина генерала Гольца лишить только должности и ордена Андрея Первозванного, сохранив ему воинское звание.

Вопрос правомерен, тем более что известно благожелательное отношение царя к Никите Ивановичу. Случившемуся может быть дано лишь одно объяснение: Репнин стал, если так можно выразиться, жертвой воспитательных мер царя: всякое нарушение долга, проявление беспечности, пренебрежение к дисциплине должны были, в назидание прочим генералам и офицерам, строго наказываться. Репнин и стал генералом, на примере которого царь пытался внушить всему офицерскому корпусу чувство ответственности за судьбу сражения.

Должно отметить, что поведение Репнина на поле боя было отнюдь не безупречным: он проявил растерянность. В разгар сражения им послана полковнику Головину записка: «Что мне делать, коли мочи моей нет, и меня не слушаются, и коли гнев Божий на нас»; а когда

¹¹⁰ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 48.

подполковник фон Зибер в отчаянии кричал ему: «Что делать?» – потерявший голос Репнин мог только в бессилии указать на свое горло.

Служба Репнина рядовым продолжалась недолго, он сумел реабилитировать себя два месяца спустя, в битве при Лесной; царь восстановил его в воинском звании. Свидетельствует современник Борис Иванович Куракин: «Репнин при баталии под Лесным показал дело свое мужественно, командуя один полк драгунский, и старой свой ранг тем достал». ¹¹¹

30 августа под селом Добрым на речке Белой Напе произошла еще одна битва, которой удалось сгладить неприятный осадок, оставленный Головчинским сражением. Шведам был нанесен значительный урон. Решение самим напасть на неприятеля было принято военным советом накануне, 29 августа. На нем присутствовал и Меншиков.

Русское командование воспользовалось тем же приемом внезапности, к которому прибегли шведы под Головчином. Шесть батальонов русской пехоты под командованием князя Михаила Михайловича Голицына ночью переправились через речку Белая Напа и в семь утра напали на позицию генерала Розена (К.-Г. Рооса). Этот генерал совершил те же ошибки, что и Репнин под Головчином, расположив четыре пехотные и один кавалерийский полк в крайней тесноте, не позаботился о возведении укреплений.

Пренебрежение к боевой сноровке русских дорого обошлось шведам. Ворвавшись в шведский лагерь, наши солдаты за два часа сражения уложили три тысячи неприятелей и захватили трофеи. Победа была полной, она могла бы завершиться поголовным истреблением противника, если бы болото не помешало драгунам преследовать бежавших шведов.

Петр, конечно же, радовался победе, но особую гордость он испытывал, когда вспоминал, что она была достигнута в регулярном бою. «Надежно вашей милости пишу, – сообщал он Ф. М. Апраксину, – что я, как и начал служить, такова огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал...» Вероятно, Петр был прав, добавляя и эти слова: «И такова еще в сей войне король швецкой ни от кого сам не видал». Еще один отзыв царя об этом сражении находим в письме его будущей супруге Екатерине Алексеевне и ее подруге Анисье Кирилловне Толстой. Прибегая к образному языку, он писал: «Правда, что я, как стал служить, такой игрушки не видал. Аднако ж сей танец в очах горячего Карлуса стонцовали». По свидетельству Феофана Прокоповича, поражение произвело на Карла столь сильное впечатление, что он от стыда и ярости рвал на себе волосы и отвергал все слова утешения. ¹¹²

Оба сражения, как Головчинское, так и под Добрым, имели всего лишь тактическое значение – на судьбы войны они существенного влияния не оказали.

В каком направлении Карл XII отправится искать военного счастья из-под Старишей, где он некоторое время находился с главными силами? На Москву, чтобы там продиктовать условия мира, или на север – в Ингрию, чтобы изгнать русских с берегов Невы, вернуть себе Нарву и Дерпт, или, наконец, на юг, в украинские земли, где, притаившись, ждал шведов гетман-изменник? В каком бы направлении ни повел Карл XII свою армию, эта армия нуждалась в пополнении живой силой и вооружением. Но особенно король нуждался в продовольствии. Голодный рацион, на котором сидели оккупанты, вызвал небывалое в шведской армии явление – дезертирство. Король должен был утешать голодных солдат изобилием, которое они будут иметь в Москве, когда ее покорят, либо здесь, после прибытия обоза Левенгаупта.

Карл XII придавал колоссальное значение обозу, который должен был доставить в

¹¹¹ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 533–535; Вып. 1. С. 58; Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 28; Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб, 1890. Кн. 1. С. 312.

¹¹² ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 110, 111; Прокопович Ф. История императора Петра Великого. СПб., 1773. С. 170.

ставку рижский губернатор генерал Левенгаупт. Указ о снаряжении такого обоза Левенгаупт получил еще 2 июня, но подготовка к его отправлению заняла почти полтора месяца: надо было добыть тысячи телег, собрать запасы продовольствия, погрузить артиллерию, порох и обмундирование для солдат и офицеров, успевших пообноситься после выхода из Саксонии. Наконец, необходимо было укомплектовать конвой для обоза.

Обоз в восемь тысяч повозок, сопровождаемый шестнадцатитысячным корпусом, двинулся из Риги 15 июля. В ставке короля началось томительное ожидание. Проходит июль и август, а обоза все нет. Задержка объяснялась не только запоздалым выходом из Риги, но и крайне медленным продвижением – истощенные лошади едва волокли то и дело ломавшиеся телеги, приходилось делать длительные остановки.

За продвижением корпуса Левенгаупта пристально следили не только в ставке шведского короля, но и русского царя. Перехватить обоз – значило лишить шведскую армию продовольствия и подкреплений, в которых та остро нуждалась. Корпус Левенгаупта являлся к тому же удобной мишенью – представлялся случай громить шведов по частям, не ввязываясь в генеральное сражение.

Проследим за движением обоза глазами Петра. Степень осведомленности царя говорит о несовершенстве русской разведки.

Сведения о том, что Левенгаупт тронулся в путь на соединение с королем, Петр получил 21 июля. Если учесть, что первые телеги выкатились из Риги 15 июля, – сведения дошли до царя своевременно. В тот же день, 21 июля, царь отправил два письма. Одно, с советом снарядить легкий отряд, было адресовано Меншикову: царь предложил князю расположиться «поперек той дороги, где иттить Левенгопту, для уведомления, где онный намерен будет иттить». Таким образом, на Меншикова возлагалась разведка – он должен был следить за движением Левенгаупта. Другое письмо царь адресовал генерал-поручику Родиону Христиановичу Боуру. Ему было предложено, оставив четыре полка в Нарве и Пскове, с остальными «поспешать» в соединение с его отрядом.

Двигаться «как наискоряя» Боур, к сожалению, не мог – тому препятствовали плохие дороги и худые мосты через реки. Боур донес, что «поспешать, елико Бог помощи подаст, в пути стану», но желание вступило в противоречие с возможностями.

После 21 июля имя Левенгаупта исчезло из писем Петра на десять дней. Оно вновь появилось лишь 31 июля в письме к Ф. М. Апраксину, из которого явствует, что царь не располагал достоверными сведениями о месте нахождения неприятельского обоза. Будучи в Горках, Петр сообщил Федору Матвеевичу неточные сведения: «О здешнем вашей милости возвещаю, что неприятель стоит в прежних местах, а Левенгопт уже случился с ним». Об этом же царь известил 1 августа и Боура: «Имеем мы ныне ведомость, что Левенгопт уже к своему королю пришел, а войско его, Левенгоптово, переправливается чрез реку Березу». 2 августа Петр все еще придерживался ошибочной версии: «Левенгопт, конечно, приехал к королю, а войско его в четыре дни от вчерашнево дни ждут».

Обстановка прояснилась лишь через несколько дней. Во всяком случае, в указе, датированном между 5 и 9 августа, генералам Генриху Гольцу, Родиону Боуру, Николаю Инфлянту, а также Григорию Волконскому было предписано, чтобы подчиненная им конница находилась на виду у неприятеля, «дабы неприятель не мог смело за нами иттить и сикурс Левенгопту дать».¹¹³

Как вел себя король в ожидании корпуса Левенгаупта? Похоже, что он впервые проявил, вопреки своему обыкновению, нерешительность, которую не выказывал за всю историю своих походов. Справедливости ради отметим, что он и с трудностями, которые ему довелось преодолевать на белорусской земле, тоже встретился впервые: впервые его армия подвергалась непрерывным нападениям «партий», заставлявшим ее ежечасно и ежеминутно находиться в напряжении, что изнуряло моральные силы солдат и офицеров; впервые армия

¹¹³ ПИБ. Т. 8. Вып. 1. С. 35, 49, 51, 52, 68; Вып. 2. С. 463.

Карла XII не могла себя обеспечить продовольствием – с такого рода трудностями и в такой мере она не встречалась ни в Польше, ни тем более в Саксонии.

Идти через Смоленск на Москву Карл XII не мог, ибо сознавал, что на этом пути его армию подстерегали испытания еще более тяжкие, чем те, которые ей доводилось переживать на белорусской земле. Топтаться на одном месте он тоже не мог, ибо голод с каждым днем не ослабевал, а усиливался. Тем более что король не знал, сколь долго он должен ожидать обоз – неделю, две, месяц? А между тем уже иссякали последние резервы продовольствия.

Карл XII, как отмечалось выше, имел обыкновение принимать решения, даже самые ответственные, ни с кем не советуясь. На этот раз он отступил от правила, решив созвать военный совет, перед которым поставил вопрос, в каком направлении следует двигаться войску. Большинство высказалось за движение к Могилеву, чтобы там дожидаться прихода корпуса Левенгаупта. Лишь соединившись с ним, следовало держать путь на Украину.

Вопреки мнению большинства совета Карл XII решил двигаться на Украину, ибо поход к Могилеву означал отступление, сама мысль о котором с ходу отвергалась самолюбивым королем, настойчиво искавшим встречи с противником.

Однако объяснять причину рокового шага шведского короля только самолюбием вряд ли правильно. Путь на Украину был неизбежностью.

Самый простой и, казалось бы, безошибочный выход – двигаться навстречу Левенгаупту. Соединившись с ним, король накормил бы армию и пополнил ее ряды солдатами и офицерами. Но никто – ни король, ни его генералы – не знал, где находился обоз и сколько потребуется времени и усилий, чтобы встретиться с ним. А времени между тем было в обрез, ибо не приходилось надеяться на то, что солдаты и офицеры станут долго довольствоваться не хлебом, а обещанием хлеба.

Оставался единственный путь – на юг, на Украину. Короля этот путь соблазнял несколькими преимуществами. Он рассчитывал на Украине лучше устроиться на зимние квартиры, чем в холодной заснеженной Белоруссии или России. В богатой хлебом Украине шведы надеялись получить продовольствие и фураж. Надежды на это укреплял Мазепа, обещая снабдить шведов всем необходимым, а также предоставить в распоряжение короля 20–30 тысяч вооруженных казаков. Определенное место в расчетах короля занимало и восстание донских казаков, а также возможность получить помощь от турок и крымских татар.

Решение круто повернуть на юг король принял 15 сентября. Этому предшествовало еще одно сражение, так же неудачно закончившееся для шведов, как и сражение у Доброго, – 9 сентября русские повторили свой «танец» перед глазами «горячего Карлуса» у деревни Раевка. Сражение началось с мелкой стычки, каких бывали десятки, но постепенно обе стороны, наращивая силы, вовлекали в него все новые полки. Оно не переросло в крупную баталию, но к исходу с каждой стороны участвовало по две тысячи человек. Сражался и король, под которым была, по одним сведениям, ранена, а по другим – убита лошадь. Присутствие короля не избавило шведов от крупных потерь – на поле боя они оставили свыше тысячи убитых.

После двух часов боя сражавшиеся разошлись по обоим берегам разделявшей их речки. Генерал Боур, командовавший русским войском, описал это событие так: «И король стоял по той стороне переправы с полчаса, а я по сей стороне. И строил король своих, а я своих людей. И друг на друга войско смотрело и стояли толь блиско, что можно друг по друге палить ис пистолета, а стрельбы не было».¹¹⁴

Король торопился до наступления зимы устроиться на зимних квартирах. Первые известия о движении Карла XII на юг Петр получил два дня спустя после начала марша – 17 сентября. Их он, видимо, воспринял с некоторой долей недоверия, ибо накануне до него

¹¹⁴ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 664.

доходили слухи о намерении короля, то ли подлинном, то ли ложном, чтобы сбить неприятеля с толку, направиться на восток, к Москве, или на север, к Пскову и берегам Невы. Через день, 19 сентября, царю стало известно, что неприятель спрашивает дорогу на Стародуб. Наконец, 20 сентября все сомнения насчет планов шведа рассеялись. «А ныне по всем обстоятельствам, – уведомлял царь Бориса Петровича Шереметева, – идет в Украину к Чернигову или к Стародубу».

Ответные меры царя были оперативными. 18 сентября Петр отправляет генералу Инфлянту одного из самых толковых своих адъютантов, Федора Осиповича Бартенева, чтобы тот проследил за неукоснительным выполнением предписания о «засекании лесов и пожигании деревень».¹¹⁵ Путь шведов на Украину, как видим, не был усеян лаврами – царь придерживался все той же Жолквиевской стратегии, по-прежнему «томил» неприятеля всеми доступными средствами.

В то время как Карл XII, «эскортируемый» русскими войсками под командованием Шереметева, Гольца и Инфлянта, маршировал на юг, Левенгаупт пытался догнать его и соединиться с ним где-то возле Стародуба.

Между тем Петр, еще до того как Карл повел войска на Украину, созвал военный совет, предложив ему решить, как поступить с Левенгауптом. В «Гистории Свейской войны» по поводу этого военного совета, состоявшегося, скорее всего, 14 сентября, сказано, что он постановил «для перестороги за главным войском неприятельским итти генералу-фельдмаршалу Шереметеву с главным российским корпусом на Украину, а добрую часть отделить от Левенгаупта и его атаковать, которое дело государь взял на себя, куда, отделив корпус, пошел без обоза с одними вьюками».¹¹⁶ В военном совете, принявшем дерзкое решение атаковать неприятеля, помимо царя и Шереметева, участвовал Меншиков и генералитет русской армии.

Летучий отряд, или «корволант», был сформирован довольно быстро, в нем насчитывалось около десяти тысяч человек. Полагали, что этого достаточно, чтобы атаковать неприятеля, войска у которого не более восьми тысяч. Петр и Меншиков, возглавившие две колонны корволанта, двигались навстречу корпусу Левенгаупта.

Левенгаупту едва не удалось ускользнуть от корволанта, соединиться с королем и избежать сражения, воспользовавшись хитростью.

Переправив громоздкий обоз через Днепр в районе Шклова, Левенгаупт подослал в русский лагерь шпиона. Тот должен был убедить русское командование, что шведский корпус находится на правом берегу и намерен двигаться на север, в сторону Орши. Обман был обнаружен после того, как корволант переправился на противоположный берег Днепра. 22 сентября Петр извещал Головкина: «А мы с полуночи пошли за Днепр».

Хитрость Левенгаупта дорого обошлась шпиону, он был повешен. Однако время потеряно. Если раньше корволант шел навстречу шведам, то теперь выяснилось, что ему надлежало догонять их. Первое столкновение с арьсгардом неприятеля произошло 26 сентября. Этот факт дважды засвидетельствован письмами царя, отправленными в тот же день. «И теперь неприятеля увидели», – сообщал Петр Екатерине Алексеевне и Анисье Толстой. «Передовые наши с неприятелем уже сошлись», – писал он Шереметеву.

Столкновение с неприятелем обескуражило царя и генералитет. Меншиков, командовавший авангардом корволанта, установил, что корпус Левенгаупта насчитывает не восемь тысяч человек, как полагали ранее, а в два раза больше. Это резко меняло соотношение сил. Царь немедленно созвал военный совет, который должен был ответить на вопрос: «Атаковать ли так сильнея себя неприятеля или генерала Боура дожидатца».

Отряд генерала Боура, которому царь, начиная с 23 сентября, многократно повелевал

¹¹⁵ ПИБ. Т. 8. Вып. 1. С. 143, 145, 147, 150, 152.

¹¹⁶ Подъяпольская Е.П. Указ. соч. С. 123; Журнал, или Поденная записка. СПб., 1770. Ч. 1. С. 179, 180.

«не мешкаф», «как наискорые» соединиться с корволантом, насчитывал чуть более четырех тысяч драгун. Его прибытие должно было в какой-то мере устранить вопиющее неравенство сил. Военный совет тем не менее вынес решение: «Ежели в два дни (Боура. – *Н.П.*) не будет, то одним оною с помощью Божию отаковать».

Сражение началось до подхода подкреплений, на следующий день. Предварительно разрушив мосты через речку у деревни Долгие Мхи, шведы расположились на возвышенном берегу и, как только подошла конница корволанта, начали обстрел ее из пушек. Со стороны корволанта тоже ответили артиллерийским огнем. Артиллерийской дуэлью дело и закончилось: «Все войско неприятельское из виду ушло, и наступила ночь». Под ее покровом русские восстановили два моста, переправились через речку и настигли неприятеля у деревни Лесной. Здесь и развернулась битва, ставшая важной вехой в истории Северной войны.

Это самое продолжительное по времени сражение, как свидетельствует реляция, началось с полудня 28 сентября и закончилось с наступлением темноты – в восемь вечера. Битва протекала с переменным успехом. Послушаем оценку ее, данную царем: «И неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет».¹¹⁷

Победу русским обеспечил удачный выбор места, где развернулась битва. Оно представляло окруженную лесом поляну. Шведы были ограничены в маневре и лишены возможности ввести в бой весь корпус. Тем самым Левенгаупт не мог извлечь выгоды из своего численного превосходства.

Петр полностью оценил преимущества сражения в лесистой местности и, после того как подвел итоги всему, что произошло 28 сентября, счел необходимым поделиться опытом с Ф. М. Апраксиным. «Только зело прошу, – наставлял царь адмирала на тот случай, если он будет сражаться с неприятелем в Ингрии, – чтоб не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза (как я сам видел), ибо и на сей баталии, ежели б не леса, то б оные выиграли, понеже их шесть тысяч больше было нас».

«Гистория Свейской войны» сообщает любопытную деталь сражения: через несколько часов боевых действий «на обе стороны солдаты так устали, что более невозможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели, и довольное время отдыхали, разстоянием линей одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки, или ближе».¹¹⁸

Отдохнув часа два, противники возобновили сражение, исход которого решили подоспевшие драгуны Боура. Под напором свежих сил шведы дрогнули и начали беспорядочно отступать в лес. Во время многочисленных атак и контратак, доходивших до рукопашных схваток, полегло восемь тысяч шведов. Обе стороны, писал участник битвы Вейе, вели такой силы огонь, что нельзя было уловить отдельных выстрелов, все сливалось в сплошной грохот.¹¹⁹

Наступившие сумерки и начавшаяся снежная вьюга вынудили прекратить сражение. Царь намечал возобновить атаку на следующий день, но, когда наступил рассвет, шведов на месте не оказалось. Левенгаупт решил спасти остатки разгромленного корпуса от полного истребления, оторваться от корволанта: ночью он велел жечь телеги, создавая видимость, что солдаты греются у костров, а сам под покровом темноты бежал в сторону Пропойска. Это было не отступление, а именно бегство. Утром 29 сентября взору русских представилось поле, усеянное убитыми и ранеными шведами.

¹¹⁷ ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 169, 211.

¹¹⁸ Журнал, или Поденная записка. Ч. 1. С. 182.

¹¹⁹ Кордт В. Указ. соч. С. 218, 219; ПрокоповичФ.Указ. соч. С. 175.

Левенгаупт пытался захватить с собой остатки обоза и артиллерии, но из этого ничего не вышло. «В пути наши пушки, – свидетельствует Вейе, – завязли в болоте, и не было сил их вытащить, так как колесами сотен телег дорогу настолько разбили, что вряд ли можно было передвигаться по ней даже верхом». Впрочем, то, что было довезено до Пропойска, пришлось там сжечь.

Победа была впечатляющей. В течение дня царь одно за другим отправляет письма друзьям, в каждом из которых можно обнаружить любопытные детали. То он извещал корреспондента, что «сии все были природные шведы и ни одного человека не было во оном корпусе иноземца», то несколько часов спустя уведомлял, что «сия виктория еще час от часу множитца и непрестанно разбитых неприятелей наши стами в обоз приводят, между которыми есть довольное число и афицеров». Итоги битвы царь подвел в письме к своему денщику Александру Васильевичу Кикину: «Только сие истинно, что Левенгопт со фсем корпусом пропал».

Витворт доносил из Москвы 6 октября: «Вчера два гонца (Ягужинский и Сафонов. – *Н.П.*) разъезжали по наиболее посещаемым улицам столицы, предшествуемые двумя трубачами, объявляя важную новость: отряд русских войск под начальством его величества и князя Меншикова на голову разбил маленькую армию генерала Левенгаупта, положил большую часть ее на месте (по некоторым сведениям, до 8000 человек), совершенно рассеял остальную, захватил всю неприятельскую артиллерию, обоз, огромные запасы провианта, двух генералов и множество других пленных». Сам Меншиков в письме к супруге Дарье Михайловне, отправленном 29 сентября, сообщал о своем участии в битве: «Надлежит вам чрез письма благодарствовать господина полковника (то есть Петра. – *Н.П.*) за то, что он при том случае изволил меня беречь и от себя никуда не отпускал».¹²⁰

Приведенные слова не внушают доверия, ибо не отражают подлинного хода событий – светлейший, как известно, во всех случаях стремился успокоить супругу в своей безопасности. Из других источников известно, что Петр и Меншиков, участвуя в сражении, подвергали свою жизнь опасности. Так, в журнале барона Гизена есть запись, что царь «к сей виктории зело много споспешествовал, ибо от полку до полку изволил сам ездить и добрыми распоряжениями и напоминаниями и храбрым прикладом своих возбуждал к мужеству, також господа генералы, яко же его светлость князь Меншиков купно с протчими генералы и офицерами, каждый свою должность зело изрядно исправляли и свою храбрость и мудрой привод при том показали».¹²¹

Если верить письму Меншикова, то супруга должна была благодарить царя за то, что тот держал его при себе, то есть в безопасном месте, где-нибудь в обозе. Действительно, в реляции о битве при Лесной о личном вкладе царя в победу – ни слова. Тем не менее этот вклад был известен современникам.

Реляцию об одержанной виктории доставил Шереметеву царский адъютант Озеров. Официальный документ он дополнил устным рассказом. Выслушав его, Борис Петрович в поздравительном письме царю написал, что ему известно, «что ваше пресветлое величество изволили во оной баталии поступать, не храня своей монаршеской особы, но защищая отечество и врученных Богом».

Гавриил Головкин, Григорий Долгорукий, князь-папа Аникита Зотов и Петр Шафиров, получившие известие о победе у Лесной, находясь в Почепе, тоже писали: «За понесенные в таковом жестоком бою, не щадя высокой особы своей, труды за отечествие и за всех своих подданных всеподданейше благодарим».¹²² Из этого следует, что Александр Данилович,

¹²⁰ ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 171, 172, 174; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 96; РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 437.

¹²¹ ТРВИО. Т. 1. С. 256.

¹²² ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 742, 748.

находясь при царе, пребывал отнюдь не в безопасном месте, а в самом пекле битвы.

После бегства Левенгаупта царь оставался у Лесной еще три дня – до 2 октября. Корволант отдыхал, занимался захоронением своих и неприятельских трупов. Потери русских войск тоже были значительными, но не шли ни в какое сравнение с потерями шведов: убитыми у нас насчитали 1111 человек, раненых – 2856.

Петр во главе гвардейских полков отправился в Смоленск, Меншиков с остальным войском держал путь на Украину.

Оба полководца – царь и король – понимали значение происшедшего и, естественно, отнеслись к нему по-разному. Восторгам царя не было границ. Два обстоятельства вызывали у него особую радость: во-первых, побежденный неприятель у Лесной имел численное превосходство; во-вторых, и это не менее важно, разгромленный корпус был укомплектован природными шведами и только отчасти прибалтийскими немцами. То и другое свидетельствовало, что выучка выпестованной царем армии достигла уровня шведской, считавшейся лучшей в Европе.

В «Гистории Свейской войны» имеется вставка, написанная рукой царя и определяющая место битвы при Лесной в этой изнурительной войне: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно одобрила, и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастия произнесла, егда совершенного ради любопытства кто жалает исчислить от 28 сентября 1708 до 27 июня 1709 года».¹²³

Правительство Петра прежде всего позаботилось о том, чтобы весть о победе стала достоянием не только населения страны и иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве, но и всех европейских дворов, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Русский посол в Копенгагене князь Василий Лукич Долгорукий доносил своему начальнику Г. И. Головкину об одержанной победе: «Всем при дворе оною объявлю, как здешним, так и чужестранным министром, а потом публичными знаки ту великую радость о так на весь свет славной победе покажу». В письме к Меншикову: «Победу над шведским генералом Левенгауптом здесь приписуют к великой славе и к упреждениям интересов царского величества, королю же швецкому х крайней худобе».

В ознаменовании победы было выбито две медали, прославлявшие, как принято было в то время, царя: на лицевой стороне обеих медалей изображен скачущий на коне Петр. На оборотной стороне – атрибуты победы: Слава, лавровые венки, литавры...

В неприятельском лагере Лесная вызвала уныние. Даже король, никогда не выказывавший своей слабости, привыкший бодриться и при неудачах, утратил спокойствие. Он не мог скрыть подавленности, когда получил известие о катастрофе у Лесной. О случившемся там рассказал ему солдат, прибывший в ставку 1 октября. Король не поверил солдату, сочтя его рассказ чистым вздором, – разве мог его лучший боевой генерал, командовавший к тому же отборными солдатами, потерпеть поражение от московитов, которые, в его представлении, не способны оказывать сопротивление и привыкли, подобно полякам и саксонцам, показывать спины, завидев шведов.

Все же новость заронила сомнения, тревожные мысли не покидали короля ни днем, ни ночью. Он лишился сна, его удручало одиночество, и он коротал ночи в покоех то одного, то другого приближенного, пребывая в грустном молчании.

12 октября в ставку короля прибыл сам Левенгаупт, но не во главе шестнадцатитысячного корпуса и долгожданного обоза со всякой снедью и воинскими припасами, а с 6500 или 6700 оборванных, грязных и изможденных солдат, чудом избежавших плена. Карл XII, выслушав рассказ Левенгаупта, понял, что солдат не ошибся.

¹²³ Журнал, или Поденная записка. Ч. 1. С. 184.

Не мог король не уразуметь и того, что его расчеты оказались эфемерными.

Если бы рассказ Левенгаупта слушала трезвая голова, считавшаяся с реальностью, то она пришла бы к неутешительному выводу: надобно, пока не поздно, искать путей к миру.

Затяжная война истощала и без того скудные экономические и людские ресурсы Швеции. Сведения о переживаемых Швецией трудностях просачивались в столицы европейских государств. Посол В. Л. Долгорукий извещал Меншикова 30 ноября: «И не чают, чтоб он, потеряв такой корпус, до конца сея войны уже поправляться мог, хотя, как возможно, во всей Швецкой земле берут рекрут и, за великою скудостью людей, пишут стариков – конечно, таких, у которых в старости зубов нет, и ребят, которые не без труда поднять мушкет могут».

За границей полагали, что продолжение войны невыгодно прежде всего королю. «Чают, – сообщал Долгорукий свои наблюдения из Копенгагена, – потеряв такой корпус, король швецкой вскоре будет искать миру». Шведская дипломатия, напротив, пыталась выдать черное за белое и сгладить впечатление от катастрофы, распространяя слухи, что не шведы, а русские были разгромлены в сражении, якобы состоявшемся сразу же после Лесной: «Будто по баталии с Левенгауптом была генеральная баталия между войски царского величества и короля шведского, во время которой будто войска царского величества все король шведцкой разорил, и считает, что побито 20 000, достальные переранены и в полон побраны». ¹²⁴

Это была очередная ложь – генеральную баталию король лелеял лишь в мечтах и в поисках этой мечты двигал главные силы своей армии на Украину, чтобы там обрести нового союзника – изменника Мазепу.

Измена Мазепы – едва ли не самый трагический промах Петра и его окружения. Прояви царь больше проницательности, не будь столь доверчивыми к украинскому гетману Меншиков, Головин, Головкин и Шафиров, изменник был бы разоблачен значительно раньше и его связи с недругами России были бы пресечены задолго до того, как шведские войска оказались на Украине. Но Петр считал его верным слугой, а Меншиков и другие вельможи возвели в ранг своих друзей.

Именно поэтому царь и его сподвижники оказывались глухими к многочисленным доносам на гетмана – карам подвергался не Мазепа, а доносители, изобличавшие его в измене. Такую судьбу разделили последние извечики – генеральный судья Василий Кочубей и полтавский полковник Иван Искра. Они обманом были вызваны в Смоленск и благодаря усердию Головкина и Шафирова быстро превратились из обвинителей в обвиняемых. Неправый приговор вельмож, одобренный царем, обрек Кочубея и Искру на смерть. Между тем последующий ход событий полностью подтвердил справедливость доноса.

Предательские связи с Карлом XII и его ставленником на польском троне Станиславом Лещинским Мазепа установил задолго до вступления шведов на Украину. Как только Карл XII приблизился к украинским землям, Мазепа счел, что пришло время переметнуться на его сторону.

21 октября 1708 года Мазепа отправил из Борзны, где он находился, двух курьеров. Один из них вез послание к шведскому министру Пиперу с извещением, что для шведов «уготованы лучшие города [...] фураж, провиант и потребная амуниция». Другой курьер вез послание Головкину, в котором Мазепа извещал канцлера о своей смертельной болезни.

Меншиков о «болезни» Мазепы узнал на день раньше и с чувством горечи о предстоящей утрате поделился с царем: «И сия об нем ведомость зело меня опечалила: первое, тем, что не получил его видеть, которой зело мне был здесь нужен; другое, что жаль такова доброго человека, ежели от болезни ево Бог не обলেখит». ¹²⁵

¹²⁴ ПИБ. Т. 8. Вып. 2. С. 753, 754.

¹²⁵ Там же. С. 846.

Версия о болезни была чистейшей воды обманом. Гетману, однако, поверили.

Мазепу одолевало смутное беспокойство: именно поэтому он отправил к Меншикову своего племянника Войнаровского – пусть разведает, не подозревает ли чего худого светлейший. Тот повел себя несколько странно: побыв некоторое время у Меншикова, он, не простившись с князем, среди ночи 22 октября покинул ставку. Причиной бегства была срочная необходимость известить гетмана о приезде Александра Даниловича в Борзну: коль гетман в тяжелом состоянии и не может передвигаться, то он, Меншиков, решил сам отправиться к нему если не для деловых разговоров, то хотя бы для того, чтобы проститься с умирающим «добрым человеком».

«Доброму человеку» подумалось, что Меншиков спешит в Борзну не ради совещания с ним, а с единственной целью заковать его в цепи. Повод для паники в Борзне дал Войнаровский, сообщивший, что ему у Меншикова довелось подслушать разговор двух иноземных офицеров. Один из них сказал другому: «Помилуй, Господи, этих людей. Завтра они будут в кандалах».¹²⁶

Как только Мазепа уяснил, что в Борзну к обеду ожидается прибытие Меншикова, притворную болезнь его как ветром сдуло. Он вскочил со смертного одра и мгновенно собрался в Батурин. К этому времени из шведского лагеря прибыл посланец с извещением, что король ждет его в своей ставке.

За время пребывания в Батурине Мазепа посвятил в тайну еще несколько человек: сердюцкого полковника Дмитрия Чечеля и начальника артиллерии крепости Фридриха Кенигсена. Тому и другому гетман велел не впускать в город русские войска и сопротивляться им до прибытия шведской помощи.

24 октября Мазепа выехал из Батурина, в тот же день остановился в Коропе, а 25 октября переправился через Десну, причем его сопровождала уже не свита, а несколько тысяч казаков.

На правом берегу Десны он наконец решил раскрыться и всех ввести в тайну своего замысла. 26 октября Мазепа выступил перед казаками с речью, полной клеветы в адрес России и Петра, а также злобных выпадов против воссоединения двух братских народов.

Бывший гетман не сомневался сам и пытался рассеять сомнения у своих слушателей, что победителем в жестокой схватке России со Швецией станет Карл XII.

Речь гетмана никого не убедила, она оставила слушателей с тяжкими думами о том, куда и зачем их завел изменник-гетман. Отряд таял на глазах. По одним сведениям, в неприятельский стан гетман привел сотню, по другим – несколько сотен, по третьим – до полутора тысяч человек. Впрочем, любая из этих цифр далека от той, которую обещал Мазепа шведскому королю – он, как уже упоминалось, сулил привести под шведские знамена по крайней мере 20—30-тысячную армию, а привел, в лучшем случае, в десять крат меньше. 29 октября он представился королю. В глазах Карла XII престиж его нового союзника пал, как только он узнал, что получил вместо армии несколько сотен обманом приведенных казаков. Медоточивая речь Мазепы, произнесенная на латинском языке, не могла заменить обещанного подкрепления. Но король, как и Мазепа, в первые дни не унывал – оба они рассчитывали на поддержку украинского народа, на его готовность служить изменнику и его покровителям, но, как хорошо известно, просчитались.¹²⁷

Оставим Мазепу в ставке шведского короля и обратимся к событиям, развернувшимся в русском лагере.

Первым известил царя об измене Мазепы Меншиков. Как мы уже знаем, он собрался ехать в Борзну, где находился «больной» Мазепа. Не доезжая до нее, Меншиков был

¹²⁶ Костомаров Н.И. Мазепа и мазепинцы. СПб., 1885. С. 432.2

¹²⁷ Маркевич Н. История Малой России. М., 1842. Т. 2. С. 463.

извещен полковником Анненковым, что гетмана там нет и что он находится в Батурине. Князь почувствовал что-то неладное, но все же отправился туда. Чем ближе подъезжал князь к Батурину, тем больше появлялось у него оснований для тревоги. В дороге удалось захватить гонца прилуцкого полковника Дмитрия Горленко с извещением о прибытии казаков в шведский лагерь.

Продвигаясь к Батурину, Меншиков получил еще один тревожный сигнал. На полпути к гетманской резиденции к нему явился некто Соболевский, объявивший за собою слово и дело. Он сказал, что Мазепа, уходя к шведскому королю, распорядился не впускать русские войска в Батурин.

К полудню 25 октября Меншиков прибыл к Батурину, но в крепость его не пустили – ворота были засыпаны землей, пушки приведены в боевую готовность, а на стенах маячили фигуры мазепинских сердюков. На вопрос, где находится гетман, со стен выкрикнули, что он отбыл в Короп. Меншиков в сопровождении прибывшего к нему киевского воеводы Дмитрия Михайловича Голицына отправился в Короп, но Мазепы и там не оказалось – к тому времени он успел переправиться через Десну. Это известие развеяло все сомнения князя.

26 октября светлейший извещает об этом царя: «Истинно мы признавали, что конечно он изменил и поехал до короля швецкого».

Новость потрясла царя. Он получил ее на следующий день после рокового шага Мазепы – 27 октября – и в тот же день ответил князю. В ответе сквозит и минутная растерянность, и некоторое недоверие к полученному известию. «Письмо ваше, – писал царь, – о нечаянном некогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением».

Следы недоверия к известию Меншикова отражены в царском указе, адресованном войску запорожскому, а также духовным иерархам Украины. У царя, видимо, теплилась надежда, что светлейший ошибся, что с часу на час будут получены известия, опровергающие сведения князя. Поэтому царь проявил осторожность. «Известно нам, великому государю, учинилось, – читаем в указе от 27 октября, – что гетман Мазепа безвестно пропал, и сомневаемся мы того для, не по факциям ли каким неприятельским». На всякий случай Петр велел «всей генеральной старшине», и полковникам, и прочим прибыть в обоз «для советов», а если подтвердится факт измены Мазепы, то и для избрания нового гетмана.¹²⁸

Через сутки после получения известия от князя все сомнения развеялись и у царя – к нему явился убежавший из Батурина канцелярист с подтверждением измены Мазепы.

30 октября в ставку Петра в Погребках прибыл Меншиков. На военном совете было решено добывать Батурин. Внимание Петра I и Карла XII было приковано к резиденции гетмана не случайно – там находились обещанные шведскому королю запасы продовольствия, снаряжения, артиллерии и боеприпасов, то есть всего того, в чем нуждалась шведская армия после утраты обоза в битве у Лесной. Если запасы попадут к неприятелю, то он станет намного сильнее и обстановка осложнится настолько, что поставит под угрозу успех всей кампании. Кто раньше проникнет в Батурин, тот окажется в выигрыше, стоившем и риска, и перенапряжения сил. Именно поэтому к Батурину одновременно спешили шведы с мазепинцами и русские войска, командование которыми царь поручил Меншикову. Время исчислялось не сутками, а часами. Князь понимал, что успех его операции зависит от быстроты и натиска.

Как только в полдень 31 октября русские войска подошли к Батурину, Меншиков отправил в крепость парламентаря. Поскольку крепость изготовили к обороне и все выходы и входы в нее были накрепко забиты, парламентаря втащили веревками. На уговоры сдаться, на слова, что гетман изменил, мазепинцы твердили, что этому они не верят. Князь приступил

¹²⁸ ПИБ. Т. 8. Вып. 2. С. 864, 865; Т. 8. Вып. 1. С. 237–238.

к подготовке к штурму, ибо, как он доложил царю, – «ни малой склонности к добру в них не является и так говорят, что хотят до последнего человека все держатца». Впрочем, ночью к Меншикову прибыли посланцы Чечеля с заявлением, что хотя гетман, возможно, и изменил, но сами они остаются верноподданными царя и готовы впустить войска в замок, но на размышление запросили трое суток.

Разгадать тактику батуринцев не представляло большого труда – ясно, что они в ожидании шведской подмоги тянули время. Меншиков резонно им ответил: «Довольно с вами времени намыслиться одной ночи, до утра». Утром 1 ноября мазепинцы открыли огонь из пушек, дав таким образом понять, что переговорам пришел конец и настало время действовать.

Не все казаки, засевшие в Батурине, были сторонниками Мазепы. Старшина Прилуцкого полка Иван Нос, как и часть казаков этого полка, остался верным подданным России. По преданию, Нос незамеченным прибыл в стан Меншикова с сообщением о существовании тайной калитки, через которую можно было скрытно проникнуть в Батуринский замок. Светлейший тут же воспользовался полученными сведениями: он организовал ложный штурм крепости, отвлек внимание осажденных, чем воспользовалась группа солдат, просочившаяся в замок через калитку.

Обреченные мазепинцы оказали упорное сопротивление, но устоять не смогли. «По двучасном огне», как доносил Меншиков царю, русские войска овладели крепостью. В Глухов Меншиков доставил всю захваченную в Батурине артиллерию, кроме тяжелых пушек, которые пришлось взорвать. Доставил он в Глухов и атрибуты гетманской власти – булаву, бунчук и знамена, понадобившиеся царю для намечавшегося здесь избрания нового гетмана.

Петр получил известие от Меншикова в тот же день, 2 ноября, и отправил ему поздравления: «Сего моменту получил я ваше зело радостное писание, за которое вам зело благодарны, паче же Бог мздовоздатель»¹²⁹ – царь пожаловал князю принадлежавшее Мазепе село Ивановское с деревнями.

Разгром Батурина имел огромные военно-политические последствия. Во-первых, это была резиденция гетмана-изменника, и разгром изменничьего гнезда символизировал крах гетманской затеи. Кажется, это понимал и Мазепа, который при виде пепла и щебня, оставшегося от Батурина, произнес: «О, злые и несчастные наши початки. Вижу, что Бог не благословил мое намерение».

Во-вторых, овладение Батурином лишило шведскую армию необходимых ей материальных ресурсов, впрок заготовленных Мазепой. Сорок пушек и припасы к ним, вывезенные из Батурина, если бы достались Карлу XII, то, возможно, изменили бы судьбу Полтавы, которой шведский король не мог овладеть, испытывая недостаток в артиллерии и порохе; сложнее и с большими жертвами для русской армии могло протекать и генеральное сражение Северной войны, состоявшееся 27 июня 1709 года.

ПРЕСЛАВНАЯ ВИКТОРИЯ

Измена Мазепы добавила забот Петру. В ставке царя известие об измене вызвало чувство растерянности и тревоги, ибо никто не знал, сколь глубоко в толщу народа проникли предательские замыслы украинского гетмана и какой отклик они найдут среди старшин и рядовых казаков. Но прошло несколько дней, и все стало на свои места. Известия сообщали, что король не получил ни обещанных подкреплений в живой силе, ни продовольствия, ни снаряжения. Не сулило радужных перспектив будущее и Мазепе – выяснилось, что народ не поддержал изменника, и он не мог рассчитывать на пополнение рядов мазепинцев.

И все-таки надлежало как можно скорей нейтрализовать влияние Мазепы. Уже на

¹²⁹ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 906.

второй день после измены гетмана, когда переход его в стан Карла XII не вызывал никаких сомнений, русское правительство предприняло ряд мер, чтобы предотвратить вовлечение в изменнические замыслы Мазепы новых лиц, представить бывшего гетмана в его подлинном обличье, сделать достоянием народа его сокровенные чаяния, тщательно скрываемые им даже от ближайшего окружения.

Важнейшим средством разоблачения Мазепы стали царские указы. Одни из них были адресованы церковным иерархам, а через них – населению Украины, поскольку главным местом, откуда в те времена исходили новости, был амвон; другими указами царь обращался к сохранившим верность полковникам; третьими – ко всему украинскому народу; наконец, четвертыми – к рядовым казакам и старшинам, обманом уведенным Мазепой к шведскому королю. Знакомство с содержанием этих сочинений дает представление о достойной удивления способности царя быстро и безошибочно ориентироваться в обстановке, разгадывать подлинные мотивы и цели измены уже в самые первые дни, когда ни он, ни его министры не располагали исчерпывающими данными.

В указах от 28 и 29 октября, приглашавших церковных иерархов и полковников в Глухов для избрания нового гетмана, Петр правильно определил мотивы измены, подтвержденные дальнейшим ходом событий: Мазепа и его покровители намеревались «Малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение польское».

Почти одновременно с царскими указами на Украине стали распространяться гетманские и королевские универсалы. Началась так называемая «война перьями» – борьба за симпатии народа.

Первое послание Мазепа адресовал 30 октября Скоропадскому. Тезисы, изложенные в письме к стародубскому полковнику, повторяют последующие универсалы. Суть их сводилась к следующему: оправдать измену, вызвать сочувствие народа, и тем самым – приток новых сил в ряды изменников. Чем Мазепа соблазнял Скоропадского?

Бывший гетман заверял, что он, переходя на сторону шведов, радел не о личной выгоде, а о счастье украинского народа, который будто бы царь намеревался «к рукам прибрать и в тиранскую свою неволю запровадить». Обоснование этого заявления ничего общего с действительностью не имело. Мазепа, например, писал, что «Москва и без жадного о том з нами согласия зачала города малороссийские в свою область отбирати». Под этим подразумевалось размещение русских войск в некоторых украинских городах. Однако каждому непредубежденному современнику было очевидно, что пребывание русских войск в украинских городах вызывалось военной целесообразностью или необходимостью.

Предателю виделась Россия на грани военной катастрофы. «Потенция Московская, – писал Мазепа Скоропадскому, – бессильна и невоенная, бегством всегда от непобедимых войск шведских спасаючися». Шведский же король является «едином обидимых заступником, любещом правду и ненавидящем лжу».

Поскольку положение русского царя безнадежно, то надобно поспешать к Карлу. Далее следовал совет, как этот призыв претворить в жизнь. «Старайся всеми способами, – наставлял изменник стародубского полковника, – по данном себе от Бога разуму и искусству Московское войско з Стародуба искоренити», чтобы затем «до боку нашего в Батурин з товариством поспешати». ¹³⁰

Неделю спустя, 7 ноября 1708 года, был опубликован манифест от имени Карла XII. Если письмо Мазепы к Скоропадскому можно назвать насквозь лживым, то манифесты шведского короля сочетали беспардонную ложь с безудержным хвастовством.

Известно, что свои изменнические планы гетман рискнул объявить лишь нескольким единомышленникам. Следовательно, его никто не уполномочивал действовать от имени украинского народа. Это, однако, не помешало Карлу XII заявить, что он, король, принимает «гетмана, войско запорожское и народ весь Малороссийской в оборону нашу». Немало слов

¹³⁰ ЧОИДР. М., 1859. Кн. 1. С. 174–175.

составители манифеста, а в его составлении, бесспорно, участвовал и Мазепа, потратили на далекие от истины рассуждения о непобедимости шведского воинства.

Главный довод, на воздействие которого особенно уповали составители манифеста, состоял в том, что непобедимая шведская армия без удержу наступает, сметая все на своем пути, в то время как немощные русские полки, откатываясь, уступают свою территорию, ни разу «не дерзнувшие против нас стати». Чтобы никто не усомнился в силе шведов и их непобедимости, манифест перечисляет множество стычек и столкновений, в которых шведы неизменно побеждали, причем под пером составителей манифеста победы имели крупное значение, ибо сопровождалась потерей многих тысяч русских солдат и офицеров.

Даже битву у Лесной, стоившую Левенгаупту потери всего обоза, восьми тысяч убитых и около трех тысяч пленных, манифест превратил в победу шведов: «...побивши Москвы больш, нежели сам биющихся под хорогвями имел». Так жестокое поражение шведов росчерком пера превратилось в блистательную победу над более многочисленным противником.

Столь же беспардонно манифест лгал, когда описывал диверсию шведского генерала Любекера, пытавшегося овладеть Петербургом. Подлинная же картина операции выглядела так: 20-тысячный корпус Любекера, понеся колоссальные потери, был сброшен в море и искал спасения на кораблях. Не моргнув глазом, сочинители манифеста и это поражение изобразили своей победой.

Если верить манифесту, то всюду, где ступала нога шведских солдат, король нес свободу и независимость. Подобная судьба уготована, дескать, и украинскому народу.

Это заявление тоже не содержит и грана правды. Всей Европе было известно мародерство шведских солдат, а также опустошение, которым подверглись завоеванные шведами Польша и Саксония.

Самое странное и смехотворное заявление манифеста состоит в том, что не они, шведы, намеревались переменить веру: а царь Петр «... з Папежем Римским давно уже трактует, абы выскоренивши греческую веру, римскую в государство свое вводит». Манифест отрицал главное условие договора с польским королем, «чтоб Украина Польше завоевана была», и призывал «к послушенству ясновельможному гетману Мазепе».¹³¹

Как видим, универсалы Мазепы и Карла XII пытались внушить населению симпатии к захватчикам при помощи грубой фальсификации фактов. На что они рассчитывали, измышляя явные небылицы? Прежде всего на слабую осведомленность селян и горожан Украины о том, что происходило за пределами их села и города. Конечно же, мало кто слышал о разгроме корпуса Левенгаупта у Лесной и еще меньше – о провалившейся диверсии генерала Любекера под Петербургом.

Среди ответных мер Петра едва ли не самой решающей, оказавшей неотразимое воздействие на украинское население, было обнаружение перехваченного письма Мазепы к Станиславу Лещинскому, из которого явствовало намерение, как сказано в царском манифесте, «богоотступника Мазепы к предательству отчизны вашей в польское несносное ярмо». Письмо это было обнаружено у схваченного мазепинского шпиона, некоего Феско Флюса, державшего путь в Варшаву. В нем Мазепа извещал короля об ожидании «счастливого и скорого вашей королевской милости прибытия, чтоб мы могли соединенным оружием» выступить против России. Ставленник Карла XII назван в письме «избавителем нашим». Подлинное лицо изменника выдает его подпись – он именовал себя подданным польского короля: «Вашей королевской милости, моего великого государя, верный подданный и слуга низайший Ян Мазепа, гетман». «Верный подданный» Иван Мазепа пожелал называться у новых хозяев Яном Мазепой.

Этот же указ разоблачил еще одну провокационную затею Мазепы. Русским удалось изловить подосланного Мазепой шпиона Григория Пархомова. Будучи схваченным, он

¹³¹ Там же. С. 210–211.

должен был заявить, что его отправил Мазепа с письмами к старшине и церковным иерархам. Под пыткой Пархомов признался, что никаких писем у него не было. Цель провокации ясна – скомпрометировать влиятельных людей, посеять у русского правительства недоверие к ним.

Указы царя, обращенные к мазепинцам, обманом уведенным изменником в шведский лагерь, вызвали сочувствие. Первый царский указ был датирован 1 ноября, затем его повторили 7 и 10 ноября. Указы обещали амнистию всем возвратившимся в течение месяца со дня их обнаружения.¹³² Рядовые казаки искали случая вырваться из шведского лагеря. Мазепу покидали и люди, пользовавшиеся на Украине широкой известностью. Среди них – миргородский полковник Даниил Павлович Апостол, генеральный хорунжий Иван Сулима, охотный полковник Игнат Галаган. Последний прибыл в русский стан не один, а в сопровождении сотен казаков, сумевших по пути пленить несколько десятков шведских драбантов.

«Не сделай ты и со мной такой шутки, какую сделал Карлу», – сказал Петр Галагану. «Разве, – отвечал Галаган, – принесть свою голову к нему за взятых сих драбантов? Вот тебе, государь, сии шведы и заклад наш».¹³³

Все возвратившиеся были обласканы царем. Апостол, например, помимо маетностей (собственности), которыми он владел ранее, получил новые.

Бывший гетман очень скоро убедился, что его изменническую затею не поддерживает ни старшина, ни народ, – изменник оказался в одиночестве. Украинцы не только не шли на уговоры гетмана и короля, но повсеместно, как то говорилось в царском указе, «от всех прелестей неприятельских уши затыкали и не внимали».¹³⁴

Украинцы сохранили верность России. 30 октября Петр писал Ф. М. Апраксину: «Правда, хотя сие зело худо, однако ж он (Мазепа. – *Н.П.*) не только с совету всех, но не с пяти персон сие зло учинил. Что услышав, здешний народ со слезами Богу жалуютца на одного и неописанно злобствуют». В тот же день в письмах князю Василию Владимировичу Долгорукому: «Аднако ж, слава Богу, что при нем в мысли ни пети человек нет, и сей край как был, так есть». У царя не появилось оснований для тревоги и восемь дней спустя: «Итак, проклятый Мазепа, кроме себя, худа никому не принес (ибо народом имени ево слышать не хотят)».¹³⁵ Гневная реакция украинского народа на вражеские универсалы и манифесты объяснялась, конечно же, не их неловко составленным содержанием, грубой ложью и клеветническими выпадами против России, а прежде всего более глубокими причинами: многовековую дружбу, основанную на близости языка, культуры и быта, общности религии, не могли поколебать универсалы и манифесты, сколько бы ни вкладывал в их содержание лжи, лести, ханжества и пронырства коварный Мазепа и его новый покровитель.

«Старик Мазепа» пришел в «неописанную скорбь» не столько потому, что лишился своих сокровищ, сколько потому, что ход событий не удовлетворил ни одного из его тайных желаний. Его не поддержали все слои украинского общества. Предатель очень скоро понял, что и надежды на непобедимого воителя Карла XII рухнули, подобно карточному домику: он имел возможность наблюдать, как таяла шведская армия, а долгожданной победы над немощными «московитами» все не было. Успел изменник убедиться и в том, что русская армия, напротив, набирала силу. Короче, Мазепа разуверился в конечной победе шведов, а

¹³² ПиБ. М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 266, 287, 300.

¹³³ Ригельман А. Летописное повествование о Малой России. М., 1847. Кн. 5. С. 52, 53.

¹³⁴ ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 276–284.

¹³⁵ Там же. С. 253, 254, 285.

увидев, что он безвозвратно проиграл, стал мечтать о новом предательстве, на этот раз предательстве Карла – Мазепа стал искать пути, чтобы вернуться под покровительство русского царя.

Во время аудиенции у Петра 21 ноября только что ушедший от Мазепы миргородский полковник Апостол передал царю его тайное предложение. Суть его состояла в том, что Мазепа, если царь ему позволит возвратиться в российское подданство, обещал передать в его руки захваченных им в плен шведского короля и самых видных генералов. Ян Мазепа пожелал вновь стать Иваном Мазепой; гарантами его безопасности должны были выступить европейские дворы, им названные. Некоторое время спустя предложения Мазепы повторил Галаган.

Какое впечатление на царя и его министров произвела готовность Мазепы предать своего покровителя Карла XII?

Однозначно ответить на поставленный вопрос вряд ли возможно, ибо не сохранилось ни одного источника, в котором бы отразилось подлинное отношение Петра к этой затее бывшего гетмана. С одной стороны, предложение привести в русский лагерь пленными короля и его генералов было соблазнительным, ибо такая операция давала России желаемый мир. Но с другой стороны, царь и его министры теперь уже не питали иллюзий, убедились в вероломстве Мазепы и имели все основания сомневаться в его искренности.

Если, однако, руководствоваться здравым смыслом, то ясно, что у Мазепы будто бы и не должно быть резону лукавить и затевать рискованную игру с царем. Петр ничего не терял, в то время как самому Мазепе его происки могли стоить жизни, если бы о них проведал Карл. Наконец, не следует отвергать и возможный расчет Петра – выманить предателя из шведского лагеря и учинить над ним расправу, которой тот достоин.

Как бы там ни было, но царь не отклонил с порога предложение Мазепы, переданное ему Апостолом, и миргородский полковник писал Мазепе: «Принят я над сподевание милостиво, и изволил царское величество того предложения от вашей милости добродее приказанного выслушать у мене сам зело секретно [...] Однако ж о том сумневался, правду ли я от вашего сиятельства поведаю, понеже мне от Вас на письме подлинно ничего не выражено». ¹³⁶

Коварный Мазепа, конечно же, избегал «выражать» что-либо «на письме», ибо понимал, что тем самым он отдавал себя во власть царя – стоило тому известить злопамятного Карла, что его новый «верный подданный» ведет двойную игру, как старый интриган оказался бы вздернутым на виселицу.

Предложению Мазепы царь не внял: «...знатно, – как писал Апостол бывшему гетману, – не доверивая еще». Лишь после того как это предложение повторил прибывший в царский стан полковник Галаган, Головкину было поручено вступить в сношение с Мазепой. 22 декабря канцлер отправил Мазепе письмо с извещением, что Петр «на те кондиции, чрез помянутого господина полковника предложенные, соизволил и гарантеров, желанных от вас для содержания той амнистии, принимает».

Этим флирт с изменником и закончился. Дело в том, что в декабре того же года в руках русского командования оказался гонец Мазепы к Станиславу Лещинскому. Из содержания отобранного у него письма явствовало, что предатель не раскаялся, а плел очередную интригу.

Между прочим, новый хозяин тоже не доверял обретенному на Украине союзнику. Мазепу повсюду сопровождали не сердюки и казаки, а конвой шведских солдат – Карл справедливо рассудил, что человек, предавший одного повелителя, способен с такой же легкостью предать и другого. В русской ставке об этом знали через перебежчиков и пленных: «Те ж полоняники сказывают, – иронизировал Головкин в письме к послу в Стамбуле Петру Андреевичу Толстому, – что помянутой изменник Мазепа в таковом

¹³⁶ ЧОИДР. М., 1859. Кн. 1. С. 213.

состоянии и почтении у шведов содержится, что около одного всегда шведской кавалерии по триста человек неотступно обретаются, и где в которой хранилище спит – и там внутри оной караул шведской бывает. А когда в калашке в дороге ездит, тогда с ним сидит офицер шведской». ¹³⁷

Неуютно чувствовал себя изменник в шведском лагере. С каждым днем ему становилось все труднее играть роль стоящего союзника короля. В самом деле, убедить шведов в том, что его армия, укомплектованная казаками и украинцами, достигнет обещанных размеров, уже не представлялось возможным – проходили месяцы, а Мазепа сумел в помощь шведам наскрести только три тысячи отщепенцев. Но как внушить шведам уважение к себе и убедить, что он им крайне необходим и полезен?

Изворотливый интриган встал на путь самого откровенного обмана. Он великолепно знал, что никакой помощи извне – ни от крымского хана, ни от османского султана – он не получит, тем не менее упрямо твердил, что она вот-вот приспешет. Комнатный слуга Мазепы, его покоевый, Григорий Новгородец, убежавший от него, показал в июне 1709 года: «Мазепа и кошевый подлинно короля шведского и все войско обнадеживал прежде и обнадеживал тем, что орда имела быть к ним то за неделю, то за две, а наидальше о святой неделе, а ныне сказывают, что, конечно, о святом Петре (то есть к 29 июня – дню святых Петра и Павла. – *Н.П.*) будет для них на помощь». Все обещанные сроки прошли, а орды как не было, так и нет. В результате бывший гетман «потерял у шведов кредит. И шельмою его все называют за неправды».

Репутация лжеца, быть может, и не угнетала бывшего гетмана, но навязчивая мысль, что он проиграл вчистую, что ему не миновать виселицы, что близится час расправы за содеянное, не покидала ни днем, ни ночью. Тот же покоевый Григорий Новгородец показывал: «Мазепа почасту в великой скорби и тузе бывает, а временем с плачем и великим воздыханием нарекает свое безумие, что надеялся, что от него Украина не отступит, такую учинил измену и о своей предвосприятной омыслился надежде». ¹³⁸

Огромное влияние на украинское население оказала церемония низложения Мазепы и выборы нового гетмана. Об антураже для этой церемонии и придании ей торжественности царь беспокоился сразу же после овладения Батурином.

5 октября 1708 года перед глазами тысяч людей, собравшихся в Глухове, развернулась театрализованная церемония лишения Мазепы гетманства и его последующей заочной казни. Присутствовали на ней многочисленные представители украинского и русского духовенства во главе с Феофаном Прокоповичем. Не подлежит сомнению, что в разработке церемониала участвовал сам царь.

На эшафоте была воздвигнута виселица, к которой приволокли куклу, изображавшую Мазепу в полный рост, в гетманском облачении и со всеми регалиями. Взошедшие на эшафот андреевские кавалеры Меншиков и Головкин разодрали выданный Мазепе патент на орден Андрея Первозванного, а затем сорвали с куклы андреевскую ленту. Лишенную «кавалерии» куклу палач вздернул на виселицу.

На следующий день, 6 ноября, состоялось избрание нового гетмана. Обладателем булавы стал стародубский полковник Иван Ильич Скоропадский. Тут же, в Глухове, ему были вручены гетманские регалии: бунчук, знамя, булава, печать. С этого дня Мазепа превратился в бывшего гетмана.

На ход событий на Украине повлияли также суровые меры Петра и его генералов, прежде всего Меншикова и Шереметева, против мародерства.

Уже 5 октября, за три недели до измены Мазепы, царь в письме к своему генерал-адъютанту Федору Бартеневу велел объявить драгунам, чтобы они «черкасом обид

¹³⁷ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 911.

¹³⁸ ПиБ. М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 931, 932.

не чинили; и ежели кто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады».

Во исполнение этого повеления Шереметев от имени царя обнародовал указ, призывавший население не покидать сел и деревень, «понеже жителям никаких обид и разорений и грабительств и протчаго своеволия чинено не будет, и заказано в том в войске под смертною казнию». Подобный же указ обнародовал и Меншиков: «А ежели кто сверх одного того конского корму хотя курицу или что денежное взять коснется, и те без всякого милосердия по указу его величества лишены будут чести и живота». Г. И. Головкин доносил царю из Почепа, что при пехоте и кавалерии Шереметев «учредил по майору» для наблюдения, чтобы населению «ни от кого из войск обид и разорения чинено не было». Виновных ожидала смертная казнь.¹³⁹

Предусмотренные указами кары за мародерство не были пустой угрозой. 19 декабря генерал Аларт донес царю, что, прибыв в Ромны, он стал свидетелем «наивящей конфузии: все дома во всем городе разграблены, и ни ворот ни одних не осажено, ни главного караулу не поставлено, и ни малого порядку для унятия грабежу не учинено, и все солдаты пьяны». Если бы, продолжал генерал, на город напало 300–400 неприятельских солдат, они без труда изгнали бы наших, нанеся им большой урон.

Царь велел расследовать случившееся. Виновные в бесчинствах по его указу от 4 января 1709 года понесли суровые наказания: «Офицеров в Ромнах по розыску казнить смертью в страх другим, а рядовых, буде меньше десяти человек, то казнить третьева, буде же больше десяти, то седьмова или десятова».¹⁴⁰

Урок подействовал отрезвляюще. Документы той поры не сохранили жалоб населения на обиды, чинимые солдатами и офицерами, в то время как шведы на земле своего «союзника» мародерствовали столь же свирепо, как в Польше и Саксонии. Это вызывало озлобление селян и горожан и желание помочь русским войскам в борьбе с захватчиками. Сохранилось немало свидетельств зверства шведских солдат: в одних случаях они поголовно истребляли всех жителей деревень, заподозренных в помощи русскому командованию, в других – превращали в пепел жилища, в третьих – силой изымали продовольствие и фураж.

К царю, Шереметеву, Меншикову и Головкину со всех сторон поступали сведения о сопротивлении оккупантам украинского населения: то местные жители доставляли русскому командованию взятых в плен шведских солдат, то ловили шведских «шпигов», то сами проникали в шведский стан, чтобы собрать там необходимые сведения, то выступали проводниками русских «партий», нападавших на шведов, то, наконец, сами совершали дерзкие нападения на неприятельские отряды. Г. И. Головкин несколько не грешил против истины, когда, обобщая факты о поведении украинцев, уведомлял П. А. Толстого в Стамбуле, что Мазепа в народе «ни малого приступу не имеет, ибо все состоят весьма твердо и при ево царском величестве и привозят повседневно от неприятелей многих полоняников». Головкину вторил П. П. Шафиров. Украинцы, писал он прусскому посланнику Кайзерлингу, «шведов, где могут только поймать, убивают и берут в плен».¹⁴¹

Мы не станем следить за перемещением шведской и русской армий в осенние месяцы 1708 года и в небывало студеную зиму 1708/1709 года. Отметим лишь, что к зиме шведы расположились в районе Гадяча, Ромен, Прилук, Лохвицы и Лубен. Русские войска дислоцировались восточнее этого района, прикрывая подступы к Белгороду и Курску на случай, если туда двинутся шведы. Опорными пунктами русских войск в эти месяцы были Сумы, Лебедин, Ахтырка.

¹³⁹ ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 181; Вып. 2. С. 749, 779; ТРВИО. Т. 3. СПб., 1909. С. 43.

¹⁴⁰ ПиБ. М., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 10.

¹⁴¹ ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 911; Шутой В.Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М., 1958. С. 321.

Разбросанность шведской армии объяснялась двумя обстоятельствами: в преддверии зимы в одном или двух городах невозможно было расквартировать армию численностью более чем в 30 тысяч человек; эту армию надлежало, кроме того, кормить. Поскольку единственным источником обеспечения войск провиантом и фуражом были реквизиции у местного населения, то шведы вынуждены были располагать свои полки на огромной территории.

Было бы ошибкой полагать, что оккупанты держали под своим контролем все населенные пункты, расположенные между крайними точками дислокации их войск, и обрели на этой территории покой от утомительных переходов и непрестанных стычек, а также достаток в продовольствии, на который они рассчитывали в богатой хлебом Украине. Гавриил Иванович Головкин так отзывался о положении противника в середине декабря 1708 года: «Принужден он всю свою армию с великою трудностью в самом утиснении держать, которого мы непрестанно партии докучать не оставляем, ибо мы от него меньше двух миль с кавалериею нашею стоим».¹⁴²

Шведам «докучали» не только «партии», направляемые к неприятелю подчиненными Меншикову генералами, командовавшими драгунскими полками. «Докучали» им и население городов, и расположенные в городах гарнизоны русских войск.

Не чурался налетов на неприятельские отряды и Александр Данилович. Складу его характера и темпераменту вполне соответствовали такого рода внезапные нападения, где можно было проявить и личную отвагу, и находчивость, и способность мгновенно ориентироваться в быстро менявшейся обстановке. Такое, например, произошло в середине ноября, когда к небольшому городку Смелому подступили три конных и один пехотный полки неприятеля, чтобы расположиться в нем на квартирах.

Узнав об этом, Меншиков прискакал во главе драгунских полков к мешчанам Смелого на подмогу и вместе с ними нанес неприятелю поражение: около 500 человек было уничтожено, 400 – пленено. Весь обоз оказался добычей русских войск.

После сражения у стен Смелого Меншиков отошел в Хорунжевку. Король, узнав о поражении своего отряда, прискакал к городку с основными силами, но население, поняв безнадежность обороны, покинуло его. Карл, по совету Мазепы, велел сжечь город.

Вслед за Смелым мужественное сопротивление неприятелю оказало население Недрыгайлова, не согласившееся в конце ноября впустить подошедшие к его стенам полторы тысячи шведов. Убедившись в том, что штурм не принесет им успеха, шведы отошли от города, предав огню его предместье.

В тех случаях, когда у жителей городов и местечек не доставало сил для отпора неприятелю, их ожидала свирепая расправа. 10 декабря шведы подошли к слабо укрепленному Терну и потребовали от жителей, чтобы они открыли ворота. Два часа население Терна оказывало сопротивление, но силы были неравными. Ворвавшиеся шведы вырезали свыше тысячи жителей и от местечка оставили пепел.

Особенность зимней и летней кампании 1708–1709 годов состояла в том, что против шведов действовали уже не только мелкие «партии», как это было раньше, главная цель которых состояла в добывании «языков», но и большие отряды, вступавшие в сражение со значительными силами шведов. План уничтожения врага по частям оставался в силе. Такими крупными операциями с участием нескольких тысяч солдат и офицеров с обеих сторон были сражения под Ромнами и Веприком.

3—4 декабря в главной ставке русской армии в Лебедине состоялся военный совет, наметивший план овладения Ромнами, где размещалась главная квартира Карла XII. План операции учитывал некоторые свойства характера забияки-короля: его азартность и любовь к стремительным атакам кавалерией.

План удался лучшим образом. Карл, находившийся в Ромнах, поверил известию о

¹⁴² ПиБ. Т. 8. Вып. 2. С. 879.

намерении русского командования овладеть Гадячем и в карьер отправился оказывать «сикурс» гадячскому гарнизону. Как только шведы оставили Ромны, в город тут же беспрепятственно вошли русские полки. Мазепа едва успел унести ноги из города. Ставка шведского короля переместилась в Гадяч.

Но под носом у Гадяча, в двенадцати верстах от него, находилось местечко Веприк, бывшее под защитой русского гарнизона. Такая близость не устраивала короля, и он решил во что бы то ни стало выбить оттуда русских.

Попытка овладеть Веприком с ходу успеха не принесла – гарнизон заперся в крепости и оказывал отчаянное сопротивление. К тому же у шведов не нашлось штурмовых лестниц и стенобитных орудий. В итоге король должен был заняться делом, которого не терпел, – осадой крепости. К ее штурму шведы приступили только утром 6 января.

Гарнизон крепости с пользой для обороны потратил дни, начиная с 27 декабря, когда шведы впервые появились у ее стен, – был отремонтирован вал, а главное, многократно облит водой, так что он покрылся толстым слоем льда. По скользкой поверхности вала было весьма затруднительно взбираться наверх.

Перед началом штурма генералитет предупреждал Карла, что овладеть городом будет трудно. Король, однако, не внял предупреждениям. «Я буду, – парировал он доводы, – орудиями обстреливать вал, так что неприятель и не посмеет выглянуть [...] Вы увидите, как быстро солдаты ворвутся в Веприк».¹⁴³

Первый приступ не принес успеха – защитники отбили штурм с большим уроном для неприятеля. Не принесли успеха и два последующих штурма. В «Гистории Свейской войны» сказано, что защитники Веприка «отдались на дискрецию» после того, «когда уже у наших пороха не стало».¹⁴⁴

По другой версии – комендант крепости Вильям Фермор, сдав крепость, совершил измену.

Овладение Веприком – самая безрассудная операция короля, дань его собственному упрямству. Надежды на то, что «солдаты быстро ворвутся в крепость», не оправдались. Благоразумие требовало отказаться от намерения, поскольку оно влекло колоссальные жертвы. Однако король находился во власти азарта: чем решительнее ему сопротивлялись, тем настойчивее он добивался своей цели. Его разгоряченную голову не могли остудить даже небывалые в этих краях морозы. Итог операции крайне плачевный: королевское упрямство стоило потери трех тысяч солдат и офицеров. Среди сложивших головы – немало офицеров, составлявших гордость королевской армии.

Однако обе армии несли потери не только в сражениях и стычках, но и от необычайно суровой зимы. Стужа в том году охватила всю Европу и нанесла огромный ущерб садам и посевам. Как правило мягкая, зима на Украине в том году тоже выдалась на редкость холодной. 22 декабря Карл Ренне доносил Меншикову: «Кого ни пошлешь, придет либо лицо, либо руки или ноги ознобе». Сведения о потерях русской армии от декабрьских морозов 1708 года находим в «Гистории Свейской войны»: «В то время мороз был чрезвычайный так велик, что птицы на воздухе мерли; и хотя наши большую часть дороги шли возле лесу, также ночевали около деревень, однако же со 150 человек ознобили руки и ноги и несколько десятков померло».

Неприятель нес во много крат большие потери. Экипировка шведских солдат, поизносившихся после выхода из Саксонии, не была приспособлена к условиям суровой зимы. Свидетели из шведского лагеря оставили немало сведений, сколь много солдатских и офицерских жизней унесла зимняя стужа.

¹⁴³ Гилленкрок А. Современные сказания о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 69, 70.

¹⁴⁴ Журнал, или Поденная записка. Ч. 1. С. 198.

Представитель польского короля Станислава Лещинского при ставке Карла XII Станислав Понятовский записал: «Прежде чем прийти к Гадячу, шведы потеряли три тысячи солдат, замертво замерзших, кроме того всех служителей при повозках и многих лошадей». Другой участник шведского похода, Даниэл Крман, в своем дневнике отразил некоторые подробности.

2 января (по новому стилю) Крман держал путь к Гадячу, куда направлялся король с «сикурсом»: «Я положил еще на воз раскаленный кирпич для обогривания ног и рук. Ибо, обладая таким образом внутренним и внешним теплом, смог продержаться более половины пути [...] Некоторые из наших конных возниц окоченели насмерть. Они были найдены бездыханными на телегах и возах, особенно те, которые заснули после неумеренного поглощения горилки [...]

На следующий день наши хирурги начали отрезать своими бритвами отмороженное и гниющее мясо от пальцев рук и ног некоторых солдат и проходящих для этого в нашу квартиру людей».¹⁴⁵

К началу декабря 1708 года Петр считал шведскую армию настолько измотанной и ослабленной, что допускал возможность генерального сражения, от которого ранее настойчиво уклонялся. Сохранился указ царя, обращенный к участникам военного совета, состоявшегося в главной ставке русской армии, по-видимому, 3 декабря. Указ подвел итоги кампании 1708 года, оцениваемой царем в высшей степени положительно, поскольку она обескровила войско оккупантов. «Понеже всегда советовано, – писал царь, – удаляться от генеральной баталии, что и чинено чрез все лето, частвительно же великой урон неприятелю учинен. Ныне же по всем видом едва ли весьма невозможно без генеральной баталии обойтитца».

Два обстоятельства, по мнению Петра, благоприятствовали тому, что именно сейчас, в зимние месяцы, следовало не уклоняться, а искать решающего сражения Северной войны. Наступающая зима сковала льдом реки и болота, «фсе глатко стало», как писал Петр, то есть создавались благоприятные условия для маневра. Второе обстоятельство имело еще более существенное значение: с генеральным сражением надо поспешать, чтобы тем самым предупредить соединение с главной шведской армией на Украине войск Станислава Лещинского и корпуса генерала Крассау, находившихся в Польше. Резюмируя свои соображения, Петр считал, что битву надо давать до наступления весны, «ибо тогда худова, а не лутчева ждаты».

Своими мнениями о неизбежности генеральной баталии в зимнее время Петр поделился с Ф. М. Апраксиным. 3 декабря он писал ему: «Однако ж не чаю, чтоб без генеральной баталии сия зима прошла (понеже к весне не без опасения есть)».¹⁴⁶

Документов о военном совете 3 декабря в Лебедине не сохранилось, но, по-видимому, предложение царя при обсуждении было отклонено. Если бы военный совет подтвердил необходимость генеральной баталии, то документы той поры донесли бы до нас какие-либо признаки подготовки к генеральному сражению. Их нет.

После операции Гадяч – Ромны – Веприк наступили суровые будни, дни затишья, без сколь-нибудь серьезных столкновений с неприятелем: передвижение кавалерии Меншикова и особенно пехоты Шереметева затрудняли сначала крепкие морозы и глубокие снега, покрывшие поля Украины, а затем рано, в феврале месяце, начавшееся обильное половодье.

Относительное затишье Александр Данилович использовал для укрепления Ахтырки, где он разместил свою ставку. Январские письма князя к царю рассказывают о совершенствовании оборонительных сооружений. 13 января 1709 года: «И здешнюю

¹⁴⁵ Горяинов С.М. Записки сподвижника Карла XII//Журнал РВИО. СПб., 1910. Кн. 4. С. 33; Шутой В.Е. Малоизвестный источник по истории Северной войны // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 98.

¹⁴⁶ ПиБ. Т. 8. Вып. 1. С. 334.

фартецию я осмотрел, и не знаю, что с нею чинить, понеже не весьма оборонительная, но токмо что велика, и, например, будет вместе с предместьем больша 2000 дворов, и ежели оную держать, то надобно целую дивизию посадить».

Колебания продолжались недолго. Донесения последующих дней свидетельствуют о решимости князя продолжить строительные работы: «У здешней фартеции заложили мы вновь 5 болварков, также и старые башни исправлять стали, и ежели все совершитца, то немалое защищение будет». Впрочем, как ни старался князь ускорить окончание работ, завершить их в течение десяти дней не удалось.

Одновременно Меншиков зорко следил за происходящим в неприятельском стане или, как тогда говорили, за «неприятельскими оборотами». Необходимые сведения он получал от «партий», то и дело направляемых во вражеские тылы и фланги. «О том надлежащее старание иметь не оставляли, и партии от нас непрестанно посылаютца, и языков берут, которых есть здесь человек около двадцати», – докладывал князь царю 22 января.

Относительное спокойствие на театре военных действий позволило царю покинуть Украину, чтобы отправиться в Воронеж. Туда его звало не только желание взглянуть на верфи и строившиеся корабли – необходимо было укрепить Воронеж на тот случай, если король направит свою армию к этому городу. Опасения Петра имели основание – один из пленных рассказал о новом маршруте на Москву, якобы составленном Карлом XII, который проходил через Воронеж.

Царю не терпелось перед расставанием встретиться с Меншиковым. 26 января он писал своему фавориту из Лебедина: «Зело б изрядно, чтоб ваша милость сюда хотя на малое время побывал, а ежели теперь нужду имеете, то хотя на Воронеж приезжайте, ибо необходимая нужда с вами видетца и определить». Но Александр Данилович имел «нужду» и оставить армию никак не мог – как раз в эти дни Карл XII начал свой поход в Слободскую Украину. Поэтому 28 января он отвечал царю: «Буде изволите на Воронеж итти, не извалите ль заехать в Ахтырку для осмотра того места, куда и я мог до вашей милости, смотря по случаю, прибыть».

У Меншикова наступили горячие дни. Он организует две операции – в районе Опошны и в самой Опошне. В первой из них, закончившейся равными потерями с обеих сторон, неприятельскими войсками командовал сам король. Во второй – шведы, как доносил светлейший, «хотя были и малолюдны, однако ж зело жестоко держались и не вдруг здались, пока их к тому наши огнем и гранатами не принудили».¹⁴⁷

Движение шведов на восток было очередным тактическим промахом короля, ибо тем самым он усугублял и без того критическое положение своей армии, лишая ее возможности получить подкрепление из Польши. Карл XII, как известно, не отличался ни благоразумием, ни осмотрительностью. В ответ на уговоры генералов воздержаться от реализации рискованного плана он ответил: «Нет, отступление за Днепр походило бы на бегство; неприятель станет упорнее и высокомернее. Мы прежде выгоним из казацкой земли русских, укрепим за собою Полтаву, а между тем наступит лето, и тогда оно покажет нам, куда направиться».

Единственным человеком, который не только поддерживал намерение короля не уходить за Днепр, но и горячо убеждал претворить план короля в жизнь, был Мазепа. Но бывший гетман, выступавший в роли главного консультанта короля по «казацким делам», руководствовался только своекорыстными интересами – он великолепно понимал, что уход шведов за Днепр означал бы окончательный крах его власти над гетманщиной. Его булаву поддерживали шведские штыки, и, зная отношение к себе народа, он понимал, что тут же будет сметен с украинской земли.

Путь Карла на восток продолжался недолго – 13 февраля он достиг самого восточного пункта, куда ступала нога шведского солдата, – Коломака. Не доезжая до него, состоялся

¹⁴⁷ Пиб. Т. 9. Вып. 1. С. 52, 53; Вып. 2. С. 645.

знаменитый разговор короля с Мазепой. Стараясь выказать любезность, бывший гетман сказал королю, что до границы между Европой и Азией осталось восемь миль.

– С этим не согласятся географы, – возразил король, но тем не менее во время очередной остановки для отдыха велел позвать генерал-квартирмейстера Гилленкрока, чтобы заявить ему: – Мазепа сказал, будто отсюда недалеко до Азии.

Гилленкрок: Ваше величество шутите.

Король: Я никогда не шучу. Ступайте и узнайте от Мазепы.

Гилленкрок отправился к Мазепе и растолковал ему, что такого рода шутки с королем весьма опасны, так как он ради эфемерной славы готов двинуться туда, где он этой славы никогда не обретет.

От Коломака Карл круто повернул на запад. Это решение короля относится к труднообъяснимым. Что его заставило изменить план: запоздалое признание несостоятельности задуманного или начавшееся половодье, превратившее степи Украины в сплошь покрытое водой пространство? Поклонник военных дарований короля так и написал, что план Карла «был разрушен силами природы».¹⁴⁸ Но и приведенное выше суждение шведского историка Артура Стилле не выдерживает ни малейшей критики, ибо разлив рек от преждевременного таяния обильных снегов происходил с такой же интенсивностью на востоке от Коломака, как и на западе от него.

Как бы там ни было, но небольшие ручейки действительно превращались в безбрежные реки, и неприятельская пехота, повернув на гетманщину, шла по воде, не имея возможности просушиться. Движение шведов сопровождало зарево пожаров – они безжалостно предавали огню все, что встречали на своем пути и что не успели сжечь при движении на восток. В один и тот же день – 14 февраля, – когда Карл вступил в Коломак, Петр прибыл в Воронеж. Там он находился почти два месяца – до 10 апреля.

Накануне отъезда в Воронеж царь 6 или 7 февраля оставил Меншикову и Шереметеву инструкции, что каждому из них надлежало делать. Основная задача Александра Даниловича состояла в том, «чтоб недалеко быть от главного корпуса неприятельского и смотреть на обороты оного и всяко приключать оному беспокойство».

Возможности светлейшего «приключать оному беспокойство» ограничивало половодье. 18 февраля Меншиков извещал царя, что неприятель пришел в Опошню, и над ним «хотя со всякою охотою желали б возможно чинить поиск, но всюду за разлитием вод з большим корпусом никакова промыслу чинить не мочно». Князю приходилось довольствоваться действиями мелких отрядов, как, например, нападение на противника, переправляющегося через речку Мерлу, когда небольшая «партия», ударив с тыла, учинила такой переполох, «что принужден неприятель чрез Мерлу вплавь плыть и многие возы в воде опрокинул».

Положение нисколько не изменилось и четыре дня спустя – 22 февраля Александр Данилович доносил царю: «Нам с сей стороны сильными партиями неприятелю ничего чинить невозможно, понеже воды кругом нас обошли». И далее: «Пока настоящая водополь простоит, по то время нам движения никакова и знатного поиску над неприятелем чинить невозможно».¹⁴⁹

Затишье позволило Меншикову отправиться в Воронеж. Перед тем как отбыть туда, он оставил Шереметеву «пункты моего мнения не в указ», то есть рекомендации, исполнение которых было бы желательным, но не обязательным. «Мнение не в указ» излагало программу действий для войск фельдмаршала на ближайшее время и обнаруживает в его авторе точное предвидение возможных военных событий.

Меншиков исходил из двух предпосылок: либо враг попытается прорваться к Днепру и

¹⁴⁸ Стилле А. Карл XII как стратег и тактик. СПб., 1912. С. 78.

¹⁴⁹ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 81; Вып. 2. С. 722, 694.

форсировать его, чтобы соединиться с поляками Станислава Лещинского и шведами генерала Крассау, либо останется «весновать» на Украине, сконцентрировав свои силы в междуречье Ворсклы и Сулы. В первом случае Меншиков рекомендовал Шереметеву «знатной промысел учинить» над арьергардом в тот момент, когда основные силы неприятеля переправятся на противоположный берег Днепра. Во втором случае светлейший советовал «неприятелю докучать» мелкими «партиями». И в том и в другом случае следовало держаться поближе к шведам, не упускать их из виду. Петр высоко оценил стратегические способности светлейшего, наложив резолюцию на его «Мнение»: «зело изрядные».

Источники не оставили никаких следов более чем двухнедельного пребывания князя в Воронеже. Известно только, что он прибыл туда 14-го, а выехал 29 марта. В день отъезда из Воронежа Меншиков испросил у царя резолюцию – как ему действовать, если «по слитии вод при первой траве неприятель пойдет на нас и будет искать баталии». Царь дал предельно четкий ответ. Действие русской армии на время своего отсутствия он ограничивал нападениями на противника «знатными партиями», чтобы ему «всяко, по возможности, вредить».

Вооружившись планом действий, Меншиков отправился к армии, а царь, проведя в Воронеже еще около двух недель, 10 апреля отбыл по Дону в Азов, где и пришвартовался 22 апреля.

Последний раз царь бывал в этих краях в 1696 году. Восторг от увиденного он отразил в письме к Меншикову: царь прибыл 26 апреля «в сие место (Троицкое. – *Н.П.*), которое пред десяти летями пустое поле видели (чему сами сведомы), ныне, с помощью Божиею, изрядной город купно з гаваном обрели (и хотя где долга хозяин не был, и не все исправно, однако ж есть что смотреть)». ¹⁵⁰

Многочисленные донесения русского посла в Стамбуле Петра Александровича Толстого сообщали о переполохе в султанском дворе, вызванном приездом царя в Азов. В Стамбуле ожидали бомбардировки города русским флотом, паника сопровождалась даже бегством населения столицы в глубь страны. Возможно также, что царь и его дипломаты сознательно распространили слух об армаде русских кораблей, якобы прибывшей в Азов, все с той же целью, чтобы удержать Османскую империю от вмешательства.

Но у царя была еще одна причина для продолжительного пребывания в Азове. Речь идет о лечении Петра от какого-то недуга. О том, что он прибыл в Воронеж больным, есть его прямое свидетельство: в день приезда он отправил Меншикову письмо с извещением, что «в пути великую нужду принял для безпутицы», и требованием «не мешкав» выслать к нему доктора Дунеля, в котором он имел «нужду для себя». ¹⁵¹ Будучи в Азове и Таганроге, царь проходил курс лечения, принимал лекарства, действовавшие в теплом климате.

В отсутствие царя фактическое командование армией находилось в руках Меншикова. Его главенствующая роль на театре военных действий определялась не только положением царского фаворита, а прежде всего тем, что он командовал кавалерией – самым мобильным родом войск.

Александр Данилович первый разгадал планы короля, когда тот лишь повернул от Коломака на запад. 15 февраля, задолго до того, как шведы осадили Полтаву, Меншиков закончил свое послание царю догадкой, полностью потом подтвердившейся: «И по сему признаваем, что правитца не инуды куды, точию к Полтаве, а больши, чаю, ради запорожцев».

Что привлекало шведского короля в Полтаве, какими соображениями он руководствовался, когда проявил настойчивое желание во что бы то ни стало овладеть этим

¹⁵⁰ ПИБ. Т. 9. Вып. 1. С. 168.

¹⁵¹ Там же. С. 88.

городом?

Очевидцы из шведского лагеря единодушно утверждают, что мысль овладеть Полтавой подсказал Карлу Мазепа. Как показывал один из пленных, расчет Мазепы был прост: «Естли оную (Полтаву. – *Н.П.*) добудет, может всю к себе приклонить Украину».¹⁵² Молва о том, что шведы овладели Полтавой, крупным административным центром гетманщины, по мнению Мазепы, быстро распространится по Украине, и население убедится в том, что силы шведов неодолимы, что у русской армии нет никаких перспектив на победу. Полтава, рассчитывал изменник, создаст перелом и в отношениях украинского населения к нему, Мазепе, и к шведам; украинцы не только прекратят сопротивление бывшему гетману и его покровителю, но и станут активно помогать.

В этих рассуждениях Мазепы, возможно, был известный резон, и Карл мог поддаться уговору предателя. Но аргументы Мазепы ничего не стоили, если бы сам король не оценил преимуществ, которые он мог извлечь, если бы Полтава находилась под его контролем. Во-первых, приток Днепра – Ворскла, на которой стоит Полтава, была удобной артерией, связавшей город с Днестром. Переволочна, находившаяся в устье Ворсклы, давала возможность переправы войск Станислава Лещинского и Крассау, а также запорожских казаков, перешедших на сторону Мазепы. Во-вторых, Карл XII все еще не расставался с эфемерной надеждой, что в войну против России вступит Османская империя и ее вассал крымский хан. Овладение Полтавой позволяло шведам соединиться с силами нового союзника.

И тем не менее овладение Полтавой не могло оказать решающего влияния на ход войны. Если Полтаве, а не какой-либо другой крепости Украины, и суждено было стать местом, у которого разыгрался трагический финал шведской армии, то в этом немалую роль сыграли личные качества короля, причудливые свойства его характера.

У Полтавы произошло то же самое, чему мы были свидетелями у стен Веприка, с той лишь весьма существенной разницей, что Веприк занял место печального эпизода в Северной войне, в то время как Полтава поставила точку и прекратила существование шведской армии. При овладении Полтавой, как и при овладении Веприком, король проявил крайне пагубное для полководца упрямство. У Веприка оно в конечном счете принесло победу, купленную, правда, ценой потери трех тысяч воинов. У Полтавы – еще большие потери. Почти три месяца длилась полтавская эпопея, но шведам так и не удалось сломить сопротивление ее славных защитников.

Полтава называлась крепостью. С крепостью у нас ассоциируются мощные кирпичные или каменные стены с бойницами, наполненными водой рвами и прочими оборонительными сооружениями. При упоминании слова «крепость» видятся кремлевские стены в Москве, Казани, Астрахани, Шлиссельбурге, Нарве или Соловках. Ничего этого в Полтаве, как и во множестве остальных украинских крепостей, не было. Очевидец, Даниэл Крман, оставил лаконичное описание Полтавы: «Мы увидели небольшой городок, расположенный на холме, окруженный с двух сторон невысокими холмами и укрепленный двойными насыпями и такими же валами».

Впервые неприятельская «партия» численностью в 300 человек появилась под Полтавой 1 апреля 1709 года. Шведы не рассчитывали столь малочисленным отрядом овладеть городом, они преследовали более скромную задачу разведать силы гарнизона. С этого времени не проходило ни одного дня или ночи, чтобы шведы не предприняли каких-либо операций против крепости.

3 апреля, например, полторы тысячи шведов пытались взять город штурмом. Затея не удалась, штурм был повторен под покровом ночи, а также 5 апреля. После того как неприятель убедился, что город с налету ему не взять, он приступил к осадным работам: рытью траншей и подкопов. 14 апреля рекогносцировку крепости произвел сам король. Он

¹⁵² Там же. Вып. 2. С. 705, 931.

обнаружил, что один из валов был достаточно низким, и велел штурмовать именно этот вал. Штурм стоил неприятелю 500 человек убитыми.

Возобновив осадные работы, шведы особые надежды возлагали на подкоп и заложенные в него бочки с порохом. На 23 апреля намечался подрыв вала и ворот. Но взрыва не последовало. «Осажденными, – записал в дневнике Даниэл Крман, – был унесен порох, вложенный в подкоп, в тот самый час, когда шведы были уверены, что ворота с укреплениями взлетят на воздух». ¹⁵³ Не подозревая этого, шведы подожгли фитиль, изготовились для атаки, чтобы «по взорвании вбежать в крепость», но им пришлось ни с чем отступить на исходные рубежи.

Известие о намерении шведов овладеть Полтавой Петр получил в начале мая от Шереметева. 5 мая он, извещая князя о том, что фельдмаршал сообщил ему, будто шведы «хотят доставать Полтаву», просил у светлейшего подтверждений: «И о том изволь нас уведомить, правда ли то и довольно ли во оной Полтавской крепости провианту и протчего, что ко осаде потребно». Меншиков отвечал 11 мая: «В той крепости, как к нам от 5 [-го] дни пишет комендант Келин, что нужды никакой нет». Комендант, продолжал светлейший, не сидит сложа руки, а совершает вылазки. В одну из них ему удалось напасть на шведский обоз, порубить «многих шведов» и «несколько от обозов их лошадей оторвали, из которых он, Келин, прислал ко мне зело изрядную лошадь».

Мажорный тон письма не успокоил царя. Он писал Александру Даниловичу: «В осаде полтавской гораздо смотреть надлежит, дабы она с помощью Божиею конечно освобождена или по крайней мере безопасна была от неприятеля». «Сие место зело нужно» – так оценил Петр значение Полтавы. Он предлагал облегчить оборону крепости и положение ее гарнизона двумя способами: либо организовать диверсию на Опошню и тем отвлечь силы короля от Полтавы, либо расположить войска так близко к Полтаве, чтобы было «всегда возможно в город людей прибавливать и амуниции». ¹⁵⁴

Цитированное письмо царя датировано 9 мая. На это обстоятельство следует обратить внимание в связи с тем, что мысль светлейшего работала в том же направлении. Это делает честь как Петру, так и Александру Даниловичу. В начале мая князь созвал военный совет – как помочь Полтаве, «оной крепости отдых учинить». Все участники совета были единодушны в том, чтобы «учинить неприятелю какую диверсию». ¹⁵⁵

«Диверсия» была совершена 7 мая на ту самую Опошню, на которую рекомендовал в письме напасть и царь. Операция началась с того, что Меншиков близ Опошни на виду у шведов велел соорудить мост через Ворсклу. Неприятель не придал этому никакого значения. Между тем русские полки, перейдя через мост, напали на окопавшихся у берега шведов, которых было 600–700 человек, частично уничтожили их, частично захватили в плен. Стоявшие в Опошне шведы не рискнули вступить в сражение и укрылись за стенами замка. Убедившись, что замком с налета не овладеть, русское командование решило отвести свои полки на исходные рубежи.

О событиях у Опошни доложили Карлу, стоявшему у Полтавы. Тот немедленно с семью тысячами кавалерии ринулся на помощь опошнинскому гарнизону. Но к этому времени основные силы русских переправились через Ворсклу, и король должен был довольствоваться лишь нападением на аррьергард, не успевший перейти на противоположный берег.

В этом эпизоде существенна одна деталь, свидетельствующая о возросшем мастерстве русских войск: они не дрогнули, не поддались панике, а оказали наседавшим шведам

¹⁵³ Шутой В.Е. Малоизвестный источник... С. 101, 102.

¹⁵⁴ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 170, 174; Вып. 2. С. 862.

¹⁵⁵ Журнал, или Поденная записка. Ч. 1. С. 204.

организованное сопротивление: «...остановясь, дали по ним из пушек и из всякого ружья несколько добрых залпов, отчего они, шведы, принуждены с уроном отступить к Опошне». Итог диверсии: неприятель потерял несколько сотен солдат и офицеров, захвачено две пушки, восемь офицеров, 170 рядовых, освобождено из плена несколько сот жителей, которых шведы «в непрестанной жестокой работе держали». И хотя Карл XII не задержался в Опошне, но, в очередной раз предав ее огню, возвратился к Полтаве на следующий же день, диверсия, как мы еще увидим, оказала помощь гарнизону. А у царя вызвала радость. «Мы зело обрадовались», – писал Петр в ответ на известие о сражении и отметил удачу «обыкновенною стрельбою».¹⁵⁶

Следующую диверсию наши войска совершили десять дней спустя, 17 мая. По своим масштабам она была намного скромнее первой, и если она все же достойна упоминания, то лишь как пример координированных действий полтавского гарнизона и полевых войск. Вылазка гарнизона оказалась весьма удачной: ее участники атаковали неприятеля «с толикою храбростию», что выбили его из шанцев «и до берегу реки прогнали». Обнаружив, что к шведам подходит подкрепление, они организованно отошли под защиту крепостных валов.

Во время этой вылазки стряслась беда с родственником Меншикова, бригадиром Алексеем Федоровичем Головиным, женатым на родной сестре князя. Накануне, 15 мая, бригадир возглавил «сикурс», направленный светлейшим в Полтаву. Под покровом темноты отряд в 900 человек продрался через кустарник, переправился через три речки и болото. Солдаты несли над головой ружья и по 40 патронов и благополучно вошли в Полтаву, пополнив силы ее защитников.

Во время же вылазки Головину крупно не повезло. Он, видимо, был человеком темпераментным и настолько углубился в боевые порядки шведов, что попал в плен – по одним данным, под ним была убита лошадь, по другим – его, «сбив с лошади в болото, взяли в полон». Находясь в плену, он тоже проявил характер. Участник событий, князь Борис Иванович Куракин, сообщил любопытную деталь пребывания Головина в плену: «И по взятии оного бригадира Головина получили ведомость, что оной был с гонором трактован. Однако ж сам неосторожно себя повел и хотел уйти, за что был посажен в клетку с ругательством».

Мы здесь упомянули только о более или менее крупных акциях, предпринятых Меншиковым. Что касается действий мелких «партий», то они были настолько обыденными и совершались так часто, что не привлекали к себе внимания современников. Александр Данилович в точности выполнил свое обещание ни на одну минуту не оставлять шведов в покое. Еще в начале мая, подойдя с кавалерией к Полтаве, он писал царю: «Мы, будучи здесь, праздно стоять не будем, но, при помощи Божии, всякого поиска искать подщимся».¹⁵⁷

Перед нами опять свидетельство Бориса Ивановича Куракина. Он рисует картину повседневных лихих налетов партий регулярной и нерегулярной конницы: «И непрестанно на неприятельскую сторону партии легкой кавалерии отправляли, как волохов, казаков донских, калмыков, которые всегда неприятелю алярм (тревогу. – *Н.П.*) делали и лошадей отгоняли, и одним разом больше семисот лошадей от обозу неприятельского отогнали, также и многих языков брали».¹⁵⁸

Убедившись в бесплодности попыток овладеть крепостью оружием, шведы 2 июня предложили сдать крепость без боя на условиях, которые будут угодны самим осажденным.

¹⁵⁶ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 177.

¹⁵⁷ ПиБ. Т. 9. Вып. 2. С. 873.

¹⁵⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 320.

В случае же отказа капитулировать, передали парламентареры, все до одного защитники Полтавы будут истреблены. Комендант крепости Алексей Степанович Келин, человек долга, незаурядной выдержки и отваги, дал достойный ответ: «Мы уповаем на Бога, а что объявляешь, о том мы чрез присланные письма, коих 7 имеем, известны, тако же знаем, что приступов было 8-м и из присланных на приступе более 3000 человек при валах Полтавских положили. Итак, тщетная ваша похвальба; побить всех не в нашей воле состоит, но в воле Божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет».

Между тем двухмесячная осада Полтавы не могла не сказаться на положении гарнизона и жителей города. Поэтому не случайно Петр 4 июня, в день своего прибытия под Полтаву, поспешил отправить собственноручное послание Келину с обещанием освободить город от блокады. Коменданту царь предложил изложить нужды гарнизона. Тот затребовал 50 пудов пороха. В тот же день порох стали перебрасывать в бомбах.

Гарнизону не доставало не только пороху. Чем дальше, тем больше в городе стали ощущать нехватку продовольствия. Келин 8 июня доносил Меншикову, что гарнизону крепости удалось наскрести провианту только на текущий месяц, «а впредь будущей месяц провианту не будет и на три дни, не только солдатам, но и всем будет нужда».¹⁵⁹

Ознакомившись с обстановкой, царь решил, что настал час для генеральной баталии. 7 июня он писал Федору Матвеевичу Апраксину: «Сошлись блиско с соседьми, и, с помощью Божиею, будем конечно в сем месяце главное дело со оным иметь». На следующий день об этом же намерении он известил и дипломата князя Григория Федоровича Долгорукого: «Объявляем вам, что мы здесь намерены неприятеля всеми силами атаковать з Божиею помощью». Тут же просьба к корреспонденту: «Секретно сие держи».

Однако задачей, не терпящей отлагательства, которую следовало решить до генеральной баталии, был прорыв блокады Полтавы. Эту операцию Петр наметал осуществить 13 июня. Накануне царь отправил Келину указ, чтобы защитники Полтавы одновременно с ударом, наносимым главными силами, совершили вылазку из крепости. План сорвала погода: сильный дождь поднял уровень воды в Ворскле настолько, что операцию пришлось отменить. «Объявляю вам, – сокрушался по этому поводу Петр в письме к Г. Ф. Долгорукому 13 июня, – что сего дня намерение наше для вчерашних дождей не исполнилось, о котором, как могли, трудились чрез болоты, но не могли».¹⁶⁰

Петру ничего не оставалось, как энергично готовиться к генеральной баталии. Необходимость подготовки к ней подтвердил военный совет, созванный им 16 июня. Четверг, 16 июня, примечателен еще одним событием – в этот день король был ранен в ногу.

Шведские историки, из числа поклонников Карла XII, связывали трагический конец шведской армии с пресловутым ранением короля. Это, конечно, глубокое заблуждение, полное непонимание реальной обстановки. Армия агрессора была обречена на гибель задолго до ранения Карла. Никто не мог точно сказать только одно – где эта армия обретет свой бесславный конец: то ли у валов Полтавы, то ли у Гадяча или, скажем, Веприка.

Ход событий опрокинул все расчеты самонадеянного короля. Окружив Полтаву, он был уверен, что ее гарнизон находится в мышеловке. В действительности он сам со своей армией находился в окружении, и возможность вырваться из него к лету 1709 года уже исчезла.

Заключительный акт трагедии шведской армии под Полтавой начался 15 июня – в этот день часть русских полков переправилась через Ворсклу, до этого разделявшую две неприятельские армии. Когда об этом Реншильд донес королю, тот передал через адъютанта: пусть фельдмаршал действует по своему усмотрению. Эта реплика обнаруживает новые черты в поведении короля. Если ранее он в трудных ситуациях сохранял бодрость духа и не поддавался унынию, то со времени Лесной его одолевали приступы черной меланхолии и он

¹⁵⁹ ТРВИО. Т. 3. С. 192.

¹⁶⁰ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. С. 202, 208.

проявлял безразличие к происходившему.

По русским источникам, сопротивление шведов во время переправы не было упорным: «Неприятель паки с немалым числом конницы и пехоты приступил в том намерении, чтоб с оных мест сбить и дело транжementов воспрепятствовать, но от войска царского величества с великим уроном прогнан».

19—20 июня на противоположный берег вместе с основными силами армии переправился и Петр. Началась непосредственная подготовка к генеральному сражению. В лагерях русских и шведов она протекала по-разному.

Король, придерживавшийся только наступательных действий, естественно, не проявлял интереса к инженерной подготовке будущего поля сражения. Главная его забота состояла в том, чтобы обезопасить свой тыл, не дать полтавскому гарнизону сделать вылазку в тот момент, когда шведы будут увлечены сражением с главными силами. Для этого надо было овладеть Полтавой. Покорение крепости представляло еще одну выгоду – в этом случае освобожденные от осады войска могли быть использованы в генеральном сражении.

Дважды, 21 и 22 июня, шведы предприняли отчаянные попытки войти в город. Как и раньше, они сделали подкопы, заложили бочки с порохом, но, как и в предшествующие разы, взрыва не последовало – порох благополучно изъяли осажденные. Неприятель повторил штурм ночью 22 июня и едва не добился успеха: «Во многих местах неприятель на вал восходил, но комендант показал несказанную храбрость, ибо он сам во всех нужных местах присутствовал и сикуровал!» В критический момент в защите города участвовало все население: «Жители Полтавы все были на валу; жены хотя в огне на валу не были, токмо приносили камни и прочее».¹⁶¹

Штурм не удался и на этот раз, и шведы, хотя и понесли большие потери, так и не обезопасили свой тыл.

Русские войска у места переправы – деревни Петровка, расположенной в восьми верстах севернее Полтавы, – соорудили укрепленный лагерь. Осмотрев местность, Петр велел передвинуть армию поближе к расположению шведов. Царь счел, что открытая местность у Петровки предоставляла преимущества шведской армии, отличавшейся высокой маневренностью и умением перестраивать боевые порядки в ходе сражения. Из опыта битвы у Лесной царь знал, что это преимущество неприятель утрачивает, когда ему навязывают сражение в пересеченной лесистой местности. Таким было пространство у деревни Яковцы.

Здесь, в пяти километрах от шведов, русские войска 25 июня приступили к сооружению укрепленного лагеря. Он был усилен воздвигнутыми впереди лагеря шестью редутами, преграждавшими путь шведам к основным силам русской армии. Редуты отстояли один от другого на расстоянии ружейного выстрела. Осмотрев их, Петр 26 июня велел дополнительно соорудить четыре редута, расположенные перпендикулярно к первым шести.

Устройство дополнительных редутов, прикрывавших лагерь русской армии, было новшеством в военно-инженерном деле. Не преодолев их, невозможно было подступить к основным силам русских. Наступавшие, овладевая редутами, в каждом из которых располагалась рота солдат, несли большие потери от ружейного и артиллерийского огня; кроме того, преодоление этих редутов расстраивало боевые порядки наступавших.

Каковы были силы сторон в канун генеральной баталии? Почему Петр считал, что настало время помериться силами на поле брани? Тому было несколько причин.

Одна из них – шведы утратили преимущества, которыми ранее располагали: соотношение сил на театре военных действий стало не в пользу противника. В распоряжении Петра в укрепленном лагере под Полтавой находилось 42 тысячи регулярных и 5 тысяч нерегулярных войск. Кроме того, царь располагал резервом в 40 тысяч человек, расположенным на реке Псёл.

Что касается шведской армии, то ее численность не поддается точному учету. Если

¹⁶¹ ТРВИО. Т. 3. С. 271, 272.

исходить из подсчета потерь шведов убитыми и плененными под Полтавой и Переволочной, а также бежавших с Карлом XII, то в шведской армии в общей сложности находилось 48 тысяч человек. Впрочем, боеспособных войск, непосредственно участвовавших в Полтавской битве на стороне шведов, было значительно меньше: из этого числа следует вычесть около трех тысяч мазепинцев и около восьми тысяч запорожцев, во главе с Костей Гордиенко, перешедших на сторону Мазепы и Карла XII в марте 1709 года. Около 1300 шведов все еще продолжали осаждать Полтаву и тоже не участвовали в сражении. Карл, не будучи уверенным в победе, расставил несколько отрядов вдоль реки Ворсклы до впадения ее в Днепр у Переволочны, видимо, на случай возможного бегства с поля боя. Наконец, из общего числа шведов надлежит исключить лиц, не причастных к строевой службе. Только под Переволочной было пленено 3402 «служителя», а сколько их пленено и полегло под Полтавой – неизвестно.

В итоге в Полтавской битве могло участвовать не более 28–30 тысяч шведов. Численное превосходство, таким образом, было на стороне русских войск. Русская армия располагала еще одним существенным преимуществом – ее артиллерийский парк насчитывал 102 пушки, в то время как шведы могли противопоставить только 39 орудий.

Царь вручил командование армией трем военачальникам: вся кавалерия в составе 24 полков отдавалась под начало Меншикову, пехота – Шереметеву, артиллерия – Брюсу.

Сражение, как свидетельствуют источники и русского и шведского происхождения, намечалось на 29 июня. Лейтенант шведской армии Вейе записал в своем дневнике: «Для сражения Петр назначил 29 июня, день своих именин, когда, по его расчетам, должны были подоспеть калмыки, которых отправил по просьбе царя хан Аюка». Узнав об этом, Карл решил упредить нападение царя и атаковать русских ранее этого срока.¹⁶²

Нечто похожее обнаруживаем и в «Дневнике обороны Полтавы»: сведения о подходе калмыков, вынудившие Карла начать сражение ранее срока, шведскому командованию сообщил перебежчик из русского лагеря, который, кстати, выдал шведам еще один важный секрет – он указал место расположения в боевых порядках русских полков новобранцев и советовал нанести удар именно по этому полку. Петр, узнав о бегстве иноземца предателя и предположив, что тот непременно сообщит о слабом месте обороны, велел поменять форму: на новобранцев надели мундиры закаленного в боях Новгородского полка, а на новгородцев – мундиры новобранцев.

В этом свидетельстве если что-либо и может вызвать сомнение, так это сюжет с переодеванием. Что касается прибытия калмыков и перенесения дня сражения, то показания обоих источников, никак не связанных между собою происхождением, совпадают.

О том, что генеральное сражение намечено на 27 июня, Карл XII объявил накануне, 26 июня. Войскам было сказано, что король сам будет участвовать в битве, но из-за ранения командовать войсками не в состоянии и вручает их фельдмаршалу графу Реншильду. Генералам Карл XII самодовольно заявил: «Завтра мы будем обедать в шатрах у московского царя. Нет нужды заботиться о продовольствии солдат – в московском обозе всего много припасено для нас».¹⁶³

В воскресный день 26 июня царь разъезжал по полкам – тоже обращался к воинам с речью. Но не сытым обедом прельщал он солдат и офицеров, а выпавшей им честью защитить Родину и совершить ради этого подвиги. Петру отвечал генерал-лейтенант князь Михаил Михайлович Голицын, заверивший, что воины для защиты отечества не пощадят живота своего: «Ваше царское величество изволил труд наш и верность и храбрость добрых солдат видеть на Левенгаубтской баталии [...] ныне войско то ж, и мы, рабы твои, те ж

¹⁶² Кордт В. Бої під Лісним і під Полтавою зашеденником шведського лейтенанта Ф. Вейе // Українська Академія наук. Записки історично-філологічного відділу. Київ, 1931. Кн. 24. С. 221.

¹⁶³ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 542.

уповаем таков же иметь подвиг». ¹⁶⁴

В ночь на 27 июня шведские войска были приведены в боевую готовность. «Эту ночь, – засвидетельствовал Даниэл Крман, – мы провели под открытым небом, без огня, без соломы, сена, еды и питья».

Пехота и конница должны были нанести удар по основным силам русской армии. Такова была диспозиция Карла XII. Сражение, однако, протекало не по его воле, а по воле Петра Великого.

Шведы ринулись в атаку за два часа до рассвета. С обнаженной шпагой, лежа в притороченной к лошадям качалке, шведский король, находясь в центре боевых порядков, призывал свое воинство к победе. Мазепа тоже изображал полководца. Даниэл Крман записал: бывший гетман «утром, роскошно одетым, неся на чистокровном коне в бой, но король Карл, похвалив его, приказал вернуться к обозу, ради спасения жизни, потому что и так у него было слабое здоровье». ¹⁶⁵

Русские войска встретили шведов, подошедших к редутам в три часа ночи, сильным ружейным и артиллерийским огнем. Неприятель прихватил с собой всего четыре пушки. Объяснялось это не недостатком пороха у шведов, как принято было считать историками раньше, а упованием на рукопашную схватку в темноте.

Шведам удалось овладеть двумя недостроенными редутами, раздались их торжествующие возгласы: «Победа! Победа!» Веру шведов в победу укрепили также успешные действия их кавалерии, на короткое время потеснившей русских драгун. Радость, однако, была преждевременной. Оказавшись без поддержки артиллерии и не имея гранат, шведы несли огромные потери. Пехота под командованием шведского генерала К.-Г. Рооса и кавалерия В.-А. Шлиппенбаха, не выдержав губительного огня, отошли в Яковецкий лес. Связь этих отрядов с основными силами шведов была утрачена. Конница Меншикова атаковала кавалерию Шлиппенбаха, разгромила ее и захватила в плен командовавшего ею полковника. Такую же участь разделила и пехота Рооса, пытавшаяся было укрыться в шведских укреплениях под Полтавой. На плечах бегущих пехота русского генерала Ренцеля ворвалась в укрепление и уничтожила или пленила этот отряд.

Так неудачно для шведов закончился первый этап сражения: они понесли огромные потери и, не выполнив возложенных на них задач, вынуждены были отойти за пределы досягаемости ружейного и пушечного огня.

Наступило затишье, сопровождавшееся построением основных сил в боевые порядки. Петр в конце шестого часа сражения велел вывести из укрепленного лагеря 42 батальона пехоты из имевшихся у него 60. На флангах расположились драгунские полки.

В боевой порядок построилась и шведская армия, первой начавшая наступление. Когда шведы подошли на расстояние пушечного выстрела, 87 стволов русской артиллерии открыли огонь картечью. Шведы продолжали идти вперед, но когда приблизились на расстояние ста шагов, раздался залп русской пехоты и драгун. Началась ружейная и артиллерийская дуэль, в которой русские оказались намного сильнее.

В девятом часу утра начался решающий этап битвы. Реляция описывает его так: «И как войско наше, таковым образом в ордер-баталии (боевой порядок. – *Н.П.*) установясь, на неприятеля пошло, и тогда о 9-м часу пред полуднем атака и жестокий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростью учинена, что вся неприятельская армия по получасовом бою с малым уроном наших войск (еже при том наивяще удивительно), как кавалерия, так и инфантерия, весьма опровергнута, так что швецкая инфантерия ни единожды потом не остановилась, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колота».

¹⁶⁴ ТРВИО. Т. 3. С. 275.

¹⁶⁵ Шутой В.Е. Малоизвестный источник... С. 105.

Посмотрим на ход сражения глазами тех, кто находился в шведском лагере: «Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную ружейную пальбу и грохот пушек, какой нельзя было представить, если бы не слышали его собственными ушами». Ядро разнесло одну из жердей носилок короля. Его пересадили на лошадь, которая тут же была убита, затем на вторую, наконец, – третью. С большим трудом его вывели из опасной местности, «со всех сторон окруженный неприятелем», король чуть-чуть не попал в плен.¹⁶⁶ В обозе ему полтора часа перевязывали рану, открывшуюся в результате многократных падений.

Любопытно свидетельство другого участника сражения, лейтенанта Вейе. Его перу принадлежат наполненные сарказмом слова о поведении мазепинцев в часы Полтавской баталии: «Что касается до казаков гетмана Мазепы, то я не думаю, чтобы из них полегло за все время боя более, нежели трое, ибо пока мы сражались, они находились в тылу, а когда довелось бежать, то они оказались далеко впереди. Но они, – продолжает Вейе, – оказали нам одну услугу, а именно – показали путь к обозу».¹⁶⁷

Судьба генеральной баталии была решена. Поле под валами Полтавы было усеяно вражескими трупами – все, кто оказался в живых и не попал в плен к Меншикову, искали спасения в бегстве. Позже на поле брани насчитали свыше восьми тысяч убитых шведов.

Полтавская победа принесла царю несколько приятных неожиданностей: неожиданным был сокрушительный разгром неприятельских войск; неожиданными были малые потери русских; наконец, неожиданным было участие в сражении лишь трети русской армии, сосредоточенной у стен Полтавы. Все эти неожиданности на несколько часов парализовали энергию Петра, перенесшего накануне огромную нервную нагрузку. Полтора месяца спустя после сражения царь писал Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину: «Я от полтавской игрушки с лишком две недели был болен, но ныне, слава Богу, оздравел и позафтрее поеду в Польшу».¹⁶⁸ В итоге преследование в панике бежавших шведов началось не спустя несколько часов, требовавшихся для того, чтобы привести конницу в боевой порядок после сражения, а лишь к вечеру; только тогда в погоню были отправлены драгуны князя М. М. Голицына и генерала Боура. Позже преследователей возглавил Меншиков.

Деталей того, как протекало преследование, русские источники не сообщают. Имеются лишь два документа, исходивших от Меншикова. Оба они крайне близки по содержанию и крайне скупо отразили происшедшее.

29 июня Александр Данилович извещал супругу: «О себе доношу, что сего часу прибыли мы с кавалериею в Кобыляк в добром здоровье и речку Кобылячку переправливаемся, где от неприятеля с нашими была и стрельба небольшая – не хотели наших перепустить. Однако же мы, за Божией помощью, чюд не все перебрались и как перебрались, то, з Божию помощью, следовать будем, чтоб не перепустить их за Днепр».

Донесение царю, отправленное одновременно, в 8 утра, дословно повторяет письмо к Дарье Михайловне, но содержит одну дополнительную фразу: «Король ныне почевал в Кобыляке и ис Кобыляка пошел и спрашивал разных дорог за Днепр».¹⁶⁹

Из текстов явствует, что шведы бежали без оглядки, показывая преследователям спины. Единственный раз они отважились повернуться к ним лицом, пытаясь воспрепятствовать их переправе через речку Кобылячку, но робкое сопротивление тут же было сломлено.

29 июня шведы и мазепинцы достигли Переволочны – местечка у впадения Ворсклы в

¹⁶⁶ Там же. С. 108.

¹⁶⁷ Кордт В. Указ. соч. С. 224.

¹⁶⁸ ПИБ. Т. 9. Вып. 1. С. 344.

¹⁶⁹ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 154, 156; Госархив, Разряд IX, отд. 2, кн. 9, л. 73.

Днепр. Лихорадочные поиски средств переправы не увенчались успехом: они были заблаговременно уничтожены, а рядом не оказалось ни леса, ни кустарников, пригодных для сооружения плотов либо парома. Разобрали старую церковь, но бревна разнесло быстрым течением Днепра.

Безысходность положения шведской армии понимали все, кроме короля, к которому вернулась его прежняя самонадеянность. «Пусть только увидят меня солдаты верхом на лошади, – хвастливо заявил он, – станут они сражаться так же храбро, как и прежде».

«Нет, ваше величество, – возразил Гилленкрот, – если неприятель явится, то многие наши солдаты или положат оружие, или бросятся в воду, чтобы спасти свою честь». ¹⁷⁰

Мазепе не стоило большого труда уговорить Карла бежать, причем не в Крым, путь туда был долог и таил опасность быть настигнутым погоней, а в Очаков, где можно было укрыться на пятый день бегства. Изменник не стал ожидать согласия короля и, проявив несвойственную своему возрасту прыть, поспешил переправиться на другой берег, благо казаки где-то обнаружили лодки. «Оставшиеся же конные все пустились вплавь и, сгрудившись вместе, благополучно переплыли; кои же на плаву оном уже поотстали, или от волнения кто поплыл как особо, так равно и те, кои, будучи пешие, за королем плыть помешкались, те все по обширности реки и волнения перетонули». ¹⁷¹ Несколько часов спустя через Днепр переправились король, Понятовский, 23 офицера, 80 драбантов, 620 солдат и 6 человек из королевской канцелярии. Командование покинутой армией Карл XII оставил Левенгаупту.

Шведская армия, оставшаяся на левом берегу Днепра, пребывала в подавленном состоянии. Когда 30 июня рассвело, взору шведов представилась устрашающая картина – на них готовы были двинуться драгуны Меншикова. Для создания у неприятеля видимости, что перед ним стоит многочисленное войско, Голицын велел своим драгунам спешиться и расставить лошадей на большой площади, чтобы издали казалось, что их великое множество.

В действительности Меншиков располагал девятью тысячами человек, в то время как у шведов насчитывалось свыше шестнадцати тысяч, почти вдвое больше. Эта цифра выяснится позже, а в тот момент светлейший не располагал более или менее точными данными о численности неприятельских войск. Быть может, эта неосведомленность была и полезной, ибо давала основание князю действовать решительно и напористо. Он знал, что перед ним стояла армия, потрясенная и деморализованная поражением под Полтавой и утомленная трехдневным бегством. Знал он также, что шведы не располагали ни порохом, ни запасами продовольствия и фуража. Все это, вместе взятое, давало ему основание потребовать от Левенгаупта немедленной капитуляции.

Но вместе с тем Александр Данилович, как увидим ниже, не исключал и сражения с неприятелем, причем его суждения о моральном состоянии шведов обнаруживают в нем достаточно тонкого психолога. У шведов, считал он, не было третьего пути – пути отступления: они могут либо капитулировать, либо сражаться, причем сражаться с отчаянием обреченных. В этом случае русские войска тоже могли понести немалые потери. Вот почему Александр Данилович использовал все рычаги воздействия, чтобы избежать сражения и принудить неприятеля к капитуляции.

Левенгаупт предпринял лихорадочные поиски выхода из критического положения, в котором оказалась армия, оставленная ему королем.

Он собрал всех офицеров, командовавших полками, и изложил им требование Меншикова. О том, как развивались дальнейшие события, расскажут нам два его участника. Лейтенант Вейе, из шведского лагеря:

«После непродолжительного совещания он (Левенгаупт. – *Н.П.*) велел каждому из

¹⁷⁰ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 562.

¹⁷¹ Ригельман А. Указ. соч. Кн. 5. С. 83.

присутствующих отправиться в свои полки и спросить у солдат, желают ли они сражаться или капитулировать. Солдаты поначалу давали неопределенные ответы: одни ссылались на то, что не все обеспечены оружием, другие говорили, что им безразлично, третьи – если понадобится, то они выполнят свои обязательства, и только один майор Гольде от имени оболяндских всадников надавал большие обещания. Поэтому Левенгаупт не пожелал принимать решение, но велел еще раз полковым командирам, чтобы каждый из них спросил у солдат, желают ли они сражаться или нет и хотят ли кавалеристы и драгуны атаковать вражескую пехоту, так как пехоты у нас мало [...] Большинство драгун хотели сдаться, ссылаясь на то, что без пехоты ничего не смогут сделать». Левенгаупту ничего не оставалось, как принять условия капитуляции, продиктованные Меншиковым.

Послушаем героя Переволочны Александра Даниловича Меншикова. 30 июня, когда шведы сдавали оружие, он доносил царю: «Сего числа мы неприятеля здесь в Переволочне настигли, который стал уже перебираться, а имянно король сам с драбантами и с Мазепою перебрался прошедшей ночи, а на сей стороне остался Левенгаупт, который против нас в ордер-баталию построился.

А как мы усмотрели, что не в малом числе обретаются, а имянно что по последней мере будет у него войска около восьми тысяч, того ради разсудили мы, что если с таким не безсильным и отчаянным неприятелем в бой вступить, то не без великаго урона у нас было бы, и для того я, построив своих людей против онаго неприятеля в ордер-баталию, послал к нему, Левенгаупту, своего генерал-адъютанта с таким предложением, что понеже они спасению своему никакого иного способа не имеют, то хотят или сдаться на аккорд или нет. На что отповедью прислан к нам генерал Крейц, и хотя от онаго и были к их пользе некоторые запросы, однако с малою им пользою тот аккорд учинен, и всех их, как генералов, так и прочих офицеров и рядовых, со всею амунициею через тот аккорд мы приняли, которые сего числа пришли и все строем кладут оружие и наш караул к ним приставлен. Также и пленные наши, колько их в неприятельских руках было, все выручены, меж которыми и зять мой и иные многие офицеры».¹⁷²

Вырученный из плена «зять мой» – не кто иной, как бригадир Алексей Федорович Головин, схваченный неприятелем во время вылазки из Полтавы 15 мая.

Итак, в письме к царю Меншиков сообщил, что шведов у Переволочны было около восьми тысяч. В тот же день, 30 июня, светлейший поделился радостью в связи со счастливым исходом операции с супругой. Дарье Михайловне он сообщал, что «бегучаго от нас неприятеля здесь мы сего числа настигли и только что сам король и с изменником Мазепою в малых людях уходом спаслись, а достальных шведов всех живьем на аккорд в полон побрали, которых будет числом около десяти тысяч, между которыми генерал Левенгаупт и генерал-майор Крейц. Пушки, всю амуницию тоже взяли».¹⁷³

Как видим, здесь фигурировала иная цифра взятых в плен – не восемь, а десять тысяч. Каково же было удивление князя, когда, по уточненным данным, шведов оказалось в плену 16 275 человек. Именно такая цифра пленных фигурирует в русских источниках.

Случившееся у Переволочны подтверждает удачный выбор царя. Петр правильно учел свойства характера князя, которому в известной мере были свойственны и невероятная напористость, и способность действовать очертя голову, и, если хотите, отчасти и авантюризм. Именно так и надо было поступить с деморализованным противником. Расчетливость Шереметева и осторожность Боура вряд ли могли быть полезными в той ситуации. Переволочна, таким образом, к полтавской славе Александра Даниловича добавила новые лавры.

Трофеями русских войск оказалось все оружие, снаряжение, артиллерия, 400 тысяч

¹⁷² Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 570, 571.

¹⁷³ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 156.

рублей в шведской казне и 4 300 рублей в мазепинской. Все, что шведы награбили за девять лет непрерывных побед в Польше, Курляндии и Саксонии, попало к русским. Среди пленных – рижский генерал-губернатор Левенгаупт, генералы Крейц, Круз, графы Дугласы и другие высшие офицеры.

В часы, когда шли переговоры о капитуляции, а затем велись подсчеты пленных и трофеев, кареты с беглецами – королем и Мазепой – двигались по безлюдной, безводной и знойной степи. Томимые голодом и жаждой беглецы приблизились к Бугу лишь на седьмой день пути.

Петр вновь опоздал с организацией погони. В Переволочну он прибыл 1 июля, а отряд для поимки короля и Мазепы был отправлен только два дня спустя. Быть может, в эти дни и царь, и Меншиков забылись от радости и восторга – армия, грозившая лишить Россию суверенитета, перестала существовать, а ее предводитель позорно уносил ноги в неизвестность. Быть может, для снаряжения отряда и снабжения его запасами продовольствия и фуража требовалось время. Быть может, опасались отправкой погони ослабить силы Меншикова, необходимые для охраны плененных шведов. Может быть, наконец, пришлось потратить много времени, чтобы переправить на тот берег шесть тысяч драгун, во главе с генералом Волконским выделенных для поимки короля и Мазепы.

Отряд Волконского начал трудную погоню только 3 июля, то есть четыре дня спустя после бегства Карла XII и Мазепы.

Уже 4 июля Волконский доложил Меншикову из Кременчуга, что после одного дня погони стало «много усталых лошадей» и давал о себе знать недостаток провианта. Трудности, как явствует из донесения Волконского Меншикову от реки Буг 9 июля, нарастали изо дня в день: из Кременчуга он выехал 4 июля «и шел за неприятелем денно и ночью с поспешением», но догнать его не мог, «для того что он упредил свой марш предомноу четырьмя днями от Днепрова». Через Буг король и Мазепа, доносил Волконский, переправились «за день до моего приезде». Генерал счел, что ему у Буга делать нечего, и он решил возвратиться в Кременчуг, потому что «у драгун провианту ничего нет, и пять дней хлеба не едали, а достать было нигде невозможно, для того что от Кременчуга до Очакова деревень не было, все шли степью».¹⁷⁴

Неудача постигла Волконского не только потому, что он отправился в путь на четыре дня позже, но и потому, что он дважды сбивался с пути и терял драгоценное время, пока вновь нападал на след беглецов.

18 июля царь отправил Меншикову указ, чтобы Волконский стерег Карла XII на пути его в Венгрию. Однако слух о намерении короля покинуть Бендеры оказался ложным – на чужбине ему пришлось коротать почти четыре года. Что касается Мазепы, то Петр немедленно потребовал от султана его выдачи. Неизвестно, чем бы закончилась дипломатическая акция царя, если бы Мазепа не умер 22 сентября. Обстоятельства его смерти в точности неизвестны. По одним данным, он умер естественной смертью, по другим – отравился, опасаясь выдачи царю и ожидаемого возмездия.

Народная молва объясняла смерть Мазепы не покидавшими его ни на миг тяжелыми думами об ожидаемой каре: «Сего злодея съела вошь, понеже при напавшей на него печали о лишении всей надежды своей такая вошь напала, что не мог он, переменяючи рубашку на каждый день поутру и ввечеру, освободиться от нее, и тем, или той болезнью, исчез. А иные объявляют, что ядом стравил себя».¹⁷⁵ Такой неприглядный конец жизни изменника сохранила народная память.

После Полтавы Петр раздает награды: графа Гавриила Ивановича Головкина он возвел в канцлеры, Петра Павловича Шафирова – в вице-канцлеры, Репнину, Брюсу и другим

¹⁷⁴ ТРВИО. Т. 3. С. 213, 215.

¹⁷⁵ Ригельман А. Указ. соч. Кн. 5. С. 97.

генералам пожаловал орден Андрея Первозванного, генерал-лейтенантам Голицыну и Боуру – деревни. Многие генералы и офицеры получили повышение в чинах. Но все эти награды не шли ни в какое сравнение с тем, как были отмечены заслуги Меншикова. Светлейшего царь пожаловал чином второго фельдмаршала (первым был Шереметев), а также городами Почеп и Ямполь. И без того уже огромные владения князя увеличились на 43 362 души мужского пола. По числу крепостных он стал вторым после царя душевладельцем России.

Справедливости ради должно отметить, что все самые яркие страницы истории Северной войны в предполтавский и полтавский периоды написаны при активнейшем участии Меншикова: Шлиссельбург, Нарва, Калиш, Батурин, Полтава, Переволочна. Никого из соратников Петра нельзя поставить на одну доску со светлейшим по вкладу, лично внесенному в разгром шведов.

«Преславная виктория» под Полтавой коренным образом изменила внешнеполитическое положение России, и Петр отправляется в Европу пожинать плоды русской дипломатии. Меншикова он отправляет в Польшу против войск Станислава Лещинского и шведского генерала Крассау. Однако шведы сами поспешно удалились в Померанию, а Станислав Лещинский, лишившийся их поддержки, бежал из Польши. Князь доносил Петру 29 сентября: «Понеже пишет к нам господин отъютант Ушаков, что неприятель ушел к Померании, настичь его невозможно, того ради мы поход свой оставили».¹⁷⁶

Распорядившись о расквартировании войск в Польше, Меншиков отправляется в Москву для участия в грандиозном параде победителей. Его свидетелями москвичи стали 19 декабря 1709 года. В параде участвовал и Меншиков. Значение его подчеркивалось тем, что он ехал верхом на коне чуть сзади Петра. На следующий день была разыграна сцена доклада князю-кесарю Ромодановскому главных участников победоносного сражения: Петра, Меншикова, Шереметева. Александр Данилович доложил: «Божией милостию и вашего кесарского величества счастием взял я в плен ушедших с Полтавского сражения под Переволочну генерала и рижского губернатора графа Левенгаупта [...] и 16 275 человек».

В начале апреля 1710 года Меншиков вновь на театре войны. Операции развернулись в Прибалтике, там русские в течение года овладели важнейшими крепостями Эстляндии и Лифляндии. Меншиков участвовал в осаде Риги. Царь был недоволен действиями Шереметева, не обеспечившего полной блокады Риги, и отправил туда князя в полной уверенности, что тот сделает все, чтобы изолировать крепость от внешнего мира и принудить гарнизон к сдаче. Светлейший распорядился перекинуть через реку бревна и цепи, поставить в надлежащих местах пушки, чем лишил шведские корабли возможности доставлять гарнизону продовольствие и подкрепление. Все было готово к штурму, но началось «моровое поветрие» (чума), сильно опустошившее ряды осаждавших, и активные действия пришлось отложить.

ГУБЕРНАТОР СТОЛИЧНОЙ ГУБЕРНИИ

После парада в Москве светлейший возвращается в Петербург, где с той же энергией, что и на войне, продолжает руководить застройкой города. Петр признавал заслуги Меншикова в благоустройстве будущей столицы. В одном из писем этого года, отправленном из Петербурга, царь писал: «...желаю, дабы Господь Бог ваш дело как наискоря управил, и вас бы нам здесь видеть, дабы и вы красоту сего Парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть) в заплату трудов своих, с нами купно причастником был, чего от сердца желаю. Ибо сие место истинно, как изрядный младенец, что день, преимуществует».¹⁷⁷

¹⁷⁶ ПиБ. Т. 9. Вып. 2. С. 1256.

¹⁷⁷ ПиБ. М., 1956. Т. 10. С. 57.

К своему детищу – Петербургу – Петр был неравнодушен, и оценку его внешнего облика он явно преувеличивал. Судя по описанию города, составленному в 1710–1711 годах, он еще не приобрел блеска, позже вызывавшего хвалебные отзывы современников. Будущая столица в это время не имела ни одного монументального здания, город застраивался стихийно, на скорую руку возводились невзрачные деревянные избы, в которых ютились мастеровые люди. Даже дворцы вельмож, в том числе и губернатора Меншикова, были деревянными. Все, что приводило в восторг людей, обзоревавших столицу империи в конце жизни Петра, – прямые улицы, вымощенные камнем, аллеи вдоль улиц, освещаемых фонарями, кирпичные дворцы Меншикова, Апраксина, Головкина, Летний дворец Петра и изумительный по красоте Летний сад, собор Петра и Павла, здания Кунсткамеры и Двенадцати коллегий, – возникло много позже. Но и тогда, в 1710–1711 годах, вызывала удивление быстрота возведения на пустынном и заболоченном месте города с 750–800 дворами, грандиозным Адмиралтейством, со стапелей которого спускали полностью оснащенные и вооруженные корабли.

Десятки тысяч людей в невероятно тяжелых условиях изо дня в день вколачивали сваи, обжигали кирпич, валили деревья, возводили правительственные здания, спрямляли притоки Невы, засыпали землей низины. Застройка Парадиза велась под постоянным надзором царя. Но Петр бывал в Петербурге наездами, неотложные дела требовали его присутствия в военных походах, на переговорах с союзниками, в Москве, где пока еще находились правительственные учреждения. В его отсутствие главным распорядителем строительных работ в Петербурге становился губернатор Меншиков.

Меншиков в эти годы являлся не только петербургским губернатором, но и руководителем канцелярии городских дел, в ведении которой находилась застройка Петербурга, Шлиссельбурга, Кронштадта и Петергофа.

В середине января 1711 года Петр отправляется в Москву для подготовки похода против Османской империи. Оставшемуся в Петербурге Меншикову царь вручил инструкцию «Что надлежит сделать по отъезде нашем». Поручения касались строительства Летнего дворца, заложенного в августе 1710 года, и других дворцов в окрестностях Петербурга. Позже эту инструкцию Петр дополнил новыми пунктами – построить амбары в Адмиралтействе, следить за сооружением кораблей и благоустройством города, организовать заготовку провианта. Перед губернатором открывалось широкое поле деятельности. «Понеже, – как писал Петр, – нам ныне за нынешнею настоящею войною всех дел правильно определить было невозможно».¹⁷⁸

Забот в зимние месяцы у Петра действительно было много: надлежало укомплектовать армию, отправлявшуюся к турецким границам; пополнить рекрутами гарнизоны прибалтийских крепостей, ослабленные выводом из них войск, предназначавшихся для похода; организовать доставку им снаряжения и боеприпасов. Все эти хлопоты настолько занимали царя, что он не находил времени даже черкнуть несколько строк Данилычу. Тот регулярно отправлял Петру письма и донесения, а Петр отвечал – одним на пять полученных. «Впрочем, прошу, чтоб не оскорблялися вы, что не часто пишу: истинно несказанная суэта и для неисправностей здешних печаль».

В «неисправностях», приводивших Петра в «печаль», видимо, недостатка не было. Одной из них он поделился с Меншиковым: «А до ныне Бог ведает, в какой печали пребываю, ибо губернаторы зело раку последуют в происхождении своих дел, которым последней срок в четверг по первой неделе, а потом буду не словом, но руками со оными поступать». Царь писал о нерасторопности губернаторов, задерживавших поставку рекрутов.

В этот период ничто не предвещало размолвки. Меншиков и царь обменивались подарками. Петр благодарит князя за какой-то презент и в свою очередь сам поздравляет с

¹⁷⁸ ПИБ. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 34, 106.

рождением второго сына и одаривает новорожденного: «Посылаю сыну вашему материю на шлапрок, а понеже он еще мал, то вы вместо его износите». ¹⁷⁹

6 марта 1711 года царь выехал из Преображенского в Москву, чтобы оттуда отправиться к армии, идущей к Пруту. В этот день он написал Меншикову два письма. Одно из них столь же доброжелательное, проникнутое вниманием и заботой о князе, как и предшествующие письма. Другое, однако, выражало неудовольствие: как только Петр оказался в Москве, к нему обратился прибывший незадолго до этого польский посол Волович. От имени вдовы великого гетмана литовского Григория Огинского, преданнейшего сторонника сближения Польши с Россией, он подал жалобу на Меншикова, который, в бытность свою в Польше в 1709 году, воспользовавшись финансовыми затруднениями гетмана, купил у него за бесценок староство Езерское.

Ссора со сторонниками России в Польше противоречила внешнеполитическим интересам русского правительства, и царь велел Меншикову немедленно возвратить староство вдове. Письмо царя к князю содержит внушение: «И николи б я того от вас не чаял, хотя б какой и долг на них был».

В пути на юг Петру пришлось выслушать новые жалобы жертв княжеского стяжания и произвола. Если в первом письме царь лишь слегка пожурил своего фаворита, то в письме, отправленном 11 марта, звучат нотки раздражения, недовольства и даже угрозы: «В чем зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбитца о том, ибо первая брань лутче последней, а мне, будучи в таких печалех, уже пришло не до себя и не буду желеть никого».

Меншиков не отпирался, но считал свои проступки не заслуживающими внимания, сущей безделицей. Петр, однако, придерживался диаметрально противоположного мнения: «А что, ваша милость, пишешь о сих грабежах, что безделица, и то не есть безделица, ибо интерес тем теряется во озлоблении жителей; Бог знает, каково здесь от того, а нам жадного прибытку нет». ¹⁸⁰

У Меншикова перед царем была заступница – Екатерина Алексеевна, сопровождавшая царя в Прутском походе. «И доношу вашей светлости, – писала Екатерина князю в первой половине мая, – дабы вы не изволили печалитца и верить бездельным словам, ежели с стороны здешней будут происходить, ибо господин шаутбейнахт по-прежнему в своей милости и любви вас содержат». ¹⁸¹ Екатерина не лукавила. Понадобилось меньше месяца, чтобы прежние отношения между Петром и его фаворитом восстановились. В письме от 9 апреля Петр уведомил князя в Петербурге, что он тяжело болел «скорбью такою, какой болезни от роду мне не бывало», что «весьма жить отчаялся», но дело пошло на поправку, и он учится ходить. Меншиков отвечал: «Об оной вашей болезни весьма мню, что не от иного чего, но токмо от бывших трудов вам приключилась, и того ради прилежно прошу, дабы изволили себя в том хранить». Захворал и светлейший, хотя и обладал завидным здоровьем. В июле он сообщал царю, что «в полторы сутки з десять фунтов крови ртом вышло». ¹⁸² Это был, видимо, первый серьезный приступ хронической болезни легких, с которой на этот раз могучему организму Меншикова удалось справиться.

Заступничество Екатерины сыграло свою роль. Но и сам Меншиков всю старался потрафить царю. Он известил Петра, что ко дню его именин, отмечаемому 29 июня, заготовил подарок – фрегат «Самсон». Подарок, как говорится, пришелся ко двору – Петр

¹⁷⁹ Там же. С. 58, 61.

¹⁸⁰ Там же. С. 139, 145, 215.

¹⁸¹ Архив ФИРИ, ф. Походной канц. А.Д. Меншикова, картон 15, д. 220, л. 2.

¹⁸² ПиБ. Т. 11. Вып. 1. С. 167, 459, 561.

после Полтавы считал пополнение Балтийского флота крупными кораблями важнейшей задачей и главным средством принудить Швецию к миру. «Самсон» был первым кораблем, купленным за границей, за ним последовали другие, приобретенные в Англии и Голландии.

Оценить достоинства подарка Петр тогда, разумеется, не мог, он находился в походе, но в апреле следующего года, будучи на борту «Самсона», писал светлейшему: «При сем пили за здоровье, кто сей корабль подарил, понеже зело хорош на ходу». ¹⁸³

Прутский поход, как известно, закончился неудачно. Россия должна была вернуть Азов и оставить Таганрог. Тем самым Азовский флот лишился гаваней.

С берегов Прута Петр отправляется за границу, где принимает воды в Карлсбаде, участвует в свадебных торжествах своего сына, встречается с иностранными государями. Поздней осенью 1711 года он возвращается в Россию. Сведения о взаимоотношениях Петра и Меншикова того времени дают все основания расценивать происшедшую размолвку всего лишь как досадный эпизод, следы которого тут же исчезли. Во всяком случае, в письмах Петр не скупился на похвалы князю за его усердие в строительстве Петербурга. «Благодарствую вашей милости за все труды ваши, как для охранения тамошних краев, так и за строение», – написано 28 сентября 1711 года. ¹⁸⁴ Узнав о том, что Меншиков хочет ехать встречать его, Петр отписал 3 ноября из Эльбинга: «О протчем не имею что ответствовать, только дай Боже вас здоровых видеть, для чего прошу тебя Богом: не ездь встречю ко мне, не испортъ себя после такой жестокой болезни, но дожись в Питербурхе». Он полон заботы о светлейшем. Меншиков, получив это письмо, продолжил свой путь. Супругу он извещал: «Но понеже оное письмо встретило нас на половине дороги к Риге и того ради принуждены доезжать до Риги не спеша». ¹⁸⁵

В Риге светлейший встретил царя и задержался более чем на две недели, причем уверял, что «от болезней поветренных опасности здесь никакой нет» (чума прошла. – *Н.П.*) и он пребывает «в здравии». Из Риги он отправится в Ревель – «где тоже ныне никакой опасности нет и болезнь противная чрез его Божескую помощь прекратилась».

Прутский мир хотя и стоил России приобретений на Азовском море, но развязывал руки для продолжения борьбы с главным противником. Петр рассудил по этому поводу так: «Сие дело есть, хотя и не бес печали, что лишитца тех мест, где столько труда и убытков положено, аднако ж, чаю, сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительно прибылью нам есть». Под «другой стороной» подразумевалось укрепление военных сил России против Швеции.

Шведы были изгнаны из Лифляндии и Эстляндии еще в 1710 году. Неприятельские войска откатились в Померанию, где укрылись в хорошо укрепленных городах.

Россия не претендовала на эти территории и если двинула туда свои войска, то лишь для того, чтобы изгнать шведов за море и тем самым вынудить упрямого Карла XII заключить мир. Участвуя в Померанской кампании, Россия, кроме того, выполняла союзнические обязательства перед Саксонией и Данией.

Напомним, что Северный союз, распавшийся в 1706 году после заключения Альтранштедтского мира Швеции с Саксонией и формального отречения Августа II от польской короны, был воскрешен под стенами Полтавы. Полтавская победа аннулировала Альтранштедтский мир и вынудила шведского ставленника Станислава Лещинского бежать из Польши. Эта же победа позволила занять свое место в Северном союзе и Дании, вышедшей из него еще в 1700 году. В итоге Северный союз был восстановлен в прежнем составе, причем Петр особые надежды в этом союзе возлагал на Данию, единственную

¹⁸³ Там же. С. 542; ПиБ. М., 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 179.

¹⁸⁴ ПиБ. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 153.

¹⁸⁵ Там же. С. 232; РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 209.

страну, обладавшую сильным военно-морским флотом. Что касается Балтийского флота России, то, хотя он и был многочисленным, в его составе пока отсутствовали мощные линейные корабли, способные дать бой шведской эскадре в открытом море. Именно поэтому царь решил сосредоточить свои усилия на изгнании Швеции из Померании.

Союзные армии действовали в Померании на редкость пассивно, осадные работы протекали вяло и не приносили ожидаемого успеха. Главная причина – серьезные разногласия в стане союзников. Петр решил послать в Померанию такого главнокомандующего русскими войсками, у которого полководческие дарования сочетались бы с дипломатическими способностями; кроме того, он должен был пользоваться беспредельным доверием царя. Выбор пал на Меншикова.

Это назначение отвечало пожеланиям и самого светлейшего: еще в 1711 году он просил царя отправить его на театр военных действий. Петр тогда ответил князю: «А что охота ваша служить, и тому еще время будет, понеже наш чудин (Карл XII. – *Н.П.*) пока жив, чаю покоя едва будет». ¹⁸⁶

Вооруженный инструкциями Петра, 2 марта 1712 года Меншиков выехал из Петербурга. Правда, продвигался князь в Померанию не так скоро, как того хотелось Петру. Царь торопил Меншикова: «Для Бога поезжайте как наискоря, чтоб там вы скоря были для сего нужного случая, и с королем увиделись прежде неприятельского действия». Светлейший ссылаясь на болезнь: «Мог бы и верхом на почте, оставя экипаж свой, поспешать, только не допускает до того чечюнная болезнь (геморрой. – *Н.П.*), которая по бешастию моему паки вщалась и зело меня изнуряет, так что с великим трудом и в каласке сажу». ¹⁸⁷

Но дело, видимо, не столько в досадной болезни князя. Меншикову с большим трудом удастся раздобыть провиант для войска. 29 апреля он извещает царя из Торуня, что отправится в Померанию только после создания «магазинных»: «А чтоб не учиня определения здесь в правянте, ехать мне в Померанию, то сами можете разсудить, одною своею особою, что там могу делать». Из Гарца 12 июня: «В правянте у нас всеконечная нужда, так что ни здесь, ни в Познани ни единого четверика не обретаецца». Десять дней спустя: «В правянте какая здесь нужда, о том надеюсь, что вашей милости уже извесно. А ныне она от часу умножаетца, а наипаче под Стральзунтом, где уже кореньем питатца начинают».

Петр соглашается с доводами Меншикова и одобряет его распорядительность: «Что же пишете, чтоб мы не возмнили, что вы долго не едете в Померанию, и того не думайте, ибо знаем вас, что гулять не станете, и то зело изрядно, что прежде отъезду в провианте порядок учините».

Войска были обеспечены провиантом, но союзники бездействовали. «Ни единого образа к начинанию действ не являетца», – еще в мае писал князь Петру и высказывал опасение, «чтоб нам напрасно время не потерять и войска от недостатка правянта не раззорить». ¹⁸⁸

Опасения Меншикова были обоснованными: русские войска вместе с датчанами и саксонцами обложили Штеттин и Штральзунд, но из-за отсутствия осадной артиллерии, которую упорно не хотели доставлять датчане, успеха не достигли. Летом 1712 года в лагерь русских войск приехал Петр. Рекогносцировка убедила его, что без артиллерии овладеть крепостями невозможно. В письме к Меншикову царь сокрушался: «И что делать, когда таких союзников имеем». О своем волнении, вызванном противоречиями в стане союзников,

¹⁸⁶ ПИБ. Т. 11. Вып. 2. С. 74.

¹⁸⁷ ПИБ. Т. 12. Вып. 1. С. 123, 389.

¹⁸⁸ Там же. С. 200, 490, 529, 541.

Петр писал: «Я не могу ночи спать от сего трактованья». ¹⁸⁹

Хлопоты Петра оказались безрезультатны, он оставляет командование русскими войсками Меншикову, а сам отправляется на лечение в Карлсбад. Взятие крепостей было решено перенести на следующий год.

После отъезда супруга в Померанию для Дарьи Михайловны вновь наступили тревожные месяцы. Впрочем, княгиня волновалась во все времена, когда Меншиков находился не рядом с нею. Два года после Полтавы князь не сходил с неприятелем на поле брани, но княгиня и тогда не оставляла без попечения своего Данилыча. Дарью Михайловну беспокоила близость светлейшего к польскому королю Августу II, любившему, как известно, выпить. В несохранившихся ее письмах она, видимо, не устала напоминать о воздержании, о чем можно судить по ответам Меншикова. Из того же Торуня он писал 5 октября 1709 года: «Чаю, что вы будете сумлеватца о нас, что довольно вином забавлялись, только я вправду объявляю, что истинно по разлучении с вами ни единого случая не было, чтоб довольно забавитца, а и с королевским величеством зело умерно забавлялись, и о том не извольте сумлеватца». В другом письме из Петербурга от 21 мая 1710 года Меншиков, находившийся в обществе царя, вновь возвращается к этой теме и успокаивает супругу: «А шумны никогда не бываем, понеже царское величество изволит употреблять лекарство». ¹⁹⁰

Беспокойство Дарьи Михайловны станет понятным, если учесть, что пьяный разгул прочно вошел в быт двора и пример в этом отношении подавал сам царь. Речь идет не столько о выходках пресловутого всепьянейшего собора во главе с бывшим воспитателем Петра князем-папой Аникитой Зотовым, сколько о повседневных возлияниях сподвижников царя, чьи головы едва ли не постоянно были затуманены винными парами. Вспомним ядовитые характеристики соратников царя, принадлежащие известному дипломату петровского времени Борису Ивановичу Куракину: Франц Лефорт – «дебощан французский»; Борис Алексеевич Голицын – «человек ума великого», но «склонен был к питию»; князь-кесарь Ромодановский – «пьян по вся дни».

Меншиков не составлял исключения. Редкое его письмо к царю за 1705–1706 годы не содержало сведений о выпивке.

Александр Данилович приобщался к зеленому змию по всякому поводу: «довольно пили» по случаю овладения Митавой; находясь в гостях у Огинского, «были веселы и сильны». Если других оснований для выпивки не было, то использовался в качестве повода сам факт отправки письма царю: «При отпуске сея почты пью ваше здравие [...] паки пьем и остаемся зело сильны и шумны» или «перед отпуском сего за ваше здравие пили». ¹⁹¹

Когда Меншиков в феврале 1711 года находился в Риге, он получил от Дарьи Михайловны множество предостережений, чтобы берегся от недавно прошедшего здесь морового поветрия. Светлейший опять успокаивал: «Опасности здесь никакой нет, ибо как пред нашим сюда приездом задолго, так и при бытности нашей здесь ни единой человек никакою болезнью, благодарить Бога, не занемогал и не умирывал».

Успокаивал он княгиню и в те месяцы, когда находился в Померании. Хотя опасностей прибавилось, но князь, неизменно утешая Дарью Михайловну, отправляет ей письма с заверением, что ничто ему не угрожает, что он «обретается в добром здравии», что неприятель не тревожит вверенные ему войска. В письмах той поры, отправляемых почти ежедневно (достаточно сказать, что только в ноябре 1712 года Дарья Михайловна получила их пятнадцать), светлейший предстает заботливым супругом, стремящимся сохранить спокойствие Дарьи Михайловны перед родами. На поверку оказывалось, что небо было не

¹⁸⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 12.

¹⁹⁰ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 164, 184.

¹⁹¹ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 63, 65, 66; РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 198, 200.

столь безоблачным, как то изображал Меншиков. Во всяком случае, 4 ноября в ответ на просьбу княгини прибыть к ней на свидание (она ехала к нему в Померанию) князь писал, что «то по се время учинить было невозможно, понеже все были в маршу», а две недели спустя Меншиков, как ни жаждавший свидания, тоже отказал супруге в просьбе о встрече: «От здешней команды отлучитца невозможно, а особливо при нынешнем времени, что полки в кантонир-квартиры становятца». Готовился к зиме и светлейший. Он решил, что ему пристало щеголять в роскошной шубе, и поэтому отправил следующее распоряжение Дарье Михайловне: «Изволь прислать к нам шубу соболью, которая полутче [...] однако не самую лутчую». ¹⁹²

Меншиков, как видим, отвечал на нежность супруги взаимностью, но чувство долга брало верх, и он не рисковал покинуть армию ради семейной радости.

Между тем шведский генерал Стенбок осенью 1712 года вышел из Померании в Мекленбург, чтобы там напасть на датско-саксонские войска. Получив известие об этом, Петр отправил к датскому королю несколько курьеров, настойчиво советуя тому уклоняться от сражения до подхода русских подкреплений. Одновременно он писал Меншикову: «Для Бога, ежели случай доброй есть, хотя я и не успею к вам прибыть, не теряйте времени, но во имя Господне атакуйте неприятеля». ¹⁹³

Союзники, однако, не вняли советам Петра. Располагая численным превосходством, они были настолько уверены в успехе, что решили оставить славу победителей только за собой и 9 декабря вступили в сражение со шведами при Гадебуше. Как ни торопился Меншиков, но к сражению не поспел – в пути он получил известие о сокрушительном разгроме союзников: шведам досталась вся датская артиллерия и четыре тысячи пленных.

В январе 1713 года шведы, преследуемые русскими войсками, сосредоточились в Фридрихштадте. Неприятель разрушил шлюзы, затопил окрестности и укрепил артиллерией две дамбы, ведущие к крепости. Петр предложил союзникам атаковать Фридрихштадт, но те сочли попытку овладеть крепостью столь безнадежной, что отказались от участия в операции.

31 января русские двинулись по дамбам двумя колоннами: пехотой командовал Петр, а кавалерией, следовавшей по другой дамбе, – Меншиков. Шведы, считавшие себя в безопасности, как только обнаружили наступление русских войск, побежали, побросав в воду пушки. Преследование неприятеля было затруднено такой вязкой грязью, что «не только со всех солдат обувь стащило, но у многих лошадей подковы выдрало». ¹⁹⁴

Оставив Фридрихштадт, неприятель укрылся в Тоннинге. Петр отбыл в Россию, поручив осаду крепости Меншикову. Светлейший так плотно блокировал город с суши, а датский флот – с моря, что сосредоточенный там корпус Стенбока стал испытывать затруднения с продовольствием. «В пропитании у них превеликая нужда», «нужда немалая», – доносил князь царю. Норма хлеба была доведена до фунта в день. Попытки шведов доставить продовольствие гарнизону морем были пресечены датским флотом – пятнадцать судов с хлебом и обмундированием стали его легкой добычей. Еще более гарнизон крепости был изнурен недостатком пресной воды. Разразившаяся эпидемия унесла более четырех тысяч жизней осажденных.

Осадные работы Меншиков начал еще в феврале. «Ныне готовим туры и фашины», «приготовление к бомбардированию непрестанно чиним», – сообщал князь царю. Однако отсутствие артиллерии лишало русские войска возможности перейти от осады к штурму.

¹⁹² РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 4, л. 192, 217, 243, 345 и др.; кн. 5, л. 406, 472 и др.; ф. 198, д. 1170, л. 235, 242, 246.

¹⁹³ Соловьев С.М. Указ соч. Кн. 9. С. 12.

¹⁹⁴ Журнал, или Поденная записка. СПб., 1770. Ч. 1. С. 378.

Распри в лагере союзников давали о себе знать на каждом шагу. Каждая из сторон мечтала о лаврах победителя. Датский король был полностью убежден, что его войска уже оправались от поражения при Гадебуше и теперь могли самостоятельно, без помощи других овладеть Тоннингом. Раз так, то трофеи и пленные достались бы одной Дании и их не надо было бы делить между тремя участниками осады. Поэтому датчане не спешили с доставкой артиллерии.

В конце марта артиллерия наконец прибыла, но вновь учинилось «умедление» – на этот раз датчане не обеспечили свою кавалерию фуражом. Неувязка произошла и 16 апреля, когда, в соответствии с диспозицией, датские и саксонские войска должны были атаковать стоявшую на подступах к Тоннингу крепость Гардинк, а русским войскам надлежало перекрыть пути отступления шведов к главным силам. Операция провалилась, ибо шведы, обнаружив продвижение русских войск к себе в тыл, поспешили отступить в Тоннинг по запасной дамбе. Датчане и саксонцы вместо преследования бежавшего неприятеля проводили его лишь взглядом. В итоге вместо захвата гарнизона Гардинка русским войскам удалось взять всего тридцать два человека, «за что, – читаем в донесении Меншикова царю, – королевское величество зело на своих генералов был гневен, что они не ускорили таким образом неприятеля догнать. А за наших людей мужество и отвагу, приехав ко мне сюда, изволил меня благодарить». Кстати, сам Меншиков за неделю перед этим заболел и «жестокко одержим был лихорадкою», что не помешало ему прибыть на место сражения.

Гарнизон Тоннинга тем не менее оказался в весьма стесненном положении, и Стенбок вынужден был прибыть в ставку Меншикова для переговоров. Шведского генерала волновали условия сдачи, чтобы капитуляция «ему не во всеконечное безслаvie была», и он просил разрешения оставить знамена, литавры и прочие «победоносные знаки». Меншиков вместе с союзными генералами эту просьбу отклонил, и шведские войска оставили крепость, сложив оружие и знамена к ногам победителей. В итоге шведская армия уменьшилась еще на 11 485 солдат и офицеров – такое число их сдалось в плен. Это были последние остатки былой военной мощи Швеции на Европейском континенте.

После успеха в Тоннинге Меншиков, совершенно не удовлетворенный поведением «алиртов» – союзников, решил двинуть корпус в Россию. Однако Петр в указе, отправленном светлейшему в середине июня 1713 года, повелевал ему задержаться в Померании до сентября. Царь был осведомлен о слабых гарнизонах неприятеля в Висмаре и Штральзунде и рекомендовал их атаковать. Истинная же причина, вызвавшая распоряжение царя остаться войскам в Померании, была в другом: в полученном из Стамбула известии о намерении султана выдворить из пределов страны Карла XII и заключить мир с Россией. Петр опасался, что возвращавшиеся из Померании войска, вступив в Польшу, нарушат условия Прутского мирного договора, что вызовет раздражение в Стамбуле и создаст угрозу намечавшемуся улучшению русско-турецких отношений. Напомним, что Прутский мирный договор 1711 года запрещал пребывание русских войск в Речи Посполитой.

Выполняя царский указ, князь пытался объединить военные усилия союзников. «Ныне мы договариваемся с Флемингом (саксонским министром. – *Н.П.*) и Девицем (датским министром. – *Н.П.*), каким образом Штеттин получить, чтоб не даром нам в Померании ныне постоять», – доносил Меншиков царю 16 июля 1713 года. Остановка была за малым – за артиллерией. По поводу ее доставки под стены крепости в который раз начались споры, кто должен обеспечить ею русские войска: саксонские пушки находились далеко, в Мекленбурге, а датчане заявили, что «без воли королевской ничего учинить не могут». Не помогла и личная встреча князя с датским королем. Тот в артиллерии отказал, пообещав ссудить русские войска деньгами и провиантом, если Штеттин после овладения им будет уступлен Дании. Меншиков усмотрел в позиции датского короля проволочку: «То не есть дело, но токмо напрасное продолжение времени». ¹⁹⁵

¹⁹⁵ РГАДА, ф. 198, д. 297, л. 3, 18, 28, 34, 102.

Трудности, возникавшие при решении общих дел с союзниками, приводили князя в отчаяние, и он не скрывал своего настроения в донесении царю от 14 августа: «Надеюсь, что изволите мне поверить, что как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видал, понеже сами изволите знать Флеминкову и прочих головы и души. К тому же они непрестанно больши в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему лехко можно разсудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника». ¹⁹⁶

Меншикову было от чего прийти в отчаяние: в Померании возникла сложная и запутанная обстановка, там сталкивались интересы Дании, Саксонии, Пруссии, Голштинии, которые претендовали на получение в секвестр (владение), до окончания Северной войны, шведских земель в Померании. Яблоком раздора оказался Штеттин. Правда, в конечном счете на него осталось два претендента: Дания и Пруссия. Саксония отказалась от претензий, ибо не располагала силами, способными защитить крепость от попытки шведского вторжения, отказалась от претензий на Штеттин и Польша, уступив свои права Пруссии за 250 тысяч талеров. Пруссии уступила свою долю и Голштиния. Кстати, голштинцы тайно предлагали Меншикову далеко идущий план: заключить брачный союз между малолетним герцогом голштинским и старшей дочерью Петра I. Этот проект назван «далеко идущим» потому, что его осуществление могло во многом повлиять на судьбы Северной Европы. Голштинский герцог являлся наследником шведской короны, и родственные связи между будущим королем Швеции и дочерью русского царя могли положить конец Северной войне.

В дни, когда велся закулисный торг о Штеттине, – дележ шкуры еще не убитого медведя, – к крепости подошла саксонская артиллерия. В распоряжение двадцатичетырехтысячной армии Меншикова поступило около сотни пушек и мортир. Бомбардировка началась 17 сентября, в городе вспыхнули пожары, и четыре дня спустя, 21 сентября 1713 года, гарнизон крепости, охваченной огнем, капитулировал.

Дальнейшая судьба Штеттина в значительной мере зависела от Меншикова. Кому его передать: Дании или Пруссии? От него же зависело распределение и других земель шведской Померании.

В интересах укрепления Северного союза и в интересах России Штеттин должен был оказаться у датчан. Именно в сближении с Данией, единственной из союзников обладавшей военно-морским флотом, более всего была заинтересована Россия, ибо поверженная на Европейском континенте Швеция могла еще уклоняться от заключения мира, поскольку ее коренные земли в Скандинавии оставались для России недоступными – флот России был еще маломощен. Именно поэтому в инструкции Меншикову от 14 февраля 1713 года Петр писал: «3 датским двором как возможно ласкою и низостью поступать, ибо хотя и правду станешь говорить без уклонности, за зло примут, как сам их знаешь, что более чинов, нежели дела смотрят». Вместе с тем царь предоставил Меншикову право действовать сообразно с обстановкой, за изменением которой ему, царю, издалека было трудно уследить. Свободу действий князя Петр оговорил одним условием: «Того накрепко смотрите, чтоб чего во вред нам не произошло». ¹⁹⁷

Меншиков распорядился территорией шведской Померании так: Штеттин он передал в секвестр Пруссии, а часть других земель, на которые тоже претендовала Дания, – Голштинии.

Решение это князь принял в раздражении, памятуя, что датчане не выполнили своих союзнических обязательств. Соблюдать их, по словам Меншикова, «они весьма не хотят, но на одном нашем хрепте все военное иго думают носить». В свою очередь светлейший тоже давал повод датскому королю Фредерику IV для недовольства – достаточно сказать, что князь требовал от истощенной войной Дании только для нужд собственной кухни триста

¹⁹⁶ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1915. Вып. 2. С. 42, 43.

¹⁹⁷ РГАДА, Госархив, Разряд V, д. 26, л. 415, 416.

риксдалеров ежедневно.¹⁹⁸

Натянутыми отношениями между датским королем и русским фельдмаршалом ловко воспользовался король Пруссии, влиянию которого светлейший легко поддался. Вот как описывал Меншиков в донесении царю поведение новоявленного друга России в дни, когда князь находился с визитом в Берлине: «Королевское величество пруской, как я во всю свою при том бытность мог присмотреть, зело к вам любовен и показывает себя вашею к нему любовью весьма довольным и, как при тайных со мною бывших конференциях, так и при самой публике, именем Божиим клялся во всю свою жизнь ничего противного вам не чинить и ни явным, ни тайным образом вашим неприятелям не помогать». В то же время Фридрих-Вильгельм I, писал Меншиков, «про короля дацкого мне тайно сказывал, что его весьма ненавидит».¹⁹⁹

Немецкий историк Виттрам считает, что прусский король заслужил расположение Меншикова не только обаятельными улыбками, доверительными разговорами и многократными тостами за здоровье русского царя, но и подношением голштинского министра Герца, раскошелившегося на пять тысяч дукатов, которые он, как известно, принял. Перед такой мздой алчный Меншиков не устоял, и именно она якобы и решила судьбу Штеттина и прочих земель.²⁰⁰

Конечно, напрочь отрицать роль подношения вряд ли правильно – в те времена деньги ценились больше, чем красноречие, – но и нет оснований объяснять проступки Меншикова в Померании лишь полученной им мздой, к тому же, как заметим, весьма скромных размеров. Подкупы государственных деятелей иностранными дипломатами в те поры были столь распространены, что считались обычным явлением. Русские посольства, например, в обозе везли множество соболей и прочей «мяхкой рухляди» для того, чтобы одаривать «нужных» людей при дворе той страны, в которую они держали путь. Сам Петр пытался, правда неудачно, купить благосклонное посредничество герцога Мальборо в заключении мира между Россией и Швецией.

Надо учитывать и другое: полученная мзда отнюдь не обязывала лицо, ее получившее, гарантировать благоприятное решение вопроса. Если в столь деликатном деле бравший мзду преступал грань, за которой благосклонное отношение к другому государству перерастало в измену родине, то это ничего хорошего получателю подношения не сулило. Судя по тому, как развивались события в дальнейшем, поведение Меншикова в Померании лишь отчасти было осуждено царем, в главном же ему удалось оправдаться.

Князь еще не успел приехать в Петербург, а там уже стало известно о недовольстве им Фредерика IV и Августа II. Царь узнал это из донесения русского посла в Копенгагене – князя Василия Лукича Долгорукова, а также из писем к нему датского короля и саксонского курфюрста. И если Август II, менее ущемленный, ругал Меншикова в сдержанных выражениях, то негодование Фредерика IV сквозило в каждой строке его письма.

Датский король отличался вспыльчивым характером, письмо его, не будь русский царь более уравновешенным, когда того требовала обстановка, могло вызвать ссору. Фредерик IV выразил «особливое неудовольство» прежде всего тем, что Меншиков вел переговоры с Пруссией секретно, не информировал о них датский двор, и поэтому «принуждены мы, – писал король, – хотя с конфузией и необстоятельно от иных и от чужих уведать». «Весь свет, – нагнетая обвинения, продолжал Фредерик, – не иначе из сего разсуждать имеет, как что о нас малое разсуждение имеют». Но дело не только в ущемленном королевском престиже: в вину светлейшему ставилось решение, принятое им в угоду врагам Дании, под

¹⁹⁸ РГАДА, ф. 198, д. 297, л. 160.

¹⁹⁹ Там же, л. 122.

²⁰⁰ Wittram R. Peter I – Cäzar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 255–256.

которыми король подразумевал Пруссию и Голштинию. Резко осуждал датский король и уход русских войск из Померании, что, по его мнению, «всю тягость войны на нас одних положит».²⁰¹

Демарш датского короля поставил Петра в затруднительное положение, ибо единственный человек, способный внести ясность в сложившуюся ситуацию, – сам светлейший – находился еще по пути в Петербург. Следы растерянности Петра видны в его ответе Долгорукому от 3 ноября: «Письмо твое, о секвестрации писанное, нас зело смутило, что так при дворе датском оное толкуют. Правда, хотя она не хорошо зделана, только, однако, не так, как толкуют». Через день царь отправил курьера навстречу ехавшему в Россию Меншикову: «Я в великом удивлении есть, что ты не пишешь, оставили ль вы 400 человек королю датскому по обязательным пунктам. Ибо ежели и не оставили, то уже мы сами его потеряли, и Бог знает, что будет». Царь поначалу все же склонен был считать, что Меншиков по неопытности в дипломатии допустил в Померании немало оплошностей. «Сам знаешь, – писал царь своему послу в Копенгагене, – что в сих делах князь Меншиков, почитай, никогда не бывал, которого лехко было другим обмануть мочно».

Но вот прибывшего в Петербург Меншикова Петр заставил написать своего рода объяснительную записку. Для светлейшего, не привыкшего таким образом отчитываться перед царем, это было унижительно, но для нас эта записка чрезвычайно полезна, поскольку она проливает свет на события, связанные с секвестрацией Померании. Оказалось, что датский король в пылу гнева допустил множество передержек, освещая происходившее в Померании. Меншиков прежде всего отклонил обвинение датского короля в том, что переговоры о секвестрации велись тайно от датчан. В действительности в переговорах участвовал, помимо саксонского министра Фелминга, представитель датского короля – генерал-лейтенант Девиц. Датский король располагал тремя месяцами, чтобы заявить о своем несогласии с принятыми решениями, «в чем бы тогда по тому его королевского величества изволению и поступлено было». Убедительно Меншиков объясняет, почему он вынужден был поступить не в интересах Дании: король, как упоминалось, отказался поставить под Штеттин артиллерию, а саксонцы согласились ее дать, но при условии, что Голштиния будет участвовать в секвестрации Померании. Вывод же русских войск из Померании объяснялся отказом датчан снабжать эти войска продовольствием. Впрочем, в одном вопросе Меншиков, по собственному признанию, допустил промах: прусский король заключил с Голштинией договор, направленный против Дании, но в том-то и дело, что «я, – писал о себе Меншиков, – прежде известен не был, пока не получил в Кенехсборхе, при моем возвращении сюда, от нашего посла князя Куракина с тех трактатов копию».

Разобравшись в сути дела, Петр признал, что трактат, заключенный Меншиковым с Пруссией, «суть отчасти противен нашему общему интересу». Секвестрацию Штеттина Пруссией он ратифицировал. Пункты русского договора с Пруссией, противоречившие интересам Дании, царь дезавуировал, ссылаясь на то, что «князь Меншиков учинил то, будучи от нас во отдалении, не ведал воли нашей». Царь поручил своему послу Долгорукому заверить датского короля, что Петр не будет «делать, что к его предосуждению есть». Это обязательство было выполнено царем, когда он в ультимативной форме умерил воинственный пыл Пруссии и Голштинии, готовившихся к нападению на Данию из-за Померании.

Датский король, видимо исходя из посылки, что королям не пристало ошибаться и менять свои оценки, придерживался своего первоначального мнения и после того, как получил от царя разъяснение и объяснительную записку Меншикова. Он попрежнему утверждал, что князь вел переговоры о секвестрации за спиной Дании и что секвестрация была осуществлена «к моему превеликому вреду партикулярно, так и к невозвратному убытку всего нашего общего дела». Фредерик IV настаивал перед царем на том, чтобы

²⁰¹ РГАДА, ф. Сношение России с Пруссией, оп. 1, 1713, д. 14, л. 196–199.

светлейшего «ни х какому общей северной алииции касающимся делам больше не употреблять, но его весьма впредь от такого отлучать».

Пребывание Меншикова в Померании свидетельствует о том, что князь чувствовал себя куда увереннее на поле брани, чем за столом переговоров, где ему было трудновато ориентироваться в хитросплетениях и интригах союзников, с легкостью необычайной отказывавшихся от только что достигнутых соглашений и проявлявших завидную изобретательность в изыскании поводов для проволочек. Опыт показал, что активность союзников при дележе трофеев и пленных во много крат превосходила их активность на театре военных действий.

Осада Штеттина была последней военной операцией Меншикова. Больше князь не участвовал ни в сражениях Северной войны, ни в Каспийском походе. Это обстоятельство было связано не с ультиматумом датского короля, а с состоянием здоровья князя. После возвращения в Россию у него начался такой жестокий приступ болезни легких, что врачи предрекали ему неминуемую смерть, и он уже заготовил завещание. Крепкий организм Меншикова обманул предсказания врачей, он пересилил болезнь и на этот раз.

В дальнейшем, кажется, не было ни одного года, когда бы болезнь не приковывала светлейшего к постели. Письма его Петру пестрят упоминаниями об этом. Судя по всему, продолжительным было недомогание в 1714 году. Началось оно, видимо, еще в апреле, ибо в середине мая он извещал царя, что от болезни «час от часу лутчая прибавляетца». Но и две недели спустя князь, как он сам писал, «от болезни в совершенство еще не пришел». В прижизненной биографии светлейшего по поводу болезни написано: «Его светлость впал в тяжкую болезнь, которую приписывали постоянным напряженным трудам во время утомительных путешествий и комиссий. У него открылось горловое кровотечение, так что все врачи отчаивались за его жизнь».

В следующем году он тоже долго болел, причем сокрушался по поводу того, что «оная болезнь и прошлогодней компании меня лишила», то есть не дала возможности участвовать в Гангутском сражении.²⁰²

Казалось бы, Меншиков должен был проявлять осторожность и, помня о своей хронической болезни, умерить рвение к работе и особенно к употреблению горячительных напитков. Князь, однако, пренебрегал разумными советами. Мемуары современников содержат множество упоминаний о пирушках, хмельных застольях, разгульных попойках всепьянейшего собора с непременно участием Меншикова. День своего рождения – 6 ноября – в 1715 году князь отмечал в «австерии», единственном ресторане столицы. Сначала был фейерверк, а затем пир с участием царя и министров. Здесь упившийся светлейший потерял «кавалерию» (орден) с бриллиантами и обнаружил ее отсутствие только на следующий день. В столице было объявлено: нашедшему потерю будет выдано 200 рублей вознаграждения. Меншиков надул на самую малость – выдал 190 рублей.²⁰³

Князь не уклонялся от искушения выпить и в последующие годы. Скупое, но выразительно факты возлияний, далеко не всех, а лишь выходивших за рамки обычных, отражены в «Повседневных записках» Меншикова такими словами, как «веселились от напитков» или «были все сильны и шумны». Однажды пребывание в состоянии «шумности» едва не закончилось трагическим исходом. В июле 1721 года состоялся пир по случаю спуска корабля «Пантелеймон». Вот как его описал камерюнкер Берхольц: «Почти все были пьяны, но все еще продолжали пить до последней возможности. Великий адмирал (Ф. М. Апраксин. – *Н.П.*) до того напился, что плакал как ребенок, что обыкновенно с ним бывает в подобных случаях. Князь Меншиков так опьянел, что упал замертво, и его люди принуждены были послать за княгиней и ее сестрою, которые с помощью разных спиртов

²⁰² РГАДА, ф. 198, д. 300, л. 3, 4; д. 304, л. 1.

²⁰³ Там же, д. 40, л. 1–6.

привели его немного в чувство и испросили у царя позволения ехать с ним домой». ²⁰⁴

В рассказах историков о Меншикове после его возвращения в Россию принято обращать преимущественное внимание на негативные стороны жизни. Историографическую традицию объяснить нетрудно: в деятельности Меншикова началась малоэффективная, будничная работа в качестве губернатора столичной губернии, сенатора, президента Военной коллегии. Разумеется, Калишская победа, штурм Батурина, как и прочие военные успехи, то есть события скоротечные, в которые была вложена энергия многих лет тяжелого труда, не идут в сравнение с повседневной, едва заметной по результатам работой, особенно если ее рассматривать два с половиной века спустя.

Биографы обычно оперируют более выигрышными сведениями о казнокрадстве светлейшего. Это тоже объяснимо, ибо следственные дела Меншикова находятся на поверхности, они общеизвестны, в то время как его служба по гражданской части еще ждет своего изучения и в распоряжении авторов находятся лишь отрывочные и в значительной мере случайные данные. О том, что эта повседневная работа Меншикова была полезной и Петр нуждался в услугах князя, свидетельствует хотя бы их переписка.

После изгнания шведов из Померании наступает новый этап Северной войны. Теперь театр военных действий переместился с суши на море. Правда, русские войска продолжали сражаться и на суше, вытесняя шведов из Финляндии, но было очевидно, что без господства русского флота на море коренная территория Швеции сохраняла неуязвимость. Именно поэтому Петр принимает решительные меры, чтобы укомплектовать флот линейными кораблями.

Срочная надобность в таких кораблях вынудила царя покупать их за границей. Но это был малонадежный источник пополнения флота: покупные корабли обходились дорого, к тому же некоторые из них, по образному выражению Петра, «достойны звания приемышей, ибо подлинно отстоят от наших кораблей, как отцу приемыш от роднова, ибо гораздо малы пред нашими и тупы на парусах», то есть имели медленный ход. Необходимо было расширять отечественное кораблестроение.

Другая, не менее важная задача – комплектование флота личным составом, обеспечение его продовольствием и иными запасами. В продовольствии нуждалась и армия, действовавшая в Финляндии. Дубовый лес из Среднего Поволжья, огромное количество хлеба, круп и мяса из Орловщины в новую столицу доставлялись единственным водным путем того времени, связывавшим Петербург с центром страны. Путь тот имел ограниченную пропускную способность. Частые штормы на Ладожском озере тоже задерживали поступление грузов. Требовалось немало изобретательности и энергии, чтобы в короткий период навигации успеть заготовить впрок как продовольствие, так и строительные материалы.

Обе задачи относились, выражаясь современным языком, к разряду тыловых, но обе являлись ключевыми, поскольку от их решения зависели будущие успехи или неудачи войны.

В мае 1714 года Петр вывел флот в море; тяжело болевший Меншиков остается в Петербурге. Ему царь вручает инструкцию с перечнем первоочередных дел. Меншиков наделялся полномочиями главного смотрителя при постройке кораблей. А так как на Адмиралтейской верфи работа приостановилась из-за отсутствия корабельного леса, то Меншиков должен был заготовить и доставить его в Петербург и на остров Котлин. На него же возлагались заботы по добыче камня для сооружения гавани на Котлине и по благоустройству парка в Петергофе.

Петр распрощался с князем 9 мая, на следующий день отправил ему письмо, единственное назначение которого – поднять настроение больного Данилыча. Царь напомнил, что одиннадцать лет назад оба они в этот день были награждены орденом Андрея

²⁰⁴ Берхгольц Ф.В. Дневник. М., 1902. Ч. 1. С. 85, 86.

Первозванного.

В ответ Меншиков сообщил, что кризис миновал: «От оной болезни час от часу лутчая прибавляется мне свобода».²⁰⁵

Корабельному лесу Петр придавал огромное значение и постоянно напоминал князю, чтобы тот не упустил время: «Для Бога имейте старание, хотя ведаю, что и сам сего не забудешь, однако не писать не могу о сем». Меншиков же сообщал то о прибытии «сюды только шести суден» с дубовым и прочим лесом, то три дня спустя радовался, что «прилучившимся способным ветром» пригнало полторы тысячи бревен, то через пару дней докладывал о более значительных поступлениях: «Корабельный лес сюда, слава Богу, почасту приходит».

Петра настораживали донесения светлейшего, Петербургу требовалось сто тысяч бревен, и он торопил князя: «Которое дело меня зело печалит, прошу вас для Бога, чтоб как-нибудь о том промыслить [...] ибо ежели не поспеют – много пользы пропадет в будущий год». Меншиков и сам старался изо всех сил. В Ладогу он отправил вице-губернатора Корсакова, «которому велено во всякой мере во отправлении того лесу трудиться». Ему стало известно, что река Тверца обмелела и там без движения стоят суда с лесом. Туда он тоже посылает нарочных с повелением «во всякой мере стараться те суды спроваживать».²⁰⁶

В августе Меншиков уже окреп и трудился в полную силу. Петру он доносил: «В строении кораблей во всякой возможности поспешаем», «корабельное строение отправляется со всяким усердным прилежанием».

Обеспечивать провиантом корпус, действовавший в Финляндии, Петр поручил Сенату, но, видимо, не полагаясь на его расторопность, просил Меншикова проследить и за этим: «Однако ж и вы в том помогайте». Но Меншиков уже знал о затруднениях в снабжении финляндского корпуса еще до получения письма царя. Петру он ответил 14 августа: «Провианту, о котором я еще до письма вашего, ведая во оном там нужду, за три недели начал стараться оного к вам отправлять». Меншиков тут же вошел в конфликт с сенаторами, обвинил их в «косности» и действовал через их голову, но дело сделал и уже в августе отправил двадцать три тысячи четвертей муки.

Он выполнял множество поручений и как губернатор, и как фельдмаршал, и как доверенное лицо царя: организовал обучение «молодых ребят» изготовлению кожи новым способом, снарядил полк для осады Нейшлота, занимался расквартированием и снабжением армии, вернувшейся из Померании... Находил он и время, чтобы навестить царскую семью и сообщить Петру, что там все благополучно: «Имел я щастие быть в доме вашем и вкупе с домашними вашими веселиться» или: «Дети ваши обретаются в добром здравии, у которых я почасту бываю».²⁰⁷

Одно же из поручений князь выполнял с особенным удовольствием. 27 июня русский флот под командованием Петра одержал знаменитую победу у мыса Гангут. Петр поручает князю изготовить на Троицкой площади «хотя малые какие триумфальные ворота из дерев и протчаго». Меншиков знает: чем пышнее будет встреча победителей, тем больше будет доволен царь. Однако возможности у князя ограничены, и он предупреждает царя, что встречу, подобно той, что была в Москве по случаю Полтавской виктории, организовать нельзя «за оскудением мастеровых, однако ж по возможности управляемся». Он велел, чтобы на Адмиралтейской стороне к прибытию победителей «все улицы были вычищены, и, кто какие имеет картины или шпалеры, выставляли б на улицу перед своими домами и

²⁰⁵ Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914. Вып. 1. Ч. 2. С. 85; Пг., 1915. Вып. 2. С. 284.

²⁰⁶ Там же. Вып. 1. Ч. 2. С. 127, 186; Вып. 2. С. 325, 331, 333, 400.

²⁰⁷ Там же. Вып. 2. С. 304, 347, 394, 400, 405.

прочие всякие пристойные украшения чинили». Более всех старался украсить свой дворец сам светлейший. Нидерландский резидент де Би, подробно описавший торжества по поводу Гангутской победы, сообщает, что после официальной части встречи Меншиков пригласил «иностранных министров сесть в свою шлюпку и отвез их в свой дворец, где над водой устроена была великолепная триумфальная арка, драпированная дорогими коврами». ²⁰⁸ Полчаса спустя туда прибыл и царь. Началось пиршество с участием плененных во время сражения морских офицеров во главе с контр-адмиралом Эреншильдом.

Отправляясь в 1716 году за границу, Петр оставил Меншикову инструкцию, в которой поручал князю благоустройство столицы, чистку каналов вокруг Адмиралтейства, строительство дорог к Петербургу и Волхову, укрепление и выравнивание берега Невы, чтобы по нему удобно было тянуть суда, сооружение жилья для мастеровых, устройство фонтанов в Летнем саду. Но главная задача князя состояла в том, чтобы стеречь Кронштадт от возможного нападения шведского флота: «Паче всего надлежит доброе око иметь на Котлин остров, и как гавань, так и новую работу к Кроншлоту, тож и прочее укрепление учинить». ²⁰⁹

Круг обязанностей Меншикова не ограничивался пунктами инструкции. Три месяца начавшегося 1716 года он провел в Ревеле (Таллине), где руководил сооружением гавани для стоянки военных кораблей. Сначала дело не клеилось. Предполагалось, что море от гавани будет отделено сваями. Но вот незадача: в январе наступила небывалая оттепель, по улицам Ревеля текли ручьи, а недостаточно толстый лед стал настолько рыхлым, что работать на нем было опасно. Вскоре и его унесло в море. «И ежели б я сам тут не был, – доносил светлейший царю 23 января, – никому б в том не поверил для того, что оной лед был толщиною в три четверти аршина, а пронесло в 5 или 6 часов». Наконец стали бить сваи, но и здесь строителей постигла неудача: бревна, вбитые в дно на три сажени, «выскакивали вон» подобно пробкам. Пришлось избрать новое место для гавани и устраивать ее иным способом: вместо свай на дно опускали огромные ящики, наполненные камнями.

Неспокойно жилось Меншикову в Ревеле. В январе из столицы пришло известие о серьезной болезни Дарьи Михайловны. Как помочь супруге? Медицинские познания князя позволяли ему от всех болезней рекомендовать единственное лекарство, нам уже известное, – «всегда веселость иметь». Не полагаясь на всеисцеление «веселости», светлейший прибегает к совету какого-то медицинского светила в Вене. Отправляя больной полученное «дохтурское мнение», он просит неукоснительно соблюдать предписания. Заочная консультация, однако, не понадобилась – ко времени ее получения супруга пришла «в прежнее здравие».

Между тем строительство гавани по новому способу спорилось, и Меншиков то и дело сообщал царю о ходе работ. Наконец 21 марта 1716 года он отправил царю донесение: «Положенная на меня здесь гаванная работа и цитадели, хотя с превеликими неусыпными трудами, как при сем приложенной априс (чертеж. – *Н.П.*) пространно под нумерами оказывает, отправляется, благодарить Бога, изрядно». ²¹⁰ Осталось опустить несколько ящиков, с чем, как полагал Меншиков, успешно справятся и без него. Сам он отправился в Петербург, чтобы не упустить летнего времени для строительных работ в новой столице, в летней резиденции царя – Петергофе и на Котлине-острове. Гаванью в Ревеле Меншиков остался настолько доволен, что не без хвастовства писал Петру, что она и ему, царю, покажется «угодной», если он ее увидит.

²⁰⁸ Там же. С. 423; Пг., 1918. Вып. 4. С. 733, 746.

²⁰⁹ Голиков И.М. Деяния императора Петра Великого. М., 1838. Т. 6. С. 371–373.

²¹⁰ РГАДА, ф. 198, д. 305, л. 7; д. 1170, л. 267, 270; д. 305, л. 11.

Петру, однако, не довелось увидеть гавань такой, какой ее оставил Меншиков. Сооружение не выдержало испытания на прочность во время необычайной силы шторма, разразившегося у Ревеля 9 и 10 ноября 1716 года. Семи из тридцати кораблей, стоявших на приколе, были нанесены повреждения, а два бура разбила в щепы. Разбитыми оказались и шесть ящиков с камнями. Извещая об этом Петра, Меншиков утешал его историческим примером: испанский король, получив известие о гибели во время бури трехсот кораблей, снаряженных против голландцев, будто бы изрек: «Я отправил оный флот против неприятеля, а не против Бога и элементу (стихии. – *Н.П.*)». Царя исторический пример не утешил. Кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров даже не рискнул показать ему письмо Меншикова ни в день его получения, ни на следующий, ибо полагал, что «его царскому величеству не без печали будет». В ответе Петр не скрыл огорчения случившимся и считал виновником потери кораблей не Бога и случай, а небрежение: «Что при Ревеле учинилось, зело сожалею, а паче о том, для чего так нужное дело, а не крепко сделано и ящики полны не насыпаны (как сам пишешь), ибо крайнее б бедство было, ежели б флот пропал». Петр закончил письмо словами, свидетельствующими о его лучшей, чем Меншикова, осведомленности об изречении испанского короля: «А что пишете пример слово короля испанского, то правда, только вы позабыли написать конец его речи, что „имею еще другой флот в сундуках“». ²¹¹ Меншиков понял, что сослаться на Бога и «элемент» уже не было резона, и вину возложил на адмирала Сиверса; он ограничился прикреплением кораблей к ящикам, а их надлежало, кроме того, поставить и на якоря. Ящики, даже если б они были наполнены доверху камнями, не могли «от такой силы устоять», – писал князь царю. Но и после этого князь не обрел покоя. Один из доброхотов светлейшего, узнав, что царь при возвращении изза границы, возможно, заглянет в Ревель, дал практический совет князю: «Не изволите ль господину генерал-майору Фандельдину отписать, чтоб он не инако доносил, как к вашей светлости писал», то есть чтобы Фандельдин твердо придерживался версии, сообщенной ранее Меншиковым Петру. ²¹² Успокоение к Александру Даниловичу пришло лишь после получения письма Петра Павловича Шафирова, отправленного из Амстердама 21 декабря 1716 года: «Сего дня его величеству исподволь донесено, в чем не без печали, однако ж умеренно и изволит о строении вновь попорченного писать сам к вашей светлости».

Кто бы ни был виновником катастрофы, ее последствия надлежало устранять, и мы вновь во второй половине января 1717 года встречаем Меншикова в Ревеле. Перед отъездом туда из Петербурга он известил царя о цели поездки: «Только при себе осную все, что потребно, и, управя там все, что надлежит, паки сюда поеду». Действительно, в Ревеле князь провел только неделю, оставил надзирателям инструкции и вернулся в столицу. Учитывая опыт, было решено наполнять ящики камнями доверху, а сами ящики укрепить «быками». ²¹³

Важнейшей заботой Меншикова становится в это время подготовка флота для совместных действий с датской и английской эскадрами против Швеции. Именно он в отсутствие Петра и адмирала Апраксина остается главным распорядителем при отправке кораблей в море, а также при постройке галер и транспортных судов. Его донесения царю в летние месяцы 1716 года содержат множество разнообразных сведений о сделанном:

²¹¹ Речь здесь, видимо, идет о снаряжении испанским королем Филиппом II «непобедимой армады» против Англии в составе не 300, а 130 судов. От бури в Ла-Манше в августе 1588 года армада действительно потерпела урон, но главные потери она понесла от английского флота. Под «сундуками» подразумевается наличие денег на восстановление флота.

²¹² Материалы. Ч. 2. С. 158, 168, 169; Ч. 3. С. 667, 668.

²¹³ РГАДА, ф. 198, д. 1035, л. 101; д. 307, л. 5, 6.

«В нынешнюю кампанию будет у нас здесь готовых 20 галер», «ныне заложил вновь 20 галер», «приготовлением в отпуск кораблей всеми мерами стараемся», «положено сделать 300 соймов (мелких судов. – *Н.П.*)». Несомненную радость Петру доставляли сообщения князя о закладке им линейных кораблей.

В поле зрения светлейшего находились строительные работы в столице, Петергофе и на Котлине-острове. В июле 1716 года Меншиков доносил царю о завершении строительства канала в Петергофе, о посадке в его парке свыше двадцати пяти тысяч деревьев, о сооружении «большой залы» в Монплезире, об исправлении гавани. В самом Петербурге полным ходом шло сооружение канала вокруг Адмиралтейства, подходило к концу строительство первой очереди госпиталя, возводилась колокольня Петропавловского собора. В Кронштадте было подготовлено сорок восемь складских помещений – «магазинных».

Петр был доволен распорядительностью князя. «За те (работы. – *Н.П.*) вам благодарствуем», – отвечал царь из Копенгагена в сентябре 1716 года, имея в виду сооруженные амбары, магазины, пороховые погреба и прочие здания.

Царские инструкции Меншикову, упомянутые выше, носили, так сказать, разовый характер, они составлялись по отдельному поводу. Что касается инструкции губернатору, определявшей права и обязанности этого важного должностного лица в правительственном механизме, то она, несмотря на пристрастие царя к законотворчеству, так и не была составлена. Но если бы она и существовала, то ни в коем случае не исчерпала обязанностей, исполняемых князем. Необычность этим обязанностям придавало то обстоятельство, что Александр Данилович занимал должность губернатора столичной губернии, царской резиденции, находившейся в строительных лесах, – ни один город страны не застраивался с такой быстротой, как Петербург. Наконец, светлейший был человеком, близким к царской семье, а посему губернатор выполнял разного рода деликатные поручения, проистекавшие из доверительных отношений. Положение же царского фаворита давало право ему самому вмешиваться в дела, которые другой губернатор оставил бы без внимания.

Множество самых разнообразных обязанностей, выполняемых Меншиковым, воспринималось в то время как должное. Когда по поручению князя составлялась инструкция капитану Маслову, отправляемому в Старую Ладугу, избранную царем для места заточения бывшей царицы Евдокии, то и в этом нет ничего странного – Старая Ладога находилась на территории, подведомственной Меншикову, а само деликатное поручение, надо полагать, – лично царя, как, впрочем, от него же исходили и инструкции, как содержать черницу. Сам выбор монастыря в Старой Ладоге, несомненно, связывался у царя с уверенностью, что Меншиков в точности выполнит его волю и не допустит никаких послаблений, которыми инокиня пользовалась, живя в Суздальском монастыре.

Как должное воспринимается и цидулка, вложенная в письмо Меншикова к Макарову от 22 апреля 1721 года: «Извольте его царскому величеству напечатать о Гагарине, ибо приходят дни жаркие, и дабы здесь, в городе, не умножились духоты, и чтоб для оной причины, хотя за город тело ево вывести». В обязанность губернатора входило наблюдение за санитарным состоянием города, и разлагавшийся труп повешенного сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина мог вызвать «поветрие». Правда, этого рода обязанность в первую очередь лежала на плечах генерал-полицеймейстера, но Антон Мануйлович Девиер не рискнул обратиться к царю с напоминанием, тем более что и сам светлейший не осмелился написать донесение Петру, а счел возможным прибегнуть к посредничеству Макарова. Да и обращаясь за содействием к кабинет-секретарю, князь предпочел оставаться в тени: «И о сем извольте не от мене докладывать, но токмо что напечатать для помянутой духоты».

Губернатор печется о том, чтобы корабли не бросали якорей в фарватере Невы, но швартовались у берега реки, «дабы ис того морским судам никакова повреждения не учинилось и в проезде рекою тех судов наипаче никакой опасности не было». Первое такого рода распоряжение последовало 28 августа. Через три дня оно было повторено, на этот раз генерал-полицеймейстеру Девиеру, а 3 сентября – президенту Коммерц-коллегии Дмитрию

Михайловичу Голицыну.²¹⁴

Нет ничего удивительного в том, что Меншиков выступал организатором празднеств в Петербурге по случаю заключения Ништадтского мира – на то он и был губернатором. Но почему Александр Данилович, не будучи московским губернатором, руководил подготовкой грандиозного «машкерата», состоявшегося по этому же поводу в старой столице? По-видимому, выполнял личное поручение царя. Петр, как известно, придавал такого рода торжествам огромное воспитательное значение и поэтому счел необходимым, чтобы готовил его Меншиков, человек распорядительный и умевший потрафить вкусам царя.

Празднества в Москве должны были состояться в конце января – первых числах февраля, а подготовка к ним началась еще с сентября: князь отправил в старую столицу подпоручика Глеба Веревкина «для починки слобочного нашего дому и исправления припасов». Сам Меншиков вместе «со всем своим домом» прибыл в Москву 18 декабря и тут же, видимо, стал распоряжаться. 12 января 1722 года он писал московскому вице-губернатору Воейкову: «Понеже вам неоднократно предложено было, чтоб Красную площадь, где его императорское величество на судах веселится изволил, очистить всю, но и ныне еще того не учинено». От вице-губернатора Александр Данилович потребовал, чтобы площадь была очищена «всконечно в скорости».

Главным зрелищем празднества должны были стать водруженные на сани корабли, приводимые в движение либо лошадьми, либо попутным ветром, а также восседавшие на них дамы в маскарадных костюмах. Меншиков затребовал от оберкоменданта Москвы полковника Измайлова «ведомость, к машкерату судов сколько сделано и достальные как поспеть могут». Затребовал князь и список «женских персон», привлекаемых к участию в празднествах.

Празднества должны были начаться в 2 часа дня 27 января съездом гостей во дворец Меншикова, но царь, по неизвестным причинам, велел перенести их открытие на следующий день, о чем по распоряжению князя обер-коменданту Измайлову поручалось известить население столицы «чрез барабанный бой». «Судовый ход» начался 2 февраля. Князь распорядился, чтобы на площадях, через которые будут следовать «машкератные» суда, был поставлен «крепкой караул, дабы людей никого на тое площадь не пуцали».

На следующий день после «машкерата» царь устроил смотр служебной годности дворян. Организация такого рода мероприятий входила в обязанности Герольдмейстерской конторы во главе со Степаном Колычевым, которая была учреждена при Сенате, но указ Колычеву исходил не от Сената, а от Меншикова.²¹⁵

Не Сенат и не Иностранная коллегия, а Меншиков рассылает извещения гетману Скоропадскому и украинской старшине, а также герцогине Курляндской Анне Иоанновне и населению Митавы о заключении победоносного мира. 14 сентября 1721 года он снарядил на Украину гвардии поручика Чекина, снабдив его инструкцией для Федора Ивановича Протасова, представителя русского двора при гетмане. За приятное известие гетман и старшины должны были расплачиваться дорогими подарками. «Того ради, – обращался князь к Протасову, – извольте как гетмана, так и всю старшину склонить, дабы они за такую радость, которая больше всех прежних радостей, ево дарили хорошими подарками». Светлейший даже назначил таксу за радость, «которая больше всех прежних радостей» – с каждого полка по 1000 талеров.

В тот же день князь отправил еще одного курьера, на этот раз в Митаву. Представителя России при дворе курляндской герцогини цалмейстера Петра Бестужева Меншиков обязал, чтобы курьера, а им был морского флота капитан Галлер, в Митаве «приняли со всяким почтением и дарили знатными подарками, ибо сие царскому величеству угодно будет».

²¹⁴ Там же, д. 162, л. 146, 390, 391, 401.

²¹⁵ Там же, д. 180, л. 19, 29, 42, 62.

Чтобы подвигнуть митавский двор на щедрые подношения, Меншиков написал Бестужеву: «А по нашему мнению надлежит его, капитана, подарить знатным подарком от всей земли, ибо во оной много знатных господ обретаетца».²¹⁶

За себя и за московского губернатора хлопотал Меншиков, подготавливая поездку Петра на Марциальные воды. Ничего удивительного не было в том, что Меншиков обеспечивал царя транспортом, когда тот выезжал из Петербурга, – это входило в компетенцию губернатора, поскольку первый в России курорт находился на территории, ему подведомственной. Но петербургский губернатор не обязан был заботиться о проезде царя из Москвы – такого рода поручение, видимо, дано было самим Петром.

Предполагалось, что Петр ранней весной 1718 года, после отречения царевича Алексея от престолонаследия, отправится из Москвы на Марциальные воды (курорт, расположенный в шестидесяти километрах от Петрозаводска). Поездка, как видим, полностью была на попечении Меншикова, и он из Петербурга наказывал своему генерал-адъютанту Степану Нестерову измерить расстояние от Москвы до Марциальных вод, определить станции, где должны были менять лошадей, и сообщить день выезда царя. «Подтверждаю, – наставлял Меншиков Нестерова, – дабы вы того не пренебрегли, и нас о том обстоятельно уведомили».²¹⁷ Поездка царя на курорт в 1718 году не состоялась, ее пришлось отложить, поскольку следствие по делу царевича Алексея затянулось, его вынуждены были перенести в новую столицу и закончилось оно только со смертью царевича – 26 июня 1718 года.

Как видим, Меншиков, помимо обязанностей сугубо губернаторских, выполнял множество личных поручений царя. Но князь считал своим долгом и сам вмешиваться в дела, которые, употребляя современную терминологию, не входили в его компетенцию, не гнушаясь при этом и мелких дел, проявлял рвение, отнюдь не свойственное вельможам его времени.

Не будь Александр Данилович фаворитом, московский вице-губернатор Воейков, возможно, мог бы послушаться и не выполнить его предписаний капитально отремонтировать мост через Неглинку у Боровицких ворот. Эту неисправность, надо полагать, в июне 1722 года могли видеть и сам вице-губернатор, и находившиеся в то время в Москве сенаторы, но взгляд всех безучастно скользил по обветшалому мосту. Таким же образом князь поступил годом раньше на острове Котлин. Там он велел заменить лестницу у причала, «понеже старая зело крута и худа, и сход трудной, о чем мы в бытность нашу указывали и приказывали». Забота о лестнице – дело президента Адмиралтейской коллегии Федора Матвеевича Апраксина, в ведомстве которого находилась стоянка русского флота на Котлине, но Меншиков не стал ожидать его распоряжений и настойчиво добивался исполнения своего приказа: первый раз он отправил послание бригадиру Порошину 23 июня 1721 года, через шесть дней напомнил и успокоился лишь после того, как 2 июля Порошин отпраповал ему, что лестница установлена.²¹⁸

В 1722 году царь готовит Каспийский поход. Он едет сначала в Москву, а затем в Астрахань, чтобы оттуда двинуться с армией. Меншикову, как и всегда, поручена судьба новой столицы. Однако ранее, если Петр отбывал, скажем, в Прутский поход или в заграничное путешествие, то в Петербурге безвыездно сидел светлейший, и напротив, когда Меншиков находился за пределами Петербурга, и даже за пределами России, например в Померании или на Украине, столицу не покидал царь; на этот раз ни царя, ни Меншикова в новой столице не оставалось – Северная война благополучно закончилась, и столице более ничто не угрожало.

²¹⁶ Там же, д. 162, л. 411–413.

²¹⁷ Там же, д. 107, л. 349.

²¹⁸ Там же, д. 162, л. 290, 292, 308.

Руководил и направлял энергию своих помощников и подчиненных Меншиков из Москвы, а это было столь же сложно, как руководить сражением, пребывая вдали от него. И если Александр Данилович без существенных изъятий справился с поручением, то благодаря ответственному отношению к делу – спустя рукава он никогда ничего не делал и так же, как и царь, целиком отдавался начатому делу и не успокаивался до тех пор, пока не приводил его к желаемому концу.

Князь не поленился сесть в карету и отправиться в новую столицу, чтобы на месте решить вопросы, требовавшие его вмешательства.

В Петербурге он пробыл несколько недель, возвратился в Москву 2 августа и на следующий день отправил царю донесение с отчетом о проделанной работе, начинающееся словами: «По прибытии моем в С.-Петербурх все работы осмотрел и, каким порядком оные исправлять, определил».

Демонстрировать свое усердие светлейший умел, хвастливого тона в донесениях ему тоже не занимать, но в этот приезд он действительно не пропустил ни одной стройки: среди инспектированных Меншиковым сооружений встречаем как грандиозные сооружения, так и небольшие палаты, строившиеся в Петергофе, на Котлине, Стрелиной Мызе и в самом Петербурге. К осени заканчивали первую очередь Сестрорецкого завода, канал на Котлине, соединяющий море с доком, выложенный камнем «саженей на 50–60», и новую «сетодель» (цитадель) – искусственный остров с поставленными на нем пушками, которые «когда достроится, то от оной как гавани, так и Кроншлоту великая будет оборона», ибо вся площадь между материком и островом будет находиться под обстрелом. К концу подходило строительство дворца, канала и флигелей в Петергофе.

Возобновились работы в столице, приостановившиеся было из-за нехватки рабочей силы: строился Петропавловский собор, постоянные дворы, «бечевник» вдоль Невы, оживилась постройка кораблей в Адмиралтействе. Меншиков использовал самый доступный ему способ обеспечения строек рабочей силой – как президент Военной коллегии, он определил на работу солдат нескольких полков – Черниговского, Киевского, Невского, Великолуцкого и других.²¹⁹

И все же Меншикова не покидало чувство беспокойства. Можно даже сказать, что князь никогда не был так озабочен, какую оценку даст царь им содеянному. Видимо, он серьезно опасался за свою судьбу, боялся падения. Далее в книге будет рассказано, чем были вызваны опасения светлейшего. Пока же отметим, что следы беспокойства Александра Даниловича обнаруживают и деловые письма.

Волнение князя нарастало по мере приближения дня отъезда царя из Москвы в Петербург. Меншиков был уверен, что царь немедленно отправится осматривать все работы, «а особенно у новопостроенных домов». Поэтому светлейший предупреждал коменданта Бахмеотова, чтобы к приезду царя «онные были во всякой чистоте». Через два дня, 24 февраля, он требует от Бахмеотова и Девиера: когда царь «изволит смотреть тамошних работ, и угодны ль оные его величеству будут – извольте нас уведомить».

Проходит две недели – в Москву не поступает никаких известий. Меншиков был уверен, что царь успел уже все осмотреть, ему не терпелось знать его оценку, и поэтому он шлет новое напоминание: «Меня уведомить, угодны ли которые работы или строения его величеству».

Следы тревоги князя видны и в его письме к царю от 1 марта с неизвестной ранее просьбой: «При отшествии вашего величества в С.-Петербурх просил я ваше величество, ежели тамошние работы, как по указу вашего величества были в моем ведении, умением моим исправлялися не так, как ваше величество повелел, чтоб, по превысокой своей отеческой ко мне милости, в том меня изволили простить».

Особенно беспокоили князя постоянные дворы. Столичные гостиницы еще не были

²¹⁹ РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 60, л. 577–580.

готовы, а он 19 декабря 1722 года распорядился, чтобы все столичные домовладельцы, сдававшие свои дома внаем, были предупреждены, что впредь им это делать запрещается. По окончании строительства предстояли торги для тех, кто пожелает взять дома на откуп. От внимания Меншикова не ускользали всякого рода мелочи: он требовал от Бахмеотова, чтобы потолки светлиц в гостиницах были подбиты прутьями, а затем обмазаны известью, чтобы при каждом трех домах было сооружено по одной лавке, чтобы в том случае, если не найдутся желающие взять дома на откуп, Бахмеотов разыскал среди обер-офицеров «доброго и правдивого человека, придав к нему несколько человек солдат», и передал им гостиницы, в которых должны были поселиться приезжие иностранцы на «коликое время кто похочет».

Страхи Меншикова оказались напрасными. Стараниями князя царь был вполне удовлетворен, о чем светлейшего известила Екатерина. 26 марта 1723 года она вполне успокоила Меншикова: «Что ж пишешь о работах, бывших в твоей диспозиции, и оными работами, а паче построенными постоялыми дворами его императорское величество зело доволен».²²⁰

Помимо забот государственных, требовавших присутствия князя в столице, у него была еще одна обязанность, в те времена считавшаяся едва ли не самой почетной, – попечение о царевиче Петре Петровиче²²¹ и царских дочерях Анне и Елизавете. Когда царская чета покидала столицу, ответственность за здоровье ее детей перекладывалась на плечи Меншикова. В 1716 году, когда князь отлучался в Ревель, в столичном дворце подняли переполох – заболела кормилица двухлетнего царевича Петра. Это обстоятельство ускорило возвращение Александра Даниловича в столицу.

В каждом письме, отправленном царю и особенно царице, находившимся в 1716–1717 годах в заграничном путешествии, Александр Данилович посвящал несколько строк здоровью царских отпрысков. Иногда он неуклюже шутил, иногда переходил на сентиментальный тон: царевич «изволит употреблять экзерцицию салдацкую, чего ради караульные бомбардирской роты салдаты непрестанно в большой палате пред его высочеством оную экзерцицию отправляют. Речи же его: папа, мама, салдат». А вот другой намек, что сын пошел в отца: царевич «изволит более забавлятца прежнему охотою отеческою, а именно барабанным боем».

Весной 1717 года обе царевны, Анна и Елизавета, заболели оспой. Болезнь протекала в легкой форме и не оставила следов на лице, но вызвала у супругов волнение. Меншиков их утешал, сообщая, что у Елизаветы осталось «на личике пятнышек с пять», которые должны сойти, а у Анны болезнь внезапно прекратилась.²²²

Находившимся в Каспийском походе Петру и Екатерине он через каждые пять-шесть дней отправлял письма с известием о здоровье дочерей Анны и Елизаветы и внука Петра.²²³ С 20 мая по 10 декабря князь отправил царю и царице тридцать два письма, из которых только четыре деловые, а остальные – о детях: «Вашему величеству доношу, что дражайшие вашего величества дети, их высочества государыни, цесаревны, в добром обретаютца здравии».²²⁴

Петр по-прежнему передает некоторые свои распоряжения Сенату через Меншикова.

²²⁰ РГАДА, ф. 198, д. 191, л. 66, 68–70, 93, 96; д. 180, л. 394, 509, 574; д. 295, л. 47.

²²¹ Сын Петра I, царевич Петр, умер в 1719 году.

²²² РГАДА, ф. 198, д. 305, л. 45, 90; д. 308, л. 112, 115, 119.

²²³ Сын царевича Алексея, будущий император Петр II.

²²⁴ РГАДА, Госархив, Разряд IX, кн. 60, л. 586.

То он велит ему объявить сенаторам, чтобы те прислали «солдатский нижний мундир, ибо он здесь гораздо дорог», то поручает передать сенаторам, чтобы они занимались достройкой тех кораблей, которые находятся в наибольшей готовности.

Судя по письменным представлениям Сенату, Меншиков не очень щадил самолюбия сановников. Он упрекал сенаторов в небрежении, требуя укомплектовать штаты Адмиралтейства корабельными плотниками. «Того ради, – писал князь, – принужден о том паки чрез сие напомянуть, чтоб о том, не упуская времени, изволили надлежащее учинить решение». Сенат своевременно не выдал деньги Адмиралтейству, Меншиков не просит, а требует: «Того ради принужден я чрез сие о том паки подтверждать».

Сложные отношения между царем и Меншиковым и между Меншиковым и Сенатом, видимо, дали повод голландскому резиденту де Би донести своему правительству 28 сентября 1716 года: «Здесь ходят слухи, что [...] прислано князю Меншикову полномочие на управление всеми государственными делами в отсутствие его царского величества. Если только все это правда, то, вероятно, все будет скоро обнародовано и послужит доказательством, что царь совершенно одобряет действия князя Меншикова и вместе с тем недоволен распоряжениями своего Сената».²²⁵

Слухи, попавшие в текст донесения де Би, не подтвердились – указа, о котором он писал, обнародовано не было, но само появление подобных слухов свидетельствовало о еще не утраченной доверии царя к фавориту. Особая близость между ними наступила в месяцы, когда велось следствие по делу царевича Алексея.

Царевич Алексей, сын Петра от первого брака, по складу характера и по убеждениям был полной противоположностью отцу. Безвольный и пассивный, он стоял в стороне от забот, полностью поглощавших неумную энергию царя, не жалевшего ни сил, ни «живота своего» для претворения грандиозных преобразовательных планов. Более того, к обновлению страны Алексей относился враждебно, открыто заявлял, что после вступления на престол повернет Россию вспять: откажется от приобретений в Прибалтике, забросит флот, отменит все новшества, приблизит к себе поборников старины.

Современник оставил нам характеристику двадцатичетырехлетнего царевича: «Он был хорошего роста, лицо имел смуглое, черные волосы и глаза, серьезный вид и грубый голос... Он постоянно окружен был гурьбою разнузданных, невежественных священников и тех ничтожных персон дурных свойств, в обществе которых он постоянно ратовал против упразднения отцом своих старых привычек и говаривал, что он тотчас по вступлении во власть правительственную Россию вернет к прежнему. Он грозил одновременно и открыто всех любимцев отца искоренить. Это делал он так часто и так неосторожно, что это не могло быть не донесено царю...»

Удивительно, что царевич никогда не появлялся в официальных собраниях, когда все знатные присутствовали на празднествах по случаю рождения, побед, спуска кораблей и ждали царя. Чтобы избежать таких собраний, царевич либо принимал лекарства, или отворял себе кровь и постоянно извинялся, что по нездоровью не мог присутствовать, причем повсеместно знали, что он напивался в самом дурном обществе и предприятия отца своего постоянно осуждал».²²⁶

В 1715 году царь предложил сыну либо отречься от престола и удалиться в монашескую келью, либо участвовать во всех его начинаниях. Царевич согласился уйти в монастырь, но когда в следующем году отец, будучи в Дании, вызвал его к себе для участия в десантных операциях против Швеции, он воспользовался этим вызовом и бежал в Австрию, надеясь добиться трона с иностранной помощью.

Усилиями дипломата Петра Толстого и гвардейского капитана Александра Румянцева

²²⁵ Материалы. Ч. 2. С. 159, 133.

²²⁶ Шереметев С. Схимонахиня Нектария. М., 1909. С. 10, 11.

царевич-беглец был возвращен в Россию. Зимой 1717 года Петр, царица Екатерина и двор прибыли в Москву, чтобы оформить отречение царевича от престола, а Меншиков остался в Петербурге. Во время первого же свидания с отцом (3 февраля 1718 года) царевич назвал своих сообщников, советовавших ему бежать за границу.

Расследование дела Петр взял в свои руки. Курьеры царя мчались в Петербург один за другим. «Майн фронт (друг. – *Н.П.*), – как и в прежние времена обращался царь к Меншикову. – При приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек его Иван Афанасьев, чего ради возьми их тотчас за крепкий караул и вели оковать». Несколько часов спустя курьер отправился с новым предписанием: сковать надо было старшего Ивана Афанасьева, «а не хуже, чтоб и всех людей (Кикина. – *Н.П.*) подержать, хотя и не ковать».

6 февраля Петру стало известно, что его слуга Баклановский, узнав о том, что царевич назвал своих сообщников во время первого свидания, отправил в Петербург гонца, чтобы тот предупредил Кикина об опасности. Правда, шансов спастись у Кикина было мало, так как Петр еще раньше заподозрил его в причастности к бегству сына и, уезжая в Москву, велел Меншикову, «чтоб на него око имели и стерегли».

Царский курьер преодолел расстояние между двумя столицами за трое суток и вручил Меншикову указ об аресте Кикина и Афанасьева в 11 часов вечера. Гонцу Баклановского удалось его упредить. Кикин, извещенный о событиях в Москве, растерялся. Что делать? Бежать, но куда? В полночь в спальном халате он отправился за советом к брату Ивану. Здесь и был схвачен Меншиковым. В гарнизонной книге 6 февраля записано: «И того ж числа наложены на них цепи с стульями и на ноги желез».

После случая с Баклановским Петр повелевает Меншикову, чтобы тот «ни для каких дел партикулярных ни за какие деньги» не давал почтовых лошадей. Только две подписи в подорожных имели силу: самого царя и Меншикова. Получив указ, Меншиков тут же отправил распоряжение комендантам Выборга, Шлиссельбурга, Корелы и Нарвы, чтобы пропускать курьеров только с подорожными «за моею рукою и печатью», а на почтовые станы по пути из Петербурга в Москву послал гонца с предписанием никому не выдавать лошадей.

Меншиковым был получен очередной приказ: Кикина и Афанасьева велено пытаться «вискою одною», а кнутом не бить. Тут же объяснение причин «милосердия» – «чтоб дорогою не занемогли».

«Дело сие зело множитца», – писал Петр Меншикову. Число лиц, причастных к «воровской компании», как называл царь сообщников царевича, увеличивалось с каждым днем. Светлейший получает указы заключить под стражу сибирского царевича Василия, сенатора Михаила Самарина, брата первой жены царя – Петра Авраамовича Лопухина, брата адмирала Апраксина Петра Матвеевича, генерал-лейтенанта князя Василия Владимировича Долгорукова и множество менее знатных персон: канцелярских чиновников, слуг царевича Алексея, родственников царевича по матери.²²⁷

Усердие Меншикова в следствии – выше всяких похвал. Скованных заключенных он партиями отправляет в Москву. Некоторых из них он допрашивает сам. С особенным рвением светлейший брал под стражу князя Долгорукого, который когда-то возглавлял комиссию по расследованию его собственных обвинений в казнокрадстве.

Взаимную вражду Меншикова и рода Долгоруких отметил саксонский посланник Лосс еще в 1715 году. Князя он называл «злейшим врагом» этой аристократической фамилии. Посол далее писал о возраставшем влиянии Василия Владимировича Долгорукого на Петра: «Царь берет его с собою на все маленькие увеселения и не может быть без него ни одного дня».²²⁸ Теперь Долгорукому предстояло совершить путешествие в Москву в «ножных

²²⁷ ЧОИДР. М., 1861. Кн. 3. С. 308, 309, 313, 314.

²²⁸ Шереметев С. Указ. соч., с. 14, 15.

железах».

Напряжение в Москве, где следствием руководил сам царь, и в Петербурге, оставленном на попечение Меншикова, достигло высшего накала: никто из вельмож не знал, кто еще будет оговорен царевичем в дополнение к тем пятидесяти, уже взятым под стражу, у кого оборвется карьера, кому придется расплачиваться не только пожитками, но и «животом». Состояние неуверенности и страха, царившее в кругу вельмож, легко улавливается и в письмах тех дней.

В феврале-марте 1718 года Меншиков вел оживленную переписку с Екатериной, Толстым, Ягужинским, адмиралом Апраксиным, кабинет-секретарем Макаровым. Регулярно он получал и ответы от них. Читая письма, можно подумать, что корреспонденты либо стояли в стороне от происходивших событий, либо ни в Москве, ни в Петербурге не наблюдалось ничего такого, что заслуживало бы их внимания. Меншиков отправлял стандартные послания с извещением, что в Петербурге «при помощи Божии все благополучно», и просьбой «содержать нас в любительной своей корреспонденции». ²²⁹ Корреспонденты в «любительных» ответах, вторя Меншикову, тоже умалчивали о самом важном и волнующем.

Самые обстоятельные сведения о событиях в Москве тех дней сообщил Меншикову человек, менее всего осведомленный об их сущности, – генерал-адъютант Степан Нестеров, наблюдавший лишь со стороны. Перу Нестерова принадлежит описание сцены встречи царевича с отцом, а также всей процедуры лишения царевича наследия. Это – единственное свидетельство, оставленное русским современником, поэтому приведем его в пространных выдержках.

Царевич прибыл в Москву 3 февраля в 9 часов утра. Петр ожидал его «вверху в Ответной палате. Тут же были собраны духовные особы, также министры и сенаторы. И повешено, государь, было всяких чинов людям, кроме подлого народу, чтоб были все в вышепомянутой палате. И когда все собрались, тогда его высочество изволил прибыть в тое ж Ответную палату, – и при ево высочестве Петр Андреевич Толстой, – пришед прямо к своему родителю, всемилостивейшему государю, заплакав, повалился в ноги и просил прощения в преступлении. И того часу его величество повелел встать и изволил объявить свою родительскую милость, в каком содержании его имел и как обучал х тому, чтоб был наследником, но ево высочество то презрил и не хотел того внятно обучатца, якобы надлежало наследнику, и протчие преступления противные.

А изволил его величество говорить изустно и громко, чтоб все слышали. Но на то отповеди оправдательной никакой его высочество говорить не мог, токмо просил прощения и живот, а наследия не желает.

И потом его величество изволил еще говорить громко ж, чтоб показал самую истину, хто ево высочеству были согласники, чтоб объявил. И на те слова его высочество поползнулся было говорить, но понеже его величество от того сократил, и тем его величества разговор кончился и вскоре после сего повелел читать манифест, которой имеет господин Думашев, печатной.

И когда оной прочли громко, чтоб все слышали, тогда его величество изволил сказать, что прощаю, а наследия лишаю. И потом тотчас его величество купно с его высочеством и протчие, как духовные особы, так и министры и всех чинов люди, пошли в соборную церковь, а, пришед в церковь, пред святым Евангелием его высочество учинил присягу и, присягнув, подписался, что наследия не желает, а уступил брату своему, его высочеству, государю царевичу Петру Петровичю». Вслед за царевичем присягали духовные, министры и прочие. Под присягой они поставили подписи.

«И по учении вышепомянутого, его величество и государь царевич изволили итти

²²⁹ РГАДА, ф. 198, д. 106, л. 109, 110.

кушать в Преображенское. Також после полудня в 5-ом часу все министры съехались в дом царского величества в Преображенское и веселились довольно...

Не лишено интереса и последнее письмо Нестерова, отправленное из Москвы 15 марта 1718 года, то есть после завершения Суздальского розыска по делу бывшей царицы Евдокии: «Сего, государь, числа час пополудни били в барабан на Красной площади збор, чтоб, государь, всенародно збирались, понеже будет экзекуция. А хто осуждены, о том вашей высококняжеской светлости донесет сей вручитель.

А оставшие, государь, по сим делам колодники повезутца отсель при баталионе Преображенском в Санкт-Питербурх, который також отсель пойдет на четвертой недели сего поста, а имянно во вторник...»²³⁰

Впрочем, изредка в письмах все же проскальзывала кое-какая информация, если не прямо, то косвенно отражавшая происходившее. Так, Екатерина в письме от 4 февраля извещала Меншикова, что царевич Алексей «прибыл сюда (в Москву. – *Н.П.*) вчерашнего числа». Но зато в следующем послании, отправленном в разгар розыска – 11 марта, о следствии ни слова. Царица сочла возможным лишь предупредить князя о намерении Петра вскоре вернуться в Петербург, «ежели еще что не задержит».

В письмах к Екатерине Меншиков тоже уклонялся затрагивать существо дела. Лишь однажды он, полагая, что измена царского сына и кровавое следствие могут вызвать у Петра болезнь, «слезно» умолял Екатерину отвращать супруга «от приключившейся печали», которая может вызвать тяжелые последствия «его величеству здравью». Но крайняя необходимость вынуждала пренебрегать осторожностью. В одном из писем к Толстому Меншиков не ограничился сакраментальной фразой, что «здесь при помощи Божии все благополучно», и решил выяснить у корреспондента волновавший его вопрос: «Послал я к царскому величеству Ивана Кикина допрос. А что по оному его величество изволил учинить – известия не имею. Того для прошу ваше превосходительство о том меня уведомить». Толстой предпочел отмолчаться.

Читая письмо Толстого от 5 февраля – «ныне здесь новин никаких нет», можно подумать, что этому дню не предшествовало ни отречение царевича от престола, ни начало розыска по его делу. В таком же ключе написано и письмо от 13 февраля: «О здешних делах не хочу вашу светлость утруждать, понеже от его царского величества о всем вам известно».

Исключение составляют письма братьев Апраксиных. Петру Матвеевичу удалось отвести предъявленные обвинения, и он, оказавшись на свободе, с разрешения царя отправил к Меншикову курьера с посланием, описывавшим свои злоключения: он был доставлен в Москву и «во узах» в 6 часов утра оказался в застенках Тайной канцелярии в Преображенском. Там, продолжал Апраксин, и была установлена «моя правда и невинность». История, однако, имела продолжение, о котором Петр Матвеевич рассказывает в цидуле, приложенной к письму: «Брата моего Федора Матвеевича от такой о мне печали застал еле жива». Сам Федор Матвеевич тоже известил Меншикова о своей болезни, причем сделал это весьма эмоционально. Кстати, письмо адмирала дает ключ к объяснению причин, вынуждавших корреспондентов избегать острой темы: «О здешних обстоятельствах вашей светлости верно донести оставляю, ибо в том перу верить не могу и себя нахожу в немалых печалях, о чем вашей светлости уже известно».²³¹

Розыск в Москве был завершен к середине марта. Главного подстрекателя бегства царевича, Александра Кикина, некогда любимца царя, а затем попавшего в немилость из-за казнокрадства, министры приговорили к смерти. После колесования его отрубленную голову воздели на кол. Ивана Афанасьевича Большого тоже казнили. Самой мучительной казни

²³⁰ Там же, д. 804, л. 12–14, 18, 19.

²³¹ Там же, д. 353, л. 2, 6; д. 352, л. 153.

были подвергнут Степан Глебов, признавшийся в блудном сожителстве с первой супругой царя, – его посадили на кол. Закончили жизнь на эшафоте еще несколько человек. Часть обвиняемых была оправдана, среди них сенатор Самарин. Основная же масса привлеченных к розыску подверглась суровым наказаниям: ссылке на каторгу и на галеры, отрезанию языка, пострижению в монастырь, отправке в отдаленные деревни.

Сравнительно легкое наказание понес и князь Василий Владимирович Долгорукий. Поначалу он отклонил все обвинения, и в частности самое главное. Во время розыска у него спросили, советовал ли он царевичу давать «хоть тысячу» письменных обещаний об отречении от престола. «Улита едет, коли то (когда-то. – *Н.П.*) будет», – будто бы утешал он царевича. Долгорукий ответил отрицательно. Позже он принес повинную: «Как взят я из С.-Петербурга нечаянно и повезен в Москву окован, от чего был в великой дисперации (страхе. – *Н.П.*) и безпамятстве, и привезен в Преображенское, и отдан под крепкий арест, и потом приведен на Генеральный двор пред царское величество, и был в том же страхе; и в то время, как спрашиван я против письма царевича пред царским величеством, отвечал в страхе; видя слова, написанные на меня царевичем, приняты за великую противность, и в то время, боясь розыску, о тех словах не сказал».

Князь Василий Владимирович был лишен чинов и отправлен в ссылку в Соль Камскую. Быть может, на судьбу племянника повлияла челобитная царю Якова Федоровича Долгорукого. Старейшего представителя рода вынудила обратиться к царю забота о репутации всей фамилии, ибо, по его представлениям, восходившим к стародавним традициям, «порок одного злодея винного привязывается и к невинным сродникам». Яков Долгорукий напомнил Петру о жертвах, понесенных Долгорукими во время стрелецкого бунта, писал о безоговорочной поддержке царя в его борьбе с Софьей. «Вижу ныне сродников моих, впадших в некоторое погрешение: аще дела их подлинно не ведаю, однако то ведаю, что никогда они ни в каких злохитрых умыслах не были...» Единственная вина «сродников» могла состоять в «дерзновенных словах», произнесенных, впрочем, без «умысла злого».

Причастность Долгоруких к делу царевича Алексея, как и само дело, может быть, и не заслуживали бы столь подробного изложения, если бы нам не было известно влияние этих событий на последующую жизнь Меншикова. Мы видели, что еще задолго до начала следствия отношения между аристократическим родом Долгоруких и Меншиковым не отличались миролюбием. Теперь враждебность усугубилась еще более. Это надобно запомнить, ибо судьбе было угодно, чтобы Меншиков столкнулся с Долгорукими еще раз, девять лет спустя.

18 марта 1718 года царь выехал в Петербург. Туда же были отправлены царевич Алексей и некоторые из подследственных. Розыск вступил в завершающую стадию. Компрометирующие царевича показания дала его любовница Евфросинья, неотлучно находившаяся при нем во время полугодового пребывания за границей. Роды задержали ее за рубежом, и она вернулась в Петербург только в апреле. Ее свидетельства изобличали царевича в намерении добиваться трона, опираясь на иноземные штыки. Став изменником, он сделался и лжецом, скрыв от следствия свои предательские планы.

В июне царевич был заключен в Петропавловскую крепость. Его стали пытать как заурядного колодника, в иные дни даже по два раза. В застенке присутствовали царь, Меншиков, Апраксин, Головкин, Шафиров, Яков Долгорукий и другие. Последняя из семи пыток, которым подвергся царевич, начиная с 14 июня, была 26 июня; пытаемый, видимо, не выдержав истязаний, умер. В записной книге Петербургской гарнизонной канцелярии в этот день была сделана следующая лаконичная запись: «Того же числа по полудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».²³²

²³² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 195, 199, 493, 613.

Возможно, что царевич погиб насильственной смертью, ибо царь конечно же не мог желать, чтобы казнь совершалась публично, при стечении народа. Ведь на эшафот должен был подняться собственный сын, не обычный преступник, а отпрыск помазанника Божьего на земле.

Версия об удушении царевича со всеми подробностями была изложена в письме Александра Румянцева к своему приятелю, ходившем в многочисленных списках во второй четверти XIX века. Подлинника письма никто никогда не видел, а обнаруженные в списках несурзанности дали основание историкам считать его подделкой, вышедшей из славянофильских кругов, не скрывавших своей враждебности к Петру и его преобразованиям. Таким образом, категорически не отвергая версию о насильственной смерти царевича, надобно отрицать «подлинность» ее описания в письме, якобы принадлежащем перу Румянцева, того самого, что вместе с Толстым уговорил царевича вернуться в Россию.

Драматическая развязка была неминуема. Министры, сенаторы, военные и гражданские чины – всего 127 человек – 24 июня 1718 года «единогласно и без всякого прекословия согласились и приговорили, что он, царевич Алексей, за вышеобъявленные все вины свои и преступления, главные против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти». Список лиц, подписавших царевичу смертный приговор, возглавил Меншиков. За ним следуют подписи адмирала Апраксина, канцлера Головкина, тайного советника Толстого, подканцлера Шафирова и прочих. Среди подписавших приговор четвертым значился Яков Федорович Долгорукий. Выводя свою фамилию непослушным пером, вряд ли он это делал без «прекословия» и руководствовался убеждением, а не страхом.

Вслед за окончанием дела царевича Алексея у Меншикова начались будни мирной жизни. Проследить, как они текли, помогает нам любопытный источник под названием «Повседневная записка делам князя Меншикова»,²³³ своего рода дневник, в котором секретари ежедневно регистрировали не столько сами «дела», сколько перемещения князя: его встречи с царем, вельможами, посещения учреждений, переезды в другие города... И все же дневник позволяет судить, как Меншиков распоряжался своим временем.

На первый взгляд может показаться, что служба отнимала у Меншикова крайне мало времени. Не совсем так. Чтобы убедиться в этом, сравним распорядок дня Меншикова с распорядком дня вельможи XIX века. Если бы, например, Алексей Александрович Каренин, каждая минута жизни которого, по словам Л. Н. Толстого, «была занята и распределена», не являлся, подобно Меншикову, в присутствие неделями, то его бы уволили со службы. Не мог себе позволить вольготных часов досуга и Петр Александрович Валуев – не литературный герой, а реальный министр внутренних дел России 60—70-х годов прошлого столетия. Между тем Меншиков в течение 1719 года присутствовал в Военной коллегии, первым президентом (единственная коллегия с двумя президентами) которой он являлся, всего 62 раза, в Сенате – 16 раз, по одному разу он заглянул в Адмиралтейскую, Иностранную и Юстиц-коллегии, причем проводил он там два, максимум четыре часа, а иногда и полчаса.

Читатель вправе заподозрить Меншикова в злоупотреблении своей приближенностью к царю – и ошибется. Достаточно беглого обзора законодательства тех времен, чтобы убедиться: светлейший не слишком отступал от общепринятых норм. В указе президентам коллегий от 2 октября 1718 года Петр, отметив, что они «зело лениво съезжаются для врученного им дела», потребовал от них присутствовать в учреждениях два раза в неделю: во вторник и четверг.²³⁴ Правда, два года спустя Генеральный регламент предписывал членам коллегии являться на службу ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней,

²³³ РГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 1–6.

²³⁴ Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1946. С. 226.

но рабочее время ограничивалось лишь пятью часами. Но это два года спустя, когда коллегиальная система управления уже сложилась.

Сенаторы в те годы тоже не сидели в Сенате ежедневно. Указы предписывали им присутствовать в учреждении от двух до трех дней в неделю, а если не было надобности, то даже один день. Ежедневная явка на службу была обязательной только для дежурного сенатора, сменявшегося ежемесячно.

Надобно также учесть, что три месяца в 1719 году Меншиков находился за пределами столицы. Самая продолжительная отлучка, на месяц, на Марциальные воды. Остальные вояжи были кратковременными: в течение года он шесть раз побывал в Кронштадте, несколько раз навещал свою летнюю резиденцию в Ораниенбауме, ездил в Петергоф и Екатерингоф, а в октябре отправился в Шлиссельбург на традиционные празднества по случаю взятия этой крепости. Наконец, в 1719 году Меншиков свыше месяца болел и, естественно, не покидал своего дворца. После болезни он зачастил в Военную коллегию, за два зимних месяца – январь и декабрь – отмечено двадцать семь посещений.

Но где же, как и когда вельможа решал уйму возникавших вопросов по управлению губернией, столичным городом и Военной коллегией? Как он успевал выполнять еще и сугубо частные поручения Петра? Ответы, правда далеко не исчерпывающие, дают «Повседневные записки».

Вставал Меншиков, как правило, в пятом либо в шестом часу, реже – в четвертом или седьмом. На утренние часы падала основная часть рабочего дня. Светлейший сразу же, как лаконично повествуют «Повседневные записки», занимался «слушанием дел». Под «делами» подразумевались доклады служителей Домовой или Походной канцелярии, которым он давал распоряжения по управлению своим дворцом и многочисленными вотчинами, или доклады подчиненных по службе. Последующие часы он проводил в обществе Петра, нередко приезжавшего к нему домой, либо в царской резиденции, а также в Военной коллегии и Сенате и за осмотром работ. Этого рода занятия завершались к полудню, реже – к часу дня. Меншиков садился за стол, чаще всего у себя дома, около 11–12 часов, но иногда – у царя, у генерал-адмирала Апраксина, обер-серваера (главного кораблестроителя) Головина, генерал-полицеймейстера Девиера и других лиц. В одиночестве Меншиков был за столом редко. Обычно с ним была мужская компания из сановников и подчиненных. Характерная деталь, свидетельствующая о том, что эмансипация женщин, настойчиво вводимая царем через ассамблеи, еще не проникла в семью князя, в принципе не чужавшегося новшеств: за обеденным столом не сидели ни супруга, ни дети, даже в том случае, если «его светлость изволили кушать» без гостей.

После трапезы – визиты к вельможам, прием вельмож, участие в различных церемониях вместе с царем и «господами министрами», деловые и праздные разговоры, перемежавшиеся игрой в шахматы и карты. Между 10 и 11 часами, после ужина, сразу же отправлялся спать. В распорядке дня немало времени отводилось на богослужение – заутрени и всенощные.

Меншиков участвовал и в публичных развлечениях. К ним прежде всего относились ассамблеи. Они устраивались, судя по записям, без определенной периодичности. Первая ассамблея в 1719 году была проведена у генерала Вейде в воскресенье 18 января, следующая – в четверг 22 января у князя Дмитрия Михайловича Голицына, затем – в воскресенье 25 января у князя Долгорукого, через день – у князя Черкасского, а еще через день, в среду 29 января, – у Ивана Стрешнева. В феврале было лишь две ассамблеи, а в марте – одна, затем наступил, видимо, пост, а затем и лето; четыре ассамблеи с участием Меншикова зарегистрированы только в декабре.

Другой вид развлечений был связан с вылазками всепьянейшего собора. На рождественских праздниках 1719 года славили у князя-папы Бутурлина и архиигумены Ржевской (25 декабря), у канцлера Головкина (26 декабря), у князя Алексея Черкасского (28 декабря). Празднества завершились 30 декабря – соборян в этот день принимал Меншиков. «Повседневные записки» отметили и необычное развлечение, правда, единственное в году:

22 марта царская чета, министры и Меншиков смотрели «комедию». В действительности это была не комедия, а цирковое представление с участием силача и какой-то дамы, танцевавшей на натянутом канате.²³⁵

Распорядок в воскресные дни мало чем отличался от будничных: в воскресенье князь вставал так же рано, как и в рабочие дни, отправлялся в царский дворец, где вел разговоры с царской четой за обеденным столом, мог заглянуть в Военную коллегию, присутствовать на свадьбе либо другом семейном торжестве у своих подчиненных. В воскресенье либо в праздник светлейший лишь дольше пребывал в церкви.

Встречались, однако, дни, когда Меншиков почти полностью отключался от служебных забот. Время с 8 по 16 мая он провел в Ораниенбауме. Здесь он посвятил себя хлопотам по благоустройству загородной резиденции – прогуливался в «огороде», то есть в парке, наблюдал за сооружением фонтана, ездил по близлежащим угодьям, осматривал работы. Впрочем, и сюда по служебным делам к нему приезжали должностные лица: шаяубейнахт Сиверс, бригадир Порошин и прочие.

Дважды за 1719 год Меншиков оказался в необычной для него обстановке бездействия: первый раз – во время продолжительной болезни, второй – во время лечения на Марциальных водах.

Симптомы недомогания появились в начале февраля, но князь крепился и не прекращал привычных занятий. 3 февраля он встал, как и всегда, в шестом часу и отправился в Сенат, оттуда в Военную коллегию. На следующий день мы вновь видим его «на ногах» – в Иностранной коллегии. Но уже 5 февраля не Меншиков отправляется в присутствие, а к нему во дворец прибывают Толстой, Вейде, иностранные послы, министры и президенты. Они ведут какие-то «довольные разговоры». В последующие дни светлейшему не сиделось дома. Затем следует короткая запись от 11 февраля: «Ради обдержимой болезни из покоев выходить не изволили». Меншиков, однако, не берегся: он то сидел дома, то выезжал для осмотра работ в Адмиралтейство, в Военную коллегию и Сенат.

20 февраля болезнь наконец одолела светлейшего и приковала его к постели на месяц. Но и во время болезни он не прекращал работы. Дневниковые записи пестрят фразами: «довольно дел отправлял». Его часто навещали – одни как больного, другие – чтобы получить распоряжения. Не подлежит сомнению, что генералы Вейде, Брюс и Гинтер 26 февраля приезжали к нему по делам Военной коллегии. Деловой визит нанесли также генерал-майор Голицын и генерал-полицеймейстер Девиер. Их приезд «Повседневная записка» отметила так: «И по разговорах кушали, а его светлость ради болезни лежал подле кушанья; по разговорех разъехались».²³⁶

3 марта с Марциальных вод возвратился Петр и в тот же день навестил больного. В «Повседневной записке» читаем: царь «по обычной церемонии, рассуждая о болезни его светлости, изволил объявить о неслыханном действии Марциальных вод». Петр, любивший врачевать, предписал фавориту отправиться на Марциальные воды. В представлении медиков того времени, эти воды способны были поставить на ноги любого больного, в том числе и князя с больными легкими.

Меншиков поднялся с постели к 21 марта, а в июле пришло время выполнять царское повеление. Это принудительное лечение, надо полагать, вызвало в семье князя тревогу. Следы сомнений в целительных свойствах вод видны в том, что «курортник» в течение недели ехал в сопровождении всей семьи.

Князь прибыл на курорт 26 июля. Здесь он встретил подобных себе больных, маявшихся на водах по велению царя: царицу Прасковью Федоровну, генерал-адмирала Апраксина, Григория Скорнякова-Писарева, архимандрита Феодосия, князя Ивана Юрьевича

²³⁵ РГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 3, л. 46.

²³⁶ Там же, л. 30.

Трубецкого. Вынужденное безделье тяготило светлейшего, и он не знал, как распорядиться уймой свободного времени: по привычке вставал он в пятом часу, бродил по окрестностям, заглядывал в кузницу, почти ежедневно навещал пристань, где ему мастерили лодку, ходил в гости к царице и Апраксину.

Курс лечения продолжался десять дней. В первый день князь одним приемом выпил семь стаканов воды. В дальнейшем количество выпитых стаканов увеличилось и 30 июля достигло четырнадцати. Прием воды в последующие пять дней происходил по убывающей, и к концу лечения, к 4 августа, норма достигла исходной – семи стаканов. С Марциальными водами он расстался 6 августа, похоже, без сожаления, хотя, видимо, в угоду царю распространял слухи о целебном их действии. Через пять дней после прибытия на курорт, 31 июля, он писал в Петербург: «Воды, слава Богу, мне и другим зело изрядно пользуют».

Сопоставляя рабочий день Меншикова с рабочим днем министра Валуева, нетрудно заметить, что, несмотря на то, что отделены они полутора веками, в распорядке их много общего. Меншиков стоял у истоков формирования бюрократического аппарата абсолютизма, Валуев трудился в годы его расцвета. За это время усложнилась бюрократическая машина, изменились вкусы, формы общения и отдыха. Валуев, разумеется, не поднимался с постели в пятом часу, его несомненно бы шокировало участие в выходках всепьянейшего собора, он не довольствовался бы единственным в году посещением театра. Значительно больше времени он отдавал заседаниям в Сенате, Комитете министров, Совете министров и в прочих комитетах и департаментах, число которых было велико. Прозаседав в одном из них, он спешил сесть в карету, чтобы мчаться в другой. Впрочем, случалось, что он много дней подряд не выходил из дому, сочиняя очередной доклад «на высочайшее имя». И тем не менее день Валуева и день Меншикова многое объединяло: оба вершили дела не столько в стенах учреждений, сколько за их пределами – во время докладов царю и разговоров с ним, во время завтраков и обедов у членов царской фамилии, частных бесед с другими вельможами, во время придворных церемоний и т. д. Закулисная, незримая деятельность вельможи, органически вплетававшаяся в круг его служебных обязанностей, – едва ли не самая существенная особенность работы аппарата абсолютистского режима.

А теперь коснемся такого интригующего сюжета, как грамотность героя нашей книги. Образ жизни Алексашки в детские годы исключал самое элементарное образование – он до конца дней своих оставался неграмотным. Об этом писали все современники иностранцы.

Читаем запись датского посла Юста Юля под 1710 годом: «Князь Меншиков говорит порядочно по-немецки, так что понимать его легко, и сам он понимает, что ему говорят, но ни по-каковски ни буквы не умеет ни прочесть, ни написать – может разве подписать свое имя, которого, впрочем, никто не в состоянии разобрать, если наперед не знает, что это такое». Другой современник, имевший случай наблюдать светлейшего много лет спустя, сообщил на этот счет любопытную и не лишнюю правдоподобия деталь: Меншиков наивно пытался разыгрывать роль человека, постигшего премудрости письма: «Он не умел ни читать, ни писать и выучился только плохо подписывать свое имя. Но в присутствии людей, не знавших о том, скрывал он свою безграмотность и показывал вид, будто читает бумаги». В недавно опубликованном «Донесении о Московии в 1731 году» герцога де Лириа также есть страницы, посвященные Меншикову и подтверждающие свидетельства двух предшествующих авторов: князь «был очень проницательным, а речь его – восхитительно ясной; рассматривал дела с большой сноровкой, не умея ни писать, ни читать. Он всегда способен был выбрать секретарями неподкупных людей». Иностранцам вторит русский мемуарист князь Борис Иванович Куракин. По его сведениям, Меншиков – «человек не ученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать».²³⁷

Перечисленным свидетельствам противоречит показание французского посланника де

²³⁷ Юст Юль. Записки. М., 1899. С. 128; Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 148; Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. 1. С. 76; Факобо Фитц Джеймс Стюарт герцог де Лириа-и-Херика // Вопросы истории. 1997. № 5. С.90.

Балюза, приведенное в панегирической книге неизвестного автора, призванной прославлять «заслуги и подвиги его высококняжеской светлости...». Донесение Балюза анонимный автор не датировал, оно отсутствует и в 34-м томе Сборников «Русского исторического общества», где опубликованы донесения этого посланника. Сказанное вызывает некоторые сомнения в подлинности донесения. Тем не менее приведем его: «Так господин Балюз, который провел один год при московском дворе в качестве французского посланника, будучи еще в Москве, читал следующее замечание о его светлости, помещенное им в донесении французскому королю: „Князь Александр Данилович человек очень образованный и светский, усвоивший себе приемы знатного вельможи. Со всеми он обходится чрезвычайно ласково и искренно привязан к славе и интересам своего государя, который оказывает ему полное доверие“». ²³⁸

Откровенно говоря, свидетельства иностранцев, как правило, не выказывавших симпатии к светлейшему, как и свидетельство Куракина, оставившего наполненные сарказмом характеристики сподвижников Петра, вызывали сомнения. В самом деле, как можно было справляться с обязанностями сенатора, фельдмаршала, президента Военной коллегии и губернатора человеку, умевшему лишь начертать имя и фамилию? Оставаться неграмотным было непостижимо, тем более что именно в годы преобразований набирала силу бюрократия, и всякая бумага, вышедшая из недр многочисленных канцелярий, приобретала огромную силу: ее надо было читать и обязательно оставлять на ней след в форме резолюций, помет и тому подобное. Наконец, неграмотность Меншикова вступает в вопиющее противоречие с другим хорошо известным фактом: светлейший не презирал ученость и высоко ценил знания.

Свидетельства иностранцев ничего бы не стоили, если бы мы не располагали главным доводом в пользу их правоты: среди десятков тысяч листов, сохранившихся в фамильном архиве Меншикова, не обнаружено ни одного документа, написанного рукою князя. Не попадались и следы правки составленных документов. Даже сотни писем к Дарье Михайловне, сначала наложнице, а затем супруге, не говоря уже о тысячах писем к царю и вельможам, все до единого были написаны канцеляристами. Это обстоятельство, по всей вероятности, наложило отпечаток и на содержание писем Меншикова к супруге. В отличие от писем Петра к Екатерине, с характерной для этого жанра интимностью, авторской индивидуальностью, послания Меншикова, неизменно любезные, полны канцелярских оборотов и походят на деловые бумаги. Документы сохранили лишь подпись Меншикова, всегда одинаковую, стояла ли она в письмах к супруге или в донесениях царю: «Александр Меншиков».

Первый из известных нам автографов Александра Даниловича относится к 1697 году. Находясь в составе великого посольства, он в сентябре вместе с царем посетил знаменитую коллекцию анатома Рюйша, содержащую множество заспиртованных представителей животного мира. Петр засвидетельствовал визит к ученому в книге почетных посетителей. После короткого текста следовала подпись царя, а в самом низу страницы оставил автограф и Меншиков. Тогда он еще не писал своего имени. В начертании фамилии прослеживаются две особенности: в середине ее изображен «ь», а в конце стояла буква «ф». В итоге фамилия будущего светлейшего выглядела так: «Меньшикоф».

В этой связи напрашивается догадка – не учил ли Александра Даниловича ставить свою подпись сам царь, для которого было характерно употребление вместо «в» – «ф». Петр писал: «Иваноф», «взяф» и т. д. В последующих автографах появилось имя, исчез «ь», а в конце фамилии «ф» трансформировалось в «в». Автограф стал выглядеть так: «Александр Меншиков».

Подпись Александра Даниловича претерпела еще одно изменение. Буквы в подписи 1697 года, как и в подписях начала XVIII века, схожи с печатными, но чем ближе к исходу жизни князя, тем в большей мере утрачивалось это сходство, и он постепенно переходил к

²³⁸ Сын отечества. М., 1848. № 1. С. 31.

характерной для того времени скорописи.

Кстати, Юст Юль и Вильбоа сгущали краски, сообщая о неумении Меншикова разборчиво написать свою фамилию. Подпись стала менее разборчивой, и буквы приобрели расплывчатость у князя только к старости, а в молодые годы он подписывался четким почерком и неизменно без мягкого знака, в то время как грамотная Дарья Михайловна иногда писала: «Дарья Меншикова».

Существуют, кроме того, и косвенные доказательства неграмотности Меншикова: в описи личного имущества сосланного в Ранненбург князя отсутствовали письменные принадлежности, а у членов семьи они были. Наконец, в одном из писем ссыльного Меншикова в Верховный тайный совет помещена любопытная приписка, адресованная Остерману: «Ежели какое в титуле высокоучрежденного Верховного тайного совета есть погрешение, в том покорно прошу не иметь на меня гнева, понеже канцелярских служителей при мне ни одного человека не обретаецца, кроме что объявлены в реэстрѣ копейисты из моих служителей, которые были у меня в домово́й мое́й канцелярии. И то робята, которые только могут копии писать».²³⁹ Следовательно, князь, будучи первоприсутствующим в Верховном тайном совете, не знал формуляра обращения к этому учреждению. Такое может случиться только с человеком, всегда пользовавшимся услугами опытных канцеляристов и лично никогда не читавшим ни челобитных частных лиц, ни донесений Сената, Синода и коллегий высшему органу власти страны.

Факт этот вызвал у некоторых читателей немало сомнений – не верилось, чтобы человек, энергично насаждавший образование в России, сам не удосужился постигнуть грамоту. Как мог, говорили другие, неграмотный князь управлять столичной губернией, Военной коллегией и быть сенатором? Как мог светлейший, не владея грамотой, вести принадлежавшее ему грандиозное хозяйство, промыслы, заниматься торговлей и так далее?

Высказывалось также мнение, что отсутствие собственноручных писем Меншикова следует объяснять не его неграмотностью, а бытующими тогда представлениями, что вельможе держать в руках перо и сочинять послания было непрестижно, для этой цели существовали разного рода служители. В подтверждение указывалось на богатую библиотеку князя и коллекцию чертежей.

Со времени выхода в свет книги «Александр Данилович Меншиков» до завершения рукописи «Полудержавный властелин» прошло около пяти лет, в течение которых автор продолжал изучать неопубликованные источники, освещающие жизненный путь Александра Даниловича, причем самое пристальное внимание обращалось на малейшие, если не прямые, то хотя бы косвенные признаки грамотности Меншикова. Успех не сопутствовал, никаких автографов князя, кроме его подписей, обнаружить не удалось.

Соображение о якобы непрестижности вельможе самому что-либо писать легко отклоняется: все грамотные вельможи – Б. П. Шереметев, И. А. Мусин-Пушкин, П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин, Ф. Ю. Ромодановский и многие другие – одни чаще, другие реже – отправляли корреспондентам собственноручные послания. Общеизвестно далее, что в эпистолярном наследии царя сохранилось немало писем, написанных им самим.

Нередко письма того времени сопровождались приписками, как правило, написанными самими авторами. К постскриптумам они прибегали либо тогда, когда ниже текста служебного содержания следовали новости или просьбы личные; либо в тех случаях, когда авторы писем не желали, чтобы деликатное содержание постскриптума стало достоянием канцелярских служителей, ведавших перепиской вельможи. Во всех письмах, подписанных Меншиковым, не говоря уже о донесениях царю, постскриптумы начертаны тем же канцелярским почерком, что и письмо. Еще один аргумент: заключительную фразу письма, предшествующую подписи, своеобразное клише: «припадая к ногам вашим», «нижайший раб» и прочие, если адресатом был царь, или «ваш покорнейший слуга и раб», если письмо

²³⁹ РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 1, л. 10.

отправлялось корреспонденту своего круга, автор писал собственноручно. В письмах Меншикова эти слова написаны тоже канцеляристом.

И наконец, последнее: в Походной канцелярии Меншикова сохранилось несколько книг с черновиками писем князя. Они правились не Меншиковым, а канцеляристом более высокой квалификации. Все это доказывает, что светлейший писать не умел.

Сложнее ответить на вопрос, умел ли князь читать. Велик соблазн заявить, что козь Александр Данилович имел библиотеку, приобретал книги, то делал он это ради того, чтобы их читать, а не коллекционировать. Но подобное утверждение покоится не на фактах, а на логическом построении, которое, впрочем, можно опровергнуть такими же логическими доводами противоположного содержания. Дело в том, что иметь библиотеку было модно, и стремление Меншикова иметь собственное собрание книг, возможно, было не чем иным, как данью моде. Другой аргумент – в семье Александра Даниловича были грамотные люди: Дарья Михайловна, ее сестра Варвара и дети – Мария, Александра и Александр.

Единственным неопровержимым доказательством умения Меншикова читать могли бы служить его собственноручные пометы на прочитанных книгах. К сожалению, такого рода исследований библиотеки Меншикова не велось.

Существуют единодушные свидетельства современников, что князь читать не умел. На них мы и опирались в своем утверждении о том, что грамота была недоступна князю.

Да, Меншиков был неграмотный. Но тогда возникает вопрос, как он умудрялся справляться с уймой дел, возложенных на него царем. Они относились к самым разнообразным отраслям государственного хозяйства и управления и часто требовали специальных познаний. Как он распоряжался своими многочисленными вотчинами? Наконец, почему Меншиков, при своих способностях, не мог одолеть элементарной грамоты, которую энергично насаждал в стране Петр, да и сам он, Меншиков, ему в этом активно помогал?

Подобное же недоумение возникло и у Юста Юля: «В таком великом муже и полководце, каким он почитается, подобная безграмотность особенно удивительна».²⁴⁰

Рассеять недоумение и ответить на поставленные вопросы, естественно возникающие у каждого читателя, опираясь на источники, невозможно. Не известен также ни единый упрек царя Меншикову по поводу его неграмотности. Остается ограничиться догадками. Восполняло неграмотность светлейшего прежде всего усердие многочисленных служителей, на умелость и оперативность которых он вполне полагался. Судя по характеру возложенных обязанностей, во многих случаях весьма щекотливых, один из них, Волков, принадлежал к числу самых доверенных слуг князя. В круг его забот входил контроль за «домовым приходом и расходом», личная переписка, которую Волков, как он писал, вел «со всяким охранением нашего интереса и секрета». Своим «днenoщным трудом» он представлял интересы князя в следственных комиссиях, он же отправлял должность адвоката. «А паче всего, – писал Волков, – во время бывших баталий, акций и блокад неотступно при вашей светлости был, охраняя ваше здравие со всяким тцанием, и при всяких случаях служил по всякой возможности как советом, так и делом».

Консультант, бухгалтер, поднаторевший в распутывании кляуз стряпчий, Волков был фактически правой рукой князя, но всегда оставался в тени. Выполняя поручения светлейшего, Волков иногда входил в сношения с царем. Такое, например, случалось во время пребывания Петра за границей в 1717 году. Макаров отзывался о Волкове весьма положительно. «Я зело доволен, – писал кабинет-секретарь Меншикову, – ибо он в сих делах немалое мне придает вспоможение. Особливо же сего дня имел он благополучный час доносить его величеству о некоторых делах, о которых ваша светлость ему приказали».²⁴¹

²⁴⁰ Юст Юль. Указ. соч. С. 128.

²⁴¹ РГАДА, ф. 198, д. 737, л. 84.

Другим помощником Меншикова был Франц Вит. Круг его обязанностей тоже был достаточно широк. Он вел переписку князя с иностранными корреспондентами, посредничал в приобретении для него у иностранных купцов драгоценностей, заморских вин и цитрусовых, выступал в роли переводчика. Иногда он, по поручению князя, совершал инспекционные поездки. Так, осенью 1722 года Вит отправился проверять вдоль Невы и Ладожского озера устройство бечевника – тропы, по которой бурлаки тянули барки.

Штат помощников у Меншикова был обширен. На первом плане стояли генерал-адъютанты – в 1718 году их было два: Степан Нестеров и Иван Полянский. Ступенькой ниже шли адъютанты Федор Щербачев и Юрий Ливен. Далее следовали прапорщики Полочанинов и Ляпунов. Замыкали список лиц, находившихся в услужении князя, денщики. В списке, составленном Нестеровым в 1720 году, их значилось 29 человек: 16 денщиков Меншикову полагалось по рангу генерал-фельдмаршала, 8 – по рангу лейб-гвардии подполковника и 5 – по рангу адмирала.

В иерархии лиц, причастных к управлению делами светлейшего, особое место занимали генерал-адъютанты. Они нередко выполняли весьма сложные и щекотливые поручения князя, касавшиеся прежде всего следствий над ним – именно они представляли его интересы в следственных комиссиях. Уже одно это говорит о доверительных отношениях между светлейшим и его генерал-адъютантами; Александру Даниловичу приходилось сдерживать свой крутой нрав, мириться с промахами помощников, проявлять терпимость к ним.

Во время следствия по делу царевича Алексея друзья Меншикова, как мы помним, весьма скупо сообщали о событиях, происходивших в Москве. Светлейший, хорошо зная нравы вельмож, надо полагать, на большее и не рассчитывал. Поэтому он послал туда обоих своих генерал-адъютантов. Проходит некоторое время, а от Нестерова – ни звука. 8 января Меншиков, удивленный его молчанием, велит отправить напоминание. «Зело удивляюсь, что вы к нам ни о чем не пишете. Того ради, предлагаю вам, дабы вы впредь по всякую почту или с прилучающими скорыми ездоками к нам писали». Прошло еще восемь дней, а отеческое внушение не возымело действия. Меншиков, конечно же, недоволен, но должен был скрывать свое раздражение – и не опускаться до брани. Нестерову он выговаривает, но достаточно сдержанно, напоминая, что подобного случая ранее «никогда не сподевалось». Наконец, 23 января от Нестерова пришло обстоятельное послание. Меншиков удовлетворен и в тот же день, 30 января, отправляет ответ со словами благодарности за сведения «о всех тамошних обращениях».²⁴²

Проступки Нестерова, видимо, не принадлежали к числу серьезных, ибо Меншиков продолжал держать его при себе, несмотря на то, что он в том же 1718 году про штрафился еще раз. Под его присмотром находилось сооружение адмиралтейской фортеции. Усердия, выполняя это задание, Нестеров не проявил, часто отсутствовал на стройке, за что получил строгое внушение: если нерадение будет продолжаться, «то, – грозил Меншиков, – взыщется на вас». Угроза подействовала, и генерал-адъютант обещал завершить плотницкую работу к августу и тут же начать кирпичную кладку.

Адъютанты и прапорщики выполняли менее ответственные поручения. К примеру, прапорщик Полочанинов был в 1719 году отправлен в Москву выколачивать деньги, числившиеся на Московской губернской канцелярии за хлеб, поставленный Меншиковым. Удалось ли Полочанинову взыскать с губернской канцелярии деньги в этот приезд или от него на этот раз губернатор отбил, мы не знаем: Полочанинов вручил несговорчивому московскому губернатору послание Меншикова.

Лет за десять до этого, когда царский фаворит находился в зените могущества, вряд ли кто-либо осмелился бы в открытую выступить против него и довести дело до конфликта. Теперь, в 1719 году, когда делами Меншикова интересовались не одна, а две комиссии,

²⁴² Там же, д. 107, л. 100, 107, 142.

Кирилл Алексеевич Нарышкин позволил себе сопротивляться князю, и тот в письме к губернатору перемежал язвительность, сарказм и задиристость со смирением и упреками в неблагодарности.

Послание Меншикова к Нарышкину можно рассматривать как свидетельство пошатнувшегося положения князя. Но вместе с тем оно пошатнулось еще не настолько, чтобы лишить светлейшего присущей ему самоуверенности и желания уязвить человека, которому он в недалеком прошлом протезировал. «И о том я, — читаем в письме Меншикова, — что такое мне не тобою благодеяние, но и видимую неприязнь чинить изволите, зело удивляюсь, и чего ради — не могу знать. Разве более за то, — язвил князь, — что я всегда за вас всем везде всякое представлял прошение, или для того, что отсюда отлучились, якобы вперед дружья не надобны».

Меншиков, конечно же, знал, что ему теперь, когда он находился под следствием, несподручно обращаться с жалобой к царю. Тем не менее он пугал Нарышкина царскими карами: «О том я буду просить у его царского величества, чтоб ту доимку указал доправить на вас». Концовка письма пышет сарказмом и новой угрозой: за «показанную ко мне неприязнь, которой я никогда чаял, но ныне уже действительно вижу, такими же мерами служить буду, и когда здесь получю вас видеть, то особливо персонально благодарить не оставлю».

Четыре месяца спустя, в июле 1719 года, Полочанинов подвизался уже на новом поприще — Меншиков отправил его присматривать за сооружением своего Ораниенбаумского дворца. Прапорщиком князь был доволен, что, однако, не помешало ему высказать любимую им назидательную сентенцию о лени: он призывал и в дальнейшем прилагать «свой неусыпный труд и для того никуда не отлучались, но всегда смотрели без всякой слабости, паче же лени, которая тем непотребным делам мать».²⁴³

Скромнее документы отразили службу княжеских денщиков. Их, как мы видели, насчитывалось около трех десятков, но упоминания о выполненных ими поручениях столь отрывочны, что определить по ним круг их обязанностей практически невозможно. Скорее всего, между ними не было строгого разделения труда и сложность поручений зависела от расторопности каждого из них. Денщика Василия Поспелова князь летом 1722 года отправил в Астрахань, чтобы тот извещал его о состоянии здоровья царя в Каспийском походе, а также сопровождавшей его царицы. Денщик Михаил Юренев, видимо, пользовался репутацией человека, понимающего толк в торговых делах. Меншиков поручил ему в 1725 году проверить, как шла торговля княжеским лесом в Архангельске: «...что в котором году продано и что в остатке». Задание Глебу Веревкину носило «литературный характер»: ему надлежало в 1719 году отправиться на Петровские заводы, дабы их «осмотреть и описать, спрашивая у мастеровых людей» о времени основания заводов, их оборудовании, обеспеченности рабочей силой. Короче, Веревкин должен был представить историческую справку о Петровских заводах, составленную не по документам, а из расспросов осведомленных людей.²⁴⁴ Вероятно, князь готовился к встрече царя, намеревавшегося навестить заводы.

Из документов, которыми мы владеем, очевидно, что князь не располагал временем, чтобы вникать во все детали своего огромного хозяйства: страсть к стяжанию он утолял, присоединяя все новые владения. Управление хозяйством находилось во власти вотчинной администрации, и Меншиков оценивал усердие разных рангов управителей по размеру доходов, вносимых в его казну. Правда, иногда князь использовал положение царского фаворита и вельможи, требуя от местных властей внимания и снисходительности к его, Меншикова, приказчикам вотчин.

²⁴³ Там же, д. 128, л. 159, 160, 411.

²⁴⁴ Там же, д. 862, л. 1; д. 1068, л. 1; д. 128, л. 402.

В 1719 году управителем вотчин, расположенных в Казанской губернии, князь назначил отставного подполковника Михаила Языкова. Извещая об этом казанского вице-губернатора Никиту Кудрявцева, Александр Данилович просил, «дабы изволили вы содержать ево (Языкова. – *Н.П.*) в своей приязни», проще говоря, если он станет о чем-либо просить, то «приказать исполнять». Взамен – обязательство оказать вице-губернатору равноценную услугу: «В таковых же мерах взаимно отслужить с охотою потщусь».

С подобной просьбой Меншиков обратился в сентябре того же года и к казанскому губернатору Петру Салтыкову: «Дабы лежащие мои в губернии Казанской вотчины во всяких случающихся до них потребностях были содержаны в сохранении вашего превосходительства». ²⁴⁵

Источники проливают свет на отношения, сложившиеся между князем и лицами, ему подчиненными по службе либо находившимися у него в услужении. Если охарактеризовать эти отношения коротко, то слово «патриархальные» наиболее точно отражает их суть. Иногда приходится удивляться трогательной заботе о судьбах денщиков и адъютантов, исходившей от человека с весьма суровым складом характера. Но дело здесь не столько в характере, сколько в социальной психологии верхних слоев феодального общества, в ряды которого влился Меншиков: вельможа на службе вел себя по отношению к подчиненным примерно так же, как барин по отношению к принадлежавшим ему крестьянам. Роль барина, как известно, не ограничивалась присвоением продукта, выращенного руками крестьянина, или взиманием денег, им заработанных, но проявлялась и в защите этого крестьянина от посягательств соседей-помещиков или представителей администрации. Равным образом, вельможа Меншиков не ограничивался требованием от подчиненных безоговорочного повиновения своей воле; с своей стороны он считал неременной обязанностью опекать их, защищать от возможных притеснителей, хлопотать о повышении их чином.

Князя Федор Щербатый и Алексей Шаховской служили у Меншикова «валентирами» и участвовали в битвах у Лесной и под Полтавой, причем, как засвидетельствовал сам Александр Данилович, «службу отправляли они со всяким честным и добрым порядком», но жалованья не получали. 23 апреля 1719 года Меншиков поддержал перед Военной коллегией просьбу челобитчиков и удостоверил: «Они их честными и во многих случаях показанными мужественными поступками всякой обор офицерскими ранги годными себя учинили, то я сим засвидетельствую». ²⁴⁶

Благодаря хлопотам светлейшего были повышены в чине денщики Терентий Давыдов и Глеб Веревкин. Первый «за многие ево службы и болезни» пожалован в апреле 1721 года прапорщиком, а второй «ради заключения мира» в сентябре того же года произведен в подпоручики.

Проявил он заботу и о драгунах, служивших в «домашнем шквдроне», обеспечивавшем его безопасность во дворце, а также сопровождавшем его в поездках. В 1724–1725 годах драгуны обратились к князю с челобитными: «За старостями и за болезнями полевой и гварнизонной службы снести не можем». Другие писали о своих недугах. «Капрал Роман Лорионов имеет у себя в голове и в костях лом и великую глухоту». Драгун Федот Букреев «за старостию имеет в костях лом и животом скорбен, ногами дряхл» и так далее. Все они просили: «От полевой и гварнизонной службы отставить вовсе и отпустить в домишки наши» или «отпустить в дома своя», либо, наконец, предоставить «вечную отставку».

В воле князя было отказать в просьбе. Меншиков отправил их челобитные в Военную коллегию с просьбой «учинить рассмотрение». ²⁴⁷

²⁴⁵ Там же, д. 131, л. 23, 203.

²⁴⁶ Там же, д. 130, л. 81.

²⁴⁷ Там же, д. 162, л. 335, 336, 405; д. 196, л. 73, 79, 119, 121.

Помог он своим покровительством и генерал-адъютанту Полянскому. Тот владел вотчинами в Казанской губернии и оказался жертвой произвола саранского подьячего Петра Окоимова. Полянский в 1719 году пожаловался князю «во учиненных ему и пребывающим ево людям и крестьяном в деревнях ево» обидах. Меншиков не остался безразличным к этой жалобе и охотно согласился «предстательствовать» перед казанским губернатором Петром Салтыковым, чтобы тот лишил Окоимова права вмешиваться в дела вотчины Полянского и его «ни в чем не ведал».

В июне 1721 года денщик Бакшеев был отпущен для какихто частных дел в Карачевский уезд. Поехал он туда не с пустыми руками, а с подписанным Меншиковым посланием к председателю надворного суда Чирикову. Если, писал князь Чирикову, «у вас в надворном суде будет ему какая нужда, просим вас в ево правде по прошению ево не оставить».²⁴⁸

Все эти благодеяния князя не стоили ему ни копейки, за исключением затрат на бумагу, на которой излагалась суть «предстательства». Светлейший, общавшийся с людьми чиновными, не гнушался и услуг лиц, занимавших нижние ступени в чиновной иерархии, если их усердие в его пользу того заслуживало.

Секретарь казанской губернской канцелярии, некий Гедеонов, человек, согласно отзыву о нем генерал-адъютанта Полянского, «беспоместной и небогатой», тем не менее охотно радел интересам Меншикова: «По моим (Полянского. — *Н.П.*) просьбам в вышеупомянутых вашей светлости делах явил многие услуги чрез свои труды». Александр Данилович, следуя совету Полянского, отплатил Гедеонову взаимной услугой — добился удобного тому решения Сената на поданную им челобитную.²⁴⁹ Резолюции Сената мы не знаем, но зато нам известен характер светлейшего, вряд ли отказавшегося от совета своего генерал-адъютанта.

Подобных поступков у князя было и еще немало, но мы опасаемся создать превратное представление о нем, если не опишем деяний совсем противоположного свойства. Властный и в высшей степени самолюбивый, он не терпел ни возражений, ни соперничества людей своего круга и, как увидим дальше, был неразборчив в средствах, если хотел стереть того, кто пытался ему перечить. Не терпел он неповиновения и «противностей» своих подчиненных.

Не меньше, чем самолюбием, светлейший был наделен высокомерием. Быть может, высокомерие на первых порах служило своего рода защитной маской при общении с «породными» людьми, в глубине презиравшими выскочку, которым он платил той же монетой. Но с таким же основанием истоки высокомерия следует искать в ненасытном честолюбии князя, безотказно потакаемом царем.

Он позволял себе очень многое — распоряжался именем царя, иногда и не ставя его об этом в известность. Никто из тех, кто попадал в немилость к князю, не мог рассчитывать ни на продвижение по службе, ни на пожалования, ни на награды. Примером тому может служить конфликт Меншикова с Гольцем.

Неприязненные отношения светлейшего с генерал-фельдмаршалом Гольцем, видимо, имели давнюю историю, но в 1709 году они достигли кульминации. Гнев Меншикова вызвала то ли нерасторопность Гольца, то ли преднамеренное нежелание выполнять распоряжение князя, выходявшее, как показалось генералу, за пределы его служебных обязанностей, — он не выделил охраны для сопровождения княгини Дарьи Михайловны и царевича Алексея из Кракова в Ярослав. Меншиков был совершенно уверен, что Гольц выделит два полка, и поспешил 19 октября известить об этом супругу: «Что же ко

²⁴⁸ Там же, д. 131, л. 203; д. 162, л. 284.

²⁴⁹ Там же, д. 855, л. 2.

осторожности вашей надлежит, то, чаю, что уже два полка от фельтмаршала к вам пришли».

Каково же было удивление и негодование светлейшего, когда он узнал, что Гольц пренебрег его распоряжениями и не шевельнул даже пальцем, чтобы их выполнить. В итоге царевич и Дарья Михайловна едва не попали в неприятельские руки.²⁵⁰

Гольц осмелился еще раз послушаться Меншикова: он не приехал по его вызову, сказавшись больным. Стерпеть подобное было выше сил Александра Даниловича, и Гольц оказался под следствием и судом. Он проиграл процесс: ему пришлось признать себя виновным в том, что царевич Алексей и княгиня Меншикова едва не оказались в плену, винился он и в презрении указов «командующего фельдмаршала» Меншикова. Меншиков сокрушал и не таких «сильных персон», в этом мы еще сможем убедиться.

В истории с Гольцем Меншиков выглядит человеком, который не прощает неповиновения и пренебрежения к себе. Совершенно очевидно, что он добивался для Гольца самой суровой меры наказания. Царь не пошел на поводу у своего фаворита, он не хотел, чтобы за границей сложилось мнение о неуважительном отношении в России к иноземным специалистам.

Были и другие случаи, но с участием менее значительных лиц. В марте 1725 года Меншиков облагодетельствовал протоколиста Федора Зеленого, определив его секретарем Военной коллегии и надеясь, что «он, Зеленый, поступать будет по присяжной своей должности, как указы и регламенты повелевают». Зеленый, однако, разочаровал светлейшего; видимо, он не созрел для столь существенного повышения и не мог справиться с бременем власти, полагая, что за спиной такого могучего покровителя ему все дозволено. Он совершил, по словам Меншикова, «противность» при повышении обер-офицеров в чине, читай: вымогал взятки и не являлся на службу.

Вполне возможно, что все эти преступления князь и стерпел бы, ибо они были в порядке вещей, если бы Зеленый, надо полагать, под воздействием винных паров не распоясался настолько, что «в разных местах и дом мой поносил бесчестными и непристойными словами». Меншиков предложил Военной коллегии учинить над виновником «криксрехт». Приговор военного суда нам не известен, но судьбе Зеленого вряд ли можно позавидовать.²⁵¹

Меншиков рассчитывал, что Зеленый, обязанный ему своей карьерой, станет верным и безропотным слугой, так сказать, домашним человеком в государственном учреждении, таким же, как Нестеров или Полянский, но ошибся и, убедившись в этом, расстался с ним без всякого сожаления. Но к столь крутым мерам он прибегал редко, ограничиваясь «отеческими» внушениями, если, конечно, провинившийся не позволял против него личных выпадов. Приведем случай с комиссаром Руниным, заведовавшим почтой в Нарве и по каким-то соображениям, а скорее всего по недосмотру или расхлябанности, осмелившимся задержать ревельские и нарвские письма, адресованные Меншикову. Поведение Рунина возбудило у князя нескрываемое раздражение, и каждая строка письма незадачливому комиссару дышала гневом: «Зело удивляюсь вашему безумию, что вы для своих безделиц посланным с нужными от нарвского коменданта господина Сухотина к нам письмами на почтовых станах ведения своего подвод не даете и пакетов принимать не велите, и прочие противности и непослушания чините, в чем на вас, как от него, коменданта, так и от иных многих персон многие приходят жалобы».

Это письмо Меншикова было отправлено 12 апреля 1718 года и, как следует из дальнейшего, ничуть не повлияло на Рунина. Две недели спустя князь отправил еще одно послание с более сильными выражениями. Распекал он комиссара так: «Мы надеялись, что по тому нашему предложению свою злополучную гордость и бездушные поступки уже

²⁵⁰ Там же, д. 1170, л. 170, 173.

²⁵¹ Там же, д. 210, л. 165, 166.

весьма отложите», но оказалось, что вы «прежние свои злогордостные, паче ж бездельные, еще поступки продолжаете». Разгневанный губернатор и фельдмаршал мог бы устранить зарвавшегося комиссара от должности, но ограничился лишь требованием прислать объяснительную записку.

Само собой разумеется, что, выполняя обязанности губернатора или руководя Военной коллегией, выступая в должности сенатора или, наконец, распоряжаясь во дворце, Меншиков не мог полностью положиться на Волкова, Нестерова, Полянского и им подобных. Не умея записывать, он должен был обладать незаурядной памятью. Порой, читая письма князя, поражаешься, как ему удавалось держать в голове всякого рода мелочи и отдавать по поводу их распоряжения, причем эти распоряжения явно не могли быть кем-либо подсказаны, а исходили от него самого, он их извлекал из недр собственной памяти.

Капитану корабля «Св. Екатерина» фон Вердену князь в июне 1721 года отправил оконные стекла с просьбой их «на показанные от вас места поставить». Память князя хранила сведения и о том, кто бы мог выполнить эту работу: «А понеже у вас есть два столяра, и того ради прикажите им зделать для оных стекол хорошие рамы». Не лишено любопытства и распоряжение, отправленное 23 августа того же года надзирателю за строительством дворца в Ораниенбауме поручику Бурцеву. Князь вспомнил, что ему попадались на глаза два разбитых зеркала, которые он где-то решил пустить в дело. В Ораниенбаум он посылает денщика с письмом к Бурцеву: «Которые зеркальные два стекла есть у вас разбитые, оное, положи в ящик и настав чем надлежит, дабы не разбить и ртуть, чем подведено, не повредила, пришлите с оным денщиком к нам немедленно». Не обошлось без дополнения и в этом письме: «P. S. Оные положите на качалку, как оной посланной денщик вам укажет».

Князь помнил, что на корабле «Фридрихштадт» осталась кровать «и протчие уборы и вещи», которые во время зимней стоянки флота могли прийти в негодность. 15 сентября он велит отправить предписание «человеку нашему» Василию Тарасову, чтобы он на зиму перевез кровать и прочее имущество в дом. Когда распоряжение принесли на подпись, князь вспомнил еще об одной детали и велел дополнить послание: «P. S. Також и остаточные на корабле дрова все примите... и употребляйте в присудствие наше на Котлине-острове, ибо в скором времени туда прибудем».²⁵²

Другая грань таланта Меншикова состояла в высокоразвитом здравом смысле, заменявшем ему ученость и образованность. На этом качестве ума вряд ли стоит останавливаться, ибо весь жизненный путь Александра Даниловича усыпан поступками, пронизанными рационализмом. Именно эти качества помогают объяснить истоки его фаворитизма — удивление неграмотностью князя сменяется восхищением талантом самородка.

Остается объяснить, как же все-таки случилось, что Меншиков, уже будучи вельможей, так и ограничился умением ставить лишь подпись. Ответить на вопрос можно только догадками; источники об этом молчат.

В годы первого двадцатилетия своего возвышения Меншиков, как и его повелитель, вел кочевой образ жизни, сначала сопровождал Петра в разъездах и походах, затем самостоятельно командовал войсками. И хотя силы молодости были неисчерпаемы, у него все же не оставалось времени для учебы. Тогда он без ущерба для дела эксплуатировал свою память и здравый смысл. Позже сесть «за парту» ему, видимо, мешали возраст и княжеский апломб. Теперь память, быть может, и стала менее острой, но накопился огромный опыт.

С неграмотностью Александра Даниловича связан еще один курьез в его биографии — Меншиков был первым из русских, кого иностранное академическое учреждение избрало своим членом. Петр I, как известно, был избран членом французской академии в 1717 году,

²⁵² Там же, д. 106, л. 39, 40, 384; д. 162, л. 291, 384, 413.

Меншиков ухитрился упредить царя на целых три года. Не кто-нибудь, а сам Ньютон 25 октября 1714 года известил Александра Даниловича об избрании его членом Королевского общества. Вот это письмо: «Могущественнейшему и достопочтеннейшему владыке господину Александру Меншикову, Римской и Российской империи князю, властителю Ораненбурга, первому в советах царского величества, маршалу, управителю покоренных областей, кавалеру ордена Слона и высшего ордена Черного Орла и пр. Исаак Ньютон шлет привет.

Поскольку Королевскому обществу известно стало, что император ваш, е. ц. в. с величайшим рвением развивает во владениях своих искусство и науки и что Вы служением Вашим помогаете ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук, постольку все мы исполнились радостью, когда английские негоцианты дали знать нам, что ваше превосходительство по высочайшей просвещенности, особому стремлению к наукам, а также вследствие любви к народу нашему желали бы присоединиться к нашему обществу. В то время, по обычаю, мы прекратили собираться до окончания лета и осени. Но услышав про сказанное, все мы собрались, чтобы избрать ваше превосходительство, при этом были мы единогласны. И теперь, пользуясь первым же собранием, мы подтверждаем это избрание дипломом, скрепленным печатью нашей общины. Общество также дало секретарю своему поручение переслать к Вам диплом и известить Вас об избрании. Будьте здоровы.

Дано в Лондоне 25 октября 1714 г.»

Письмо вызывает множество вопросов, ответы на которые, вероятно, могли бы дать архивы Королевского общества. Любопытно, как обосновывал свою просьбу Меншиков в письме Королевскому обществу от 23 августа 1714 года? В чем состояли его научные заслуги и на каком основании великий Ньютон именовал Данилыча человеком «величайшей просвещенности»? Кто были «английские негоцианты», лестно отзывавшиеся о плодотворной деятельности Меншикова на ниве распространения наук в России? Наконец, довелось ли Меншикову раскошелиться, чтобы заручиться благосклонностью «английских негоциантов» и единодушием членов Королевского общества, пополнившего свои ряды новым членом, или это был доброжелательный жест английского правительства?

В архивном фонде Меншикова сохранился диплом, выданный ему Королевским обществом, но Данилыч ни разу не рискнул упомянуть о своей принадлежности к Королевскому обществу и украсить своей титул еще тремя дополнительными словами: член Королевского общества. Скромностью Меншиков не отличался, но в данном случае здравый смысл взял верх над тщеславием.

С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Петля на шее светлейшего стянулась – когда он меньше всего ожидал неприятностей. Если бы князь находился в России, а не в Померании, вряд ли кто осмелился на него донести. Даже если бы этот смельчак и обнаружился, светлейший располагал такой властью, что без труда спустил бы дело на тормозах. Но Меншиков полтора года отсутствовал, и неизвестно от кого и как царь узнал о его подрядных махинациях.

Автор биографии, составленной еще при жизни князя, связывал начало следствия с анонимным доносом. «В письмах такого рода не были пощажены ни князь Меншиков, ни другие знатные особы, как генерал-адмирал Апраксин, фельдмаршал Шереметев, генерал-фельдцейхмейстер Брюс. Их обвиняли в разных противозаконных действиях, например, будто бы они употребляли во зло власть, присвоенную их должностям, худо берегли вверенные им казенные деньги и тратили их по собственным своим видам». Здесь много неточностей и попыток утопить истину в велеречивых словах. Во-первых, ни Шереметев, ни Брюс не были причастны к финансовым махинациям. Во-вторых, князю было предъявлено обвинение в присвоении казенных сумм. Похоже, что это преступление скрыто

за невинными словами: «Тратили их по собственным своим видам».²⁵³

Следствие вскрыло неприглядную картину: сановники, находившиеся в доверии царя, использовали это доверие для личного обогащения за счет казны. Вельможи заключали подряды на поставку провианта по завышенным ценам. А чтобы замаскировать свою причастность к контрактам, дельцы из знати заключали их не на собственное имя, а на подставных лиц. Операции, как выявило следствие, принесли подрядчикам баснословные барыши. Петр, ознакомившись с результатами следствия, по поводу Меншикова в декабре 1714 года вынес резолюцию: «За первой подряд ничего не брать, понеже своим именем, а не подставою учинен и прибыль зело умеренна. С подрядов, кои своим же именем подряжал, но зело с лишком, взять всю прибыль. А кои под чужими именами – с тех взять всю прибыль, да штрафа по полтине с рубля. Также и те деньги взять, которые взяты за хлеб, а хлеб не поставлен».²⁵⁴

Содержание царской резолюции станет понятным, если мы обратимся к классификации подрядов Меншикова, произведенной следственной канцелярией. Эта канцелярия, руководимая генералом Василием Владимировичем Долгоруким, разбила подряды князя на три категории.

Первый подряд на поставку в Петербург 20 тысяч четвертей хлеба Меншиков взял в 1710 году. Сумма подряда составила 40 тысяч рублей при себестоимости – в 34 600. Таким образом, прибыль равнялась 5400 рублям, или 15,6 %. Скромный ее размер объяснялся тем, что часть хлеба во время перевозки подмокла, пришла в негодность и повысила себестоимость остального. Комиссия, а вслед за нею и царь, тоже нашли прибыль умеренной, и претензий к Меншикову предъявлено не было.

Практическому уму светлейшего не стоило большого труда оценить вполне все выгоды нового поприща хозяйственной деятельности; он понял, что открыл жилу, разработка которой сулила огромные доходы, и поэтому решил придать делу свойственный своему характеру размах: на 1712 год он заключил уже два контракта. По первому из них Меншиков обязался за Казанскую губернию поставить 30 834 четверти хлеба. Второй контракт он заключил через двух подставных лиц и обязался за Московскую губернию поставить 30 тысяч четвертей. В обоих случаях князь выторговал более дорогую, чем в 1710 году, подрядную цену – по 2 рубля 10 копеек за четверть. В итоге чистая прибыль в первом случае равнялась 60,3 %, а во втором – 63,7 %. В денежном выражении прибыль составила 48 343 рубля. Вся прибыль подлежала возврату. Кроме того, царь наказал князя уплатой штрафа за подряд вместо Московской губернии, заключенный на чужие имена, по полтине с рубля полученной прибыли. Сухари и муку Меншиков поставлял и в 1714 году. Общая сумма начета на князя составила 144 788 рублей, которые он должен был вернуть казне.

А чем кончилась подрядная эпопея для остальных ее участников?

Апраксин и Головкин отделались легким испугом – конфискацией полученной прибыли. По мнению царя, она была умеренной: у Головкина – 16,3 %, а у Апраксина хотя и достигала без малого 30 %, но он ее не успел получить. Наказанию они подверглись за то, что оформляли сделки на подставных лиц.

Самую суровую кару понесли Александр Кикин и Ульян Синявин. Оба они должны были внести в казну не только прибыль, но и деньги, израсходованные на приобретение муки и сухарей. Кикину следствие князя Долгорукого оборвало карьеру.²⁵⁵

Подрядная афера вельмож вызвала два царских указа. Одним из них под страхом смерти запрещалось должностным лицам заключать контракты на поставку в казну

²⁵³ Сын Отечества. М., 1848. № 6. С. 4, 5.

²⁵⁴ Голиков И.И. Деяния императора Петра Великого. Т. 6. С. 380.

²⁵⁵ РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 25, л. 506–511; ф. 198, д. 49, л. 1–9.

различных изделий и продовольствия. Другой указ регламентировал размер прибыли подрядчика – она не должна была превышать 10 %.²⁵⁶

Еще не закончилось следствие о подрядных махинациях светлейшего, как началось новое расследование. Князя обвиняли в расходовании государственных денег на собственные нужды. Такого рода преступления именуются казнокрадством, и законодательство петровского времени устанавливало казнокрадам самые суровые меры наказания.

Канцелярия В. В. Долгорукого потребовала от Меншикова отчета в расходовании 1 018 237 рублей. Вместе со штрафными деньгами за подряд общая сумма начета на князя составила грандиозную цифру в 1 163 026 рублей. По другим, более поздним сведениям, начет вместе со штрафом равнялся 1 581 519 рублям. Распутать до конца сложную систему взаимоотношений светлейшего и казны канцелярии Долгорукого, кажется, не удалось. Тем более сложно разобраться в финансовых хитросплетениях Меншикова 250 лет спустя, ибо документы следствия полностью не сохранились.

Меншиков сознательно затягивал следствие, опротестовывал выводы канцелярии и предъявлял контрпретензии. (В конечном счете ему удалось добиться своего, работа канцелярии продолжалась свыше десяти лет, ее прервала смерть Петра, за которой последовало снятие с князя всех начетов.)

Трудность следствия состояла в том, что некоторые статьи как расходов князя, так и его доходов нигде не оформлялись документами и поэтому не поддавались проверке. В таких случаях канцелярия вынуждена была положиться на показания самого обвиняемого. Так, Меншиков заявил в одной из своих челобитных, что он после Полтавской баталии взял из шведского обоза под Переволочной 20 939 ефимков. Удовлетворила ли эта сумма алчность светлейшего, в руках которого оказались богатые трофеи, сказать трудно.

Сложно было также проверить достоверность названных Меншиковым сумм, поднесенных ему в почесть, то есть взятки. Например, сумму в пять тысяч рублей, на которую раскошались московские купцы в честь признания заслуг светлейшего в разгроме шведов, можно признать достоверной. Но в карман Меншикова текли суммы, проверить которые канцелярия просто не могла. Светлейший, например, показал, что в Померании ему было поднесено «за то, что, будучи в маршу, не разорили земли и чтоб отпустить (не взыскивать. – *Н.П.*) подводы: в Голштинии пять тысяч червонных, в Мекленбургах и Шверине двенадцать тысяч курант-талеров». За обещание не допускать мародерства и прочих бесчинств («за добрый порядок») Меншиков получил с Гданьска двадцать тысяч курант-талеров, с Гамбурга и Любека соответственно десять и пять тысяч червонных.

Столь же трудно проверить издержки светлейшего на такие деликатные расходы, как подкуп должностных лиц при иностранных дворах или выдачи «шпигам», выполнявшим разведывательные задания князя на театрах военных действий. Так, царский портрет, обрамленный драгоценными камнями, был послан «из Жолквы к дуку Мальбруку ценою в 10 тысяч рублей». На такую ли сумму пополнилась сокровищница герцога Мальборо, от которого царь добивался благосклонного посредничества в мирных переговорах со Швецией, наверняка сказать трудно. В одном случае Меншиков даже не назвал имени лица, которому сделано подношение: «В Фридрихштате министру некоторому за откровенно важного дела дано 1000 червонных». А быть может, «министр некоторый» довольствовался пятьюстами червонных, а два «шпига» получили не тысячу червонных, как показал Меншиков, а в три-четыре раза меньше. Невозможно также точно установить, сколько было издержано на алмазный перстень, подаренный датскому генералу-провиантмейстеру Платтору, или на шпагу и трость с алмазами другому датскому генералу (Шультену). С уверенностью можно сказать одно – не выше суммы, показанной Меншиковым: 2112 рублей и 2572 рубля 26 алтын и 4 деньги.

²⁵⁶ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 5. № 2914. С. 160.

Не поддаются точному учету и суммы, издержанные Меншиковым на казенные нужды. В одной из челобитных он писал, что часто казенные деньги тратил на личные надобности, а личные деньги – на приобретение предметов, необходимых казне. Это утверждение светлейшего соответствовало действительности. Находясь в Померании, он, например, издержал на приобретение палаток собственных 27 338 рублей, а на покупку провианта 20 979 рублей.²⁵⁷ Следует при этом учесть, что Меншиков никогда, как он сам признавал, внакладе не оставался – из казны он брал неизмеримо больше, чем ей давал. Общая сумма издержанных на казну собственных денег составила 147 155 рублей, в то время как на приобретение земель только в одной Польше и только в 1709 году он израсходовал, как показывал сам, 163 тысячи рублей.

Во время работы канцелярии между ее руководителем В. В. Долгоруким и светлейшим возник спор, с какого времени следует ревизовать князя. Было время, когда отношения между двумя князьями – Долгоруким и Меншиковым – не вызывали ни у того, ни у другого подозрений. Более того, аристократ Долгорукий, тогда еще гвардии майор, заискивал перед княземвыскачкой и считал его своим благодетелем. Отправляясь на подавление восстания на Дону в мае 1708 года, он писал Меншикову: «Прошу у тебя, государя, милости, не оставь меня в милости своей в нуждах моих. А я на милость твою, государя своего, надежен как на батка своего. Тебе, государь, самому известно, кроме тебя, государя мово, других у меня никоно нет».²⁵⁸

С тех пор прошло много лет, и В. В. Долгорукий теперь соперничал с Меншиковым и уже не считал светлейшего своим «баткой». Напротив, между ними установились открыто враждебные отношения, и Долгорукий готов был воспользоваться любой возможностью, чтобы свалить Меншикова. Долгорукий понимал, что шансы разоблачить Меншикова-казнокрада тем выше, чем с более раннего срока начнется обревизование его финансовых злоупотреблений. Исходной датой для проверки он считал необходимым назначить 1703 год.

Голицын, сменивший Долгорукого на посту руководителя следственной комиссии, полагал, что Меншиков должен был отчитываться за расходование государственных денег не с 1703, а с 1701 года.

Меншиков же был заинтересован в том, чтобы исходная дата была передвинута на более позднее время. Ссылаясь на то, что первое десятилетие нового века он проводил на театрах войны и, следовательно, в полевых условиях не имел возможности должным образом оформлять как получение казенных денег, так и расходование их, Меншиков настаивал на том, чтобы канцелярии требовали от него отчетности начиная с 1710 года. Подлинная причина домогательств светлейшего состояла в другом – именно до 1710 года он чаще всего запускать руку в казенный карман.

Верх одержал Меншиков. Документы архива князя проливают свет на его закулисную игру, обеспечившую успех. Самым надежным и полезным ходатаем за Меншикова перед царем была, бесспорно, Екатерина. Если в своей привязанности к фавориту царь намного поостыл и более не проявлял трогательной нежности, которую он в избытке расточал в течение первых десяти – пятнадцати лет их дружбы, то Екатерина из чувства благодарности к светлейшему, проложившему ей путь в супруги царя, а затем и к трону, до конца дней своих сохраняла с ним добрые отношения и не оставляла в беде. Свидетельство тому – переписка царицы с князем, из которой явствует и забота о нем, и признательность светлейшего за эту заботу, и стремление доставить друг другу маленькие радости. Хотя взаимные услуги не выходили за пределы, так сказать, частной жизни, они тем не менее свидетельствуют о доверительных отношениях между ними.

²⁵⁷ РГАДА, ф. 198, д. 49, л. 2, 11–14.

²⁵⁸ Архив ФИРИ, ф. 83, картон 8, д. 9, л. 2.

Царица, например, знала, что Меншиков пристально следит за капризами европейской моды, и решила порадовать его наимоднейшим камзолом, сшитым, как можно догадаться, по ее заказу. Свой подарок из Амстердама 1 мая 1717 года Екатерина сопроводила письмом: «Посылаю к вашей светлости камзол новой моды, которая ныне недавно вышла. И таких камзолов только еще четыре персоны имеют, а именно один у его царского величества, другой у цесаря, третий у короля английского, а четвертый вы иметь будете».

В этом же письме царица сообщала светлейшему пикантную новость, которая касалась приема царем в свою службу «одного карлу французенина, которой такова великого возрасту, кокова, чаю, что ваша светлость еще никогда не видали». Чтобы Александр Данилович получил наглядное представление о великане Николае Бурже, а речь в письме шла именно о нем, царица отправила ему принадлежавший великану перстень, ибо, как писала Екатерина, «особливо лице и руки у него чрезвычайно великия». ²⁵⁹

Как и в предшествующие годы, во время отсутствия Екатерины попечение о ее детях лежало на Меншикове. С 24 января по 26 февраля 1719 года князь отправил на Марциальные воды, где находилась царская чета, семнадцать писем, в каждом из которых он извещал Екатерину, что ее дети «во всяком добром и здравом пребывают состоянии».

Меншиков, конечно же, незамедлительно выполнял все царицыны повеления. Находясь на Марциальных водах, она соскучилась по обществу своего карлика. В столицу отправлен 28 января курьер с предписанием: «Екима-карлу извольте прислать сюда с нарочным посланным, и прикажите тому посланному над ним надзирать, чтоб он не давал ему в дороге много пить». Ответ князя от 31 января: «По указу вашего величества Якима-карлу отсюда отправил и от прочаго воздержать приказал». ²⁶⁰

Расположением Екатерины Меншиков пользовался всякий раз, когда ему приходилось особенно туго. И хотя царица должна была многократно повторять свои просьбы царю и далеко не всегда ей удавалось сразу же достичь угодных Данилычу результатов, все-таки она не единожды спасала его от грозившей гибели. Кстати, Меншиков искал покровительства не только у Екатерины, он прибегал к услугам любого, кто мог его вытащить из трясины. Потому среди лиц, к которым он обращался за помощью, можно встретить и титулованных вельмож, и чиновников средней руки, и представителей крапивного семени, всякого рода канцеляристов и подканцеляристов, во власти которых было запутать дело так, что его невозможно было распутать вовеки.

В январе-феврале 1718 года оба генерал-адъютанта Меншикова – Нестеров и Полянский – находились в Москве, где пребывал двор и царские министры. Оба генерал-адъютанта хлопотали по одному и тому же счетному делу, но трудились на разных уровнях. Если Нестеров должен был хлопотать о переносе финансовых претензий к Меншикову с 1701 на 1710 год, то Полянскому надлежало вступить в непосредственные сношения с членами комиссии Голицына, которых светлейший просил, чтобы они «в самой правде явили всякое нам благодеяние». «Правда», с точки зрения Меншикова, состояла в том, чтобы члены комиссии внесли в счетную выписку исправления, угодные князю.

Княжеская спесь не помешала светлейшему с подобострастием просить члена комиссии капитан-поручика Юрьева явить «всякое нам благодарение». «Взаимно отслужить не оставлю», – обещал он Юрьеву. Гвардии майора Ушакова Меншиков благодарил «за показанную вашу к людям моим милость, которые были у щоту Сергеева». 6 февраля Меншиков благодарил и Макарова «за ходатайство у его царского величества указу о щоте». ²⁶¹

²⁵⁹ РГАДА, ф. 198, д. 295, л. 22, 24, 26.

²⁶⁰ Там же, д. 314, л. 33; д. 313, л. 4.

²⁶¹ Там же, д. 107, л. 290; д. 106, л. 135.

Казалось, что Меншиков после благоприятных известий из Москвы мог бы свободно вздохнуть, ибо самое неприятное осталось позади – канцелярия Голицына согласилась вести счет с 1710 года. Но этого не произошло. Сумма начета все равно была значительной, и канцелярия настойчиво требовала ее погашения.

Как ни старался князь освободиться от назойливых требований канцелярии, ему все же пришлось напрягать собственную память и принуждать своих подручных к изворотливости, чтобы уменьшить сумму начета. Не упущены были даже сравнительно мелкие затраты, как, например, покупка гобоев в пехотный полк за сорок рублей, оплата услуг лицам, изловившим беглых солдат, и за ремонт ружей (167 рублей). Часть начета он погасил наличными и товарами. По собственному признанию, надо полагать достоверному, ибо оно было изложено в челобитной царю, он писал в 1719 году: «С меня взято деньгами, пенькою и протчими материалы 615 608 рублей».²⁶²

Какова судьба остальных начетных денег? На этот вопрос известные нам источники не позволяют дать исчерпывающего ответа. Часть долга царь ему простил. Светлейший умел выбирать подходящее время для подачи челобитных.

В 1715 году у царя родился сын Петр. В честь «преславной радости» князь обратился к царю с просьбой освободить от уплаты оставшихся долгов и прекратить следствие: «... от всех дел, которые по се время в той канцелярии были и есть, меня освободить». Просьба Меншикова была удовлетворена лишь частично. Царь не поверил словам князя, что «того долгу заплатить мне нечем», и положил на челобитную следующую резолюцию: «По прошению вашему от половины всех денег освобождаем. Что же принадлежит до канцелярии, и вы к ней, кроме сего платежа, ничем не привязаны, когда с нем разделаетесь».²⁶³

К 1715 году, когда была подана эта челобитная, на Меншикове значилось 324 354 рубля долга. Согласно царской резолюции половину этой суммы, то есть 162 177 рублей, князь должен был внести в казну.

Четыре года спустя Меншиков повторил свою просьбу. Князь жаловался, что его «зело снедает» пребывание под следствием, и просил, «чтоб я от всех канцелярий, где следуютца по моим делам, был свободен».

Ко времени подачи этой челобитной произошла известная смена руководителей канцелярии: место В. В. Долгорукого занял Петр Михайлович Голицын. Это назначение обернулось для Меншикова тем, что с него в дополнение к 162 177 рублям стали взыскиваться еще 285 107 рублей. Впрочем, по княжеским выкладкам, не он, Меншиков, был должен казне, а, наоборот, казна была его должником. Меншиков уверял царя, что «никакого моего вашей казне похищения не явилось», и просил положить конец затянувшемуся следствию, «чтоб я и мои домашние были спокойны».

Никакой резолюции не последовало – царь не поддался на уговоры (знал он цену княжеским заверениям) и в то же время не потребовал от него уплаты долга. Похоже на то, что царь решил держать своего фаворита в подвешенном состоянии и тем самым умерить его стяжательский аппетит.

А что основания для подобных опасений у царя были, свидетельствует новый донос на князя от 8 мая 1718 года, обвинявший в хищении более 100 тысяч рублей. Вслед за этим Меншикову пришлось оправдываться в присвоении 21 тысячи рублей. За это Меншиков был предан военному суду. Он признал себя виновным лишь в том, что взял деньги самовольно, «не бив челом его величеству», но казнокрадством это не считал, объяснив, что он всего-навсего удержал сумму, которую ему должна была Московская губернская канцелярия. В столице поползли слухи, что светлейший попал в немилость.

²⁶² РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 41, л. 416.

²⁶³ РГАДА, ф. 198, д. 41, л. 3.

В августе 1718 года князь вместе с царем и Ф. М. Апраксиным находился на мысе Гангут, а Дарья Михайловна – в столице. Сохранились письма Меншикова, по которым можно судить, что слух вызвал в семье переполох. Первой забила тревогу Дарья Михайловна, надо полагать, отправившая супругу паническое письмо. В ответном послании от 4 августа Меншиков заклинал супругу не верить слухам, распространяемым злопыхателями, и убеждал ее, что «не точию от его величества какого имел гнева, но ниже немилостивого слова». Заканчивал он письмо так: «Паки вас прошу для Бога о сем ни малого мнения не имейте, а особливо ж о том неправом разглашении не печальтесь». Такое ж письмо он отправил и брату адмирала: «Некоторые бездельники самую наглую ложь разгласили, ибо не точию гнева (от чего Боже сохрани) от царского величества, ниже истинно немилостивого взгляду не видал».²⁶⁴

Но, успокаивая супругу, сам-то светлейший нервничал. Иначе зачем было князю возвращаться к этому сюжету еще в шести письмах, отправленных в промежутке между 6 и 11 августа? Какая надобность была прибегать к услугам генерал-адмирала Апраксина, который по просьбе князя должен был тоже засвидетельствовать в письме к своим домашним, что князь попрежнему пользуется уважением царя?

Меншиков пытался обуздать слухи, наносившие ущерб его престижу. Светлейший был прав – поколебать его фавор не удалось.

В начале 1719 года Меншикову довелось еще раз пережить критическую ситуацию: Голицын неукоснительно требовал от князя погашения начета и даже грозил держать его под караулом. Но его и на этот раз вызволила из беды Екатерина. 6 февраля 1719 года она писала из Марциальных вод, где вместе с Петром находилась на лечении: «О деньгах, которых спрашивают с вас в канцелярии к господину генералу-майору князю Голицыну, у его царского величества предстательствовать буду после употребления вод, сколько Бог мне поможет...»

Кстати, и сам Меншиков не сидел сложа руки. Он ловко использовал все средства, чтобы повлиять на Петра. Зная о том, что царь с Марциальных вод заглянет на Петровские заводы, Меншиков обратился к управляющему этими заводами Вильяму де Геннину с просьбой показать царю товар лицом, всячески подчеркивая заслуги князя в их строительстве и организации производства: «И когда его царское величество изволит быть на заводах, и тогда его величеству донести, что чьим тщанием и трудами какие заведены заводы».²⁶⁵ Геннин в точности выполнил просьбу князя. Осмотренные заводы оставили у царя самое благоприятное впечатление, которым он не преминул поделиться с князем.

Сделав вид, что похвальные слова царя для него явились полной неожиданностью, Меншиков писал ему в конце января 1719 года: «Радуюсь, что мой труд в деле заводов, которые я по указу вашему строил, вашему величеству явился угоден». И тут же не преминул напомнить о том, что его, Меншикова, для платежа денег «хотели держать в канцелярии».

Екатерина тоже получила письмо: «И правда, ежели бы не вашею матернею пожалован был милостью, то б всеконечно за платеж денег держан был в канцелярии». Тут же жалоба: начет «платить безсилен» – и сетование, что приходится продать «некоторые вещи, також и несколько деревень».²⁶⁶

Но самую крупную неприятность князю принесли не расследования о начетах, а почепское дело. Князя обвиняли в захвате чужих земель и закрепощении украинских казаков.

²⁶⁴ Там же, д. 1170, л. 306–313, 444.

²⁶⁵ Там же, д. 295, л. 35; д. 106, л. 24.

²⁶⁶ Там же, д. 311, л. 2; д. 313, л. 2; Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 41, л. 406.

Ко времени разбирательства почепского дела Сенатом и специальными комиссиями в 1717 году Меншиков уже считался богатейшим вельможей страны. Его владения увеличивались из года в год, причем в послеполтавский период едва ли не главным источником расширения его вотчинного хозяйства стала скупка имений. По неполным данным, Меншиков только в 1710–1717 годах издержал на приобретение недвижимости свыше двухсот тысяч рублей.

Какие источники доходов позволяли Меншикову совершать столь крупные сделки? Главный, конечно же, казна.

Но появились и два сравнительно новых для него способа накопления богатств: военные трофеи и доходы с вотчин. Владения князя приносили огромные доходы. Меншиков не довольствовался традиционным денежным оброком и доставкой во дворцы всякой снеди. Жажда наживы толкала его на путь предпринимательства. Одним из первых среди помещиков он создает в своих имениях промыслы по переработке сельскохозяйственного сырья и полезных ископаемых. Выгоднее продавать не хлеб, а изготовленное из него вино, и Меншиков спешит создать винокуренные промыслы, чтобы поставлять вино в царские кабаки. Застройка Петербурга требовала огромного количества разнообразных строительных материалов – Меншиков организывает в окрестностях столицы кирпичное производство и распиловку леса. В Ямбургском уезде он владел хрустальным заводом. Оконное стекло, посуда, зеркала, хрусталь шли на нужды собственного дворца и загородной резиденции, но часть продукции поступала на рынок. Откровенно предпринимательскими были соляные промыслы, купленные князем в Тотемском уезде за сорок тысяч рублей, а также рыбные промыслы на Волге и в Поморье.

Он выступил инициатором открытия шелковой мануфактуры, вовлек в дело еще двух вельмож – Апраксина и Шафирова, причем, как явствует из письма Меншикова к Макарову, светлейший в этом случае стремился не столько извлечь прибыль, сколько угодить царю: ему, Меншикову, известно, что Петр, «будучи в Париже, изволил смотреть всяких мануфактур, между которыми изволил видеть и шпалеры, и при том изволил говорить, дабы и у нас такая работа как наискорее завелась, и у нас еще ничего в зачине не бывало, понеже ни инструментов, ни шерсти, ни красильщиков нет». Меншиков упросил Макарова, находившегося вместе с царем в Париже, закупить необходимые инструменты.²⁶⁷

Все, что в те времена могло принести барыши, не ускользало от жадного взора светлейшего. Он неустанно печется о приумножении своего богатства. Ему мало ста тысяч крепостных, золота, бриллиантов, роскошных дворцов. Он весь в поисках новых источников дохода и безоговорочно принимает любой совет, если этот совет сулил хотя бы мелкие барыши. В Москве он скупал лавки, харчевни, погреба, торговые места, с тем чтобы все это на выгодных условиях сдавать в оброк мелким торговцам и промысловикам. За границу Меншиков продавал традиционные товары русского экспорта. Его агенты скупали пеньку, воск, сало, кожи и отправляли их в Петербург и Архангельск для продажи английским и голландским купцам.²⁶⁸

Князь, однако, никогда не ощущал избытка в почестях и богатстве.

Город Почеп с округой принадлежал когда-то Мазепе и еще в 1709 году был пожалован Меншикову за заслуги в Полтавской баталии. Князь не довольствовался подарком и из года в год округлял свое владение, захватывая близлежащие земли, закрепощая казаков и взимая с них повинности. С 1717 года казаки начали подавать многочисленные жалобы на незаконные захваты князя, но все они оставались без последствий – никто не осмеливался предать гласности очевидный факт произвола. Наконец жалобам был дан ход, но все шло для

²⁶⁷ Там же, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 33, л. 76.

²⁶⁸ Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в// Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 241–246.

Меншикова лучшим образом. Сенат отправил на Украину межевщика Лосева. Тот действовал в угоду князю и при межевании спрямил его владения так, что они стали еще обширнее.

Весной 1720 года князь сам отправился на Украину – Петр повелел укомплектовать там драгунские полки. Но светлейший спешил на Украину не только ради царского повеления. Прежде всего он рассчитывал уговорить гетмана Скоропадского закрыть почепское дело, а также разузнать, что собирается делать противная сторона.

Компромисс, однако, не был достигнут. Более того, светлейшему стало известно о поездке в Петербург новых челобитчиков.

На время отсутствия в столице Меншиков поручил представлять свои интересы по почепскому делу генерал-адъютанту Степану Нестерову. Из писем Нестерова мы узнаем, как он не за страх, а за совесть пытался отбиться от наседавших челобитчиков с Украины, чтобы угодить своему патрону. Нестеров был вхож к таким вельможам, как Апраксин, Шафиров, Толстой, и с их помощью намеревался не допустить к царю гетманского секретаря Валкевича, прибывшего в столицу с письмом гетмана Скоропадского и челобитной от обывателей Стародубского полка.

Валкевич поначалу обратился к Апраксину, чтобы тот ему помог получить аудиенцию у царя. Адмирал отказал под предлогом, что «меня и самого в дом царского величества бес причины не пускают». Тогда Валкевич решил сам подать царю челобитную и письмо, когда тот отправится на обедню в Троицкую церковь. У Нестерова возник план, как воспрепятствовать этому. «Ныне я буду искать способа чрез других, – доносил Нестеров Меншикову, – чтоб Валкевичю показали указ тот, как запрещено царским величеством на дороге никому ни с какими письмами не приходить и ни о чем не доносить». Генерал-адъютанту казалось, что таким образом удастся убедить Валкевича в том, что его намерение подать челобитную царю связано с немалым риском. «Пускай он посмотрит, – рассуждал Нестеров, – чаю, раздумает по намерению своему то чинить».

Валкевич, однако, не «раздумал». Возможно, Нестеров не нашел человека, который бы разъяснил гетманскому эмиссару, сколь опасно было обращаться к царю с челобитной. А возможно, Валкевич просто пренебрег опасностью вызвать царский гнев. Как бы то ни было, но Валкевич, улучив момент, 4 сентября подал царю пакет. Петр, не распечатывая, передал его президенту Коллегии иностранных дел Гавриилу Ивановичу Головкину. Нестеров на следующий день отправился в коллегию, но ее секретарь Василий Степанов ничего утешительного не сообщил – письмо гетмана еще не перевели на русский. «А как переведено будет, обещали дать копию, – утешал Нестеров, – и как скоро получю копию, того часу к вашей светлости пришлю с нарошным курьером».

Меншиков тоже не сидел без дела.

Он отправляет с Украины письмо своему приятелю адмиралу Апраксину с просьбой «напрасным клеветам» челобитчиков не верить. В то же время он хлопотал перед Апраксиным за дьяка Лосева, прибытие которого вскоре ожидалось в Петербурге, чтобы ему была оказана всякая милость и признание.

Не надеясь на письма, Меншиков решает приехать в Петербург сам. Испрашивая у царя разрешение, он ссылается на необходимость «о расположении на квартиры полков вашему величеству донести изустно, ибо чрез письмо так обстоятельно невозможно объявить».²⁶⁹

Меншиков обратился к Макарову, чтобы тот изволил «его величеству почаше докучать» о своем вызове в Петербург. Меншиков был настолько уверен в удовлетворении своей просьбы, что распорядился о конной подставе на всем пути следования в столицу. Но ни личные просьбы, ни «докуки» кабинет-секретаря не помогли – царь не счел

²⁶⁹ Центральный государственный архив военно-морского флота, ф. Канцелярия графа Апраксина, кн. 190, л. 59, 60; РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 47, л. 87, 89, 91; ф. 198, д. 804, л. 41, 42, 44.

целесообразным приезд Меншикова в Петербург.

Быть может, почепское дело продолжалось бы бесконечно долго, если бы в него не вмешался украинский гетман Скоропадский, решительно вставший на защиту обиженных Меншиковым казаков. В челобитной царю, поданной в декабре 1720 года, гетман писал о «фальшивом» межевании, которым был нанесен «всему Стародубскому полку убыток», так как более тысячи казаков, а вместе с ними поля и сенокосные угодья, мельницы и бортовые леса были приписаны к владениям князя.

Меншиков не считал гетмана зачинщиком челобитной. По его мнению, старый и больной Скоропадский являлся всего лишь марионеткой в руках украинской старшины. Еще до подачи гетманом этой челобитной Меншиков писал Макарову, что «господин гетман по привождении на злобу от других будет на меня писать з жалобою». Впрочем, светлейший допускал, что его недругам без надобности настраивать «на злобу» Скоропадского, ибо среди них был человек, умевший ловко подделывать подпись гетмана. «Я не надеюсь, – рассуждал Меншиков, – чтоб он сам мог подписатца, но другие, кои власно так, как он сам подписывает и познать невозможно».²⁷⁰

Почувяв опасность, Меншиков занервничал. С 14 апреля по 4 мая князь отправляет четыре личных письма Екатерине, чтобы она «предстательствовала» перед царем о решении почепского дела в его пользу. «Прошу о милостивом за меня его царскому величеству предстательстве», – писал он 17 апреля. В письме от 4 мая Меншиков приносит царице «благодарение за милостивое за меня его величеству о почепском моем деле предстательство и о исходатайствовании милостивого указу».

Беспокойство Меншикова было вызвано не столько позицией гетмана, сколько появлением в столице еще одних челобитчиков во главе с почепским казаком Симантовским. Как противодействовать им и отклонить все их притязания?²⁷¹

Светлейший избрал не оборонительный, а наступательный способ борьбы. Он встал в позу несправедливо обиженного и даже оклеветанного человека, что давало ему право изобличать «неправое челобитье казака Симантовского с товарищи» и требовать сатисфакции.

Справедливости ради отметим, что в челобитной казаков есть передергивание фактов, поскольку в ней имелаась неточность, чем светлейший не преминул воспользоваться. В челобитной было написано, что межевание производил один дьяк Лосев, в то время как границы княжеских владений определяли четыре комиссара от гетмана и восемь человек «российских комиссаров». «При том же было для свидетельства тамошних обывателей с 300 человек».

Меншиков попытался увести спор в процедурные дебри.²⁷² На что царь справедливо рассудил: «О почепском деле лучше обождать, пока назначенная персона из Сената по указу подлинно там свидетельствует, и ежели по свидетельству неправы явятся челобитчики, тогда вящему наказанию за неправое челобитье подлежать будут, а вам послужит то к лучшему оправданию».

На Украину был отправлен новый межевщик – полковник Скорняков-Писарев, брат обер-секретаря Сената, клеветы Меншикова. Скорняков-Писарев оказал Меншикову такую же услугу, как Лосев, подтвердив итоги первого межевания.

Меншиков готов был торжествовать победу. Помимо межевых актов, привезенных Скорняковым-Писаревым, он имел еще один документ, подписанный 8 марта 1722 года гетманом Скоропадским. В нем гетман засвидетельствовал итоги своих переговоров с

²⁷⁰ РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 47, л. 175, 171.

²⁷¹ Там же, кн. 56, л. 4, 63.

²⁷² Там же, кн. 56, л. 4, 43, 48, 60, 68, 76, 80; ф. 198, д. 162, л. 159, 160, 201.

Меншиковым, происходивших в присутствии Петра Андреевича Толстого. Договаривавшиеся стороны порешили: «Для прекращения того спору высокоповеренных коих лиц просить о медиации (посредничестве)». Задача посредников состояла в том, чтобы они «по оному делу и по чертежу, о спорных землях изображенному, обстоятельно выразумевши, праведным своим разсуждением оное [...] розняли».²⁷³

Но не успели просохнуть чернила на тех соглашениях, как Скоропадский отправил царю новую челобитную. Мы доподлинно не знаем причин, принудивших гетмана отказаться от достигнутого соглашения, можно лишь предположить, что он встретил сильное неудовольствие со стороны старшины, потребовавшей отказаться от подписанного в ущерб интересам почепских казаков документа.

Как бы там ни было, но гетман разорвал полюбовную договоренность и обратился к Петру с новой челобитной, «утая, – как писал князь одному из братьев Алсуфьевых, – данное мне о почепском межевании письмо».

Начался третий, заключительный, этап почепского дела. В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные документы, косвенно отражающие ход следствия. Из черновиков сохранившихся писем Меншикова мы узнаем, что царь передал решение спора на усмотрение сенаторов и коллежских чинов: чтобы «сенаторы и коллежские президенты, советники и асессоры выслушали и подписали свои мнения».

Сведений об обсуждении почепского дела в Сенате и коллегиях не сохранилось, но оно, скорее всего, закончилось не в пользу князя. На начало 1723 года падает самое напряженное время, грозившее стать для него роковым.

Меншиков, видимо, полагая, что личное влияние на императрицу в почепском деле он исчерпал полностью, стал обращаться к другим лицам, чтобы те хлопотали за него. Виллима Монса, фаворита Екатерины, он просил 15 марта 1723 года о ходатайстве перед императрицей, «дабы всемилостивейшим ее величества предстательством был я охрaнен». С подобной же просьбой он обращался и к Антону Девиеру. Тот ответил: «Ваша светлость изволили упомянуть о почепском деле, и о сем ее величеству я доносил и стараться в том будем».²⁷⁴

Как ни изворачивался князь, но, припертый к стене, вынужден был признаться царю: «Ни в чем по тому делу оправдаться не могу, но во всем у вашего величества всенижайше слезно прошу милостивейшего прощения». Терпение Петра было на исходе. Вероятно, к этому времени относятся вещи слова, будто бы сказанные им Екатерине: «Ей, Меншиков в беззаконии зачат, и во гресях родила его мати его, а в плутовстве скончает живот свой. И если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы».²⁷⁵

В столице носились упорные слухи о близком падении князя. Прусский посланник Мардефельд нисколько не грешил против истины, когда в феврале писал о нервном потрясении Меншикова, вызванном страхом за свою судьбу: «Князь Меншиков, который от страха и в ожидании исхода дела совсем осунулся и даже заболел, сумел опять скинуть петлю со своей шеи. Говорят, что он получил полное помилование впредь, пока сатана его снова не искусит».²⁷⁶

Обострение хвори наступило в конце февраля, когда царь и Меншиков находились в Москве. Как и всегда, у больного «пошла кровь из гортани». 25 февраля царская чета покинула старую столицу. Меншиков очень сожалел, что не мог присутствовать на проводах

²⁷³ РГАДА, Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 60, л. 562.

²⁷⁴ РГАДА, ф. 198, д. 180, л. 209, 278; д. 191, л. 107; Русский архив. М., 1865. С. 305.

²⁷⁵ Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 98.

²⁷⁶ Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 217, 218.

отъезжавших, и обратился к императрице с просьбой доложить Петру о болезни, а также разрешить «ехать мне в Санкт-Питербурх по весне, ибо тогда хотя чрез великую мочь доехав до Вышнего Волочка сухим путем, а оттуда водою».

Надо полагать, по настоянию Екатерины Петр из Городни отправил больному послание, которое, если верить Александру Даниловичу, «дало от болезни моей, паче докторских пользований, облехчение». Если, однако, отвлечься от риторических преувеличений, то «облехчения» не было, напротив, в субботний день 2 марта наступил жестокий кризис: «Приключалась мне в ночи вдруг такая болезнь, что дух так заняло, отчего чаял едва спастись».²⁷⁷

Князь мог плакаться и в расчете на жалость. Но у нас имеется объективное свидетельство состояния его здоровья – заключение консилиума медицинских светил: царского лейб-медика Блюментроста и врачей Бидлоо, Шоберта и Ремуса. Медики не обнаружили туберкулеза, ибо отсутствовали его явные симптомы: «В одышке тягости никогда не бывает, и около груди утеснения никакого нет, такожде после кушания или к ночи признаки к лихорадке не являются». Меншикову были предписаны лекарства, прогулки верхом в летнее время, физические упражнения зимой, строгая диета и режим. Но все рекомендации мало помогут, писали врачи, если князь не возьмет себя в руки по части душевного спокойствия. Заключительная часть документа необычайно интересна: «...того ради такожде надлежит себя остерегать от многого мышления и думания, ибо всем известно, что сие здравию вредительно и больши, а особливо сия его светлости болезнь оттого вырастает, от таких мыслей происходит печаль и сердитование. Печаль кровь густит и в своем движении останавливает и лехкое запирает, а сердитование кровь в своем движении горячит. И ежели кровь есть густа и жилы суть заперты, то весьма надлежит опасатца какой великой болезни.

Того ради мы меж себя разсуждаем, что от наших лекарств пользы никакой не будет, ежели его светлость от своей стороны себя сам пользоваться и вспомогать не изволит, а особливо воздержать себя от сердитования и печали и, елико возможно, от таких дел, которые мысли утруждают и безпокойство приводят».²⁷⁸

От него уже все отвернулись. В гостеприимном доме светлейшего на именинах Дарьи Михайловны вельможи демонстративно отсутствовали.

Хотя Меншиков устоял и на этот раз, но почепское дело ему все же стоило потерь. Петр обязал его расстаться с тем, что ему не принадлежало: вернуть казакам захваченные земли, а также оброчные деньги. Кредит светлейшего пошатнулся, и ему пришлось оставить пост президента Военной коллегии, который был вручен князю Никите Ивановичу Репнину. В почепском деле, как и в деле с подрядами, суровым наказаниям подверглись исполнители воли князя – межевщики Лосев и Скорняков-Писарев.

Чем объяснить снисходительность Петра к хищениям своего фаворита? Почему он терпел злоупотребления светлейшего, в то время как других казнокрадов подвергал самым суровым наказаниям? Напомним, что вице-губернатор Корсаков, всего лишь орудие в руках князя, был подвергнут пытке, ему публично жгли язык, а затем отправили в ссылку. У князя Григория Волконского вдобавок к тем же наказаниям еще и конфисковали имущество. Между тем Волконский совершил одинаковое с Меншиковым преступление – поставлял провиант под чужим именем и по дорогой цене. Наконец, несомненно, очень близкий к царю человек, которого он любовно называл «дедушкой», Александр Васильевич Кикин, за подрядные махинации был лишен чинов и отстранен от должности советника Адмиралтейства.

Снисходительность Петра можно было бы объяснить многолетней дружбой и

²⁷⁷ РГАДА, ф. 198, д. 191, л. 69, 70, 93.

²⁷⁸ Там же, д. 10, л. 3.

уважением к прежним военным заслугам фаворита, наконец, заступничеством Екатерины, которая, само собой разумеется, помнила о помощи светлейшего. Не страдал короткой памятью и Петр. Но все это стерлось бы в памяти, поблекло, если бы Меншиков не был полезным и крайне нужным сейчас и завтра.

Царь назначает Меншикова сенатором и руководителем одного из важнейших учреждений обновленного государственного механизма – президентом Военной коллегии. Заметим, что это назначение светлейшего состоялось в 1718 году, в то время, когда расследование его хищений подходило к концу и масштабы в общих чертах были ясны.

В следующем году нависла угроза вмешательства в Северную войну Англии – воды Балтийского моря бороздила эскадра английского адмирала Норриса, готовившаяся к нападению на русский флот. Царь посылает Меншикова в Кронштадт, где тот руководит возведением дополнительных укреплений, способных преградить подход к Петербургу неприятельской эскадре. В этом же году мы видим Меншикова за выполнением крайне деликатного поручения, к которому царь мог привлечь человека, пользовавшегося его полным доверием, – он руководит описанием опечатанного имущества и бумаг покойного царевича Алексея.

В 1720 году Петр решает увеличить число кавалерийских и драгунских полков, готовясь развернуть обширные военные действия на территории самой Швеции. Кроме того, носились слухи о возможной высадке шведского десанта на побережье Эстляндии и Лифляндии. «Мейн фронт, – писал царь светлейшему, – хотя мы мало верим о транспорте шведском, однако же то подлинно есть, что в Готенбурге множество судов транспортных всех наций берут и пятнают гербом для транспорту».²⁷⁹ Чтобы опрокинуть неприятеля в море в любом пункте высадки, необходимы были сильные подвижные отряды.

Комплектование новых кавалерийских и драгунских полков Петр возложил на Меншикова. Тот отправляется на Украину. И это, как мы помним, в разгар почепского дела.

Выехал князь из Москвы в начале марта в сопровождении жены, свояченицы, двух дочерей и сына. В Петербурге осталась лишь грудная дочь Екатерина. Источники не сохранили сведений о челяди, сопровождавшей княжескую семью, но можно не сомневаться, что князь, умевший подчеркнуть величие своей персоны, обставил вояж на Украину надлежащей роскошью и помпезностью.

В пути княжеский кортеж настигла запоздалая зима: сильные морозы и метели. «Смело могу донести, – писал Петру князь, – что как я стал при вашем величестве служить, ни в котором пути такой дороги не имел».

Князю, как фельдмаршалу и президенту Военной коллегии, украинский гетман устроил пышную встречу и оказал положенные его рангу почести: въезжал Меншиков в город в сопровождении казачьих эскадронов, под гром артиллерийских салютов и звуки оркестров.

Поездка князя недешево обошлась гетману и украинской старшине – им пришлось раскошелиться на подарки Александру Даниловичу. Гетман Скоропадский одарил князя серебряной с позолотой кружкой весом свыше двух килограммов, а гетманша кружкой поменьше – в один килограмм двести граммов. Подарки полковников были не менее весомыми, причем фантазия их не отличалась разнообразием: черниговский полковник Полуботка и генеральный судья Черныш преподнесли по две серебряных с позолотой чаши весом около двух с половиной килограммов, миргородский полковник – серебряную лохань в три килограмма весом. Прочие полковники решили пополнить своими подарками княжескую конюшню: миргородский полковник привел серо-пегий цуг в семь лошадей, сумский полковник – вороно-пегий цуг в шесть лошадей, гетман – цуг соловой масти в шесть лошадей.

Поездка по Украине не стоила князю ни копейки – продовольствием, напитками, а также фуражом его тоже снабжали гетман, полковники и разных рангов вельможи, чьи

²⁷⁹ Голиков И.И. Указ. соч. М., 1839. Т. 8. С. 409.

владения находились по пути следования. Мы не знаем численности свиты и челяди князя и его семьи, но какими бы ни были они многочисленными и прожорливыми, справиться со снедью, получаемой Меншиковым, они не могли. С 7 по 13 мая продовольственные и фуражные запасы Александра Даниловича пополнялись десять раз, причем столь обильно, что ими можно было удовлетворить аппетиты многих сотен людей. Чего здесь только не было. Вина венгерские, молдавские и крымские, мед и водка; различного рода деликатесы: осетрина свежая и соленая, оливки, соленые сливы. Особенно изобиловала княжеская кухня мясными припасами. За месяц с небольшим слуги Меншикова заприходовали свыше полутора сотен бычков, телят, яловиц и коров, более полутысячи овец, свыше трехсот гусей, сотни кур, тысячи яиц. А там и разного вида крупы, животное масло, пшеничная и ржаная мука, солод... Фураж доставляли возами.

Можно не сомневаться, что значительная часть коней и прочей живности переправлялась в вотчины князя. В первую очередь это относится к лошадям, их помимо цугов было подарено несколько десятков, а также к крупному рогатому скоту и овцам.²⁸⁰

На Украине Меншиков еще раз блеснул талантом организатора. Он закупил необходимое количество лошадей, мобилизовал множество рекрутов из однодворцев, пересмотрел списки гарнизонных полков, изъяв из них солдат, годных в полевую службу, привлек более тысячи дворянских недорослей для службы в коннице. В общей сложности Меншиков укомплектовал двадцать шесть полков, из которых четыре отправил в Ригу, десять – в Смоленск, а двенадцать оставил на границе с Польшей. Прибыв в Смоленск, он обнаружил там резервы, из которых сформировал еще два полка, и отослал их в Ригу.

Обо всем этом Меншиков сообщил царю в пространном донесении, отправленном по совету Макарова. Кабинет-секретарь писал Меншикову: «А о добром распорядке лутче, что и к самому его величеству изволите отписать, что будет, надеюся, приятно».

Меншиков, как всегда, показал товар лицом. Супругу он извещал письмом, отправленным из Пскова 29 августа: «Дорога, слава Богу, суха, только немногие есть мосты, верст на 30 плохи. Однако ж и они к вашему прибытию, с помощью Божиею, исправят».²⁸¹ Путь из Украины до Смоленска и от Смоленска до Риги он преодолевал хозяином, властно вторгавшимся в то, что требовало улучшения и более совершенной организации. Он исправлял дороги и мосты, составлял инструкции, проводил обучение рекрутов, инспектировал полки.

В Петербург Меншиков прибыл 12 сентября и сразу же был принят царем, которому семь часов (с пяти утра до двенадцати дня) докладывал об итогах своей полугодовой поездки.

Вот как описывает свой приезд в Петербург сам Меншиков в письме от 13 сентября: прибыл вчера, «пред полуднем. И понеже тогда его царское величество изволил быть на работах, а всемилостивейшая государыня царица в своем забавном доме, что супротив Летнего дому, того ради я в тот дом прямо приехал, а потом и его величество, уздав про мой приезд, тут же прибыть изволил, где от обоих их величеств принят зело милостиво, и изволила повелеть при столе их величеств быть».

После кушанья его величество изволил мне показывать швецкие взятые фрегаты, и с каждого фрегата во время нашей на них бытности стреляли ис пушек».²⁸²

Итак, князь на любом поприще, куда бы его ни бросал Петр, проявлял незаурядные способности организатора и безупречного исполнителя царских повелений. Такая распорядительность давала Петру основание выделять светлейшего среди своих

²⁸⁰ РГАДА, ф. 198, д. 160, л. 1–6.

²⁸¹ Там же, д. 737, л. 237; д. 1170, л. 331.

²⁸² Там же, д. 1170, л. 335.

сподвижников даже в те времена, когда отношения между ними стали иными, чем в первые полтора десятка лет их дружбы.

Но у царя была еще одна причина смотреть сквозь пальцы на казнокрадство светлейшего и ради больших заслуг прощать его «маленькие» слабости: честолюбие и алчность. Дело в том, что сам Петр в известной мере поощрял казнокрадство своего фаворита, точнее, долгие годы мирился с ним, как бы не замечая его.

Резиденция Петра в Преображенском, как и Летний дворец в Петербурге, ни по размерам, ни по внутреннему убранству не были пригодны для устройства приемов и проведения празднеств. Роль гостеприимного хозяина в свое время выполнял царский любимец Лефорт. Его обязанности перешли к Меншикову.

Дворец Меншикова, как в свое время дворец Лефорта в Москве, был одновременно и дворцом Петра. Знаменитая свадьба карликов, торжества по случаю бракосочетания царевны Анны Иоанновны, женитьба князя-папы Аникиты Зотова, пиры в викариальные дни и торжества по случаю спуска на воду кораблей и их закладки происходили во дворце губернатора Меншикова. Там же Петр отмечал и семейные праздники. Светлейший держал лучшую в столице кухню, огромное количество иностранных слуг, великолепный оркестр, роскошный выезд и пышно обставленные покои. Все в нем было самым модным – от парика до башмаков. А огромные дворцы в Петербурге, на Котлине-острове, в Ораниенбауме, являвшемся его летней резиденцией!

По престижным соображениям Петр требовал, чтобы дворец князя был обставлен с роскошью, подобающей его должности и положению. Рассказывают, что однажды царь, прибыв к князю, был неприятно удивлен дешевыми шпалерами на стенах. Меншиков объяснил, что он вынужден был содрать дорогие обои, чтобы расплатиться с начетами. Петр пригрозил: если к следующему его визиту все останется в таком же убогом виде, то светлейший понесет суровое наказание. Пришлось выполнять царскую волю.

Не скупился князь, когда раскошеливался на подарки. Преподнесенный Петру корабль в день именин в 1711 году не относился к самым дорогим. Годом раньше на именины царю Меншиков отвалил сто тысяч рублей. Поэтому слова Меншикова царю о том, что он тратил деньги «ради вашего интереса и для чести вашей на содержание дому», не лишены оснований.

Не помнить этого Петр не мог. В то же время сказанное не лишает Меншикова репутации казнокрада.

Как бы там ни было, но Петр не прерывает отношений с князем. Царь часто проводит время в обществе Меншикова: обсуждает вместе с ним планы застройки Петербурга, осматривает городские сооружения и укрепления Кронштадта, присутствует на заседании Военной коллегии, часто бывает у него в гостях и сам принимает его, часами ведет деловые разговоры. Часы досуга Петр тоже проводит с Меншиковым: присутствует на празднестве, устроенном им по случаю дня своего рождения, участвует в свадебных торжествах его племянницы, становится крестным отцом народившейся у Меншикова дочери. В канун 1720 года Петр и Меншиков – непременные участники всепьянейшего собора.²⁸³

Следы приятельских отношений между Петром и Меншиковым нетрудно обнаружить и в их переписке. Это не только традиционное обращение к Меншикову: «Мейн фронт», но и тон писем, оказываемые знаки внимания. В 1720 году Петр отправляет к Меншикову на Украину пасхальный подарок: «А вместо красного яйца посылаю к вашей милости книгу трудов моих „Морской регламент“, только что вышедший из печати». Известно, что завершение работы над этим регламентом доставило Петру особую радость и гордость.

Петр иногда делился с князем новостями, причем светлейший допускал по-прежнему в ответах известную фамильярность, точнее, переступал грани официальной сдержанности, характерной для ответов царю прочих корреспондентов.

²⁸³ Там же, д. 314, л. 3.

Царь сообщает Меншикову о десанте объединенного англошведского флота на безлюдный остров Нарген в 1720 году. Успех англичан и шведов был настолько ничтожным, что дал царю основание иронизировать по этому поводу. Десанту удалось сжечь баню и избу для работных людей. Меншиков в тон ему отвечал: «А в учиненных обидах сих обоих флотов на острове Наргене – в сожжении бани и избы – не извольте печалиться, но уступите добычу сию им на раздел, а именно баню шведскому, а избу английскому флотам».

И все же эта близость не шла в сравнение с той, какая была между Петром и Меншиковым до Полтавы. Теперь уже Петр не жаловался, как прежде, на «скуку» от «разлучения», не проявлял он и нетерпения в ожидании встречи. Более того, Меншиков, как мы помним, обеспокоенный почепским делом, просил в 1720 году из Смоленска разрешения на приезд в Петербург для доклада, но царь отклонил его просьбу и велел ехать сначала в Ригу, а потом уже в столицу, ибо «на час приехать и паки возвращаться не для чего».²⁸⁴

Не баловал царь Меншикова, как в прежние годы, и письмами. Не каждое письмо или донесение князя удостоивалось ответа. Находясь в Риге, Петр ответил единственным письмом от 15 апреля 1721 года на шесть посланий Меншикова. Такое раньше если и случалось, то всегда сопровождалось извинениями царя.

Бывало, что Петр даже отказывался принимать Меншикова – возможность подобного афронта в годы расцвета дружбы исключалась совершенно. Теперь светлейший, по его собственному выражению, «не сподобился» приема и должен был доносить суть дела письменно.

Раньше Меншиков не прибегал во взаимоотношениях с Петром к посредничеству третьих лиц: в любое время дня и ночи он был вхож к царю для личного разговора либо отправлял курьеров с письмами. В 1721 году он просит кабинет-секретаря Макарова доложить царю, «чтоб о том изволил указ в Адмиралтейство прислать, дабы более из солдат в матросы не принимали».²⁸⁵

Самое выразительное свидетельство перемены в положении фаворита – переписка Меншикова с окружением царя. Раньше сведения о том, чем озабочен Петр, где он находится, куда намеревался отправиться, о его ближайших планах, наконец, о состоянии его здоровья светлейший получал из первых рук. Теперь писем царя поубавилось, а интерес Меншикова к тому, что происходило при дворе, во столько же крат увеличился. Мало ли что могло случиться с часто болевшим Петром, а особенно на театре военных действий, когда он участвовал в морском сражении у мыса Гангут, или в Каспийском походе, или, наконец, во время продолжительного пребывания за границей в 1716–1717 годах! Сведения Меншиков получал теперь из вторых рук, прибегая к услугам самых разнообразных лиц.

Среди его корреспондентов мы найдем Екатерину, кабинетсекретаря Алексея Макарова, генерал-полицеймейстера Петербурга Антона Девиера, кстати, женатого на сестре князя, и множество других. Их письма немногословны, но и из них Меншиков собирает крупницы сведений. Показательны письма братьев Олсуфьевых. Оба они были гофмейстерами: Матвей – у Петра, Василий – у Екатерины. Князь весьма дорожил сведениями, исходившими от братьев, и не оставлял ни одного из писем без ответа.

О чем сообщали братья Олсуфьевы Меншикову? Братья сопровождали царскую чету во всех ее поездках. В апреле 1717 года Матвей Олсуфьев сообщает о прибытии царя в Лувр, где тот провел полчаса, так как предназначенный для проживания дворец «его величеству за великостью не понравился». 4 января 1718 года письмо Матвея Олсуфьева из Москвы: царь 2 января «изволил со всем собором славить и зело изрядно веселились, изволил сам подносить по первому стакану вина, потом господин адмирал». Василий Олсуфьев 2 февраля 1719 года писал из Марциальных вод: царь и царица «обретаются в добром здоровьи и изволят

²⁸⁴ Голиков И.И. Указ. соч. Т. 8. С. 410, 422, 432.

²⁸⁵ Материалы. СПб., 1866. Ч. 3. С. 206.

употреблять воду. Их величеству вода действует изрядно».

Услуги братьев Олсуфьевых Меншиков оплачивал взаимным вниманием. Василий просил князя «не оставлять во своей милости жены моей и робятишек», а Матвей, находясь в Париже, просил одолжить ему тысячу рублей.²⁸⁶

Двойственность и даже противоречивость в отношениях между царем и Меншиковым прослеживается до последних дней Петра. Разве рискнул бы князь, зная о враждебном отношении к себе царя, подать ему в 1722 году челобитную с просьбой по случаю годовщины заключения Ништадтского мира со Швецией «и на воспоминание Полтавской баталии» пожаловать ему город Батурин?²⁸⁷ По-видимому, практичный Меншиков на что-то рассчитывал и, во всяком случае, не ожидал, что челобитная вызовет раздражение и упреки царя. Правда, расчет не оправдался, и челобитная осталась без ответа.

С другой стороны, Петр выражал, как и в былые годы, полное удовлетворение деятельностью князя. Но это не помешало царю проявить холодность к домогательствам князя о прощении своих «вин». Так как расследование хищений Меншикова все еще продолжалось, то он обратился к царю 4 апреля 1724 года с двумя просьбами: «Вину мою мне отпустить и положенных на меня штрафных и за провиант прибыльных и написанных на меня в городах разных расходов [...] на мне не спрашивать [...] и единожды оной щот окончать».²⁸⁸ Вторая просьба относилась к почепскому делу. Признав и здесь свою вину, светлейший просил, чтобы впредь была запрещена запись его крестьян в казаки, ибо он терял доходы от них. Такую же челобитную он подал и Екатерине, с неизменной просьбой на отдельной цидуле о «представительстве и заступлении». Ответа не последовало и на сей раз. Полтора месяца спустя Меншиков вновь обратился с просьбой выдать ему беспроцентную ссуду в двадцать тысяч рублей сроком на два-три года. Резолюция царя от 30 мая хотя и не в полной мере, но все же удовлетворяла просьбу: «Дать займы из сих десять тысяч, а возвратить в полтора года от сего числа».²⁸⁹

Неизвестно, какой была бы судьба Меншикова, если бы Петр прожил еще несколько лет. Скорее всего, он разделил бы участь всех казнокрадов, тем более что главная его заступница, Екатерина, из-за своей супружеской неверности утратила влияние на царя. Но 28 января 1725 года Петра не стало. Меншиков вступил в новый этап своей жизни.

В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ И МОГУЩЕСТВА

Умирая, Петр не оставил завещания. Кто должен стать наследником? Круг претендентов был достаточно широк. Это две дочери – Анна и Елизавета, супруга царя Екатерина, наконец, десятилетний внук царя – Петр II. Последний, как единственный представитель династии по мужской линии, согласно обычаю имел предпочтительные шансы. Кандидатуры дочерей не принимались всерьез, потому что обе они были внебрачными – родились ранее оформления брачных уз между царем и Екатериной. К тому же Анна Петровна вышла замуж за герцога Голштинского, чем отрезала себе путь к российскому трону. Что касается Елизаветы, то у этой красавицы хохотуньи, обладательницы веселого нрава, еще не проснулось честолюбие, и она, целиком поглощенная амурными делами, стояла в стороне от борьбы.

Петр I, надо полагать, рассчитывал передать скипетр своей супруге. Мерой,

²⁸⁶ Русский архив. М., 1883. № 5. С. 16, 32, 35, 44.

²⁸⁷ РГАДА, ф. 198, д. 319, л. 2.

²⁸⁸ Там же, д. 295, л. 47.

²⁸⁹ Там же, д. 320, л. 5, 6.

подготавливавшей умы к этому шагу, был обнародованный в 1723 году манифест о присвоении ей титула императрицы. В мае следующего года в Успенском соборе в Москве состоялась пышная церемония коронации, на которой присутствовали двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий и иностранные министры.

Пять месяцев спустя над коронованной головой императрицы нависла смертельная угроза – царю стало известно, что Екатерина нарушила супружескую верность. Ее фаворит Виллим Монс поплатился жизнью, а между супругами происходили бурные сцены объяснений. Состояние разъяренного царя, со слов фрейлины, описал современник: «Он имел вид такой ужасный, такой угрожающий, такой вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса [...] Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверью с такой силой, что разбил ее».²⁹⁰

Разлад в семье, сильно драматизированный автором приведенного текста, видимо, удержал царя от завещания трона неверной супруге. Вельможам, в ожидании близкой смерти царя собравшимся во дворце в ночь на 28 января, надлежало сделать выбор.

Соратников Петра нельзя представлять безликой толпой единомышленников, лишенных индивидуальности. Если мы присмотримся к ним, то обнаружим в каждом из них своеобразие характера, различную меру талантливости и – соперничества. Петр умел подавлять несогласия и вспышки противоборства среди людей своего окружения. Но как только его не стало, четче, чем прежде, обозначились две группировки в правящей верхушке. Одну из них представляла старая знать во главе с Долгорукими и Голицыными, ущемленная Петром и терпеливо ожидавшая своего часа. В другую входили, по терминологии того времени, беспородные люди, обязанные своим возвышением талантам и служебному рвению. Распри и неприязненные отношения между «выскочками» были временно забыты. Всех их объединяла опасность быть поверженными вступлением на престол сына погибшего царевича Алексея.

События развивались стремительно, и в ходе борьбы за власть обнаружилась чисто меншиковская манера действовать напористо и решительно. В то время как Долгорукие и Голицыны робко, в маниловском стиле рассуждали, что недурно бы вручить престол Петру II, а Екатерину и ее дочерей заключить в монастырь, раздалась барабанная дробь выстроившихся на площади гвардейских полков. Одним из них командовал Меншиков, другим – генерал Бутурлин.

– Кто осмелился привести их сюда без моего ведома, разве я не фельдмаршал? – спросил президент Военной коллегии князь Репнин.

– Я велел прийти им сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя, – отрезал Репнину Бутурлин.²⁹¹

Кто-то из сенаторов предложил было открыть окно, чтобы спросить у толпы людей, собравшихся у дворца, кого они желают видеть преемником, но Меншиков пресек эту затею.

– На дворе не лето, – сказал он хладнокровно. Весомость своим словам он придал приглашением в покои вооруженных офицеров.²⁹²

Споры, кто займет престол, не успев разгореться, тут же погасли. На стороне людей, поддерживавших Екатерину, была сила, и противники должны были ей подчиниться. Так

²⁹⁰ Никифоров Л.А. Записки Вильбоа // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 225.

²⁹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 558.

²⁹² Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 150.

гвардейские полки открыли новую страницу своей истории, превратившись в главное орудие дворцовых переворотов. Началась и новая страница в жизни Меншикова.

После возведения на престол Екатерины, когда опасность миновала, несогласия в стане ее сторонников разгорелись с новой силой, причем главной причиной их был Меншиков, своим честолубием и высокомерием восстановивший против себя вельмож, действовавших только что с ним заодно. Он на них кричал и говорил грубости.

31 марта в Петропавловском соборе разразился публичный скандал. Туда на всенощную пришел генерал-прокурор Сената Ягужинский. Подогретый винными парами, он, обращаясь к гробу с телом Петра, сказал: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять шпагу, чего я над собою отроду никогда не видал». Генерал-прокурора Сената ждали крупные неприятности, и понадобились большие усилия, чтобы уговорить светлейшего довольствоваться извинениями обидчика.²⁹³

Французский посол Кампредон, достаточно осведомленный о борьбе за власть в придворных кругах, доносил о разговоре Апраксина с Екатериной, состоявшемся вскоре после смерти Петра. Апраксин, некогда слывший приятелем Меншикова, теперь просил Екатерину умерить заносчивость и надменность светлейшего и заставить его «держаться, согласно своему долгу, в границах равенства с прочими сенаторами, а не выделяться, как он это делает».

Императрица ответила: «Прост же ты, если думаешь, будто я позволю Меншикову пользоваться хоть единой каплей моей власти».

За точность передачи слов Екатерины мы не ручаемся. Можно усомниться в твердости намерения императрицы не поступиться «ни единой каплей» своей власти. Меншиков далеко не всегда спрашивал ее позволения, действуя ее именем. От наблюдательного Кампредона не ускользнул рост влияния Меншикова. Он писал, что Екатерина питает к Меншикову «самое глубокое чувство доверия», отмечал, что «милости к Меншикову все увеличиваются».²⁹⁴

Эти «милости» превращали светлейшего в некоронованного правителя страны, «полудержавного властелина», по выражению Пушкина.

Как же распорядился князь своим влиянием в те два года, когда он вознесся на вершину земной власти? Два года – слишком малый срок, чтобы могли раскрыться дарования Меншикова как государственного деятеля. Одно можно сказать с уверенностью – ни Екатерина, ни ее окружение во главе с Меншиковым не помышляли о движении вспять и возвращении допетровских порядков. Правительство продолжало дело, начатое Петром, правда, без прежнего блеска, настойчивости, энергии и масштабности. Сохранили свое значение изданные при Петре указы и регламенты, утверждавшие господствующее положение дворянства: указ о единонаследии, Генеральный регламент, Табель о рангах, указы о поощрении развития торговли и промышленности. Сохранились и коллегиальная система управления, новшества в быту, продолжались заботы о сохранении боеспособной армии и флота, о распространении просвещения, была открыта Академия наук, устав которой утвердил еще Петр. Из новшеств царя, после его смерти прекративших существование, были лишь ассамблеи, но свою положительную роль они сыграли – женщин, вкусивших плоды «эмансипации», уже не удалось вернуть в терем.

Во внутренней политике тоже сохраняется преемственность. И все же следует остановиться на двух новшествах, которые если и не вызвали крутой ломки преобразований первой четверти XVIII века, то вносили в них более или менее существенные поправки. Инициатором их был светлейший.

²⁹³ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 9. С. 564.

²⁹⁴ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58. С. 11, 105, 111, 157.

Одно из них было вызвано тяжелым положением трудового населения, на плечи которого обрушилось бремя продолжительной войны и неурожаев, трижды подряд поражавших значительные территории.

Осенью 1726 года Меншиков вместе с Макаровым, Волковым и Остерманом изложили мнение о положении в стране. Это был своего рода программный документ, он намечал пути, которые облегчили бы страдания населения. Однако авторы записки видели причину бедствий не в усилении эксплуатации крестьян помещиками и государством, а в увеличении числа чиновников, заполнивших центральные и местные учреждения, «из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, почитаться могут».

По мнению Меншикова, не размер подати, а средства ее взыскания обременяли народ. Это представление прочно укрепилось в голове князя еще шесть лет назад, когда правительство Петра I обсуждало сумму подати, а сам Меншиков, в уже описанном вояже на Украину, «у обывателей, у дворян, у помещиков и крестьян своих и у прочих спрашивал, по скольку з двора сходит денежных поборов». Изучение вопроса из окна роскошной кареты позволило князю рекомендовать царю установить подать в восемьдесят копеек с мужской души, которую, как он полагал, крестьяне «бес тягости и заплатят».²⁹⁵ На поверку оказалось, что и установленная семидесятикопеечная подать была крайне обременительной и истощала ресурсы крестьянского хозяйства. Князь же оставался верен убеждению, что достаточно уменьшить число подьячих и рассыльщиков всякого рода, налетавших, подобно саранче, на деревни, ликвидировать в уездах полковые дворы, взимавшие подушную подать, и разместить солдат в казармах городов, как среди поселян наступит благоденствие.

Рост недоимок и бегство крестьян тревожили не только Меншикова. 4 ноября 1726 года в Верховном тайном совете состоялся обмен мнениями, «каковым бы образом учинить поселянам в сборе подушных денег облехчение».

Меншикова, как и прочих членов Верховного тайного совета, разумеется, нельзя назвать радетелем крестьянских интересов, но соображения, которыми он руководствовался, заслуживают внимания: «О крестьянах надо иметь попечение потому, что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата». Мысль эта была записана и в журнале Верховного тайного совета 4 ноября: дело «до того дойдет, что взять будет не с чего» – часть налогоплательщиков разбежится, и для оставшихся на месте уплата подати будет «великим отягощением». Кое-кто из членов Верховного тайного совета выступал с предложением уменьшить размер подати на 20 или 12 копеек с мужской души. Рекомендации членов Верховного тайного совета, как и авторов записки, призывали упростить систему сбора налогов, уменьшить число чиновников в учреждениях, создать специальную комиссию для изучения нужд купечества.²⁹⁶

Мысль о необходимости удешевить содержание административного аппарата Меншиков высказал еще в апреле. Тогда он предложил отказаться от выплаты жалованья мелким чиновникам Юстиц-коллегии, Вотчинной коллегии и провинциальных учреждений. «Крапивное» семя должно было довольствоваться «акциденциями» – так деликатно называлась мзда, даваемая чиновнику всяким, кто пожелал воспользоваться его услугами.²⁹⁷

Некоторое время спустя приступили к претворению этой программы в жизнь: была создана Комиссия о коммерции, упразднена Мануфактур-коллегия, купцам разрешалось вести торговлю через Архангельск, сокращены штаты местных учреждений. Экономия расходов на содержание административного аппарата оказалась ничтожной и не могла

²⁹⁵ РГАДА, ф. 198, д. 324, л. 4.

²⁹⁶ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 325; 200-летие Кабинета его императорского величества 1704–1904. СПб., 1911. Приложение 10. С. 45–47.

²⁹⁷ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. С. 190.

существенно изменить положение крестьян и горожан – подушную подать, самую обременительную повинность трудового населения, взыскивали с прежней свирепостью. Предложение уменьшить подушную подать не встретило поддержки у большинства членов Верховного тайного совета, и прежде всего у Меншикова.

Не помогла и система акциденций. Помимо сокращения административных расходов, с ее введением, как рассуждал князь, «дела могут справнее и бес продолжения решиться, понеже всякой за акциденцию будет неленостно трудиться». На деле узаконенные взятки во много крат усилили произвол мелкой канцелярской сошки, пышно расцвело вымогательство. Канцелярист устремлял хищный взор на руку посетителя, в которой тот вместе с челобитной держал мзду. Размер поощрения был прямо пропорционален энергии, затрачиваемой канцеляристом при разбирательстве дела. Как показала практика последующих лет, перевод чиновников с казенного жалованья на содержание челобитчиков увеличил поток неразобранных дел. Жалобщики состязались в размере взятки, и порою не хватало жизни одного поколения, чтобы довести какое-либо пустанное дело до благополучного конца.

Зато Верховный тайный совет, созданный согласно учредительному указу «как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел», изменил иерархию высших учреждений в государстве.²⁹⁸ Верховный тайный совет оттеснил на второй план Сенат, превратив его в подчиненное себе учреждение. С изменением места Сената в правительственном механизме изменилось и его название: при Петре Великом он был «Правительствующим», теперь стал лишь «Высоким».

Парадокс его возникновения состоял в том, что здесь воедино сливались противоречивые чаяния лиц, причастных к его созданию. Меншиков в организации Верховного тайного совета видел средство умаления роли Сената. Его волновала не столько судьба Сената, сколько стремление избавиться от контроля Ягужинского. Эта вражда имела давнюю историю. Датский посол Юст Юль еще в 1710 году записал в своем дневнике: «Милость к нему (Ягужинскому. – *Н.П.*) царя так велика, что сам князь Меншиков от души ненавидит его за это; но положение Ягужинского в смысле милости к нему царя уже настолько утвердилось, что, по-видимому, со временем последнему, быть может, удастся лишить Меншикова царской любви и милости, тем более что у князя и без того немало врагов».²⁹⁹

В проницательности датскому послу не откажешь. Действительно, положение Ягужинского в последующие годы упрочивалось, в то время как у Меншикова оно не раз колебалось. Светлейший даже заискивал перед Ягужинским. Поздравляя его с наступившим 1718 годом, Меншиков сетовал на то, что тот оставлял его без «любительских писаний». Но более всего князя удручало, что Ягужинский «отсюды (из Петербурга. – *Н.П.*), не простясь с нами, отъехать изволили, о чем я паче чаяния сомневаюсь, что не произнесены ль какие плевели». Светлейший заклинал не верить наветам «и содержать мя в своей неотменной любви».³⁰⁰

Желание добиться расположения Ягужинского еще более усилилось после того, как тот стал генерал-прокурором. Не было случая, чтобы князь оказывал кому-либо внимание, требовавшее от него даже ничтожных материальных затрат. Исключение составлял Ягужинский. 8 июня 1722 года светлейший писал в Москву из Клина сестре супруги Варваре Михайловне: «При сем посылаем к вам присланных из Питербурха новых фруктов апельсинов, которые извольте кушать во здравие и из оных извольте послать десять или

²⁹⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 7. № 4830. С. 568, 569.

²⁹⁹ Юст Юль. Записки. М., 1899. С. 210.

³⁰⁰ РГАДА, ф. 198, д. 106, л. 5.

побольше к господину генералу-прокурору Ягушинскому». ³⁰¹ Съеденные апельсины не помешали Ягушинскому не раз резко выступать против князя. Теперь у светлейшего появилась возможность свалить Ягушинского, а вместе с ним и умалить значение Сената, подчинив его Верховному тайному совету.

Новое учреждение отвечало также интересам Толстого, Апраксина, Головкина и других вельмож. В нем они видели средство обуздания своеволия Меншикова, ибо предполагалось, что Верховный тайный совет будет заседать под председательством императрицы, а его члены будут наделены равными правами. Каждый из них соглашался признать Меншикова равным, но все они противились его превосходству.

Склонность к созданию такого Совета проявляла и Екатерина, рассчитывавшая руководствоваться советами не одного только Данилыча. Это упрочило бы ее положение и внесло успокоение в ряды родовитой и неродовитой знати, роптавшей против роста влияния князя.

Из Верховного тайного совета наибольшие выгоды извлек Меншиков. Надежды вельмож на то, что императрица будет участвовать в работе учреждения, председательствуя дважды в неделю на его заседаниях, не оправдались – такое ей оказалось не под силу и потому, что она не обнаружила ни желаний, ни склонности к государственным делам, и потому, что частые недомогания приковывали ее к постели. Меншиков быстро подмял членов Верховного тайного совета – Апраксина, Головкина, Голицына и Остермана. Сначала он добился права непосредственного доклада императрице по делам Военной коллегии, президентом которой он стал сразу же после смерти Петра, а затем и по остальным вопросам.

В дни работы Верховного тайного совета Меншиков, как правило, навещал Екатерину дважды: перед началом заседаний, видимо, «согласовывая» предстоявшие решения; и после окончания заседания, когда докладывал о принятых постановлениях.

Не подлежит сомнению, что Екатерина смотрела на мир глазами светлейшего. Это ее устраивало, ибо освобождало от необходимости вникать в утомлявшие ее дела.

Положение полудержавного властелина, в котором оказался князь, значительно расширяло поле его деятельности. Достаточно взглянуть на перечень лиц, толпившихся в приемной дворца Меншикова, чтобы убедиться, что состав визитеров стал более пестрым. В 1719 году выхода светлейшего ожидали преимущественно люди в военных мундирах: петербургский генерал-полицеймейстер Девиер, комендант города, советники и ассессоры Военной коллегии. Теперь в приемной Меншикова генеральские мундиры перемежались со штатскими: это и президенты и вице-президенты коллегий, сенаторы, прокуроры, иностранные послы, губернаторы. Все они о чем-то докладывали и ждали распоряжений. Надобно было вникать в дела, простиравшиеся далеко за пределы военного ведомства. Но сил у князя поубавилось. В этом нас убеждают «Повседневные записки». Меншиков стал отпрашиваться ко сну на час раньше, а вставать на час позже. Тогда он днем не отдыхал, теперь он почти ежедневно два-три часа «изволил почивать». Вполне возможно, что, укладываясь в постель в дневные часы, Меншиков выполнял рекомендацию упоминавшегося выше консилиума врачей. В их заключении было сказано: «Сон, который наилучше силы возвращает и человека увеселит, да изволит его светлость употреблять побольше прежних времен». ³⁰²

За обеденный стол он теперь тоже садился реже, иногда отказывался от ужина. «Повседневные записки» за 1726 год отметили еще одно новшество: иногда за столом сидела вся семья.

Мы не знаем меню князя, но врачи рекомендовали ему воздержаться от употребления

³⁰¹ Там же, д. 1172, л. 10.

³⁰² Там же, д. 10, л. 2, 3.

«очень соленых, пряных и всяких горьких еств, мяс копченых и соленых потрав», а также водки. Виноградное вино разрешалось пить по одной-две рюмки. В рекомендательном рационе Меншикова значились исключительно диетические блюда: ячневая, овсяная, рисовая, пшенная и гречневая каши без молока и с молоком, телятина и бульон из нее, мясные кисели и вареные овощи.³⁰³

Иногда здоровье вынуждало Меншикова прерывать начатый рабочий день. 24 октября он встал, как обычно, в седьмом часу, вышел в «передспальню», но почувствовал себя плохо и возвратился отлеживаться и вновь вышел два часа спустя. Подобный случай повторился и 12 ноября с тем лишь различием, что в это утро понадобилось медицинское вмешательство – ему «пущали кровь». Никогда раньше Меншиков ни минуты не находился в одиночестве. Теперь шумная толпа его утомляла, и он искал уединения.

Продолжительных и жестоких недомоганий, подобных тому, которое ему довелось перенести в 1719 году, у Меншикова не было, но он по крайней мере дважды чувствовал себя нездоровым, по неделе – две не выезжал из дома.

Среди современников князь слыл едва ли не самым опрятным человеком. Тем не менее даже он мылся, как правило, раз в месяц. В течение 1726 года он был в мыльне двадцать шесть раз. Почти половина посещений падает на апрель и октябрь – месяцы, когда он болел. Мыльней в данном случае Меншиков пользовался не столько в гигиенических, сколько в лечебных целях – парился он по два-три часа. Помогало ли это ему или нет – не знаем. Документально подтверждается лишь одно – продолжительность его рабочего дня по сравнению с 1719 годом значительно уменьшилась не только за счет сна, но и за счет времени, уходившего на игру в шахматы и карты. Шахматы стали страстью светлейшего. В дни недомогания он многие часы проводил за шахматным столиком. Но и в обычные дни князя можно было довольно часто наблюдать за игрой и после обеденного сна и даже в утренние часы.

Конечно, годы брали свое. Но дело не только в этом: изменился ритм жизни при дворце. От Петра I исходили импульсы, приводившие все в движение, и Меншиков был лишь исполнителем его воли, правда, инициативным, но все же только исполнителем. Екатерина таких импульсов была лишена.

Отдав должное памяти супруга соблюдением годичного траура, она будто бы спешила наверстать упущенное: балы и маскарады чередовались с празднествами по случаю выдачи наград, смотрами гвардейских полков. Продолжая традиции, императрица совершала частые прогулки по Неве, сопровождавшиеся пушечной пальбой, присутствовала на спуске галер. Развлечения продолжались до глубокой ночи. 1 мая на Екатерину был возложен польский орден Белого Орла. Празднества закончились в семь часов утра. 7 мая двор «веселился» до трех часов ночи. 30 июня она пировала на именинах графа Сапеги до четырех утра. Публичные развлечения дополнялись камерными, происходившими ежедневно во дворце, в кругу гофдам, камергеров, гофмейстеров и прочих придворных. Ночь и день в укладе ее жизни поменялись местами. Получить аудиенцию у императрицы стало делом трудным даже для светлейшего.

Кстати, вместо ассамблей была введена новая форма придворных развлечений. Именным указом 11 января 1727 года велено еженедельно по четвергам в пятом часу пополудни собираться в дом ее императорского величества «на курдах или съезд». Судя по указу, куртаги отличались от ассамблей: для них был отведен специальный день, в то время как устройство ассамблей не имело строгой периодичности; куртаги созывались при дворе императрицы, в то время как ассамблеи – поочередно у вельмож; наконец, ассамблеи были более демократичными – на куртаги приглашались русские и иностранные министры и посланники, а также чины не ниже полковничьего ранга. С ассамблеями куртаги роднило

³⁰³ Там же, л. 1, 2.

присутствие дам и право находиться в собрании «кто сколько похочет».³⁰⁴

Не раз бывало, что Меншиков приезжал во дворец в 11 часов дня, но Екатерина «изволила почивать». Князь коротал время в дежурной для генерал-адъютантов, подвернется партнер – он сыграет в шахматы, навестит Елизавету Петровну, зайдет в Дворцовую канцелярию, но, так и не дождавшись, отправлялся домой либо все-таки встречался с императрицей часа через дватри. 28 сентября он прибыл во дворец сразу же после заседания Верховного тайного совета. Хотя наступил двенадцатый час, но Меншиков попал на прием только в третьем – императрица изволила «опочивать». Вряд ли ей нездоровилось, ибо накануне, 26 сентября, она «веселилась» во дворце князя до 3 часов ночи.

Располагал ли Меншиков еще какими-либо планами социальных и административных преобразований?

Дать утвердительный ответ позволяет одна фраза из проекта духовной Петру II: «Ваша императорское величество сами изволите видеть, что восприняли вы сию машину недостроенную, которая к совершенству своему многова прилежания и неусыпных трудов требует». ³⁰⁵ Следовательно, намерения что-то устраивать и перестраивать в государственном механизме у Меншикова были, однако что и как – мы не знаем. Теперь уже ничто не сдерживало ни честолюбивых замыслов полудержавного властелина, ни его жажды к стяжанию. Еще до образования Верховного тайного совета он исхлопотал себе пожалование города Батурина, которого тщетно домогался у Петра. Добился он и указа, прекращавшего расследование его злоупотреблений. Все начеты и долги, числившиеся на нем, были закрыты. Претендовал он и на получение чина генералиссимуса, но преждевременная смерть Екатерины помешала этому. Вынашивал он и план стать герцогом Курляндским.

В честолюбивых планах Александра Даниловича неудачная попытка овладеть курляндской короной, о которой еще будет рассказано, – была всего лишь досадным эпизодом, впрочем не оставившим большой горечи, ибо другая, более важная мечта, осуществление которой перекрыло бы все неудачи вместе взятые, завладела светлейшим. Претворяя ее, он действовал предусмотрительно, и казалось, что на этот раз никакая случайность не могла помешать ему.

После смерти Петра I Меншиков был самым решительным противником воцарения Петра II. Тогда он имел множество сторонников из числа вельмож, выдвинувшихся в годы преобразований. Понадобилось лишь два года, чтобы перед глазами изумленных единомышленников Меншиков стал самым ярким пособником передачи трона двенадцатилетнему юнцу. Причина тому – намерение женить Петра на своей старшей дочери Марии.

А как же быть с помолвкой Марии с сыном польского графа Сапеги? Она состоялась 13 марта 1726 года в пышно убранном дворце Меншикова под гром артиллерийских залпов и звуки оркестра в присутствии всей столичной знати. Исполнился год со времени погребения Петра, и Екатерина, участвовавшая в обмене перстнями между будущими супругами, впервые, как сказано в «Повседневной записке», «изволила дать позволение на забаву танцами».³⁰⁶

Милости на Сапег посыпались как из рога изобилия. О них, конечно же, хлопотал сам светлейший: накануне помолвки графа Сапегу-отца Екатерина неведомо за какие заслуги пожаловала чином российского генерал-фельдмаршала, а в том же марте – орденом Андрея Первозванного; будущий зять получил придворный чин камергера. Меншиков всякий раз

³⁰⁴ Там же, д. 237, л. 1.

³⁰⁵ РГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 63, л. 7.

³⁰⁶ Там же, д. 53, ч. 5, л. 32.

демонстрировал свое дружеское расположение к семье заезжего жениха. Отец и сын – желанные гости в доме князя. Меншиков тоже частенько навещал свата. Не забыл светлейший и о своей младшей дочери Александре. В том же 1726 году, когда Марии Александровне уготовано было стать супругой графа Сапеги, уполномоченный князя вступил в переговоры о заключении брачного контракта с ангальт-дессауским принцем. Каждая из договаривавшихся сторон расхваливала, как могла, жениха и невесту. Жених был без изъянов: «изряден сам собою», принадлежал к «давнейшему и поважнейшему» княжескому дому и «без всякой похвалы, такого есть состояния, совести и эрудиции», что снискал любовь родителей. Доход жениха составлял свыше двухсот тысяч талеров в год. Уполномоченный князя преднамеренно проехал через владения принца и «подлинно известился: место, в котором он разидует, есть зело изрядное, крепость хорошая и все, одним словом сказать, по княжески и, по-видимому, в воли вашей княжеской светлости состоит светлейшую княжну, дочьер свою, зело щастливой учинить».

Невеста, надо полагать, тоже была аттестована должным образом. Ответы на вопрос: «Сколько от роду лет, какова персоною, как воспитана и какова нравом» – должны были потворствовать вкусам той стороны. Переговоры зашли так далеко, что встал вопрос о приданом невесты, причем сделан был деликатный намек: дом ангальт-дессауского князя полон драгоценностями, поэтому было бы желательно получить за невестой наличными.³⁰⁷

Остановка за малым – надобно было получить согласие на брак светлейшего, но Александр Данилович боялся продешевить и подыскивал для дочери более выгодную партию.

Флирт с Сапегами продолжался до тех пор, пока у князя окончательно не созрел его роковой план. Желание князя породниться с царствующим домом было юридически закреплено завещанием Екатерины. Воля императрицы, несомненно навязанная ей светлейшим, состояла в том, чтобы ее наследником стал Петр II и чтобы он непременно женился на одной из дочерей Меншикова.³⁰⁸

Слух о существовании завещания проник в среду сановников и вызвал вполне основательные опасения, что князь на правах тестя малолетнего императора будет распоряжаться судьбой каждого из них. Однако открыто противодействовать намерениям Меншикова никто не посмел.

– Что же не доносите императрице? – спрашивал Девиер у генерала Бутурлина.

– Двери затворены, – отвечал тот.

– Чаю, царевна Анна Петровна плачет, – продолжал Бутурлин.

– Как ей не плакать, – согласился Девиер, – матушка родная.

Собеседники сошлись на том, что царевна походит на отца и должна стать наследницей престола после смерти матери: она и умильна, и собою приемна, и умна. Оба они были настроены против воцарения Елизаветы Петровны, младшей дочери императрицы.

– Она, – заметил Девиер, – тоже изрядная, только сердитее. Ежели б в моей воле было, я желал бы, чтоб царевну Анну Петровну государыня изволила сделать наследницею.

Бутурлин согласился:

– То бы не худо было, и я бы желал.

Во время другой встречи Бутурлин продолжил начатый разговор:

– Светлейший князь усилится. Однако же хотя на то и будет воля, пусть он не думает, что Голицын, Куракин и другие ему друзья и дадут над собою властвовать. Нет! Они скажут ему: полно-де, милейший, ты и так над нами властвовал. Поди прочь!

Бутурлин высказал и личную обиду на светлейшего:

– Служу давно, явил свое усердие царю в ссоре его с сестрой Софьею Алексеевною. Но

³⁰⁷ РГАДА, ф. 198, д. 229, л. 1, 4, 5.

³⁰⁸ ПСЗ-I. Т. 7. № 5070. С. 789–791.

ныне Меншиков что хочет, то и делает, и меня, мужика старого, обидел: команду отдал, мимо меня, младшему и адъютанта отнял.³⁰⁹

Взгляды Девиера и Бутурлина разделял Толстой, но с тем различием, что он предпочитал видеть на престоле младшую дочь Петра – Елизавету.

А что с Петром? Вопрос не застал Толстого врасплох: его надо отправить за границу посмотреть другие государства, как то делал покойный дед. Пока он будет за границей, Елизавета утвердится в наследстве.

Если Девиер, Бутурлин и Толстой опасались мести Петра за погибшего отца, то князя Алексея Долгорукого, Александра Нарышкина и Андрея Ушакова пугало прежде всего всецелие Меншикова. Они тоже искали способа высказать свою тревогу Екатерине.

Но Екатерина не то что не хотела, уже не могла предпринять меры, ущемлявшие светлейшего, – она была прикована к постели и слепо выполняла его волю. Князь настолько верил в успех, что мог позволить себе не нарушать раз принятого распорядка. Во всяком случае, при чтении «Повседневных записок» невозможно накануне смерти Екатерины уловить ни накала страстей, ни проявлений напряженности. Лишь более частые, чем прежде, встречи с Остерманом предвещали наступление перемен.

У барона был верный нюх. Его он не подвел и на этот раз. Остерман правильно рассудил, что перевес сил на стороне Меншикова, и не скупился на советы, помогавшие князю добиться успеха. В течение двух недель, предшествовавших смерти Екатерины, Меншиков встречался с ним семь раз. Насколько светлейший нуждался в советах барона, можно судить хотя бы по тому, что четыре из семи свиданий состоялись не у Меншикова, а у Остермана: Меншиков снизошел до того, что сам наносил визиты.

Ведя конфиденциальные разговоры с Остерманом, Меншиков пристально следил за состоянием здоровья императрицы. Смертельно больную Екатерину он навещал по нескольку раз в день. 24 апреля 1727 года императрице стало легче, и Меншиков успел подсунуть ей указ о создании следственной комиссии над Девиером, выступавшим против матримониальных планов Меншикова. В «Повседневных записках» это драматическое для Девиера событие изложено так: во втором часу дня Меншиков отправился к Екатерине «и, немного побыв, вышел в переднюю и приказом ее императорского величества у генерал-полицеймейстера графа Девиера изволил снять кавалерию и приказал гвардии караульному капитану арестовать и потом, паки побыв у ее императорского величества с полчаса, изволил возвратиться в свои покои».³¹⁰

Саксонский посол Лефорт при описании этого события сообщает любопытную подробность: «К Девиеру, находившемуся в покоях дворца, явился караульный капитан и, объявив ему арест, потребовал от него шпагу. Девиер, показывая вид, что отдает шпагу, вынимает ее с намерением заколоть князя Меншикова, стоявшего сзади его, но удар был отведен».³¹¹

5 мая у императрицы началась агония. Во всяком случае, в этот день светлейший был срочно вызван в покои императрицы, а следующий весь день он безотлучно находился при умиравшей. В минуту, когда к ней вернулось сознание, она санкционировала наказание привлеченных к следствию. Девиер и Толстой лишались чинов и имений и подлежали ссылке, первый – в Сибирь, второй – в Соловецкий монастырь. Лишенного чинов Бутурлина сослали в дальнюю деревню. Понесли наказание и прочие участники разговоров.

Расправа с Толстым, Бутурлиным, Девиером и Скорняковым-Писаревым принадлежит

³⁰⁹ Ковалевский Е.П. Суд над графом Девиером и его соучастниками // Собр. соч. СПб., 1871. Т. 1. С. 193, 194.

³¹⁰ РГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 53, ч. 6, л. 56.

³¹¹ Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 471.

едва ли не к самым значительным промахам Александра Даниловича. На первый взгляд может показаться, что, отправив противников в ссылку, светлейший укрепил свое положение, ибо соперники сметены и он без помех мог осуществить мечту жизни. В действительности Меншиков не укрепил, а ослабил свои позиции, так как ссылкой недавних союзников он создал вокруг себя вакуум – ему теперь не на кого было опереться, и он остался наедине с Остерманом, состязаться с которым в умении плести интриги ему не доставало ни ловкости, ни характера.

В состряпанном следствии по делу Девиера – Толстого явственно виден почерк коварного Остермана. В самом деле, в начале расследования к делу был привлечен один Девиер, причем против него выдвинули обвинения, ничего общего не имевшие с теми, которые были предъявлены ему несколько позже. Вопросы, заданные Девиеру в первый день следствия, 28 апреля 1727 года, касались нарушения придворного этикета. В те часы 16 апреля, когда в болезни императрицы наступил кризис и лица всех присутствовавших во дворце должны были выражать скорбь по поводу приближавшей развязки, Девиер демонстрировал веселое расположение духа и изволил шутить и проявлять фамильярность по отношению к лицам царской фамилии.

По некоторым пунктам Девиер оправдался, по другим признал свою бестактность, от прямого ответа на третьи уклонился. Все это, однако, не имело ровным счетом никакого значения, ибо судьи, отправившиеся с докладом к императрице о том, как Девиер ответил на тринадцать заданных ему вопросов, возвратились с именным указом, пока еще устным, направившим следствие совсем по иному руслу. От Антона Девиера требовалось, «чтоб он по христианской и присяжной должности объявил всех, которые с ним сообщники в известных причинах и делах, и к кому он ездил и советовал [...] А ежели не объявит, то его пытать». В тот же день следователи получили письменный указ, подтверждавший их право на пытку: «А ежели он всех не объявит, то следовать розыском немедленно».

Что скрывалось за таинственными словами о каких-то «сообщниках», о каких «причинах и делах» шла речь?

У читателя, знакомящегося с делопроизводством следственной комиссии, недоумение продолжается ровно столько, сколько понадобится времени, чтобы ознакомиться с содержанием вопросов и ответов на них, вытянутых у Девиера под пыткой. Из вопросов и ответов явствует, что следователей более не интересовало поведение Девиера 16 апреля: они сосредоточили внимание на протестах как его самого, так и его собеседников против матримониальных планов Меншикова.

Дыба развязала Девиеру язык, и он назвал фамилии своих собеседников. В сети, расставленные Меншиковым, действия которого направлял Остерман, попалась и самая крупная рыба – Петр Андреевич Толстой, ради которого, похоже, было затеяно все дело.³¹²

Внешне будто бы торжествовал победу Александр Данилович – противники его брачных планов сметены. В действительности победу праздновал Остерман, совершивший еще один шаг к вершине власти, но в этой его победе Александр Данилович убедился с большим опозданием, а именно несколько месяцев спустя, когда по осеннему бездорожью ехал в ссылку.

Время с 6 мая, когда в субботний день скончалась Екатерина, по понедельник 19 июня 1727 года, когда светлейший тяжело заболел, можно назвать временем радужных надежд. Все у Меншикова получалось наилучшим образом – его планы осуществлялись с удивительной легкостью и последовательностью. Он уже видел себя правителем государства при малолетнем императоре и был уверен, что он вот-вот доберется до вершины земной славы и богатства.

В воскресенье 7 мая секретарь Верховного тайного совета в присутствии высших чинов

³¹² Ковалевский Е.П. Указ. соч.; Павленко Н.И. Петр Андреевич Толстой // Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 202–232.

страны огласил testament (завещание) Екатерины, объявлявший наследником трона Петра II.

По ступенькам власти Меншиков взбирался как бы играючи. Настало наконец время, когда можно было осуществить все планы. Но, удивительное дело, государственной мудрости в действиях и поступках светлейшего мы не обнаруживаем. Быть может, ум его был истощен настолько, что уже не в состоянии был охватить весь круг забот, связанных с властью, или осуществление своих замыслов он откладывал до оформления брачных уз дочери.

Как бы там ни было, но все планы и помыслы князя сводились прежде всего к удовлетворению ненасытного честолюбия. Побуждаемый этой страстью, он радел не столько об «общем благе» – мифическом понятии, которым пестрело законодательство петровского времени, сколько о благе личном и благе своей семьи и родственников. Милости сыпались как из рога изобилия. Он действовал так, будто все чины, звания и ордена государства были изобретены для Меншиковых. Ему мало было чина генерал-фельдмаршала, и он росчерком пера детской руки Петра II получил чин генералиссимуса. Пожалование это сопровождалось фарсом, сценарий которого составлялся не без участия Меншикова. Петр II зашел в покои Меншикова и, по словам саксонского посла Лефорта, заявил: «Я уничтожил фельдмаршала!»

«Эти слова, – продолжал Лефорт, – привели всех в недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначал Меншикова своим генералиссимусом».³¹³

В морских сражениях светлейший не участвовал, за исключением памятного захвата двух шведских кораблей еще в 1703 году. За этот подвиг и за участие в строительстве флота он имел чин вице-адмирала. На второй день после смерти Екатерины светлейший стал полным адмиралом.

Отец семейства не оставил без внимания и своих детей. Сын Александр был возведен в обер-камергеры, а некоторое время спустя, за безвестные заслуги, награжден орденом Андрея Первозванного. Он же 5 февраля 1727 года был пожалован орденом св. Екатерины. Александр Александрович был единственным мужчиной, отмеченным в это время чисто дамским орденом.³¹⁴ Старшая дочь Мария, невеста царя, навесила орден св. Екатерины, а грудь младшей дочери Александры стал украшать орден св. Александра. Не забытой осталась и сестра супруги – Варвара Михайловна, – тоже награжденная орденом св. Александра.

Наибольшим вниманием и заботой была окружена, разумеется, невеста царя. Штат двора ее предусматривал сто пятнадцать человек, а сумма на его содержание – тридцать четыре тысячи рублей в год, в том числе на стол двенадцать тысяч и на платье пять тысяч. Вторая половина ассигнований предназначалась на жалованье придворным чинам – гофмейстеру, камергеру, камер-фрейлинам, штатс-фрейлинам и прочим, а также обслуживающему персоналу, включавшему лакеев, гайдуков, пажей, певчих, поваров, конюхов, гребцов и прочих. Весь пышный штат возглавляла Варвара Михайловна Арсеньева. Теплое местечко обер-гофмейстерины, предназначавшееся для нее, должно было приносить ей две тысячи рублей в год.³¹⁵

Штат у самого Меншикова был еще более обширным. История княжеского двора, отличавшегося пышностью и великолепием, начинается с 1707 года, когда царь, «в бытность свою в Польше, повелел князю завести по образцу римско-императорского придворного штаба обер-гофмейстера, камергеров, гофмаршалов, камер-юнкеров и гофюнкеров,

³¹³ Сб. РИО. Т. 3. С. 473.

³¹⁴ Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856. С. 59.

³¹⁵ РГАДА, ф. 156, д. 15, л. 1–3.

канцлера, шталмейстера, капельмейстера и прочее».³¹⁶ Жизненные потребности княжеской семьи в 1726 году удовлетворяли 322 человека. Кого только не числилось при княжеском дворе! Правда, среди них не значилось канцлера, шталмейстера, камер-юнкеров и гофюнкеров, но и без них помпезность и престиж княжескому двору придавали гофмейстер, берейтор, пажи, музыканты, множество лакеев, гайдуков, кучеров. Аппетиты семьи и многочисленной челяди удовлетворяли десять поваров и шесть их учеников, шесть хлебников, четыре скатертницы. Духовные надобности светлейшего обеспечивали два священника, псаломщик, пономарь и двенадцать певчих, а также пять карлов. Обособленность княжескому дворцу придавало множество специалистов: светлейший и его семья пользовались услугами собственного доктора, восьми портных, четырех кузнецов, а также плотников, садовников, шорников, часовщиков, серебряников. Появилась надобность передвигаться по воде – к услугам княжеской семьи 22 гребца и 39 матросов.

На всех должностях, придававших дворцу пышность и блеск, Меншиков держал иностранцев. Они занимали посты гофмейстера, берейтора, лекаря, главного портного, садовника. Нужды женской половины семьи удовлетворяли мамзель, девицы, карлицы, множество мастериц.

Содержание двора обходилось князю в колоссальную даже по тем временам сумму – 4426 рублей 85 копеек ежегодно, не считая стола. Особенно высоко оценивались услуги иностранцев. В то время как русские столяры, кузнецы, гайдуки, садовые ученики, лакеи, подьячие, сторожа и прочие получали от 5 до 10 рублей в год, гофмейстеру Францу Слуцери Меншиков платил 600 рублей, лекарю Ягану Шульцу – 216, садовнику Ягану Эрику — 300, портному Ютману и мамзели Блицендорф – по 100 рублей.³¹⁷

Архивные источники оставили нам следы забот светлейшего о прославлении своей фамилии. Для этого был составлен список лиц, имена которых должны быть помещены в «генеральном календаре» на 1728 год. Наряду с членами царского семейства (дочерьми Петра I и его брата Иоанна) список включал всех Меншиковых – супружескую чету и их детей: Марию, Александра и Александру.³¹⁸

Самого Александра Даниловича и его деяния предполагалось увековечить в грандиозном труде о его жизни и деятельности. Уже был составлен своеобразный план будущего сочинения из 65 пунктов, для освещения которых надлежало собирать необходимый материал. Составителю этих пунктов многое было известно из биографии Меншикова, и это известное для точности надлежало подтвердить соответствующими документами. Например, автор плана был осведомлен о том, что князь имел в своем управлении Олонецкие заводы с 1704 года, но он интересовался, «есть ли на оное грамота от его величества данная его светлости, которую, ежели есть, можно вкратце внести в историю». Точно так же надо было затребовать «чертежи и описания палат, церквей, колокольной, заводов, оранжерей, мельниц в С.-Петербурхе, в Москве, в Оранибурху, от его светлости построенных». Предполагалось иметь обстоятельное описание «всем маестностям его светлости в России, в Украине, в Польше и Германии».

Несколько пунктов касались предков князя, причем они сформулированы в виде вопросов, относящихся отнюдь не к далекому прошлому. Составителя плана интересовало: «Родитель его светлости в котором году умре?» Или: «Был ли родитель его светлости во время взятия Азова и Кизикермена?»

Множество пунктов плана носили престижный характер. Текст биографии должен был в полной мере удовлетворить и княжескую спесь и честолюбие светлейшего. Отсюда

³¹⁶ Сын Отечества. М., 1848. № 6. С. 14.

³¹⁷ РГАДА, ф. 198, д. 260, л. 1–9.

³¹⁸ РГАДА, ф. 375, д. 53, л. 1–3.

огромное внимание описанию различного рода торжественных церемоний с участием князя, упоминание о наградах царя и других коронованных особ, подробности встреч с ними и переписки.³¹⁹

Последующие события помешали осуществлению замысла. Продержись князь у власти год-другой, историки располагали бы любопытным источником.

Прославляя собственную персону и заботясь о благополучии семьи, Меншиков не забывал и людей, хотя и не находившихся с ним в родстве, но бывших, как ему казалось, преданными слугами. Внешне оно так, видимо, и выглядело. Каждого облагодетельствованного можно было почти ежедневно встретить в княжеском дворце. Они занимали если не ключевые, то весьма важные посты в военном, гражданском ведомствах. Генераллейтенант и гвардии майор Преображенского полка Дмитриев-Мамонов был произведен в подполковники этого полка; комендант столичного города бригадир Фоминцын, навещавший княжеские хоромы столь часто, что превратился в их принадлежность, стал генерал-майором; вице-адмиралы Сиверс, Змаевич и Гордон были произведены в адмиралы.

Все это не требовало больших усилий. Зато уйму хлопот доставляла главная цель – подвести дочь к брачному венцу. Чтобы достичь этой цели, надобно было не спускать глаз с Петра, зорко следить за его поведением, держать его при себе. Так и поступает Меншиков. С Петром он проводил многие часы: вместе с ним садился за обеденный стол, частенько навещал своих детей, чего с ним раньше не случалось.

После похорон Екатерины (16 мая) развлечения для императора становятся разнообразнее. Меншиков везет его то на Конюшенный двор для осмотра лошадей, то на Галерный двор, где производился спуск судов, наконец, устраивает развлекательные поездки по городу.

23 мая двенадцатилетний Петр прибыл к Меншикову просить руки его шестнадцатилетней дочери Марии. Накануне, 22 мая, светлейший имел беседу с церковными иерархами. Предметом разговора было обсуждение церемонии помолвки. Ее совершил в торжественной обстановке Феофан Прокопович. После молебствия в присутствии членов Верховного тайного совета, Сената и Синода, а также генералитета и иностранных послов играла музыка, били в литавры, поздравляли помолвленных и будущего тестя. Светлейший находился на полпути к тому, чтобы обуздать власть.

Как ни бдительно опекал Меншиков своего будущего зятя, все же существовали опасения, что жених мог оказаться под нежелательным влиянием. Светлейший предусмотрел и эту опасность, он принимает правильное, как он считал, решение изолировать Петра от окружающих.

На следующий же день после помолвки Меншиков вместе с семьей, невестой и женихом отправился в Петергоф. И здесь, как и в столице, он находился при императоре. Светлейший не увлекался охотой, но ради большой цели можно было пойти и на маленькие жертвы – вместе с Петром он несколько раз ездил на псовую охоту.

Ничем не рисковал Меншиков и тогда, когда отправлялся в свою загородную резиденцию Ораниенбаум или в Кронштадт для осмотра работ, так как будущий зять не оставался без надзора – в его обществе находились либо невеста, либо Дарья Михайловна, либо княжеский сын.

10 июня Меншиков возвратился в столицу, а на следующий день туда прибыл и Петр. Поселился он во дворце Меншикова.

До сих пор Александру Даниловичу ветер дул в спину, и он не испытывал ни малейших затруднений, осуществляя свои планы. Весть о том, что он близок к положению тестя и регента малолетнего царя, стала достоянием европейских дворов. Он уже получил поздравления от Штатов Голландии, Брауншвейг-Волфенбютельского князя

³¹⁹ Сын Отечества. М., 1848. № 1, 5, 6.

Августа-Вильгельма, австрийского канцлера Шенборна и даже от самого императора Карла VI.³²⁰ Но тут случилось то, чего никто не мог предусмотреть и что в конечном счете сыграло роковую роль – светлейший занемог.

Признаки болезни князь обнаружил еще 19 июня – в этот день он принимал лекарства и ему пускали кровь. Надеялся, что после мыльни ему полегчает, но нет – нисколько не помогло, наоборот, стало хуже. С 22 июня он уже не выходил из дому, хотя еще и не слег. Кроме повседневных посетителей его навещали члены Верховного тайного совета: Апраксин, Головкин, Голицын, Остерман. Он вел деловые разговоры, крепил письма. Но консилиум врачей, состоявшийся 26 июня, запретил больному заниматься делами, и число визитеров значительно поубавилось.

Состояние больного дало современникам повод ожидать близкой кончины князя. Лефорт доносил в Дрезден 12 июля: «Кроме харканья кровью, сильно ослабляющего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставлявшая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, пароксизмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что думали о его близкой смерти».³²¹

У самого Меншикова тоже было мало надежд на выздоровление. Чувство овладевшей им обреченности четко прослеживается в документах, составляемых обычно заблаговременно или в дни, когда смерть властно стучится в дверь.

Среди предсмертных документов – несколько обращений Меншикова к лицам, которым он вручал судьбу семьи, на благожелательность и помощь коих он рассчитывал, кого он просил «оставших после меня сирых жену мою, и детей, и дом мой содержать в своей милостивой протекции и во всем призирать». Фамилии в проектах обращений не названы, но совершенно очевидно, что если письмо адресовано «господину вице-канцлеру, тайному действительному советнику», то имеется в виду Остерман, «генерал-адмирал» – не кто иной, как Апраксин, «канцлер» – это Головкин, а «сиятельный князь» – Дмитрий Голицын. Короче, письма предназначались членам Верховного тайного совета. Среди них, кажется, наибольшую надежду на заступничество внушал князь Голицын. В письме к нему есть фраза, отсутствующая в прочих текстах: «А я домашним своим приказал, чтоб во всем поступали с ведома и изволения вашего сиятельства». Отметим, что среди будущих покровителей семьи значился Остерман.

Проект духовной в соответствии с указом Петра I о единонаследии объявлял единственным наследником движимого и недвижимого имущества сына Александра, которому поручено было «во всю жизнь» опекать сестер. Однако до совершеннолетия сына содержание дома вручалось Дарье Михайловне и ее сестре Варваре Михайловне. Упоминание последней в духовной – еще одно свидетельство громадной роли свояченицы в семье князя. Отец требовал от сына, чтобы тот «обучался с великим прилежанием вначале страху Божию, потом принадлежащим наукам и всем честным поступкам».

Из предсмертных сочинений князя наиболее интересны два варианта его обращения к царю. Это своего рода исповедь, в которой размышления о будущем страны и ее монарха сочетались с приземленными рассуждениями о будущем своей семьи.

Царь, ныне пребывающий «не в совершенных еще летех», в будущем может прославить себя подвигами, достойными памяти деда. Путь к этому лежит «как чрез учение и наставление, так и чрез помощь верных советников».

Меншикову было хорошо известно пристрастие молодого царя к праздности. Отсюда просьба: «Извольте как в учении, так и в забавах и в езде себя кротко и тихо содержать и сие все умеренно содержать».

³²⁰ РГАДА, ф. 198, д. 327, л. 3; д. 332, л. 2; д. 322, л. 15.

³²¹ Сб. РИО. Т. 3. С. 484.

Кого же прочил князь в наставники царя, без совета которых он не должен что-либо предпринимать? На первое место поставлен «барон Остерман», а уже после него – безымянные «господа министры».

В последнем пункте обращения князь просил царя в память о своих прежних заслугах «содержать в вашей милости оставшую по мне мою супругу». Но главная просьба касалась дочери Марии: «...милостивым быть к вашей обрученной невесте» и «...в подобное время вступить с нею в законное супружество».³²²

Не надо быть провидцем, чтобы угадать судьбу помолвки после смерти князя. Саксонского посла Лефорта невозможно заподозрить в проницательности, а его донесения – в глубоком содержании. Тем не менее он на основе слухов, ходивших при дворе, предрекал развитие событий: «Когда Меншиков умрет, помолвка утратит силу и дочь перестанет быть невестой». Поведение зятя во время болезни Меншикова давало основание для подобного умозаключения.

В первые дни недомогания Петр вместе с сестрой Натальей более или менее часто навещал больного, но в дальнейшем визитов становилось все меньше и меньше. Брат и сестра посетили Меншикова 25, 27 и 29 июня. Затем наступил длительный перерыв. Очередные визиты были нанесены 9, 12, 15 июля. А 20 июля к Меншикову пожаловала Наталья Алексеевна уже без брата. Следующая встреча императора с князем состоялась 29 июля, когда самочувствие светлейшего улучшилось настолько, что ему было разрешено выезжать из дома. Вечером этого дня он вместе с Петром участвовал в церемонии открытия моста через Неву. Они проехали по нему в карете.

В пять недель, когда Меншиков практически был лишен возможности опекать будущего зятя, совершилось то, чего он так опасался, – юнец освободился от его глаз и оказался под влиянием Долгоруких, действиями которых ловко руководил Остерман.

Раньше Петр был неразлучен с Меншиковым. После выздоровления князя он избегал с ним встреч, и если они все же происходили, то были кратковременными и на людях.

Так, аудиенция светлейшего 30 июля продолжалась лишь четверть часа, следующие две встречи состоялись 14 августа: одна длилась час, а другая 15 минут. Непродолжительный разговор произошел 17 августа. К этому надобно прибавить еще две встречи, одна из которых состоялась во время литургии и поэтому, видимо, не сопровождалась разговорами, а другая – 9 августа во время осмотра итальянского дома, подаренного Петром невесте. Не подлежало сомнению, что между князем и императором наступило охлаждение, что последний избегал свидания с невестой и тяготился опекой будущего тестя. Кстати, упоминавшийся выше Лефорт доносил: «Петр II совсем не любит свою невесту».

Не заметить всего этого Меншиков не мог. Если даже допустить, что сам он ничего не подозревал о грозившей беде, то у него было немало прихлебателей, готовых донести до его ушей молву, летавшую среди придворных. Она стала достоянием и Лефорта, писавшего своему правительству: «Правда, что его все очень боятся, но за то и ненавидят. Его торопливость с женитьбой дочери немало тому содействует».³²³ Что же он делает, какие меры предпринимает, чтобы предупредить полный разрыв и обезопасить себя от расправы недругов?

Что случилось с Меншиковым, почему ему отказал здравый смысл, которым он был щедро награжден природой? Как случилось, что сильная и решительная личность расслабилась до неузнаваемости?

То ли он витал в мире иллюзий, надеясь, что все обернется к лучшему и состоявшаяся помолвка дочери сама по себе сделает свое дело. То ли он смирился со своим падением и считал, что все утрачено безвозвратно и восстановить прежнее невозможно. А быть может,

³²² РГАДА, Госархив, Разряд XI, д. 63, л. 13, 9, 8.

³²³ Сб. РИО. Т. 3. С. 484, 481.

он обдумывал планы, как прибрать к рукам нареченного зятя и нанести удар по Долгоруким раньше, чем они сумеют расправиться с ним.

В точности хода мыслей светлейшего в августе – начале сентября 1727 года мы не знаем и вряд ли когда-либо удастся документально объяснить странности его поведения. С уверенностью можно сказать одно: у Меншикова не было шансов повторить то, что он сделал в памятную ночь 28 января 1725 года, когда умер Петр I. На первый взгляд теперь у него будто бы и было больше возможностей, чем тогда, – он стал президентом Военной коллегии, адмиралом и генералиссимусом, нареченным тестем императора. Власти и влияния у него, несомненно, прибавилось. Но тогда он имел многочисленных сторонников и действовал от имени претендовавшей на трон Екатерины, теперь он остался в одиночестве, был лишен сообщников, готовых привести в движение гвардию; именем императора действовал не он, а его противники. Здесь вступала в силу магия царского имени, царистские иллюзии, которым были подвержены как низы общества, в лице многомиллионной массы крестьян и горожан, так и его верхи, начиная от рядовых дворян и кончая вельможами. Петр II являлся всего лишь орудием интриги.

По-видимому, активные действия не входили в расчеты князя. Иначе он ни за что бы не уехал из столицы, где только и можно было вести борьбу – расположить к себе гвардию, изолировать Долгоруких. Шахматист Меншиков, выражаясь спортивной терминологией, не рассчитал свои действия даже на два хода вперед, предоставив полнейшую свободу своим противникам.

18 августа он вместе с семьей выехал в Ораниенбаум, где в честь прибытия генералиссимуса грянул артиллерийский залп. Правда, Петр тоже уехал – в Петергоф, конечно же, в сопровождении нового приятеля – забулдыги Ивана Долгорукого. Меншиков попытался восстановить отношения с Петром и вместе с семьей нагрянул к нему в Петергоф, но в гостях не задержался. Прием, видимо, был холодным: невеста, члены семьи, да и сам Меншиков чувствовали себя неуютно и поспешно ретировались. 26 августа Меншиков наряду с прочими министрами, как сказано в «Повседневной записке», «кушал при столе его императорского величества» по случаю именин сестры царя, а на следующий день вместе с царской семьей присутствовал на литургии. В 6 часов вечера он уже находился в Ораниенбауме.

30 августа Меншиков праздновал свои именины. Список гостей возглавлял адмирал Сиверс, несколько генералов, завсегдатаев в приемной и «прочие господа морские офицеры». Среди присутствовавших – ни одной «знатной персоны», не почтил вниманием своего нареченного тестя и Петр. Праздник, некогда проводившийся с необыкновенной пышностью, на котором непременно присутствовали Петр I и Екатерина, теперь прошел заурядно. Не сгладили впечатления и несколько залпов солдат Черниговского полка, выстроенного по этому случаю.

Чем занимался Меншиков в Ораниенбауме с 19 августа по 5 сентября?

Ничем особенным. Жил как жил. Даже самое скрупулезное изучение «Повседневных записок» не дает за что-либо ухватиться. Распорядок дня оставался прежним, и своим привычкам светлейший не изменял. Вставал он, как и раньше, в обычное для себя время, слушал дела, в ожидании аудиенции в приемной толкались военные и придворные чины. Не расставался Меншиков и со своей привычкой спать после обеда. Иногда Ораниенбаум навещали «персоны». 20 и 28 августа он принимал Феофана Прокоповича, несколько раз у него были члены Верховного тайного совета Федор Апраксин, Гавриил Головкин, Андрей Остерман и князь Дмитрий Голицын. 5 сентября в Ораниенбаум пожаловал Остерман, с которым Меншиков вел тайный разговор. Наверняка это был разведывательный визит, предшествовавший нанесению Меншикову решительного удара. Возможно, Меншиков жаловался Остерману на охлаждение к нему Петра, обращал внимание на праздное его времяпрепровождение, а барон утешал своего собеседника. Быть может, Остерман, умевший, как это хорошо известно, много говорить, но ничего не сказать, больше слушал, чем говорил. Могло случиться, что Остерман, на всякий случай, сам намекнул на опасность, нависшую

над князем. В подобном поведении барона был свой резон, ибо искусство интриги, которым он владел в совершенстве, как раз и состоит в том, чтобы одновременно плести несколько нитей и всегда находиться в лагере победителей. Остерман, кроме того, обладал вероломством – качеством особо опасным.

Два отступления от принятого распорядка все же удастся уловить: князь реже развлекается игрой в шахматы и карты. За шахматный столик в Ораниенбауме он садился только дважды. Напротив, он чаще, чем прежде, пребывал в одиночестве, погруженный в свои мысли.

Кажется, главной заботой князя в эти дни было наблюдение за отделкой церкви и подготовкой к ее освящению. В церковь он заглядывал много раз, видимо, гордился ее убранством, ибо накануне освящения показывал ее голштинскому министру. Для большего благолепия он заблаговременно, еще 31 июля, отправил в Москву нарочного с предписанием немедленно выслать «басистого» протодиакона и одного певчего.

Освящение церкви состоялось 3 сентября. На празднование прибыли Апраксин, Головкин, Голицын, но среди гостей, увы, не было главного лица, ради которого были затеяны торжества, – Петра II. Среди гостей не видно было и Остермана, видимо завершавшего обработку своего воспитанника. Вряд ли пушечная пальба и «великая музыка» способны были поднять настроение князя.

Какими способами Остерман приобрел расположение Петра и как он, выполняя обязанности воспитателя и часто находясь с ним в уединении, настраивал его против будущего тестя, мы не знаем. Можно лишь догадываться, что хитроумный интриган использовал слабости натуры царя, чтобы втереться в доверие к своему воспитаннику. Благо достичь желаемого – не стоило большого труда, ибо Петру II ничто так не импонировало, как праздность. Достаточно было потакать лености и не препятствовать забавам, чтобы склонить юного бездельника на свою сторону и превратить его в послушное орудие коварных замыслов.

Перед нами распорядок дня, составленный для Петра 21 июля 1727 года, то есть во время болезни Меншикова. Расписание, автором которого, несомненно, был Остерман, предполагало изучение истории, географии и математики, причем на освоение этих предметов с понедельника по пятницу включительно отводилось всего-навсего 11 часов. В субботу, вероятно, час надлежало использовать для закрепления знаний по географии и математике. Итого 12 часов в неделю на приобретение знаний! Остальное время, а регламенту подлежали часы с 9 часов утра до 7 вечера, предназначалось для всякого рода забав: танцев, игр, верховой езды, стрельбы, музыки.

Правда, по средам и пятницам император должен был приобщаться к управлению государством и в дополуденные часы присутствовать в Верховном тайном совете.³²⁴

Установить, с какой точностью выполнялся распорядок, разумеется, нельзя. Можно проверить лишь факт присутствия Петра II в Верховном тайном совете. Но, как следует из документов этого учреждения, Петр не удостоил его своим посещением ни в июле, ни в августе – он предпочитал вместе с Иваном Долгоруким предаваться удовольствиям.

5 сентября Меншиков с семьей возвратился в Петербург. По пути в столицу он пытался встретиться с Петром, но, кажется, безрезультатно. На следующий день князь отправился в Верховный тайный совет, но никого там не обнаружил. 7 сентября он вновь приехал в Верховный тайный совет и нашел там только князя Голицына и секретаря Степанова. В этот день в столицу возвратился Петр, причем поселился не во дворце Меншикова, а в Летнем дворце, срочно для этой цели приведенном в порядок.

Последовательность событий с 5 по 7 сентября, изложенная нами на основании «Повседневных записок» Меншикова, отличается от описания их у Вильбоа. По словам последнего, Остерман внушил Долгоруким мысль о необходимости убедить Петра

³²⁴ РГАДА, ф. 156, д. 198, л. 8—10.

«удалиться тайно от Меншикова и явиться Сенату, который Остерманом будет вполне собран в загородном доме канцлера графа Головкина, в двух лье от Петергофа. Молодой Долгорукий, продолжает Вильбоа, ободренный отцом, взял на себя обязанность привезти царя. Он всегда спал в комнате его величества, и едва увидел он, что все заснули, то предложил одеться и выпрыгнуть в окошко, ибо комната была в нижнем этаже и невысоко от земли. Царь согласился и выскочил таким образом из комнаты так, что стража, охранявшая дверь, ничего не заметила. По садам перебежал царь с Долгоруким на дорогу, где ждали его офицеры и чиновники. С торжеством проводили его в Петербург, куда Меншиков, уже поздно узнавший об удалении царя, поспешил за ним».³²⁵

В действительности Меншиков прибыл в Петербург раньше Петра. Следовательно, последнему не было надобности вместе с Долгоруким прыгать через окно. Сомнительна и приписанная Вильбоа Сенату роль в событиях – дела в то время вершились не в Сенате, а в Верховном тайном совете.

Светлейший, находясь в Петербурге, уже не сомневался в близости развязки. 7 сентября ему «кровь пушали». «Повседневные записки» обрываются записью, внесенной в пасмурный день 8 сентября. В этот день к Меншикову прибыл курьер Верховного тайного совета с предписанием, не оставлявшим сомнения, что его карьере наступил конец, – ему было запрещено выезжать из дворца. Домашний арест был дополнен царским указом от 9 сентября, объявлявшим все распоряжения, исходившие от Меншикова, недействительными. Указ 9 сентября поставил последнюю точку в повествовании о жизни Меншикова как государственного деятеля. В оставшиеся два года своей жизни он безропотно тянул лямку опального вельможи.

Остерман в эти дни развил бешеную активность – пришло время пожинать плоды своей интриги. В июле-августе он, как и его воспитанник, ни разу не посетил Верховный тайный совет. Теперь, начиная с 8 сентября, он – неперемный участник всех его заседаний. «Докладывано, – читаем в журнале Верховного тайного совета от 9 сентября 1727 года, – его величеству о князе Меншикове и о других по приложенной записке руки вице-канцлера барона Остермана».³²⁶

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГЕРЦОГ КУРЛЯНДСКИЙ

Эта глава возвращает нас, увидевших трагедию падения Меншикова, вспять, к вершине его взлета, к тем месяцам, когда он был действительно полудержавным властелином. Почему автору захотелось остановиться на этом частном эпизоде? Видимо, потому, что в этом эпизоде, как в капле воды, отразился характер светлейшего, его неумное честолюбие, ничем не ограниченное своеволие, которые и привели его к трагическому концу. С другой стороны, этот эпизод интересен тем, что со всей очевидностью позволяет увидеть, как личные амбиции могут быть иногда чреваты трагическими последствиями для судеб всей страны. И наконец, что очень важно, даже в те месяцы, когда никто не смел в открытую выступить против Меншикова и казалось, что он с легкостью необычайной достигал всего, чего хотел, при более пристальном взгляде на события выяснится, что иногда и ему доводилось встречать глухое, но настойчивое сопротивление, которое в конечном счете приводило к краху затеянное. Итак, речь пойдет о герцогской короне Курляндии.

Петр Великий, как известно, положил начало брачным союзам по политическим соображениям. Одну из племянниц, Анну Иоанновну, он выдал замуж за герцога Курляндского. Это герцогство возникло в XVI веке на развалинах Ливонского ордена. Оно находилось под верховным покровительством Польши. По условиям договора 1561 года

³²⁵ Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 154.

³²⁶ Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 271.

герцогством должна была наследственно управлять династия Кетлеров, которой предоставлялось право чеканить монеты, содержать войско, вступать в дипломатические переговоры. Единственное, чего не мог герцог Курляндии, так это без ведома польского короля объявлять войну.

В 1698 году умер герцог Фридрих-Казимир, оставив наследником шестилетнего сына Фридриха-Вильгельма. Под давлением польского правительства его опекуном был назначен дядя – Фердинанд. В ноябре 1710 года в Петербурге отпраздновали пышную свадьбу Фридриха-Вильгельма и Анны Иоанновны. Гвоздем празднества, устроенного во дворце Меншикова, были свезенные со всей страны карлы и карлицы, для которых смастерили специальную мебель и посуду. Из двух разрезанных пирогов вылезли модно одетые карлицы, обратившиеся к новобрачным со словами приветствия. Затем, по свидетельству очевидца, «заиграли менует, и карлицы весьма изящно протанцевали этот танец на столе перед новобрачными. Каждая из них была ростом в локоть».³²⁷

Два месяца брачной жизни сменили долгие годы вдовьего прозябания – в начале 1711 года во время переезда супружеской четы из Петербурга в Курляндию Фридрих-Вильгельм заболел и умер. Вдова тем не менее отправилась в столицу герцогства Митаву (Елгаву. – *Н.П.*), где в скуке и в нужде коротала дни среди чуждого ей курляндского дворянства – потомков немецких рыцарей. Фактическим правителем вновь стал Фердинанд, человек одинокий и замкнутый, не пользовавшийся в верхах управляемого им герцогства ни авторитетом, ни влиянием: в отличие от курляндцев, исповедовавших протестантскую религию, Фердинанд был католиком. Жил он, кроме того, не в Митаве, а в Данциге, откуда, послушно выполняя волю польского короля, управлял герцогством.

Пятнадцать лет Анна терпеливо и покорно провела в замке в окружении скромного штата, постоянно испытывая недостаток в деньгах. В редком письме к Екатерине она не просила о средствах – для поддержания престижа. Она, оказывается, не имела даже «нарочитово» платья, так что ей было неловко появляться в обществе местных дам, богато одетых и щеголявших отнюдь «не убогими» драгоценностями.

Уместно здесь напомнить, что при дворе Анны Иоанновны, где текла унылая и ничем не примечательная жизнь, находился незаурядный человек, которому суждено будет сыграть не последнюю роль в событиях, – Петр Михайлович Бестужев. А пока ему доводилось выполнять троякого рода обязанности: он в должности гофмейстера управлял скудными вотчинами герцогини, эту свою службу совмещал с обязанностями резидента русского двора в Митаве; наконец, до появления Бирона, которому поначалу протезировал, тащил нелегкую ношу фаворита при перезрелой вдове.

В 1726 году в невеселой жизни герцогини мелькнул просвет – появилась возможность выйти замуж. Впрочем, такие возможности бывали и раньше, но ни одна из них не осуществилась – брачные проекты как появлялись, так и исчезали – по политическим мотивам. Дело в том, что сердце вдовы было намертво приковано к герцогской короне, и потому Анна Иоанновна не располагалась своими привязанностями, если за ними мог последовать брачный союз. Тем больше было оснований использовать едва ли не последнюю возможность приобрести законного супруга – она находилась в том критическом возрасте, когда женихами не разбрасываются.

В роли жениха подвизался граф Мориц Саксонский. Он был сыном графини Авроры Кенигсмарк, любви которой долго и безуспешно помогался саксонский курфюрст Август II. Ей в жертву были принесены все прочие придворные дамы, составлявшие гарем курфюрста. Никто не знает, сколько было издержано талеров на фейерверки, пышные празднества, балы и торжественные обеды в честь Авроры, пока, наконец, Август стал ее обладателем. В октябре 1696 года родился сын, которого в честь первой встречи с Авророй Кенигсмарк в замке Морицбург родители нарекли Морицем.

³²⁷ Юст Юль. Записки. М., 1899. С. 259.

Особых способностей дитя любви не выказывало, учился он плохо, но зато в тринадцать лет стал волонтером в армии герцога Мальборо, сражавшейся против французов. В дальнейшем он обнажал шпагу под Ригой и Штральзундом, на этот раз на стороне своего отца против шведов, затем под Белградом против турок. Одновременно он предавался любовным утехам, снискав славу повесы, скитавшегося по европейским дворам. Страсть к женскому полу, как и легкомысленный нрав, он, видимо, унаследовал от своего отца. Во всем же остальном отличался от Августа II. Тот был не только саксонским курфюрстом, но и польским королем. У Морица никаких прав на наследование ни курфюршеской, ни тем более польской короны не было. Перед нами описание его внешности, оставленное Девиером в 1727 году: «А персоною, он, Морис, походит много на отца, токмо выше его и попригожее. К тому же он брунет, только шириною не против отца и носит свои волосы долгие».³²⁸

В 1711 году Август признал его своим сыном, назначив ему на содержание 10 тысяч талеров в год. Восемнадцатилетнего Морица отец женил на самой богатой невесте Саксонии. Брачные узы, однако, мало повлияли на его образ жизни: он продолжал без устали волочиться за дамами, играть в карты и быстро промотал приданое, что послужило причиной семейных раздоров. Ссоры завершились в 1721 году разводом, причем Морицу, как виновнику разрыва, было запрещено вступать в повторный брак. Но он не унывал, продолжал покорять сердца на этот раз парижанок.

Вволю натешившись громкими амурными похождениями и игрой в войну, граф Мориц Саксонский наконец решил обрести пристанище. Для полного счастья ему не доставало самой малости – знатной невесты и семейного уюта. Выбор пал на Анну Иоанновну, вместе с которой он в качестве приданого намеревался получить и герцогство Курляндское. Если быть точными, то матримониальные планы исходили от Августа. Но претворить их было непросто, потому что затея встретила противодействие прежде всего со стороны России. Не меньшего сопротивления следовало ожидать и в самой Польше. Голова Августа II, как уже говорилось, была украшена двумя коронами. Согласимся, что эта ноша была бы обременительной и для более трезвой головы, чем у Августа. Ему частенько приходилось балансировать, ловчить, лгать, изворачиваться, прибегать к разного рода уловкам, особенно тогда, когда интересы Польши резко расходились с интересами Саксонии. Именно с такой ситуацией столкнулся Август, проча своего сына в курляндские герцоги.

Не ради исполнения родительского долга хлопотал Август. Утверждение Морица Саксонского на герцогском троне сулило немалые выгоды прежде всего самому Августу и его Саксонии – курфюрст расширил бы сферу своего влияния и приобрел бы выход к морю. Предполагалось при этом, что Мориц будет выполнять роль марионетки, управляемой из столицы Саксонии Дрездена.

Но утверждение Морица в Курляндии вступало в вопиющее противоречие с планами польской шляхты, давно мечтавшей о включении ее в состав Польши.

В этих условиях Август должен был действовать втайне не только от народа, королем которого он являлся, но и от соседней России, державшей курс на сохранение Курляндией независимости и враждебно встретившей идею избрания Морица герцогом Курляндским.

Август II и граф Мориц начали брачные хлопоты в марте 1726 года, отправив в Митаву своего эмиссара с двумя деликатными поручениями: начать выборы в пользу Морица, а также «проведать у двора ее высочества государыни царевны, может ли он (граф Мориц. – *Н.П.*) приступить к супружеству ее высочества».³²⁹

Опасения отца и сына быстро развеялись: Анна Иоанновна не только не противилась вступить в брак с графом Морицем, но горячо желала породниться с ним.

В то время когда граф Мориц энергично обделывал свои матримониальные дела, двор в

³²⁸ АВПР, ф. 63, 1727, д. 1, л. 86.

³²⁹ Там же, 1726, д. 5, л. 37.

Петербурге, хорошо осведомленный о событиях в Митаве, никак не мог выработать четкой линии поведения. Было совершенно очевидно, что кандидатура графа Морица в герцоги неприемлема, как неприемлемым было и намерение Речи Посполитой включить в свой состав герцогство Курляндское. Что касается своего российского кандидата в герцоги, то здесь велась ожесточенная борьба и соперничество. Отзвуки этой борьбы можно обнаружить в рескрипте, отправленном Бестужеву 31 мая с объяснением причины задержки ответа на его запросы: «...за тем, что мы имели о том здесь довольно и зрелое разсуждение».³³⁰

Прямых свидетельств о расстановке сил среди вельмож у нас нет, но можно высказать не лишнюю оснований догадку – членам Верховного тайного совета удалось отклонить честолюбивые притязания Меншикова и выдвинуть кандидатуру двоюродного брата герцога Голштинского. Противники Меншикова совершали ловкий ход, так как они заручались поддержкой императрицы – герцог Голштинский, двоюродного брата которого прочили в герцоги Курляндские, был ее зятем.

Меншикову понадобилось меньше месяца, чтобы сломить сопротивление противников, – 23 июня послу России в Польше Василию Лукичу Долгорукому была отправлена инструкция с повелением срочно выехать из Варшавы в захолустную Митаву, чтобы возглавить выборы, но не в пользу двоюродного брата герцога Голштинского, а в пользу Меншикова. Это было первое упоминание Александра Даниловича как претендента на титул герцога Курляндского. Светлейший, сказано в инструкции, «яко нейтральной, не может противен быть королям ни польскому, ни прусскому, и никто из них притчины иметь не будет друг другу завидовать». Кстати, к этому времени появилась еще одна кандидатура в герцоги: правитель Фердинанд выдвинул принца Гессен-Кассельского. Инструкция Долгорукому недвусмысленно высказала негативное отношение русского двора как к графу Морицу, так и принцу Гессен-Кассельскому.

А как быть с двоюродным братом герцога Голштинского, которого прочил в герцоги рескрипт от 31 мая? Отныне его кандидатура становилась запасной и ее надлежало назвать лишь после того, как Василий Лукич убедится, что у Меншикова отсутствуют шансы быть избранным.³³¹

В Петербурге назвали и третью запасную кандидатуру: если первых двух претендентов курляндцы «не примут и будут в том весьма упорны», то представить им двух братьев князей Гессен-Гомбургских, которые «ныне в нашей службе обретаются» и к тому же «к курляндскому дому ближним сродством обязаны».

Итак, Меншиков занял первую строчку в списке кандидатов русского правительства в курляндские герцоги. Отправив инструкцию Долгорукому, Меншиков в тот же день, 23 июня, садится в карету, чтобы ехать в Ригу, откуда, как он полагал, ему удобнее будет оказывать давление на непокорных «курляничков» и руководить своими эмиссарами в Митаве. Дело в том, что сведения, полученные князем из Митавы, ставили под сомнение успех всей его затеи.

Первые претензии Меншикова на курляндскую корону были высказаны им, правда, неофициально, в начале апреля 1726 года, а 2 апреля светлейший отправил два письма с одинаковой просьбой: одно в Варшаву Долгорукому, другое в Митаву Бестужеву. Долгорукому он писал: «Вашего сиятельства, истинного моего друга, прошу, извольте в сем случае мне помогать и мою персону у тамошних министров рекомендовать». Долгорукий ответил шифрованным письмом: «Я вашу светлость могу под клятвенно уверить, что все возможные труды прилагать готов, сколько знания и силы моих будет».³³² Василий Лукич

³³⁰ Там же, л. 49.

³³¹ Там же, 1726, д. 8, л. 2–4.

³³² РГАДА, ф. 198, д. 225, л. 28.

не скрывал трудностей. «Я слышу, – писал он, – по правам курляндским не может быть князь курляндской иного закону, кроме лютерского», но счел возможным уговорить курляндцев, чтобы они то свое право «уничтожили».

Бестужев изложил план своих тайных действий: «А понеже тамо (в Митаве. – *Н.П.*) от шляхетства никого из оберратов нет, а кто из них мне приятным будут, я под рукою о том представлять и старание к склонению чинить буду. А чтобы сие весьма тайно было и в том вашей светлости интересов, что можно будет, не упущу».³³³

Однако выполнить щедрые обещания не было возможности. В этом легко убедиться, читая одно за другим донесения Бестужева Меншикову.

14 мая: «Сколько можно об известном деле прилагаю старания, однако ж вашей светлости известно, что мне то надобно делать чрез других, а собою явно ничего делать невозможно, понеже бы о том был в Польше великий шум и жалобы у двора. Того ради мне явно себя показать невозможно, и я уже имею пять персон, которым я обещал подарок по тысячи рублей человеку. И оные обещали, как возможно трудитца».

21 мая: «В деле вашей светлости я великое затруднение имею [...] Как я слышу, единогласно все на графа Морица по рекомендации королевской склонны просить. Я от того не отступаю труд свой прилагать».

28 мая: «В Митаве во известном деле все тихо и оберратов, и других чинов, и шляхетства в Митаве нет ни одного человека».

Не полагаясь на усердие Бестужева, Меншиков отправляет на помощь ему в Митаву двоих доверенных людей: секретаря Франца Вита, ведавшего внешними сношениями князя, и генерал-аудитора Центаровича. Подкрепление, как можно судить из последующих донесений Бестужева, не помогло.

11 июня Вит доложил: «Я и генерал-аудитор о деле вашей светлости, что засвидетельствую самим Богом, неусыпно трудимся, но в таком замешании ничего к пользе не видим».

Впрочем, генерал-аудитор Центарович за пять дней пребывания в Митаве то ли не сумел разобраться в обстановке, то ли сознательно лгал, подыгрывая честолюбию светлейшего, но 7 июня он отправил Меншикову письмо, вселявшее надежду: «Граф Мориц, хотя имеет и многих от своей стороны ему доброжелательных, однако же довольно есть и противных...» Автор письма утешал, что все «по желанию вашей светлости зделается».³³⁴

Финал кампании наступил 18 июня, когда депутаты ландтага единогласно избрали герцогом графа Морица.

О случившемся Меншиков узнал только 24 июня, когда он находился в восьмидесяти пяти верстах от Петербурга. Супруге он писал: «Дорогою встретили курьера от Бестужева с реляцією, ис которой усмотрели, что курлянтское дело совсем окончилось, и все оберраты и депутаты Морица поздравили».³³⁵

По получении известия Меншикову, казалось бы, следовало уgomониться, посчитать дело безнадежно проигранным и отказаться от продолжения борьбы. Положение князя усугублялось еще тем, что, когда карета катила Меншикова в Ригу, в Петербурге произошло событие, ставившее князя в ложное положение: именной указ 25 июня 1726 года вновь называл первым кандидатом брата герцога Голштинского. «Того ради вам напоминаем, – читаем в указе Екатерины В. Л. Долгорукому, – дабы вы имели старание о князе Голштинском. А если на то не будут склонны, то представьте на то им двух братьев Гессен-Гомбургских князей, дабы они из них которого себе избрали». О Меншикове, как

³³³ АВПР, ф. 63, 1726, д. 14, л. 12.

³³⁴ РГАДА, ф. 198, д. 225, л. 103, 104, 117–119.

³³⁵ Там же, д. 1170, л. 399.

видим, ни слова.

Мы не знаем причин, почему этот указ не фигурирует в переписке лиц, причастных к эпопее, – на него не ссылаются ни Меншиков, ни Долгорукий, ни Бестужев. Во всяком случае, Александр Данилович вел себя так, словно такого указа не было. А так как не в его правилах было складывать оружие, полностью не исчерпав всех ресурсов, то он, видимо, полагал, что осталась еще одна возможность поправить свои дела – лично окунуться в свалку. Именно поэтому он, будучи полон самых радужных надежд, ибо без этих надежд в Курляндии ему делать было нечего, продолжал свой путь в Прибалтику.

Официальная цель поездки Александра Даниловича – инспектирование войск, расположенных в прибалтийских крепостях.³³⁶ Подлинная цель – «отвращение» избрания неугодных России кандидатов в герцоги курляндские, и прежде всего Морица Саксонского.

Упреждая события, скажем, что Александр Данилович действовал в Курляндии не лучшим образом, еще раз продемонстрировав отсутствие дипломатических талантов. Он не проявлял изворотливости, не заключал сделок, не шел на компромисс, всецело полагаясь на грубую силу, угрозы и деньги.

Накануне отъезда из Петербурга Меншиков получил письмо от Анны Иоанновны. Герцогиня не решалась выходить замуж за графа Морица без санкции русского двора и просила у светлейшего ходатайства перед императрицей: «Прилежно вашу светлость в том моем деле, по древней вашей ко мне склонности, у ее императорского величества предстательствовать и то мое полезное дело совершить». ³³⁷ Меншиков, однако, отправлялся в Курляндию не для того, чтобы «полезное дело совершить» в интересах Анны Иоанновны, а, напротив, действовать наперекор этим интересам.

27 июня князь прибыл в Ригу, а ранним утром следующего дня туда же приехала налегке, в сопровождении одной служанки Анна Иоанновна и сразу же пригласила Меншикова на беседу. О содержании разговора мы узнаем из двух писем, отправленных в один день – 29 июня. В письме к супруге Дарье Михайловне Меншиков несколько не сомневался в безоговорочной поддержке его затеи Анной Иоанновной: «Оная, кажется, с великою охотою паче всех желает, чтоб в Курляндии князем быть мне, и обещала на то всех курляндских управителей и депутатов склонить». ³³⁸ Другое письмо, адресованное императрице, приоткрывает завесу над тем, какими способами князю удалось склонить Анну Иоанновну к «великой охоте» и как она отказалась от льстившей ей возможности стать супругой красавца графа Морица. Анна Иоанновна, писал Меншиков, «с великою слезною прозьбою» умоляла князя ходатайствовать перед императрицей, чтобы та разрешила ей выйти замуж за Морица Саксонского. В своей просьбе она ссылалась на опостылую вдовью жизнь – «уже сколько лет как вдовствует». Упомянула она и о том, что еще Петр I «имел об ней попечение, уже о ее супружестве с некоторыми особами трактаты были написаны, но не допустил того некоторый случай».

Наступил черед для монолога Меншикова. Князь «со учтивостью» возражал, и если верить ему, то с такой убедительностью, что его собеседница была сразу же обезоружена доводами и тут же решила «все то свое намерение оставить».

Какие же аргументы Меншикова вынудили Анну Иоанновну отказаться от планов, которые она лелеяла неделями?

Светлейший заявил, что утверждение Морица на герцогском троне противно интересам России. Брачному союзу не быть еще и потому, что «ее высочеству в супружество с ним вступать неприлично, понеже тот рожден от метресы», а не от законной жены. Про запас у

³³⁶ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. С. 373.

³³⁷ Письма русских государей. М., 1862. Т. 4. С. 142.

³³⁸ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 405.

светлейшего был еще один аргумент: если герцогом будет избран он, Меншиков, то он гарантирует права Анны Иоанновны на ее курляндские владения: «Ежели же другой кто избран будет, то она не может знать, ласково ль с ней поступать будет и дабы не лишил ее вдовствующего пропитания».

Герцогиня тут же выразила желание, «дабы в Курляндии герцогом быть мне». Более того, она обещала приказать канцлеру Кайзерлингу отменить постановление сейма об избрании герцогом графа Морица. В таком интимном и доверительном ключе, если верить Меншикову, протекала беседа: ни выкручивания рук, ни вдовьих слез, ни истерик, ни угроз, ни стремления выторговать какие-то уступки. В действительности все поведение князя в Риге не оставляет сомнений в том, что главный аргумент, на который он уповал, была сила. Нажиму Меншикова вдова могла противопоставить только слезы. Ей ничего не оставалось, как принять условия и даже пообещать свою помощь.

Но победой Меншиков тешил себя недолго. В первом часу ночи из Митавы в Ригу прибыли Долгорукий и Бестужев с обескуражившим известием, решительно перечеркивавшим все успехи князя: курляндцы отклонили кандидатуру как его, Меншикова, так и принца Голштинского. «Меня, – доносил светлейшей императрице 29 июня, – для веры, а принца Голштинского, что еще молод». Сколько ни уговаривал оберратов и как ни угрожал им Долгорукий отступить от своего постановления – все его усилия оказались тщетными, оберраты стояли на своем.³³⁹

К такому афронту Александр Данилович не привык – он велит закладывать карету, чтобы мчаться туда, где лежала корона, – в Митаву. Приехал он в столицу герцогства 29 июня и провел там четыре беспокойных дня, в течение которых у него было несколько важных встреч.

Если бы Александр Данилович обладал достаточной проницательностью, он бы легко убедился, что ни Анна Иоанновна, ни граф Мориц, ни оберраты не склонны к уступкам и готовы решительно противодействовать его намерениям. Но Меншиков уже привык, чтобы ему все повиновались, что он полудержавный властелин огромной империи и что стоит ему проявить твердость, как все, кто стоял к нему спиной, повернутся лицом и с заискивающей улыбкой будут ждать его повелений. 2 июля он извещал Дарью Михайловну: «Здесь дела, кажется, порядочно следуют, а так ли оканчиваются, как ее величеству угодно – не знаю. А по обращению здешней шляхты многим о Морице быть отменам».

Не исключено и другое объяснение странной настойчивости Александра Даниловича: у Меншикова были все основания участвовать в курляндской эпопее – напомним, что он отправился к границам Курляндии, а потом и в Митаву или для того, чтобы самому овладеть герцогской короной, или не допустить, чтобы она оказалась на голове графа Морица. Вторая половина задачи приобрела еще большую злободневность после избрания Морица герцогом.

Граф Мориц навестил Александра Даниловича в первый же день приезда его в Митаву. До этого им встречаться, похоже, не доводилось, но заочно они были знакомы. Еще 1 июня Мориц Саксонский обратился к Меншикову с посланием, в котором просил светлейшего помочь заручиться поддержкой императрицы, без которой, как он писал, «все мое дело может быть уничтожено». Взамен этой услуги Мориц соблазнял князя какимито заманчивыми обещаниями: «Я без замедления в Санкт-Питербурх прибуду и, прибыв, вашей светлости проект сообщу, который будет к пользе вашей светлости, моей и еще двух особ. Сей проект гораздо полезным, нежели курляндский».³⁴⁰ Александр Данилович, видимо, на приманку не клюнул.

Очное знакомство соперников сопровождалось беседой, не доставившей обоим удовольствия. Князь сообщает императрице в донесении от 3 июля об этом разговоре.

³³⁹ Там же, д. 321, л. 5–8.

³⁴⁰ Там же, д. 225, л. 156.

Меншиков без обиняков объявил собеседнику, что его утверждение герцогом императрица не допустит «и чтоб оной ис Курляндии выехал».

Мориц: «Никогда того не надеялся, чтобы то вашему величеству было противно, понеже то избрание учинено в вольной элекции курлянской по правам, и при том мене просил, чтоб я представтельством своим к вашему величеству его в Курляндии удержал и утвердил».

Меншиков: «Я об нем иметь старания готов, но заподлинно знаю, что ваше величество тому будет противиться».

Мориц обещал князю «знатную сумму», если тот будет ему помогать. Князь ответил готовностью уплатить такую же сумму Морицу, если тот будет ему помогать в избрании. «И хотя оной, – продолжал Меншиков, – весьма упорствовал, но видя такие ко опровержению его представляем резоны, склонился, что он тою суммою будет доволен и ис Курляндии выедет, и о утверждении моем Курляндским герцогом будет чрез короля и своих приятелей искать способу».³⁴¹

Светлейший, видимо, не отдавал отчета, с каким легкомысленным человеком имеет дело, и поверил его обещаниям. Эту веру Мориц подкрепил тем, что состряпал письмецо к своему родителю Августу II с просьбой помочь Меншикову стать герцогом: «Он желает, государь, чтобы я обратил ваше внимание на его интересы, и так как я хочу удостоверить его в том, что они мне очень близки, то и прошу ваше величество иметь особое попечение».

Вернемся, однако, к событиям в Митаве. Из описания графом Морицем своего свидания с Меншиковым можно сделать вывод, что тот не придавал серьезного значения ни переговорам, ни своим обязательствам. В письме к австрийскому посланнику при русском дворе графу Рабутину он иронизировал: «Меншиков явился сюда как властитель рода человеческого» – и рассказывал о своих попытках выдворить князя в Ригу, для чего ему пришлось придумывать «всевозможные извороты и не знал, как бы благовидно предложить ему 100 000 руб[лей]; сказал, что тот из нас двоих, кто будет утвержден королем польским в звании герцога Курляндского, даст эту сумму другому.

Он ударил по рукам и попросил у меня рекомендательное письмо к королю. Признаюсь, что я никак не ожидал подобного предложения, оно показалось мне странным и слишком забавным для того, чтобы я отказался от него. Он сказал мне, что из этого письма извлечет большую выгоду и что станет смотреть на него как на безусловную мою уступку».³⁴²

Меншиков несколько не сомневался, что два барьера на пути к намеченной цели он уже преодолел: герцогиню он убедил отказаться от брачных уз с Морицем Саксонским, а сам Мориц не только отказался от герцогской короны, но и обещал хлопотать, чтобы она украсила голову его, Меншикова. Достигнутые успехи надлежало формально закрепить постановлением сейма, но вот как добиться того, чтобы сейм, двумя неделями раньше единогласно и с выражением восторга избравший герцогом графа Морица, теперь отменил свое избрание и провозгласил герцогом Александра Даниловича?

Большинство оберратов после выборов тут же разъехались по деревням. В Митаве налицо оказалась лишь их незначительная часть. Князь держал перед ними речь, прибегал к выражениям отнюдь не дипломатического свойства: «...он их Сибирью страшал и при том им сказывал: по их правам не довлеет им б... сына в свое братство принимать, а ныне-де оне б... сына над собою в герцоги выбрали». Тон обращения Меншикова к депутатам порицал даже его доверенный человек, секретарь Вит, остроумно заметивший: «Когда мы хотим птиц

³⁴¹ Там же, д. 321, л. 14.

³⁴² Карнович Е. Вмешательство русской политики в избрание Морица Саксонского герцогом Курляндским с 1711 по 1748 г. // Древняя и новая Россия. СПб., 1875. Т. 3. С. 65, 66.

ловить, то не надобно в них дубинками бросать».³⁴³ Тем не менее Меншиков был твердо убежден, что он достиг чего хотел: от графа Морица добился обещания покинуть Курляндию и отказаться от короны, а от оберратов – созвать в течение десяти дней сейм для отмены постановления от 18 июня. На сейме должны были присутствовать те же оберраты, которые избрали герцогом графа Морица.

Удовлетворенный обещаниями, Меншиков в 9-м часу 2 июля отбыл в Ригу. Вполне возможно, что светлейший выехал из Митавы не по собственной инициативе, а по настойчивым рекомендациям Василия Лукича.

Находясь в Риге, Меншиков зорко следил за событиями в Митаве – между городами то и дело, даже в ночные часы, сновали курьеры, отправляли их и принимали от них почту в любое время суток. Вскоре князь убедился, что дал себя обмануть и оберратам, и графу Морицу. Стоило светлейшему покинуть герцогство, как Мориц Саксонский забыл и думать о выполнении своего обещания.

На следующий день после отъезда Меншикова из Митавы Долгорукому сообщили «за секрет», что сторонники Морица посоветовали ему не покидать Курляндии. «Того для я, – извещал Долгорукий Меншикова, – увидя его, Морица, на утре при дворе, говорил ему, чтоб из земли здешней выехал, как он не однажды мне обещал, а тех бы советников не слушал. Он мне сказал, что ехать отсюда никто ему не отговаривал и уверил меня, что конечно завтра поедет отсюда из земли здешней».³⁴⁴

4 июля Меншиков отвечал: «Мы уповаем, что граф Мориц по обещанию своему из Митавы выехал. Того ради, ваше сиятельство, да изволите послать за ним вслед верного человека, который бы смотрел, покуда он, Мориц, за курлянскую границу выедет».³⁴⁵

Граф Мориц в который раз надул Меншикова, а вкуче с ним и Долгорукого. Выполняя распоряжение Меншикова, Василий Лукич выяснил, что граф преспокойно развлекается в усадьбе, расположенной в трех милях от Митавы. «Того для я ищу такого человека, через кого б к нему приказать, чтоб он из здешней земли выехал». «Такого человека» Долгорукий в конце концов сыскал. Им оказался «ево, Морицев, кавалер Глазнов». Его-то и пригласил к себе Василий Лукич. «И я с ним к Морицу приказывал, чтоб из сея земли выехал, как он обещал, и хотел пространнее с ним приказывать, только он, Глазнов, детина молодой и не может резонов моих понять».³⁴⁶

Передал ли несмышленный «детина молодой» слова Долгорукого графу Морицу, мы не знаем, но 13 июля Меншиков получил новое донесение из Митавы, из которого явствовало, что Мориц отправился в Литву «видеться з друзьями и просить, чтоб на литовском трибунале элекцию (избрание. – Н.П.) его утвердили». Но 17 июля Мориц вновь появился в Митаве.

И Меншиков, и Долгорукий были отозваны в столицу.

Пока Меншиков находился в Митаве и с княжеской щедростью расточал угрозы, оберраты выражали покорность и на все соглашались. Но стоило ему выехать в Ригу, как они проявили такую строптивость и непослушание, что ни уговоры, ни угрозы Долгорукого на них не действовали.

Уже 3 июля Долгорукий, имея в своем распоряжении копию «обещательного письма» (приглашения депутатов прибыть на сейм), «высмотрел» в нем, «что во оных имянно не пишут того, чтоб прислали сюда депутатов». Долгорукий внес в проект письма дополнение,

³⁴³ РГАДА, ф. 198, д. 225, л. 149, 150.

³⁴⁴ АВПР, ф. 63, 1726, д. 11, л. 4.

³⁴⁵ Там же, д. 8, л. 67, 68.

³⁴⁶ Там же, д. 11, л. 3.

но канцлер заявил: «Того им учинить невозможно, чтоб звать депутатов».

Впрочем, канцлер обещал поговорить с другими министрами, но «не чает, чтоб они могли то сделать». «Прошу вашу светлость, – заканчивал свое послание Меншикову Долгорукий, – приказать на сие ответу ко мне отписать, дабы я знал, чем завтра поутру мне с ними то окончать».

Можно представить, как был разъярен Александр Данилович и сколько бранных слов произнес он в адрес склонных к обману оберратов, когда получил это известие от Долгорукого. Успокоившись несколько, он 4 июля велел сочинить два письма, адресованных в Митаву: одно Долгорукому, другое канцлеру Кайзерлингу. Тон письма к канцлеру был достаточно резким и даже ультимативным. Меншиков писал, что он осведомлен о нежелании канцлера и оберратов вызывать депутатов и выполнять обещание открыть сейм через десять дней. «Ежели ж будете производить к продолжению какой обман, то ис того произойти может худое следование. [...] Я уповаю, что ваша милость рассудит к предосуждению высокие чести, е. и. в., ис чего ни малого добра следовать не может, но наипаче через такие свои поступки можете привести всю землю в несчастье». ³⁴⁷

Послание Александра Даниловича курляндскому канцлеру составлялось, как видно, под воздействием эмоций и могло вызвать немало неприятностей. Поэтому опытный дипломат, прочитав письмо, воздержался от вручения его адресату, а светлейшему ответил, что, поступая так, он руководствовался по крайней мере тремя соображениями.

Во-первых, «по указу е. и. в. представляет он (Долгорукий. – *Н.П.*) его светлость тамо в кандидаты, а его светлость понуждает к собранию сейма противно их воли, ибо удобнее то его светлости делать ласкою, а не с озлоблением».

Во-вторых, письмо содержит угрозы, которые должны были привести к военному конфликту: светлейший обвинял оберратов в попрании чести императрицы; Долгорукий видел за этим обвинением далеко идущие следствия – «сие ему мнится зело сильно написано, ибо ежели он (Кайзерлинг. – *Н.П.*) по тому его светлости письму того дела не поправит, то по всем регулам упустить того никак будет нельзя, а наказать их кроме разорения нечем. А тот способ остатней».

Наконец, в-третьих, не следует прибегать к угрозам – вдруг оберраты заупрямятся. Упрямяство нельзя оставить без последствий, точнее, без наказания. Осуществляя его, Россия ввергнется в конфликт с Польшей, которая «то за великую противность принять может». ³⁴⁸

Подобного внушения светлейшему выслушивать не доводилось, видимо, много лет. Но скандала удалось избежать, Данилыч стерпел и внял разумным советам. Более того, он даже остался доволен, ибо отправил в подарок Долгорукому два бочонка венгерского с посланием: «Изволите, ваше сиятельство, принять и во здравие употреблять». ³⁴⁹

Согласившись с доводами Долгорукого, что передавать письмо Кайзерлингу нецелесообразно, Меншиков не расставался с мыслью, что оберратам все же следует пригрозить, и в очередном послании поручил Долгорукому разъяснить, причем «в обществе, а не порознь», публично и всем, что их отказ вызвать депутатов в Митаву на сейм будет воспринят императрицей «за знак уничтоживанья склонности к протекции ее величества». То есть Долгорукий должен был пригрозить непокорным оберратам вторжением русских войск в Курляндию. Напротив, если они изберут в герцоги угодного России кандидата, то Курляндии будет гарантирована не только «протекция», но и сохранение ее суверенитета.

Переговоры, употребляя современную терминологию, зашли в тупик или, как выразился Долгорукий, «здешнее дело стало». Меншиков полагал, что он исчерпал все

³⁴⁷ Там же, д. 6, л. 12.

³⁴⁸ РГАДА, ф. 198, д. 225, л. 38, 39.

³⁴⁹ АВПР, ф. 63, д. 8, л. 40.

аргументы, кроме одного – силы. Он и обратился к императрице за разрешением на ввод в Курляндию русских войск.

«И понеже, по-видимому, явный их во всем отказ и обман, того ради ваше величество не изволите ль повелеть для предупреждения тех их факций, не допуская до совершенного действия, генералу Бону с командою или несколькими полкам, когда придут к Риге, вступить в Курляндию, то надеюсь, что все курляндчики иного мнения воспримут и будут то дело производить к лучшей пользе интересов вашего величества. Буде же обходитца с ними ласково, то не надеюсь от того их замышленного дела отвратить».³⁵⁰

В Петербурге чрезмерная настырность князя вызвала поначалу настороженное, а затем и резко отрицательное отношение.

Уже в указе 11 июля проскальзывает явное недоверие к действиям Меншикова.

«Но что надлежит до того, что вы их принудили держать новый ландстаг, дабы учинить избрание вновь по предложению князя Василия Лукича, то мы не знаем, будет ли то к пользе к нашим интересам и к нашим намерениям, понеже мы избрание графа Морица наипаче тем опорочили, что оное учинено противно правам Речи Посполитой».

Но столь же будет «противно правам Речи Посполитой» приемлемый для России герцог, ибо кандидатура его не была согласована с поляками, а курляндские чины не перестанут заявлять о том, что избрание производилось по принуждению. Указ выражал опасение, чтобы «ссоры с королем и Речью Посполитой вдруг не учинить».

Недоверие к Меншикову выражалось в том, что отныне он должен был принимать решения только после обсуждения вопроса с В. Л. Долгоруким – «с общего с ним согласия».

Указ Меншикову 11 июля был недобрым предвестником. Вслед за ним последовал отзыв светлейшего из Риги в Петербург под благовидным предлогом: в столице, дескать, нуждались в его советах по поводу «некоторых новых и важных дел».хлопоты о судьбах герцогской короны Меншиков вручил Долгорукому, но и тому долго заниматься ими не довелось – 19 июля именным указом ему тоже следовало выехать из Митавы. Поскольку курляндцы «и донныне, – сказано в указе, – в вызывании сейму зело стоят упорно, объявляя, что то будет их правам противно, того для вам долго там быть незачем, но получа сие, не мешкав, поспешайте к нам».³⁵¹

Итак, два главных действующих лица в курляндской эпопее были отозваны именными указами. А какова была судьба третьего лица, причастного к делу, – П. М. Бестужева?

После приезда в Митаву Долгорукого имя Бестужева перестает фигурировать в официальной переписке: не без того, что его заслонил собой влиятельный и стоявший на более высокой ступени служебной иерархии В. Л. Долгорукий. Но главная причина, почему Бестужева отстранили от дел, была в неудовольствии князя.

Поначалу отношения между Бестужевым и Меншиковым были доброжелательными. Во всяком случае письма Бестужева к Меншикову свидетельствуют о постоянной готовности Петра Михайловича оказывать разного рода услуги светлейшему: то он взыскивал с курляндской шляхты деньги, одолженные у Меншикова, то посылал светлейшему в подарок платки, то извещал его о модах и одежде, то подыскивал модного портного, который бы согласился приехать в Петербург, чтобы обслуживать княжескую семью. В одном из писем Бестужев клялся Меншикову в верности и признательности не только за себя, но и за своих детей и убеждал его, что «акроме высочайше милостивой вашей высококняжеской светлости протекции на свете себе нигде не имею и другого инде не ищу». Правда, в письмах 1723–1724 годов личные мотивы исчезли, и письма Бестужева стали сугубо служебного характера. После двухлетнего охлаждения отношения вновь наладились, и Бестужев в мае

³⁵⁰ РГАДА, ф. 198, д. 321, л. 17, 18.

³⁵¹ АВПР, ф. 63, 1726, д. 8, л. 19–23.

1725 года просил князя принять какой-то «малой презент».³⁵²

Прошлое во взаимоотношениях Бестужева и Меншикова, как видим, хотя и не было совершенно безоблачным, но не дает оснований говорить о закоренелой неприязни, ни явной, ни скрытой. И вдруг над головой Бестужева разразилась гроза – по настоянию Меншикова его срочно вызвали в Петербург для следствия. Князь в письме к Долгорукому потребовал, чтобы тот выпроводил Бестужева из Митавы в течение двух дней после получения письма, «хотя б оный был, как ваше сиятельство объявляете, весьма болен».³⁵³

Чем не угодил Бестужев полудержавному властелину?

Смысл предъявленных Бестужеву обвинений сводился к тому, что он не только не противодействовал поползновениям Морица на герцогскую корону, но даже потакал его притязаниям. В то же время он не радел об интересах Меншикова. Его обвиняли в том, что он мало противодействовал созыву элекционного сейма. Среди «курляничков», полагал Меншиков, были лица, считавшие его созыв противозаконным, но Бестужев, вместо того чтобы поддержать их возражения, присоединился к тем, кто домогался созыва сейма и избрания Морица. Другое прегрешение резидента состояло в том, что он поддержал требование сторонников Морица, чтобы в честь его избрания был отслужен молебен. Когда суперинтендант возразил канцлеру Кайзерлингу, что молиться за Морица еще рано, то последний будто бы ответил: «Сего часу у меня был Бестужев, который сие хочет, чего для исполнить надлежит».

Вина Бестужева, далее, усматривалась и в том, что он якобы встал на защиту некоего шляхтича, совершившего тяжкое преступление – заколол придворного музыканта. Сейм ходатайствовал об освобождении шляхтича от наказания, и Бестужев, вместо того чтобы предать убийцу суду, – простил его. «И тако сей невинной пролитие крови остался на нем, Бестужеве». Но главное, в чем обвинялся Бестужев, – это что он не противодействовал матримониальным планам Морица и Анны Иоанновны. При этом следовали записи диалогов: «Приехав Бестужев к лантгофмейстеру, сказал: „Имею-де я указу от е. и. в., чтоб князя Меншикова им представить“.

Лантгофмейстер ему ответствовал: „Ты-де слуга герцогини, а стараешься о том, что против ее интереса. Я-де и ты давно уже думали о принце Морице, чтоб ему допомогать и супружество с ее высочеством исходатайствовать. А ныне говоришь о князе Меншикове. Он-де на герцогине жениться не может. Для чего-де ты делаешь противу интересу герцогини“.

Бестужев: „То-де правда“».

Обвинения основывались на слухах, досужих разговорах и догадках. Неопровержимых улик у Меншикова не было, и он, чтобы располагать документами и свидетелями, распорядился опечатать документы Бестужева и выслать в столицу его секретаря Шульцига и переводчика Гавриила. И того и другого – «для обличения» Бестужева.

Самоуправство светлейшего вызвало протест Анны Иоанновны. Дело в том, что Бестужев наряду с обязанностью резидента русского двора выполнял и обязанности гофмейстера герцогини и среди опечатанных документов находились дела по управлению вотчинами. Произвол князя был использован Анной Иоанновной как повод для поездки в Петербург с жалобой на него, куда она отправилась 16 июля 1726 года.

В итоге столица империи ожидала приезда четырех человек: Меншикова, Долгорукого, Бестужева и Анны Иоанновны. Отправлялись они туда с разными чувствами и настроениями – одни садились в карету с радостью и радужными надеждами на будущее, другие – отправлялись в неизвестность, преисполненные волнениями и тревогами.

Более всех был рад отозванию в столицу князь Василий Лукич. Указ с повелением

³⁵² РГАДА, ф. 198, д. 391, л. 30, 40, 44, 46, 51, 67.

³⁵³ Там же, д. 22, л. 30.

ехать в Петербург, подписанный 19 июля, Долгорукий получил неделю спустя и в тот же день, 26 июля, отрапортовал: «...сего числа поеду отсюда ко двору вашего императорского величества».³⁵⁴

Князь Долгорукий долгое время жил за пределами России и успел привыкнуть к светской роскоши и блестящему обществу. В последнее время он был послом в Варшаве, а теперь после веселой и беззаботной жизни, где балы чередовались с маскарадами и зваными обедами, ему довелось сидеть в такой дыре, где хотя и был двор, канцлер и министры, но за всей этой опереточной мишурой проступали бедность и затхлая атмосфера глубокого европейского захолустья. Недовольство своей жизнью в Митаве он и не скрывал. Еще не зная об отзыве, Долгорукий писал Макарову 17 июля: «О здешнем вам донести нечего, кроме того, что живу в такой скуке, в какой отроду не жывал. Ежели б были у окон решетки железные, то б самая была тюрьма, но только того недостает. Коли час бывает покойный, нельзя найти никакого способу, чем забавитца, такая пустота».

Волнение и озабоченность не покидали светлейшего с тех пор, как он получил вызов из Риги, и до той минуты, пока, облегченно вздохнув, не закрыл дверь покоев, в которых его принимала императрица. Не случайно Александр Данилович, прибыв в Петербург, отправился не к себе во дворец, в лоно семьи, а во дворец, чтобы развеять сгушавшиеся над собою тучи.

Содержание четырехчасовой беседы Меншикова с императрицей никто не знает. Конечно же, делового разговора продолжительностью в четыре часа Екатерина выдержать не могла, но князю наверняка пришлось немало потрудиться, чтобы отвести угрозу падения.

Итак, Александру Даниловичу удалось устоять. Это была, пожалуй, последняя неприятность, пережитая светлейшим перед окончательным падением.

У Бестужева, выехавшего из Митавы 17 июля, были свои заботы. Мозг сверлила мысль, чем может закончиться столкновение с Меншиковым – хорошо, если наказание ограничится опалой, лишением должности и «отлучением» от двора. Могло быть и гораздо хуже: ссылка в Сибирь не могла считаться, полагал он, самым тяжким для него наказанием.

То, что произошло с Бестужевым, – труднообъяснимо. Известно, что Меншиков не успокаивался до тех пор, пока не сметал с пути своего противника. Бестужев никак не пострадал, но сумел оправдаться и уже в сентябре 1726 года находился в Митаве, откуда продолжал отправлять донесения в Коллегию иностранных дел.

Вполне вероятно, что за Бестужева замолвила словечко тетушке-императрице герцогиня, прибывшая в Петербург раньше, чем там появились Меншиков и Бестужев.

Короче, Бестужев отделался легким испугом. Кто ему, помимо императрицы, помог выкарабкаться из беды? Этого мы не знаем. Ясно, что он обрел мощную поддержку в правительственных кругах, иначе ему было бы не выпутаться из сетей, расставленных Меншиковым. Ясно и другое – силы, поддерживавшие Бестужева, одновременно являлись силами, противостоявшими Меншикову. Это их стараниями были осуждены действия светлейшего в Курляндии, а сам он был отозван в Петербург. Кем они были представлены: Головкиным, Остерманом или Толстым?

Коротко о герцогине. Судьба оказалась к ней такой же неблагоприятной, как и к Меншикову. Подобно светлейшему, курляндская эпопея не принесла Анне Иоанновне ни радостей, ни выгод. Не поправил ее дел и выезд в Петербург.

О цели ее поездки в северную столицу источники сообщают лишь глухие сведения. Перед отъездом она, например, заявила: «Даст Бог я скорее буду в Питербурку, нежели князь Меншиков. Я-де все то зделаю, что желаю». Чего «желала» герцогиня, догадаться нетрудно, – она отправлялась добывать себе Морица в супруги.

Анна Иоанновна делала все от нее зависящее, дабы стать под венец. Она дважды посылала своего доверенного «к оберратам и депутатам с предложением, чтобы поскорее

³⁵⁴ АВПр, ф. 63, 1726, д. 11, л. 59.

отправляли депутатов до ее императорского величества всероссийской для исходатайства мариажа с Морицом». Более того, она перед отъездом в Петербург даже «намерена была ехать в Литву и с Морицом венчаться». На последнее она не рискнула, ибо к середине июля окончательно прояснилась позиция русского двора, решительно протестовавшего против матримониальных планов герцогини и Морица. И все же у Анны Иоанновны, как и у Морица, теплилась надежда, что они сумеют уговорить императрицу. Это явствует из содержания разговора между ними: «Ее высочество изволила сказать: „Я признаваю, что вашей светлости много доносят, но вы не изволите всему верить“».

На что граф Мориц отвечал: „Правда, что мне много говорено, однако же я одним ухом слушаю, а другим выпускаю“.

И просил, „чтоб ее высочество постоянно пребывала, а я надеюсь з Божиею помощью, что у двора все хорошо делается“». ³⁵⁵

Избирательная борьба в Курляндии еще долгое время занимала умы правящей верхушки и в Петербурге, и в Варшаве, но поскольку она уже не касалась Меншикова, то на последующих событиях остановимся кратко.

Вести двойную игру Августу II становилось все труднее. На Гродненском сейме Речи Посполитой, созванном в октябре 1726 года, было принято постановление о присоединении Курляндии к Польше. Королю, по словам Бестужева, на сейме было заявлено: «Ежели он тому будет противен, то конечно имеют конфедерации и короля Станислава призвать могут». Ради сохранения польской короны Августу пришлось поступиться как интересами курфюрста, так и интересами собственного сына. Избрание Морица герцогом, по свидетельству того же Бестужева, он дезавуировал.

В Петербурге тоже продолжали интересоваться курляндской проблемой. В канун Нового, 1727 года Екатерина подписала генерал-полицеймейстеру столицы Антону Девиеру две инструкции: одну открытую, для всеобщего сведения, другую – секретную. По первой из них Девиер отправлялся в Кенигсберг и Гданьск, чтобы закупить «для заводу хороших жеребцов и кобылиц», а также различных тканей и разных изделий для нужд двора: парчи, бархата, тафты, позументов и прочего.

Подлинную цель вояжа определяла секретная инструкция. Девиер должен был выяснить расстановку сил в Курляндии в связи с возможными выборами герцога: много ли среди курляндчиков сторонников русской ориентации, «искусным образом» стараться умножать их число, не останавливаясь перед подкупамися влиятельных лиц.

Девиеру сразу стало ясно, что среди курляндских дворян Мориц пользовался огромной популярностью: «Здесь все ради ево носят такое платье, какое он, Морис, и тем знать дают, что любят ево. Також и ездит часто к ним по деревням, а иногда между собою шляхта в компаниях говорит: надобно-де нам за него умереть».

Сведения о популярности Морица в Курляндии оказались крайне полезными для правительства России. В новой инструкции, подписанной 4 февраля 1727 года, главная задача Девиера сводилась не к вербовке сторонников России, которых, видимо, было немного, а к нейтрализации влияния Морица.

Итак, никому из главных действующих лиц курляндское дело не принесло удовлетворения: ни граф Мориц, ни князь Меншиков не обрели герцогской короны. Мориц, кроме того, не обрел семейного очага, и ему суждено было оставаться скитальцем. Анна Иоанновна продолжила вдовью жизнь, ибо не получила согласия на брак. Помощь ее придворным кругам оказалась тщетной: свалить Меншикова не удалось. Несостоявшийся герцог Курляндский не унывал – год с лишним он все еще держался у власти, оставаясь фактически главой правительства колоссальной империи.

СРЕДИ ВЕЛЬМОЖ

³⁵⁵ Там же, д. 5, л. 43, 47.

Светлейший занимал в придворной иерархии и среди чиновной элиты особое место. Даже вельможи самого высокого ранга никогда не забывали, что имеют дело с человеком, который вхож к царю, а также имеет много способов давления на него через царицу, кабинет-секретаря, гофмейстеров и гофдам и прочих приближенных персон.

Вельможи рангом ниже либо прямо зависели от князя, поскольку находились у него в подчинении по службе, либо выступали перед ним просителями. Среди них особую группу составляли лица, обязанные Меншикову своим возвышением, положением при дворе и материальными благами. И хотя карьера некоторых проходила наилучшим образом, и они в конечном счете сами становились сановниками – светлейший их третировал и считал обязанными до конца дней его оказывать услуги. Своим возвышением такие вельможи, как, например, Макаров и Курбатов, были обязаны исключительно Меншикову, и это обстоятельство наложило свою печать на отношение его к ним.

Но это отнюдь не значит, что у Меншикова складывались со всеми такие ровные и безмятежные отношения, не прерываемые ни временными размолвками, ни жестокой враждой, перераставшей в смертельные схватки, как правило заканчивавшиеся победой светлейшего. И равные, и зависимые не были одноликой массой.

Как, например, складывались отношения между Меншиковым и другими «птенцами гнезда Петрова»? Борисом Петровичем Шереметевым, Петром Андреевичем Толстым, Алексеем Васильевичем Макаровым, Федором Матвеевичем Апраксиным? Или появившимся позднее Андреем Ивановичем Остерманом?

Интригующе загадочна близость двух сподвижников царя – Шереметева и Меншикова. В самом деле, что может быть общего между представителем древней аристократической фамилии и безродным выскочкой. Правда, с тех пор, как местничество было объявлено «богомерзким» и судьба свела боярина и бывшего пирожника в одну упряжку, прошло без малого два десятилетия, но истории хорошо известно, сколь медленно исчезают существовавшие столетиями традиции. Образованнейший аристократ второй половины XVIII века князь Михаил Михайлович Щербатов и столетие спустя после отмены местничества претендовал на особое положение феодальной аристократии в обществе и осуждал введенную Петром Великим Табель о рангах.

При живучести традиций сближение аристократа с выскочкой можно объяснить либо взаимной заинтересованностью того и другого в дружбе, либо терпимостью, точнее, покладистостью боярина, сумевшего подавить чувство брезгливости и своего превосходства, чтобы накоротке общаться с человеком, только недавно стоявшим в самом низу общественной лестницы. Возможно, Борис Петрович в душе и презирал своего «брата», как он величал Меншикова в письмах к нему, но это презрение было спрятано так глубоко, что никогда ни в чем не проявлялось.

Заинтересованность Шереметева в приятельских отношениях с Меншиковым понять нетрудно. Достаточно обратиться к письмам Шереметева к Александру Даниловичу, чтобы уяснить, что тот поддерживал дружбу с фаворитом не бескорыстно – он умел из нее извлекать и материальные выгоды, в особенности в годы, предшествовавшие Полтавской виктории. Обращаясь в этот период к Меншикову, Шереметев неизменно писал: «Государь мой и брат Александра Данилович». Нередки слова, свидетельствующие о фамильярных отношениях между корреспондентами: «Пожалуй, братец, вразуми меня», или «...челом бью тебе, братец», или «...умилосердися, батька и брат, Александр Данилович».

После получения Меншиковым титула князя Римской империи слово «братец» исчезло из писем Шереметева, оно было заменено почтительным и более официальным: «Светлейший князь, мой крепчайший благодетель». Полтавская победа к титулу светлейшего прибавила звание второго фельдмаршала, чем усложнила формуляр обращения: «Светлейший князь, господин генерал-фельдмаршал, мой особливой благодетель».

Первые из известных нам писем Шереметева к Меншикову датированы 1704 годом. В последующие четырнадцать лет, вплоть до самой смерти Бориса Петровича в феврале 1719

года, переписка его с Меншиковым не прекращалась, хотя отношения между ними далеко не всегда были безоблачными; причина тому и разногласия, и соперничество военачальников. Натянутыми они были летом 1708 года, когда более опытный в военном деле Шереметев указывал на непростительные тактические просчеты Меншикова, командовавшего кавалерией в Литве. Следов недовольства приездом Меншикова в 1710 году под Ригу, где Шереметев вел осаду крепости, документы не отмечают, однако вряд ли такой приезд «благодетеля», даже «крепчайшего», мог вызвать восторг у Бориса Петровича – известно, что Меншикова туда направил царь, раздосадованный на Шереметева, не сумевшего полностью блокировать Ригу. Командующим русскими войсками, отправлявшимися в 1715 году в Померанию, был назначен Шереметев. Кандидатура Меншикова, к его вящему неудовольствию, царем была отклонена.

Размолвки соперников носили временный характер, натянутость исчезала, причем похоже, что руку примирения первым протягивал Борис Петрович. Сила влияния фаворита на царя Шереметеву была хорошо известна, и поэтому он предпочитал иметь в его лице приятеля, а не недруга.

По-дружески Шереметев донимал Меншикова просьбами довольно часто. Первый раз он обращается к Александру Даниловичу в 1704 году, чувствуя себя незаслуженно обиженным царем, он взывал к посредничеству. «А жалованья мне против моего чина нет. Всем его, государева, милость жалована, а мне нет. И вины мне никакой не объявлено». Плакаться Борис Петрович умел, в этом его, кажется, никто не мог превзойти: «Ей, государь мой, братец, в нищету прихожу. Тебе известно, что ниоткуда ни копейки мне не придет. А будучи в Польше, все лишнее надобет: харчи, и напитки, и платье». Завершает письмо просьба: «Умилосердися, батька и брат, Александр Данилович, вступишь ты за меня и подай руку помощи». Из письма следует, что это не первая услуга Меншикова такого рода. Александр Данилович был причастен и к предшествующим пожалованиям: «...как прежнюю всякую милость получал чрез тебя, государя моего, так и ныне у тебя милости прошу». Усердие своего благодетеля Шереметев поощрил авансом – он отправил в дар Александру Даниловичу одиннадцать голов породистого скота: десять голландских коров и быка.³⁵⁶

В следующем году два новых обращения к своему «братцу» – на этот раз Меншиков мог выполнить просьбы сам, не обращаясь к царю. Первая совсем пустяковая – фельдмаршал просил, чтобы адъютантом к нему был назначен его сын. Вторая посущественнее, ибо, выполняя ее, Меншикову надлежало нарушить царский указ. Шереметев, живописуя, как и всегда, преувеличивал нависшую над ним угрозу: «...не дай мне вовсе разоритца». Суть просьбы фельдмаршала состояла в том, чтобы Александр Данилович распорядился прекратить перепись жителей в основанных им в Белгородской округе селах Борисовке и Понашивке, населенных сплошь беглыми крестьянами. Шереметев резонно опасался, что как только руководимая Меншиковым Семеновская канцелярия приступит к переписи крестьян, так они разбегутся: «...ей, все разбредутца и будет пуста».³⁵⁷

Подавив сопротивление астраханцев, восемь месяцев державших в городе власть в своих руках, Шереметев полагал, что его заслуги царь тут же щедро наградит. Петр медлил, и фельдмаршал решил поплакаться Меншикову. «Мой чин забвенна положен, пришло, что жить мне нищенски», – плакался Шереметев в собственноручной цидуле. Не удержался он и от суждений морального плана: «Не мне то будет стыт, знают, что мне взять негде. И ныне я бил челом без тебя, и в деньгах не жалован, а поехал с Москвы с печалью и в скудости великой».

Последний раз с подобной просьбой Шереметев обратился к Меншикову сразу же после Полтавской баталии, за участие в которой он был пожалован вотчиной Черная Грязь,

³⁵⁶ Архив ФИРИ, ф. 83, оп. 1, картон 2, д. 282, л. 1, 2.

³⁵⁷ Там же, картон 4, д. 72, л. 1; д. 189 а, л. 1; картон 5, д. 160 а, л. 2.

тоже не без помощи Меншикова. При оформлении документов на пожалование канцеляристы допустили оплошность – не включили в грамоту пустошь Соколову. Шереметев тут же сел за письмо своему «особливому» благодетелю и брату: «Ежели той пустоши мне отдано не будет, то и помянутая Черная Грязь не надобе».

В 1709 году Шереметев просил об особом пособничестве Меншикова. Брат фельдмаршала ослушался повеления царя и вместо отправки своего сына за границу устроил свадьбу, женив его на дочери князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского. Разгневанный царь велел брата Бориса Петровича Василия отправить забивать свай, а его супругу – на прядильный двор. Шереметев и сам хлопотал за брата, и обратился с просьбой о «предстательстве» к Меншикову: «Принужден я вашу светлость ради брацкой своей болезни просить о брате Василье, дабы ваша светлость соизволили по своей ко мне высокой склонности к его царскому величеству предстательство учинить о деле ево».

Иногда Борис Петрович спрашивал у Меншикова, как ему поступить в том или ином случае. Справедливости ради отметим, что сами вопросы, задаваемые Меншикову Шереметевым, свидетельствовали скорее о лукавстве и осторожности последнего, нежели о его некомпетентности. Так, он советовался, как разумнее использовать только что назначенного царем в его армию генерал-поручика Георгия фон Розена. «Пожалуй, братец, – обращался Шереметев к Меншикову 25 мая 1705 года, – подай мне благой совет, которой ему полк дать, или не изволите ль дать ему полк из новоприборных драгунских, которые с Москвы будут, чего он и сам желает. И вразуми меня, как с ним обходитца».

На эти несложные вопросы мог ответить и сам Шереметев, но он пожелал обезопасить себя от возможных неприятностей: а вдруг фон Розен станет противиться или, напротив, с жалобой обратится полковник, освобожденный от должности, которую ему приходилось уступить заезжему иноземцу.

Такая же залетная птица поставила в тупик Шереметева годом раньше. «Пожалуй, братец, вразуми, как мне обходитца з господином генералом Шанбеком и с командою ево всех полков. Как он во Псков приехал, сам ко мне не едет и никово не присылает, и никакова мне указу о себе не объявит, и письма ко мне государева и твоево о том нет».³⁵⁸

Шереметев, конечно же, знал, как надо поступить «з господином генералом», в поступках которого сквозило явное высокомерие, неуважение к русскому фельдмаршалу и элементарное нарушение воинской дисциплины. Тем не менее Борис Петрович и в этом случае не рискнул принять решение, вероятно рассудив, что раз Шанбек ведет себя столь вызывающе и нагло, то он, возможно, пользуется покровительством либо царя, либо царского фаворита.

Чем мог расплачиваться с Меншиковым Шереметев? Шереметев не мог быть полезным Меншикову в такой же мере, как Меншиков Шереметеву. Из приятельских отношений Борис Петрович извлекал вполне материальные выгоды. Ничтожные услуги, оказываемые Александру Даниловичу Шереметевым, нельзя поставить рядом с хлопотами Меншикова о награждении фельдмаршала денежным жалованьем или вотчинами.

Чтобы угодить Меншикову, Борис Петрович несколько раз поступался личными удобствами. 27 марта 1705 года он писал: «Изволил ты ко мне приказывать о дворе, чтобы я не оскорбился, уступил. Ей-ей, с радостью уступаю». Точно так же поступил Шереметев в 1708 году, когда ожидал приезда светлейшего в Бешенковичи: «Домы для прибытия вашей светлости отведены, которых лутчи нет, а я свой двор очистил».

Советы, изредка даваемые Шереметевым Меншикову, тоже нельзя признать значимыми. Когда в 1704 году Меншикову понадобился офицер для учета артиллерии в Пскове, Шереметев ответил, что такового у него нет и тут же пояснил: «А которой есть у меня поручик остался во Пскове, ей, малоумен, не токмо чтоб такое дело управить и себя одна не управит». В следующем году Меншиков намеревается назначить командиром

³⁵⁸ Там же, картон 11, д. 288, л. 1; картон 12, д. 73, л. 2; картон 4, д. 93, л. 3; картон 2, д. 251, л. 1.

полка князя Волконского. Борис Петрович подает дружеский совет воздержаться от этого: «Ей, великая твоя к нему милость, только истинно тебе доношу, что он болен и такова дела ему не снесть. Покорне у тебя милости прошу, естли возможно и не во гнев милости твоей будет, пожалуй ево ко мне по-прежнему, а на ево место изволь у меня взять самаго доброва человека» – и далее следуют имена кандидатов в полковые командиры.³⁵⁹

Возникает вопрос, чем же привлекала Меншикова дружба с Шереметевым? Источники на этот счет немые. Остается предположить, что Меншиков руководствовался соображениями не материальной, а моральной выгоды – безродному выскочке, на первых порах не обремененному ни чинами, ни званиями, было лестно дружить с представителем древнего аристократического рода. Александр Данилович конечно же не утаивал, что боярин называл его своим братом и крепчайшим благодетелем. Время наибольшей близости между ними падает на годы до получения Меншиковым княжеского титула. Именно в эти годы Борис Петрович изливал в письмах нежные чувства. «Зело я порадовался слышать о твоём счастливом возвращении, желаю душевно видеть очи твои», – писал Шереметев 27 марта 1705 года. Три недели спустя: «Ей, государь, братец, кроме любви твоей и надлежащих нужд рад к тебе ехать от самой скуки». Только очень близкие люди могли обмениваться посланиями, подобными тому, что отправил Шереметев Меншикову в июле 1704 года, когда просил прихватить с собой «пивца и ренского» и тут же проявил интерес и к закуске: «А буде в постной день – и рыбки. Я ныне сам воду пью, с уксусом, для того – побежал наскоро».

Последний раз приятели обменялись подарками в 1711 году. В августе этого года после завершения неудавшегося Прутского похода Борис Петрович извещал Меншикова: «Ис турецкой добычи несколько имею аргамаков и из оных самого лутчего со всем убором до вашей светлости, моему прелюбезному брату, обещаю». Перед отправкой в поход Шереметев воспользовался лошадьми Меншикова. На это светлейший писал: «Что ж изволили взять из моей конюшни трех лошадей, и то за щастие почитаю, а за назначенный мне от вашего превосходительства ис турецкой добычи презент вашему превосходительству паки благодарствую».³⁶⁰

Но даже в годы наибольшей близости Шереметева терзали сомнения в истинности дружбы к нему «крепчайшего благодетеля и брата». Свидетельством тому служит доверительное письмо, отправленное Шереметевым 4 марта 1705 года самому близкому ему человеку – Федору Алексеевичу Головину. Письму предшествовали неприятные для Шереметева события: 26 февраля к нему в Витебск прибыл Меншиков с царским указом об изъятии из-под его команды пехоты. Указ так сильно подействовал на фельдмаршала, что тот даже занемог. Меншиков утешал Бориса Петровича. Своими горестями и сомнениями Шереметев поделился с Головиным: «Какою то манерою учинено и для чего – тоже Творец сведом, только попремногу опечалился и в болезнь впал, на что сведом он, Данилович, и много со мною разговаривал, и ни на которые мне слова не дал ответу, из злобы ли или из склони мя – тот же единый сведом; только я скупым своим разумом не мог разсудить, почто ради».³⁶¹

Шереметев заподозрил Меншикова в двуличии и лицемерии: он полагал, что Александр Данилович расточал ему слова утешения и сочувствия для вида, а на самом деле исподтишка действовал в ущерб его интересам. Но фельдмаршал в этом случае ошибался – из переписки Меншикова с царем явствует, что Александр Данилович не интриговал.

³⁵⁹ Там же, картон 4, д. 83, л. 1, 2; картон 7, д. 113, л. 1; картон 2, д. 222 а, л. 1.

³⁶⁰ Там же, картон 4, д. 29, л. 1; картон 2, д. 189 в, л. 1; Заозерский А.И. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 185.

³⁶¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. С. 327, 328.

Отношения, не покоящиеся на духовной близости, согреваемые всего лишь меркантильными соображениями, не могли быть прочными. Рано или поздно, когда одна из сторон переставала извлекать из дружбы какую-либо выгоду, наступало охлаждение, а затем и разрыв. Именно так завершились отношения между Меншиковым и Шереметевым в те тяжкие месяцы, когда первому фельдмаршалу России приспело время расставаться с жизнью. Его письма к Апраксину и Меншикову, которых он считал своими друзьями, наполнены скорбью и чувством одиночества. «Страшит меня зело моя болезнь, сподоблюся ли я вас видеть», – писал Борис Петрович Апраксину в апреле 1718 года. Призывы Шереметева к состраданию и надежде услышать ласковое слово не нашли отклика ни у Апраксина, ни у Меншикова.

Возможно, что отчуждение было обусловлено гневом царя, полагавшего, что Шереметев умышленно хоронится в Москве, не желая прибыть в новую столицу для участия в суде над царевичем Алексеем, – поддерживать приятельские отношения с человеком, оказавшимся в опале, было рискованно. Кроме того, в глазах друзей Шереметев утратил всякий интерес, ибо медленно угасал и ничем не мог быть им полезен. Христианская мораль, обязывавшая откликаться на чужое горе, хотя и не была чужда Меншикову и Апраксину, но не овладела их сознанием в такой мере, чтобы совершать бескорыстные поступки. Именно поэтому Шереметеву не приходилось надеяться на бескорыстное «предстательство» и «братскую дружбу и любовь» своих вельможных друзей.

Показательны письма Шереметева к Меншикову, отправленные в 1718 году из Москвы, где его задержала смертельная болезнь. В марте он жаловался на произвол ландрата Парфена Захарова, прибывшего в его вотчины выколачивать провиант. Захаров «всех старост и подъячих собрав, бил, снем рубашки, батожем, и не знаю, оные люди от тех побоев будут ли живы». Письмо заканчивалось мольбой: «Прикажи нас по братцкой любви от таких нападений оборонить».

В том же марте Шереметев просил Меншикова «оборонить» от нападок другого ландрата – Бука, – бесчинствовавшего в прибалтийских владениях фельдмаршала. Борис Петрович готов был отблагодарить взаимной услугой. В одном из писем он сообщал, что прослышан о желании светлейшего обменяться с ним «деревеньками», и высказал готовность совершить сделку: «Я как еще издавна вам братцки служил, так и ныне воли вашей не преслушник».

Мы не знаем, приложил ли Александр Данилович какие-либо усилия, чтобы помочь Шереметеву, но доподлинно известно, что о содержании писем ему докладывали. Это явствует из помет на посланиях Бориса Петровича. Но на одном из последних – нет даже и помет. 14 июня фельдмаршал извещал Меншикова, что болезнь «час от часу круче умножается – ни встать, ни ходить не могу, а опухоль на ногах моих такая стала, что видеть страшно», и просил известить царя, что болезнь, а не иная причина задерживает его в Москве. «И в сем вашем милостивом предстательстве вашей светлости на брацкую дружбу и любовь весьма надежен. И покорно прошу на сие увестить меня, что позоветца».³⁶²

Призыв о помощи не нашел отклика, а само письмо осталось без ответа. Через четыре месяца Меншиков отправил Шереметеву извещение, что он и Адам Вейде назначены президентами Военной коллегии, которая в соответствии с царским указом «с будущего 1719 года начатися имеет». Шереметев напряг силы, чтобы 29 октября подписать официальный ответ президентам. В нем он заверил, что отправил указы «во все команды, дабы неотменно с предбудущего 1719 года поступали и исполняли». Под письмом сухо официально: «Слуга Борис Шереметев».³⁶³ Таков был финал некогда приятельских отношений двух фельдмаршалов.

³⁶² РГАДА, ф. 198, д. 1046, л. 8, 9, 12–14, 19, 23.

³⁶³ Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 25. С. 468.

Отношения светлейшего с графом Петром Андреевичем Толстым строились на иной основе, чем с Шереметевым. Толстых вряд ли можно причислить к аристократическим фамилиям. Хотя Петр Андреевич и вел свою родословную с XIV века и считал, как тогда было принято, своим предком выходца из Пруссии, представителям рода не удавалось приблизиться к подножию ни великокняжеского, ни царского трона. Наибольших высот достиг отец Петра Андреевича, носивший довольно заурядный чин стольника.

Первые самостоятельные шаги Петра Андреевича были столь опрометчивыми и недальновидными, что, казалось, они обрекали его на полную безвестность и прозябание в какой-либо глухомани, где он должен был, как и его предки, служить в уездной администрации. Дело в том, что Петр Андреевич в 1682 году, когда началось соперничество между Петром и Софьей в борьбе за власть, принял сторону царевны, участвовал в кровавых событиях 15–17 мая, подстрекал стрельцов к бунту и расправе со сторонниками Петра. Это он распространял среди стрельцов ложный слух об умерщвлении Нарышкиными царевича Ивана.

Верх одержали сторонники Петра, и, совершенно очевидно, всех, кто поддерживал Софью в ее притязании на власть, ожидала опала. Не составил исключения и Толстой, выдворенный из столицы в Устюг Великий, чтобы там, вдали от центра политической жизни, тянуть лямку воеводы.

Незаурядные дарования Толстого не остались незамеченными Петром, и он нашел им достойное применение. После поездки Петра Андреевича в Италию, где он, уже будучи дедом, наряду с юнцами овладевал азами военно-морских премудростей, в карьере его начался новый этап – он медленно стал продвигаться в ряды вельмож. Медленно потому, что царь хорошо знал, что Толстой был приверженцем Софьи и Милославских и добровольно отправился изучать военно-морское дело не ради любви к морю и кораблестроению, а чтобы угодить ему, царю.

Петр использовал способности Толстого не в военно-морском деле, а на дипломатическом поприще – в 1702 году он отправил его послом в Османскую империю. Петр Андреевич провел в Стамбуле двенадцать томительных лет, умело представляя интересы России перед султанским двором. Главное, чего он достиг, – ему удалось предотвратить нападение Порты в самый трудный для страны момент, когда Карл XII, находясь на Украине, осаждал Полтаву. Тогда шведам и османам ничего не стоило объединенными усилиями разгромить Россию.

Сближение между Толстым и Меншиковым произошло после 1714 года, по возвращении Петра Андреевича из Стамбула в Петербург.

Первые письма Толстого к Меншикову датированы 1716 годом, когда Толстой сопровождал царя в заграничной поездке. Уже тогда в переписке улавливаются близкие отношения между ними. И если дружба с Шереметевым складывалась в годы расцвета фавора Александра Даниловича, его наибольшей близости царю, то приятельские отношения с Толстым относятся к годам падения влияния Меншикова, когда Александру Даниловичу самому приходилось искать заступничества и он искал его у людей, чье влияние при дворе возрастало. Толстой как раз и принадлежал к таким людям.

Что за услуги оказывал Меншиков Толстому, неизвестно. Но ими тот пользовался довольно часто, ибо то и дело благодарил светлейшего. «Премного... благодарствую за высокую вашей светлости милость к домашним моим», – писал Толстой в 1716 году, а в 1717 году из Парижа благодарил «за прочие милостивые к дому моему призрения». В 1719-м из Берлина изъявлял благодарность за «обещание о содержании в милости своей домашних моих».

В других случаях Толстой просил оказать внимание, но в чем оно состояло – неясно: «О чем будет просить сын мой Иван, благоволи показать в том милость и великое споможение»; в другой раз он просил «содержать во своей милости сына моего Ивана, как мне изволили милостиво обещать». Лишь однажды просьба была конкретной: взрыв

порохового погреба в Петербурге разрушил дом Толстого, и Петр Андреевич просил петербургского губернатора помочь восстановить дом: «... дать мне работников для собрания разметанного двора моего». ³⁶⁴ Одна просьба принадлежит к числу исключительных. С ней Толстой обратился из Вены, где находился проездом в связи с делом царевича Алексея.

Петр Андреевич не без основания считал, что его усердие, приложенное к возвращению царевича на родину, далеко не все в России оценят одинаково. Рвение Толстого в одних кругах вызывало одобрение, в других – осуждение и, быть может, желание выразить ему свое нерасположение какой-либо враждебной акцией. 21 августа 1717 года он отправил из Вены письмо, в котором наряду с обычной просьбой «содержать меня в высокой своей милости» имеется просьба защитить его от нападков недоброжелателей: «... в прибытии его царского величества в С.-Петербург милостиво меня охранить, ежели кто из немилостивых ко мне похочет мене чем вредить».

Участие Меншикова и Толстого в деле царевича Алексея, несомненно, скрепило их отношения более тесными узами. После гибели царевича летом 1718 года наступила пора наибольшей близости: Толстой без риска вызвать раздражение обращался к Меншикову с ходатайствами не только за себя и своих родственников, но и приятелей и даже знакомых. В архиве сохранилось несколько исключительных по ценности цидулок, передающих с поразительной непосредственностью и яркостью дух времени:

«Прошу вашу светлость о сем листоподавце, сотвори к нему милость в прощении ево, понеже отец ево – приятель мне – и убедил меня просить об нем вашу светлость». Еще более выразительна другая цидулка, полученная Меншиковым в том же 1718 году. В ней Толстой обратился к Меншикову за конкретной «милостью», чтобы тот пристроил «листоподавца» на доходное место провиантмейстера. «Понеже, – мотивировал свою просьбу Петр Андреевич, – того чина достоин». Основание прежнее: «... понеже отец ево мне добрый приятель и свойственник». Доверительные отношения с Меншиковым сподобили Толстого «дерзновением просить» за Наума Чоглокова, «чтоб благоволил ево принять милостиво и иметь в своей протекции». Причина та же: Чоглоков «из давнего времени был при брате моем Иване Андреевиче, и мне приятель». Лишь единственный раз Толстой обосновал свое обращение за протекцией не приятельскими или родственными отношениями с «листоподавцем», а его способностями и навыками. Толстой рекомендовал Меншикову некоего Корецкого и просил содержать его в своей милости, «понеже человек добрый и зело умной». ³⁶⁵

Чем мог услужить Толстой Меншикову, какими возможностями он располагал, чтобы не чувствовать себя обязанным фавориту и таким образом сохранить свою независимость? Таких возможностей у Петра Андреевича было немало, и Александр Данилович с выгодой для себя ими пользовался.

Князь – человек дела и поэтому рассчитывал на помощь Толстого в делах, более всего волновавших его. В конечном счете Меншиков в своих ожиданиях не ошибся – он получил множество писем Толстого, в которых тот извещал, что выполнил его поручение. 5 ноября 1716 года Толстой отправил известие из Шверина о своем ходатайстве перед Екатериной, чтобы та «милостиво к вашей светлости изволила спомоществовать». Предметом разговора с царицей скорее всего были долги Меншикова казне. Посредническую роль Толстой исполнял еще раз. Князь прислал ему письмо с перечнем работ, выполненных им за время отсутствия в столице царской четы, и просил прочесть его царице. Петр Андреевич выполнил поручение и тут же поделился произведенным впечатлением не только на царицу, но и царя: «Могу вашу светлость уверить, что во всех делах труды и управление вашей

³⁶⁴ РГАДА, ф. 198, д. 963, л. 2, 13, 25, 43, 45, 153, 155, 159.

³⁶⁵ Там же, л. 60, 103, 106, 161, 164.

светлости его царскому величеству и государыне царице зело угодны».

При случае Толстой готов был предупредить князя о грозившей тому опасности, например о попытке Речи Посполитой лишить его земельных владений. Польский посол накануне своего отъезда из России предъявил претензии на маестности светлейшего в Речи Посполитой. Толстой, участвовавший в конференциях, поспешил известить князя: «Оной посол прилежно упоминал о чине и маестностях польских вашей светлости, о чем хотя и много спорено, однако ж видится, что король и Речь Посполитая намерены нечто противное делать как о чине, так и о маестностях вашей светлости».

Самая серьезная опасность подстерегала Меншикова в почепском деле. Оно в 1718–1719 годах еще не привлекало пристального внимания царя, но князь, с порога отметававший все выдвинутые против него обвинения, оставаясь наедине с собой, все же полагал, что ему несдобровать, если расследование дела возьмет в свои руки царь. Именно поэтому Меншиков лихорадочно спешил закрыть почепское дело, используя ходатаями множество людей, в том числе и Толстого. Петр Андреевич не заставил себя уговаривать. «Получил я вашей светлости письмо от господина Писарева о известном деле», – извещал он Меншикова. Под «известным делом» подразумевается почепское дело. Тут же высказана готовность порадеть: «Буду трудиться по изволению вашей светлости колико возможность будет». ³⁶⁶ Из последующих писем Толстого явствует, что речь шла об отправке межевщиком почепских земель Ивана Мякинина.

Расследование почепского дела, как и финансовых злоупотреблений князя, затянулось на многие годы. Положение князя Петр Андреевич не считал безнадежным. Во всяком случае он полагал, что время работает на светлейшего, и тому ничего не оставалось, как вооружиться терпением: «Прошу вас, мой государь, употребить на несколько времени терпения, а я уповаю, что со временем все изправится в вашу пользу». Прогноз Петра Андреевича не подтвердился: Меншиков уцелел, но должен был расстаться со всеми незаконными приобретениями на Украине.

Справедливости ради отметим, что Толстой не принадлежал к числу людей, которые, подобно Макарову, слепо, безоговорочно и, можно сказать, безрассудно во всем и всегда поддерживали светлейшего. Петр Андреевич был себе на уме и соразмерял степень своего участия в «предстательстве» за Меншикова с возможными последствиями этого «предстательства», боясь потерять кредит у царя, а вместе с ним и положение при дворе.

До сих пор мы рассматривали отношения Меншикова с Толстым сквозь призму их материальных выгод: светлейший покровительствовал Толстому и членам его семьи, а Толстой, в свою очередь, наряду с другими вельможами вносил свою лепту, чтобы отвести удар от князя. Но письма Толстого были ценны Меншикову сами по себе: из них поступали ценнейшие сведения. Когда царь и царица находились не в столице, главное, что более всего интересовало князя, это здоровье царя и царицы. Меншикову было лучше, чем другим известно, что ни Петр, ни Екатерина не отличались богатырским здоровьем. Не хуже он знал и другое – все, что он имел: богатство, чины и должности, – было получено от царя. Случись с ним беда – не миновать беды и светлейшему – надо постоянно находиться в курсе событий, дабы вовремя отвести от себя угрозы и остаться на плаву. Смерть царицы тоже влекла за собой утрату для Меншикова, правда, меньшего масштаба – в этом случае он лишался бы своей заступницы, не раз смягчавшей удары петровской дубинки. Поэтому светлейшего настораживали письма Толстого, отправленные из Копенгагена, Амстердама или Парижа с известиями о болезни царя или царицы.

Не могло не вызвать тревоги у Александра Даниловича письмо Толстого из Амстердама 18 января 1717 года, в котором тот сообщал, что царица после родов продолжала жить в Везеле, «понеже от родимой болезни еще не в совершенном здравии. К тому ж, государь, и печаль о кончине государя-царевича Павла Петровича еще свежа в

³⁶⁶ Там же, л. 1, 91, 162.

памяти». Нездоровилось и Петру, причем недомогание у него, как и у супруги, носило затяжной характер. 5 февраля Толстой писал: «Его царское величество, как и государыня царица, приходят в доброе здравие». «Приходят», но еще не пришли, то есть полное выздоровление не наступило. Лишь 17 февраля царь впервые вышел из покоев, о чем Толстой поспешил уведомить своего корреспондента: «Его царское величество вчерашнего числа изволил из квартиры своей впервые выгттить во Адмиралтейство здешнее». Чувство тревоги оставило Меншикова лишь после утешительных сведений, полученных от Толстого из Спа, где в июле царь принимал воды: «Здешняя вода немалую пользу здравью его величества приносит».

Косвенную информацию о здоровье царя содержали сообщения о переездах царя и о том, как он проводил время, – больному человеку, естественно, не до путешествий или развлечений. 4 марта Толстой в письме из Амстердама извещал Александра Даниловича, что царь не выехал в Гаагу вследствие того, что «здесь, около Амстердама, забавились гулянием и, чаю, еще дни три или четыре не поедem». 20 мая из Парижа: царь «изволил вчерашнего числа пойттить из Парижа на ловлю зверей». Прочитав это сообщение, Меншиков без риска ошибиться мог судить о великолепном самочувствии царя, ибо он в угоду хозяевам отправился на охоту, которой, кстати, никогда не увлекался. К такому же умозаключению князь мог прийти, читая письмо Толстого, отправленное из Нижнего Новгорода 31 мая 1722 года: царь «изволил праздновать день рождения своего здесь благополучно».³⁶⁷

Сведения о здоровье царской четы текли к Меншикову по разным каналам: от братьев Олсуфьевых, Макарова и многих других. Но существовала такая сфера деятельности царя и его дипломатов, где внешние наблюдения были мало полезны, надобно было участвовать в этих событиях. Здесь ни Олсуфьевы, ни даже Макаров, да, пожалуй, никто другой не мог поделиться с князем теми сведениями, какие мог дать Толстой – человек, находившийся в гуще дипломатических событий, их активный участник. Речь идет о переговорах, которые Петр Андреевич вел по поручению царя с английским королем, французскими и датскими министрами.

Чем могли быть полезны Меншикову полученные сообщения? Не надо забывать, что Меншиков после отъезда царя за границу в 1716 году остался в России, как тогда говорили, первым министром, на плечи которого ложилась вся тяжесть подготовки страны к ожидавшимся военным действиям на вражеской территории. Указ царя об организации десанта в 1717 году был отправлен Меншикову и Сенату еще 13 октября 1716 года. Меншиков отвечал царю 2 ноября того же года: «Мы здесь в приуготовлении операций, сколько Бог помощи подает, трудиться будем».³⁶⁸ Чтобы соразмерить свои усилия, надо было в точности знать, как развивались отношения с союзниками, насколько реальны их планы участия в совместных военных действиях против шведов, как велась подготовка к высадке десанта. Именно поэтому его интересовал каждый шаг, предпринимаемый в этом направлении царем, русскими дипломатами, и в частности П. А. Толстым.

Вельмож еще более сближало дело царевича Алексея – их роль в нем не ограничивалась, как у большинства прочих, подписью под приговором, оба они активно участвовали в следствии, а Толстой, как известно, привез сына царя из Италии в Россию. Сближала общность судеб – им, конечно же, не сносить головы, если царевичу будет сохранена жизнь и он когда-либо окажется на троне.

Примерно с 1722 года наступает охлаждение и в этой дружбе. Мы в точности не знаем, чем оно было вызвано – усилившимся соперничеством за влияние на царя или иными причинами. Скорее всего, почепским делом. Толстой, как и другие вельможи, был уверен – Александр Данилович глубоко увяз и ему уже не выпутаться, падение фаворита – дело

³⁶⁷ Там же, д. 963, л. 21, 28, 53, 34, 43, 193.

³⁶⁸ Материалы. СПб., 1865. Т. 2. С. 150, 152.

недалекого будущего.

Свидетельством утраты прежней близости могут служить письма Толстого к Меншикову из Каспийского похода; они резко отличаются от его писем, отправленных в 1716–1717 годах из Амстердама, Гааги и Парижа, насыщенных сведениями, столь угодными адресату. Теперь сведения о событиях, свидетелем или участником которых был находящийся на юге Толстой, полностью отсутствовали. Письма 1722 года можно, скорее всего, отнести к письмам вежливости, холодным и пустым по содержанию.

Три года спустя наступила пора нового сближения, на этот раз кратковременного. Оно было вызвано обоюдной опасностью, в которую вовлекла их смерть Петра Великого. Ситуация вынуждала их крепко держаться друг друга и направить всю энергию на то, чтобы преградить путь к престолу сыну погибшего царевича и вручить корону овдовевшей императрице.

Час, когда Екатерина была возведена на престол, стал часом отсчета времени начавшегося между ними соперничества, постепенно перераставшего в бескомпромиссную вражду.

Соперничество стало достоянием иностранных наблюдателей, в частности французских дипломатов Кампредона и Маньяна. Сведения о событиях при русском дворе и их оценки, даваемые послами, не всегда достоверны, нередко они, как и другие иностранцы, принимали желаемое за действительное, а иногда заведомо ложно описывали происходившее, чтобы выпятить свою роль. Тем не менее их донесения, взятые в совокупности, в общих чертах правильно отражали ход событий, роль в них вельмож, а также и отношения между ними.

В первые месяцы после вступления на престол Екатерины перевес в соперничестве, по-видимому, принадлежал Толстому. Приведем выдержки из донесений Кампредона.

17 февраля 1725 года: «Наиболее доверенным лицом и ее (Екатерины I. – *Н.П.*) министром является, по-видимому, Толстой. Это человек даровитый, скромный и опытный. Государыня каждую ночь советуется с ним».

3 марта: Толстой «стал теперь правой рукой царицы. В последних событиях он служил ей с ловкостью и успехом изумительными. Это лучшая голова в России. Он прожил до старости посреди государственных дел и ведет их так же искусно, как и осторожно».

24 апреля: «Толстой самый доверенный и бесспорно самый искусный из министров царицы».

29 мая: «Между министрами заметно сближение. Канцлер Головкин, так же как и Ягужинский, начинают придерживаться Толстого, влияние коего все возрастает».

9 июня: «Все, что ей (императрице. – *Н.П.*) днем говорится и обсуждается, взвешивается и направляется ночью ею и Толстым, ловким дипломатом, который делает вид, будто отдаляется от дел и не вмешивается ни во что, кроме совещаний Сената».

Толстому, однако, недолго довелось выполнять роль самого близкого советника императрицы. Уже в апреле 1725 года Толстого начинает оттеснять Меншиков. Обратимся к свидетельствам того же Кампредона.

7 апреля: «Чрезмерные милости к коему (к Меншикову. – *Н.П.*) возбуждают недовольствие всех прочих сенаторов».

14 апреля: «Если и происходит некоторое внутреннее волнение в умах министров, то лишь из-за стремления их поколебать влияние князя Меншикова».

21 апреля: «Милости к Меншикову все увеличиваются».

3 мая: «Князь Меншиков пользуется величайшею властью, какая может выпасть на долю подданного».³⁶⁹

Укрепление позиции светлейшего сопровождалось падением влияния Толстого. Оно поубавилось даже в таких вопросах, где его компетентность не вызывала никаких сомнений и где он до этого считался хозяином положения. 6 апреля 1726 года Кампредон доносил о

³⁶⁹ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58. С. 8, 33, 105, 158, 179, 254, 348, 359, 360.

поведении императрицы, явно ущемлявшей престиж Толстого: в Верховном тайном совете «не постановлялось никакого решения без предварительного просмотра его Остерманом». Чтобы избежать унижительной для себя процедуры согласования решения с Остерманом, Толстой предпочитал не являться на заседания Верховного тайного совета, если на нем отсутствовал барон: «... Он (Толстой. – *Н.П.*) никогда не потерпит, чтобы его мнение было подчинено мнению Остермана, чего можно избежать, высказываясь обоим одновременно».³⁷⁰

Верхом честолюбия Меншикова являлся его план породниться с царствующей династией путем брачного союза его дочери с великим князем Петром Алексеевичем. Положение тестя императора предоставляло Александру Даниловичу огромную и практически безграничную власть. Бороться с полудержавным властелином после осуществления матримониальных планов было бы столь же бесполезно, как и рискованно. Именно поэтому Толстой предпринимает шаги, чтобы расстроить планы Меншикова.

Маньян, сменивший на посту французского посла в России Кампредона, доносил в Париж 25 марта 1727 года, что Петр Андреевич не остался безучастным свидетелем безрассудного, с его точки зрения, поступка императрицы, благословившей намерения светлейшего. Сначала к матери обратились с просьбой отменить решение две ее дочери – Анна и Елизавета. «К ним, – продолжал Маньян, – присоединился и Толстой, с которым царица не посоветовалась раньше. Он еще энергичнее принцесс представил ей, какой непоправимый вред нанесет она себе и своему семейству, поставив притом и вернейших слуг своих не только в невозможность приносить ей отныне какуюлибо пользу, но и в необходимость отшатнуться от нее. Ибо, говорил Толстой, он не может скрыть, что и сам предпочитает скорее погибнуть, чем ждать тех страшных последствий, которые он предвидит от подобного согласия; ему явственно представляется топор, готовый упасть на голову государыни и всех ее детей, чего, впрочем, заключил Толстой, ему, может быть, не придется увидеть».

Поначалу казалось, что Толстому удалось убедить императрицу. Но Меншикову достаточно было провести со смертельно больной Екатериной еще одну тайную беседу, чтобы «получить от нее решительное подтверждение данного прежде согласия».³⁷¹

С донесением Маньяна перекликается текст «Краткой истории жизни графа Толстого, составленной консулом Виллардо».³⁷²

Во время беседы с императрицей Толстой, согласно версии Виллардо, будто бы ей сказал: «Ваше величество, я уже вижу топор, занесенный над головой ваших детей и моей. Да хранит вас Господь, сегодня я говорю не из-за себя, а из-за вас. Мне уже больше 80 лет, и я считаю, что моя карьера уже закончена, мне безразличны все события, счастливые или грозные, но вы, ваше величество, подумайте о себе, предотвратите и избежите удара, который вам грозит, пока еще есть время, но скоро будет поздно».

Когда он увидел, что у царицы не было сил забрать назад слово, данное Меншикову, он ушел с твердым намерением – во что бы то ни стало предотвратить вступление на русский трон молодого великого князя.

Если бы аудиенция Толстого у императрицы состоялась, то, вне всякого сомнения, она нашла бы прямое или косвенное отражение в отечественных источниках. Между тем ни один из них, в том числе такой первостепенный, как материалы следствия по преступлениям петербургского полицеймейстера Антона Мануйловича Девьера, об аудиенции не сообщает ни слова.

³⁷⁰ Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 64. С. 311.

³⁷¹ Там же. С. 529, 530.

³⁷² Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 222, 223.

Для заключения Девиера под стражу и его пыток был использован, как известно, ничтожный повод – его легкомысленное поведение во дворце 16 апреля – в день, когда жизнь императрицы держалась на волоске. Думается, что это обвинение является частью разработанного, возможно, тем же Остерманом дьявольского плана расправы с Толстым.

Петр Андреевич был противником плана Меншикова, это хорошо понимал князь. И тот решил уничтожить своего главного и наиболее опасного противника. В застенке Девиер признался, что он обсуждал с Толстым вопрос о том, как воспрепятствовать осуществлению плана Меншикова. Этого признания было достаточно, чтобы привлечь к следствию и Толстого.

Своего Александр Данилович достиг: в день своей смерти Екатерина подписала приговор привлеченным к следствию. В тот же день телеги под надзором 12 солдат и офицера выехали из Петропавловской крепости и взяли курс на Архангельск, чтобы доставить туда для последующей отправки на Соловки опасного соперника светлейшего. На Соловках Толстой прожил на положении ссыльного полтора года и умер там в конце января 1729 года. Меншиков, как видим, не пощадил человека, с которым в свое время был близок, но который осмелился встать на его пути. Борьба за власть не знала снисхождения ни к родственникам, ни к друзьям.

Для Меншикова кабинет-секретарь Макаров был очень нужным человеком.

Особую ценность сообщениям Макарова придавало то, что он из первых рук мог сообщить реакцию царя на те или иные события, поступки при чтении всякого рода донесений и документов – его реплики, едва уловимые интонации, жесты, мимика, многозначительное молчание. Порою реплика больше говорила о подлинном отношении царя к тому или иному делу, чем указ. Это учитывал князь, когда в 1720 году писал Макарову: «При письме царскому величеству положена от меня цидуля, о которой какое разсуждение будет, о том прошу меня по любви своей уведомить».

Поскольку Меншиков чаще прочих вельмож обращался к царю с донесениями – к этому его обязывали должности губернатора столичной губернии, президента Военной коллегии, сенатора, – то понятно желание князя узнать, как воспринят и оценен тот или иной его шаг. «Письма исправно дошли, которые его величество изволил принять за благо»; или: письмами царь «зело доволен». Меншикова бесспорно окрыляли и придавали уверенность такие слова, но их он мог узнать только от Макарова, поскольку царь стал писать Меншикову во много крат реже, чем прежде, и в его посланиях почти исчезли личные мотивы. И конечно же Меншикова приводили в уныние и вызвали беспокойство слова нейтральные. К таким словам, правда встречающимся в письмах Макарова крайне редко, относятся: письма к царю «исправно дошли» или об их содержании царь «известен».

В отношениях между Макаровым и Меншиковым обращает на себя внимание рабская, даже собачья преданность кабинетсекретаря князю. Известно, что доверительность между царем и его фаворитом ослабевала, по мере того как Меншиков попадал под следствие новых комиссий. Иногда наступало такое время, что все ожидали его скорого падения и опалы. Тогда от него многие отворачивались, старались не замечать. Но как только становилось известно, что светлейший устоял и на этот раз, вновь – заискивающие улыбки и потоки лести. Отношение же Макарова к Меншикову, несмотря на то, что светлейший был с ним высокомерен, а иногда и третировал его, оставалось неизменно ровным, не влияли на него и быстро менявшиеся конъюнктуры.

Возможно, что здесь сказалась сила инерции – вспомним, что Макаров начинал свою службу в Ижорской канцелярии, которой управлял Меншиков. Возможно, что царь взял Макарова в кабинет-секретари по рекомендации Меншикова, и Алексей Васильевич на всю жизнь сохранил чувство глубокой благодарности и преданности своему покровителю. Вполне вероятно, что это обстоятельство дало основание Меншикову в течение десятилетия смотреть на Макарова как на подьячего Ижорской канцелярии, хотя тот давно стал кабинет-секретарем. Как бы то ни было, теперь, когда Макаров стал ближайшим

помощником царя и его карьера уже ни в коей мере не зависела от Меншикова, он все же оставался предан светлейшему.

После всего сказанного надобно предостеречь читателя от преждевременного вывода – что Макаров-де был слугой двух господ: царя и его фаворита. В действительности царю он служил, а Меншикову оказывал услуги.

Важнейшей услугой Макарова было «предстательство» кабинет-секретаря перед царем по поводу злоупотреблений князя. Круг лиц, на которых мог положиться князь, был невелик, причем он менялся в зависимости от сути дела, рассматриваемого следственными комиссиями. Так, список «предстателей» по делу о взыскании с князя недоимки был иным, чем по почепскому делу. Но в том и в другом деле неперенными и самыми главными ходатаями за светлейшего выступали Екатерина и Макаров. Их ходатайства порою значили так много, что виновный в мгновение ока становился невинным.

Перед нами многочисленные письма Макарова, в которых он писал князю о мерах, предпринимающихся для того, чтобы оградить его от грозивших неприятностей. Усердие Макарова Меншиков поощрил подарком, правда весьма скромным, – не в правилах князя было раскошничаться. Подарок не стоил князю ни гроша – он велел из своего дома в Москве доставить на московское подворье Макарова фураж. 11 января 1718 года Макаров, находившийся в старой столице, обратился к Меншикову со словами благодарности: «Всепокорно благодарствую вашей светлости, моему милостивому государю и отцу, за присылку здесь из дома вашей светлости двадцать возов сена и несколько четвертей овса».³⁷³ С этого времени и начались хлопоты Макарова.

Макаров не устает заверять Меншикова, что он «не преминет напоминать его величеству, также и государыне царице об указе к подполковнику князю Голицыну о вашей доимке». У Меншикова блеснул луч надежды: «О моем интересе вашей милости (Макарову. – *Н.П.*) зело благодатствую приятно». Через десять дней курьер доставил Меншикову с Петровских заводов доброе известие: царь-таки подписал указ, освобождавший князя от уплаты доимочных денег до своего прибытия в Петербург. Угроза сесть Данилычу в тюрьму до погашения долгов отпала.³⁷⁴ Не менее энергично Макаров действовал и по почепскому делу.

Сколько, однако, он ни старался, но выручить Меншикова, хотя он, по-видимому, слепо верил в его безгрешность, ему не удалось. Среди архивных документов имеются подписанные Макаровым в 1723 году «пункты», на которые светлейший должен был представить письменные ответы. «Пункты» жестко требовали от Меншикова четкого и ясного ответа – ущемлял ли он интересы почепских казаков. Вполне возможно, что, подписывая «пункты», Макаров беспрекословно выполнял волю Петра. Что касается личных симпатий Макарова к светлейшему, то они остались неизменными.

Как же отплатил Александр Данилович Макарову за его верность и постоянство?

Неблагодарностью. Она проявилась в полной мере в те годы, когда светлейшему уже ничто не угрожало. Петра Великого не стало, и Александр Данилович освободился от необходимости возвращать в казну награбленное; исчезла и опасность лишиться должностей и власти.

В годы правления Екатерины значение Макарова сильно возросло: не будет преувеличением сказать, что он занимал при дворе после Меншикова и Толстого третью позицию. Недаром Кампредон уже в мае 1725 года охарактеризовал Макарова так: он – «кабинет-секретарь царицы и ее поверенный, знающий все ее тайны».

Мысль о верховном совете – коллегиальном правителе государства, – призванном также ограничить самовластие Меншикова, носилась в кулуарах уже через несколько

³⁷³ РГАДА, ф. 198, д. 737, л. 143.

³⁷⁴ Там же, л. 173, 179; Госархив, Разряд IX, 2-е отд., кн. 41, л. 454.

месяцев после вступления на престол Екатерины. Во всяком случае, слух об этом стал достоянием Кампредона в начале мая 1725 года, когда он доносил в Версаль о намерении создать совет при кабинете ее величества, «в который войдут князь Меншиков, граф Толстой, барон Шафиров и кабинет-секретарь Макаров». В совете, писал Кампредон, станут решаться «самые важные дела».³⁷⁵

Верховный тайный совет был создан в феврале 1726 года. Слухи о том, что в состав его войдет и Алексей Васильевич, упорно держались вплоть до 6 февраля, когда императрица подписала указ об его учреждении. Но Макарова, как известно, в нем не оказалось – Меншиков принес его в жертву Остерману.

Этим, однако, дело не ограничилось. 23 мая 1727 года, через неделю после похорон Екатерины, Кабинет ее величества был ликвидирован. Вместе с Кабинетом исчезла и должность кабинет-секретаря. Алексей Васильевич получил назначение президента Камер-коллегии.

Поводом для расправы послужила реплика Макарова, брошенная Девьеру о намерении Меншикова породниться с царствующей династией. Девьер во время следствия показал, что он не упомнит, кому из них принадлежит инициатива разговора на скользкую тему, но в память его врезались слова, сказанные Алексеем Васильевичем: «...светлейший-де князь паче усилится. А так-де он на нас сердит, а потом паче сердит будет».

Макаров не подозревал до конца дней своих, что случайно оброненная им фраза станет достоянием высшего суда, а также Меншикова. Крутому на расправу Данилычу достаточно было одного намека на недовольство, чтобы удалить Макарова от двора.

Интересно проследить историю отношений Меншикова с Остерманом. К сожалению, мы располагаем скудными сведениями о раннем этапе этих отношений: письма – единственный источник, они сохранились лишь с 1716 года. Впрочем, ранее этого времени Меншиков, по всей видимости, и не считал Андрея Ивановича нужным для себя человеком. Депеши Остермана из Копенгагена, Амстердама и Парижа, где он сопровождал царя в путешествии, сделали свое. Поначалу полуофициальные, они постепенно приобретали сугубо частный и доверительный характер. Со всей очевидностью удастся проследить, как Андрей Иванович втирался в доверие к Меншикову.

Каких только любезностей, клятв и обещаний не расточал Андрей Иванович светлейшему, причем он умело их разнообразил: «Пребываю до смерти моей с глубочайшим респектом» или «Пребываю до гроба с глубоким респектом», то клялся, что «во все дни живота моего буду всякими образы старания иметь, как бы оную вашу милость заслужить и достойна себя оной учинить», то, поздравляя с праздником Воскресения Христова, высказывал пожелание, чтобы Бог «вашу высококняжескую светлость и весь ваш высококняжеский дом в святом своем сохранении имел».

Заверения Остермана, что он будет относиться к своему покровителю «со всяким должнейшим и глубочайшим почтением», конечно же улаживали слух светлейшего, но не они оказали решающее влияние на сближение царского фаворита с заезжим проходимцем. Остерман давал Меншикову исчерпывающие сведения об Аландском и Ништадтском конгрессах, в работе которых он участвовал.

Уже в 1721 году Андрей Иванович без риска получить отказ обращается к Меншикову с различными просьбами. Накануне отъезда в Ништадт он попросил Меншикова предоставить ему карету с упряжкой и, получив ее, пообещал взамен «вечным верным вашим рабом быть». В следующем году Остерман, находясь в Москве, попросил Меншикова присмотреть за сооружением своего дома в Петербурге. Тот откликнулся на просьбу, побывал на стройке, усмотрел, что «от господ архитекторов весьма не так управляется», и дал на этот счет соответствующие указания.

³⁷⁵ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58. С. 247.

В свою очередь и Меншиков просил Остермана оказать услугу, причем ее характер дает основание считать, что в 1722 году их отношения были достаточно близкими: светлейший, находясь с супругой в Москве, просил барона «посещать дом наш и смотреть детей наших, в каком оные суть состоянии, и о том нас уведомлять».³⁷⁶

Известно, что Остерман слыл человеком равнодушным и черствым. Но обратите внимание, как он драматически изложил личные переживания и переживания своей супруги по поводу кончины младшей дочери светлейшего. Своим красивым почерком, упреждавшим лет на пятьдесят скоропись петровского времени, без грамматических ошибок, что свидетельствовало о превосходном знании вестфальцем тонкостей русского языка, он писал: «Сей случай так нас опечалил, что истинно описать не можем, ибо как я, так и особливо жена моя, по должности нашей не оставляли часто их светлости молодому князю и княжнам покорнейшие наши поклонения отдавать».

В конечном счете Остерман сделался для Меншикова не только необходимым, но и незаменимым, в особенности после смерти Петра Великого. Происшедшие изменения не остались незамеченными и самим Остерманом. Он уже не довольствовался ролью советчика. Опираясь на могущество и влияние светлейшего, Андрей Иванович стал участвовать в придворных интригах, проявив в этом столько ловкости и изворотливости, что жертвы его интриг узнавали о своем падении лишь после падения, когда уже никакими силами невозможно было что-либо исправить.

Примером иезуитской ловкости может служить недатированное письмо Остермана, в котором он явно пытается поссорить Ягужинского с Меншиковым. Хорошо известно, что Ягужинский, личность незаурядная, утрачивал контроль над собой после употребления горячительных напитков. Тогда он становился в такой же мере болтливым, как и хвастливым. «Он же будучи пьян, – наушничал Меншикову Остерман, – некоторому саксонскому министру говорил, чтоб ему король здесь дал староство: „Я-де здесь останусь, а в Россию ныне не поеду“. И иного множество болтает, как напѣтца пьян, что мерско слышать». Здесь же и оценка деловых качеств Ягужинского, явно рассчитанная скомпрометировать «птенца Петрова», в какой-то мере преграждавшего карьеру Остермана: «Сей человек совсем плох, я чаял в нем больше пути и дела». Подводя итоги своим рассуждениям, он писал: «Нам он приятелем не будет. Извольте в том свои меры взять».³⁷⁷

Эта интрига выглядит детской забавой по сравнению с тем, как Остерман спровадил Меншикова в Сибирь, лишив власти и богатства. Будучи воспитателем императора – на эту должность пристроил его Меншиков, – Остерман, с одной стороны, потакал склонности своего воспитанника к безделью, а с другой – внушал ему мысль, что лицом, стремящимся ограничить его самостоятельность, был его будущий тесть – Меншиков.

Последнее письмо Остерман отправил Меншикову из Стрелиной Мызы за три недели до трагической развязки в жизни Меншикова – 21 августа 1727 года. Не понятно, как Александр Данилович в насквозь лживом и вызывающем послании Остермана не разглядел ничего подозрительного. Князя должно было насторожить содержание письма. В нем Остерман пытался объяснить нежелание Петра II ответить на послание Меншикова: «А на особенное писание ныне ваша высококняжеская светлость не изволите погневаться, понеже учреждением охоты и других в дорогу потребных предуготовлений забавлены». Явной ложью было утверждение Остермана, что письмо Меншикова вызвало у юнца восторг. Такой же ложью было заявление Остермана, будто он едет на охоту вопреки своей воле: «Я, хотя худ и слаб и нынешней ночи разными припадками страдал, однако ж еду». Если бы действительно он недомогал, то конечно же уклонился бы от охоты.

Вместе с европейским лоском Остерман внес нечто новое во взаимоотношения русских

³⁷⁶ РГАДА, ф. 198, д. 219, л. 277.

³⁷⁷ Там же, д. 824, л. 44.

вельмож – коварство.

Атмосферу, царившую в мире вельмож, едва ли не ярче всего передает конфликт, разразившийся в Сенате в отсутствие царя – он в это время находился в Каспийском походе. Главными действующими лицами скандальной истории считаются сенатор и вице-канцлер Петр Павлович Шафиров и обер-прокурор Сената Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Однако подлинными виновниками скандала, точнее, его дирижерами являлись вельможи более крупного ранга: ни Шафиров, ни тем более Скорняков-Писарев не осмелились бы вести себя, даже по воззрениям того времени, столь непристойно, если бы за спиной каждого из них не стояли лица с более значительным весом: Меншиков и Дмитрий Михайлович Голицын. Скорее всего, конфликт был бы погашен в самом зародыше, если бы сенаторы в своих поступках руководствовались деловыми соображениями. Но в том-то и дело, что верх взяли личные мотивы, конфликт являлся всего-навсего вспышкой долго тлевшей неприязни.

Внешне расстановка сил конфликтовавших сторон выглядит так: сенаторы-аристократы противостояли «беспородным» сенаторам. В целом, пожалуй, так оно и было, но с одной поправкой: по логике аристократы должны были питать нежные чувства к столбовому дворянину Скорнякову-Писареву и встать на его защиту, в то время как к Меншикову должен быть ближе Шафиров. Получилось, однако, все наоборот: не на безродного баловня судьбы опирался Шафиров, а на аристократов. Судьбе угодно было свести в одну связку Меншикова и Скорнякова-Писарева. Подобная расстановка сил лишний раз подтверждает, сколь велика была в правящих кругах роль личных отношений.

Враждебность между Скорняковым-Писаревым и Шафировым, видимо, возникла ранее 1722 года. Обе стороны, притаившись, зорко следили друг за другом, выжидая случая, чтобы нанести противнику неотразимый удар.

Такой случай представился, когда Сенат рассматривал незаконную выдачу жалованья брату Шафирова Михаилу. Сенатор Шафиров нарушил закон в пользу родного брата, это было настолько очевидным, что ему надлежало бы отступить, но Петр Павлович заупрямился и решил защищать неправо дело. Со 2 по 22 октября работа Сената была остановлена – вместо решения текущих дел государственного значения он ежедневно разбирал взаимные жалобы Шафирова и Скорнякова-Писарева. В конечном счете 22 октября Сенат решил прекратить рассмотрение дела до возвращения царя, находившегося в Каспийском походе.

Еще не улеглись страсти этого конфликта, как возник новый, причем по ничтожному поводу: сенатору Шафирову 31 октября при обсуждении вопроса, в котором он был лично заинтересован, предложили покинуть зал заседаний Сената – речь шла о состоянии почтового дела, находившегося в управлении Шафирова.

Шафиров выйти отказался, выкрикивая оскорбительные слова в адрес Скорнякова-Писарева: – Ты мой главный неприятель и вор.

Меншиков, Головкин и Брюс, посоветовавшись, решили покинуть зал Сената, заявив:

– Когда в Сенате обер-прокурор вор, то как им при том дела отправлять.

Вслед за ними вышел и обер-прокурор. Тут бы Шафирову и остановиться, но он вошел в раж, утратил контроль над собой и в запальчивости произнес роковые для себя фразы:

– Напрасно вы на меня гневаетесь и вон высылаете. Вы все мои главные неприятели. Светлейший князь – за почепское дело, а на канцлера графа Головкина я отдал челобитную самому государю. Для того им в Сенате приговаривать не надлежит.

– Ты меня не убей! – бросил реплику Меншиков.

– Ты всех побьешь! – парировал Шафиров. – Только я за тебя, как Волконский и князь Матвей Гагарин, петли на голову не положу.

Шафиров имел в виду казнокрадство Гагарина и пристрастное, в пользу Меншикова, расследование его злоупотреблений князем Григорием Волконским. Хотя Меншиков и был причастен к обоим преступлениям, но вышел сухим из воды, в то время как Гагарин и Волконский заплатились жизнью и имуществом.

К разразившейся в Сенате сваре были причастны сначала Скорняков-Писарев и Шафиров. После событий 31 октября она переросла в свару между Шафировым и Меншиковым.

Прибыв в Москву, Петр 9 января 1723 года создал для расследования скандала так называемый «Вышний суд». Только теперь Шафиров вполне оценил меру нависшей опасности. В челобитной царю 15 января он писал: «Слезно прошу прощения и помилования в преступлении моем».³⁷⁸

Признание вины не помогло. Суд приговорил Шафирова к казни отсечением головы. Очевидец событий, камер-юнкер Берхгольц, отправившись рано утром 15 февраля в Кремль, дабы посмотреть на экзекуцию, записал в «Дневнике»: «Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа, самое же место казни окружали солдаты. Когда виновного, на простых саях и под караулом, привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления... После того с него сняли парик и старую шубу и взвели его на возвышенный эшафот, где он по русскому обычаю обратился лицом к церкви и несколько раз перекрестился, потом встал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули его ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе – и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику, во уважение его заслуг, даруется жизнь...»

Потрясенного Шафирова присутствовавшие на экзекуции сенаторы поздравляли с помилованием, но тот «сказал будто бы, что лучше бы уже открыть большую жилу, чтоб разом избавить его от мучения».³⁷⁹

Лишенного имущества Шафирова отправили в ссылку в Новгород, где он жил с семьей в нищете почти два года – до смерти Петра. Екатерина объявила амнистию барону, он был вновь допущен ко двору. Любопытная деталь: Шафиров, целиком обязанный Меншикову тем, что его голова лежала на плахе, вновь сошелся с князем. 3 мая 1725 года Кампредон писал в Париж: «...осмелюсь доложить, что барон Шафиров, очень сблизившийся с князем Меншиковым, которому следует теперь своими советами, начинает пользоваться некоторым доверием царицы».³⁸⁰

Сближение было, однако, непродолжительным, барона Шафирова оттер от светлейшего другой барон – ловкий Остерман, сумевший внушить князю мысль о своей незаменимости. Доверчивый Александр Данилович принимал за чистую монету и подобострастные улыбки Андрея Ивановича, и его мнимую верность и, как увидим позже, горько просчитался.

В разное время Шереметев, Толстой и Макаров были близки к светлейшему. Но близость не была прочной и поэтому во всех случаях закончилась либо охлаждением, либо враждебностью. Эту метаморфозу можно было бы отнести за счет характера Меншикова, отличавшегося, как известно, крайним честолюбием, нетерпимостью, умением походя задеть, третировать и вызывать против себя раздражение. Но в том-то и дело, что неустойчивость отношений в мире вельмож того времени нельзя объяснить вздорным характером Меншикова.

Приятель, соперничавший в борьбе за власть, становился злейшим врагом; оказавшемуся в беде другу не принято было подавать руку помощи; привязанности менялись с такой же легкостью, с какой изменялась порождаемая интригами обстановка при дворе; устойчивой оказывалась лишь грань, отделявшая вельмож от остальной массы дворянства и особенно от низов феодального общества – в обстановке обострения социальных

³⁷⁸ РГАДА, ф. Сената, кн. 300, л. 14, 50–56, 116.

³⁷⁹ Берхгольц Г.Ф. Дневник. М., 1903. Ч. 3. С. 20, 21.

³⁸⁰ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58. С. 247.

противоречий и общей для вельмож опасности внутренние раздоры отодвигались на второй план.

Создается впечатление, что люди эти были лишены обычных человеческих чувств, что всеми их поступками руководили карьерные соображения, бравшие верх над привязанностями, верностью дружбе, готовностью поступиться чем-либо ради ближнего.

В СЕМЬЕ

Семья – особый мирок, где светлейший находил и покой, и утешение, и заботливый уход, и, наконец, отдохновение от трудов. Смело можно сказать, что Данилычу крупно повезло – в лице девицы Дарьи Михайловны Арсеньевой он обрел преданную супругу, отдававшую ему со щедростью все тепло своей души. Ласковая и заботливая, она смягчала крутой нрав супруга. И сам он, чувствуя безопасность, расслаблялся, мог быть самим собой. Лишь недавно обнаружен портрет Дарьи Михайловны. Единственное изображение не позволяет судить о сходстве натуры с портретом – неизвестно, что шло от оригинала и что привнесено художником в угоду заказчице. Так или иначе, но перед нами женщина с мягкими чертами лица, чувственными губами и открытым взглядом, в котором светится доброта.

Непременным членом семьи, помимо двух взрослых дочерей и сына, была свояченица – горбунья Варвара Михайловна, сумевшая себя поставить так, что стала в доме не только необходимой, но и незаменимой. Далее следуют многочисленные родственники: сестры Александра Даниловича, братья и племянники Дарьи Михайловны.

Самым близким человеком к Александру Даниловичу была, разумеется, жена. В письмах к главе семьи она неизменно писала: «Радость моя, государь, князь Александр Данилович». Слова обращения князя к жене хотя и менялись, но неизменно оставались нежными и ласковыми: «Княгиня Дарья Михайловна, мой друг, о Господе, здравствуй»; «Моя от сердца любезнейшая и друг мой, княгиня Дарья Михайловна, о Господе, многолетно здравствуй».

Прошло два десятилетия супружеской жизни. Можно было ожидать охлаждения или разочарования друг другом. Данилыч, однако, в обращение к жене продолжает вкладывать всю полноту чувств, где нежность соперничала с уважением. В 1726 году он писал: «Друг мой, вселюбезнейшая светлейшая княгиня Дарья Михайловна, многолетно и благополучно купно с детьми и с Варварой Михайловной, о Господи, радуюсь, здравствуй».

Можно возразить, что подобные обращения могли давно утратить свой прямой смысл и превратиться в привычку, стереотип, за которым скрывалось полное равнодушие. Сомнения, однако, рассеяты, стоит лишь обратиться к содержанию писем. В конце концов мера сердечности, взаимного уважения и любви определялась не только, а быть может, и не столько словами обращения друг к другу. Сделаем оговорку – в княжеских посланиях читатель не обнаружит ни проявлений страсти, ни интимности, ни планов на будущее, ни многих других черт, присущих эпистолярному жанру. И это объяснимо, если мы вспомним, что среди сотен писем, отправленных к Дарье Михайловне, нет ни одного, написанного им самим.

Дарья Михайловна не принадлежала к числу жен, одолеваемых безграничным честолубием и готовых вторгаться в служебные дела своих супругов, действовать за их спиной и их именем и с женской ловкостью умевших плести интриги и помогавших главе семьи держаться на плаву и преодолевать все превратности коварной судьбы. Такими качествами жены русских вельмож той поры, только что вырвавшиеся из душных теремов на волю, еще не обладали – они продолжали пребывать во власти патриархальных представлений о своей роли в семье. Жена Данилыча не являлась исключением. Для нее семейный очаг был всем смыслом существования, она создавала домашний уют, хлопотала об удобстве и безопасности супруга, была поглощена воспитанием детей. Именно такой представляется Дарья Михайловна по семейной переписке. В переписке нет и следов о

«предстательстве» княгини перед мужем – царским фаворитом. Известные нам источники отметили единственный случай, когда просительница обратилась за ходатайством к Дарье Михайловне, но случай этот исключительный хотя бы потому, что этой просительницей была Анисья Толстая, приятельница Дарьи Михайловны тех лет, когда она была не княгиней Меншиковой, а девицей Арсеньевой. Анисья Толстая, находясь вместе с царицей в Амстердаме, просила Меншикова выделить работников для восстановления собственного ее дома, разрушенного взрывом порохового погреба. В тот же день, 7 июня 1717 года, она просила и Дарью Михайловну «о предстательстве, дабы его светлость сего моего прошения оставить не изволил».

В свою очередь супруг не обременял Дарью Михайловну служебными заботами. Из строк писем, адресованных ей, лишь в нескольких изложены поручения, к слову сказать, мелкие, носившие более частный, домашний, нежели служебный характер. Два поручения определяли судьбу арапов: одного из них Меншиков велел жене отдать посланцу гетмана Огинского, предварительно «зделав на него платье и челму турецкую»; другого арапа князь распорядился «женить на большой арапке», причем жениха тоже надлежало нарядить в «хорошее платье». В другой раз Дарья Михайловна должна была проследить за изготовлением одеяла для царя. «И как совсем будет готово, тогда извольте оное прослать в дом государев», – писал Меншиков в 1718 году. Летом того же года, когда светлейший с царем плавал в водах Балтики, Дарье Михайловне было поручено наблюдать за отделкой на Ямбургском хрустальном заводе кубка, предназначавшегося в подарок прусскому королю, а также принять в доме шведского генерал-фельдмаршала Рейншильда. «И когда оной Рейншильд у вас будет, – наставлял князь супругу, – или так случится, примите его ласково».³⁸¹

Едва ли не самое серьезное задание Дарья Михайловна получила в мае 1709 года, когда Меншиков отправил к ней из-под Полтавы в Харьков, где она находилась вместе с сестрой и сыном, захваченные у шведов трофеи: две пушки и знамя. «Извольте, – велел князь, – любезнейшему нашему сыну приказать, чтобы по пришествии его царского величества с ними встретил».³⁸²

Затея светлейшему показалась столь привлекательной, что он проявил к ее исполнению живейший интерес и настойчивость. Что мог выиграть князь от церемонии, в которой главными действующими лицами были царь, ехавший из Троицкого в лагерь под Полтавой, и его крестник, сын Меншикова Лука-Петр, грудной ребенок, родившийся в феврале того же 1709 года?

Эпизод, на первый взгляд ничтожный, высвечивал множество намерений князя: и его желание польстить царю торжественной встречей, и стремление в деликатной форме подчеркнуть собственную удачу на театре военных действий, выразившуюся в захвате трофеев, и надежду на то, что церемония не будет забыта царем и будет напоминать ему о существовании Луки-Петра, – отец его был человеком предусмотрительным.

Малозаметная в сфере служебных дел князя, Дарья Михайловна становилась настойчивой и энергичной, когда дело касалось его безопасности и здоровья. Зная горячность своего Александра Даниловича, его стремление быть в гуще событий, где бы они ни происходили: на театре войны, в столичном городе Петербурге или в часы застолья с безмерным употреблением горячительных напитков, Дарья Михайловна свою задачу видела в том, чтобы предостеречь не знавшего меры супруга от беды: шальной пули, укола шпаги во время стычки с неприятелем, бесшабашного пьянства, наконец, невзгод походной жизни. Послания Дарьи Михайловны похожи на мольбы-заклинания, в каждом из которых она не уставала просить супруга беречься. Просьбы были тем настойчивее и громче, чем большим

³⁸¹ РГАДА, ф. 198, д. 963, л. 46; д. 1170, л. 83, 111, 219, 229, 310, 311.

³⁸² РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 117, 126, 128.

опасностям подвергался князь, находясь в пылу сражений.

В 1708 году неприятель вторгся в пределы России, наступило время, полное тревог и опасностей. «Слезно прошу для самого Бога, ежели в каких случаях, изволь быть поопаснее. Пожалуй, батюшка, не прогневишь, что так дерзновенно пишу», – писала Дарья Михайловна в феврале. В августе того же года: «А паче всего прошу для самого Бога, пожалуй, побереги своево здоровья». ³⁸³

Мольбы Дарьи Михайловны: «Изволь ездить поопаснее», «не изволь быть блиско неприятеля» – звучали в каждом письме, адресованном князю накануне битвы у Лесной. ³⁸⁴

Здесь уместно напомнить о трогательной заботе супругов, стремлении оберегать покой друг друга, скрывая подлинную меру опасности, не останавливаясь при этом перед обманом. Известно, например, что Александр Данилович находился в гуще Калишского сражения. Это, однако, не помешало ему утешить супругу. Накануне сражения, 15 октября 1706 года, он отправил ей две «грамотки»; в одной из них писал: «Для Бога обо мне не сомневайтесь, воистинно, в баталии сам не буду, и о том не печальтесь»; в другой: «А от неприятеля опасаться нам нечего, понеже между нами и ими река немалая». ³⁸⁵

Еще больше опасений за жизнь князя у Дарьи Михайловны было накануне Полтавской битвы. Ответы Александра Даниловича были такими же успокаивающими. Он не устал повторять: «Опасности никакой нет и во оной не бываем», «Никуда во опасные места не ездим».

Заверения находились в вопиющем противоречии с подлинными поступками Меншикова, с его отважными, а порою и безрассудными действиями в памятный день 27 июня 1709 года у валов Полтавы. Об этом догадывалась и жена, душевное равновесие которой все время подвергалось испытаниям. Тогда Меншиков призывал на помощь свою сестру Анну Даниловну и свояченицу Варвару Михайловну.

«Анна Даниловна и Варвара Михайловна, – обращался князь к ним 25 января 1708 года, – унимайте того, кто трусит, чтоб больше не трусила». Или 15 июня того же года: «Анна Даниловна и Варвара Михайловна, для Бога берегите и унимайте, чтоб не плакала и не печалилась об нас, понеже мы никогда надлежащей осторожности иметь не оставим». Иногда просьба перемежалась с выговором за неприлежное исполнение его просьб. «Уведомился я от Антона (Девьера. – *Н.П.*), – писал светлейший в январе 1709 года, – что вы печалуетесь, что вам не надлежало бы делать, а надобно скакать да плясать и княгиню забавлять, дабы не печалилась. И печалиться вам не о чем, понеже за помощью Божию и за вашими молитвами в добром обретаемся мы здравии и чаю к вам вскоре буду». ³⁸⁶

Кстати, Дарья Михайловна знала цену заверениям Александра Даниловича и, отчаявшись в успехе своих заклинаний, решалась обратиться за помощью к царю. Петр откликнулся на просьбу Дарьи Михайловны; 14 февраля 1708 года он отвечал: «А чтоб мне писать господину князю Меншикову, чтоб оный себя поберег, о том я, как мог, так ему при прощании в Вильне говорил; а когда увижусь, говорить не оставлю». ³⁸⁷

К уловкам, призванным оберегать покой князя, прибегала и Дарья Михайловна. 31 мая 1709 года царь, направлявшийся к войскам под Полтавой, писал Меншикову из Змеева, что под Харьковом: «Жена ваша и сын в добром здравии». Это была святая ложь, сказанная

³⁸³ Архив ФИРИ, ф. 83, картон 7, д. 9, л. 1; картон 9, д. 102, л. 1.

³⁸⁴ Там же, картон 9, д. 185, л. 2; д. 217, л. 1; д. 238, л. 1.

³⁸⁵ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 1, 5.

³⁸⁶ Там же, л. 20, 67; ПиБ. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 70, 71.

³⁸⁷ ПиБ. М., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 200.

Петром, надо полагать, по настоятельной просьбе Дарьи Михайловны.

4 июня царь, встретившись с Меншиковым, сообщил ему подлинные сведения о состоянии здоровья княгини, из которых следовало, что она серьезно недомогала. Из-под Полтавы Александр Данилович писал жене: «Не о ином о чем есть мне сумнение, токмо о том, что вы болезнуете, о чем я подлинно неизвестен, но не могу вам в том веры иметь, ежели б царское величество мне не сказал».

Дарья Михайловна была убеждена, что, окажись она рядом с Данилычем, ей удалось бы уберечь его от всех опасностей. Отсюда настойчивые просьбы, чтобы он вызвал ее к себе: «Прикажи нам быть, хотя на малое время видеть тебя. Ей, зело печально, что от милости твоей отлучны».³⁸⁸

В годы, когда муж находился при войсках, Дарья Михайловна жила не в Москве или Петербурге, а в Смоленске, Брянске или Харькове, то есть поближе к Данилычу.

Александр Данилович, разумеется, был рад приездам жены, но давал согласие на свидание только в том случае, когда был полностью уверен в безопасности как пути, так и пребывания ее в войсках. В январе 1708 года он согласился на приезд Дарьи Михайловны в Минск, но обстановка на театре менялась в худшую сторону с калейдоскопической быстротой. Путь был безопасным до 21 января, но уже на следующий день ситуация изменилась, что вынудило князя предупредить жену, чтобы та ехала «как скоро возможно», день и ночь, так как неприятель сдвинулся с места. 23 января обстановка стала еще тревожнее, и курьер доставил новое предписание: «Поезжай до Минска немедленно, дабы каким способом вас не отрезали». Наконец, Меншиков велел ей изменить маршрут, повернуть в противоположную сторону – к Смоленску, где и довелось почти месяц ожидать прояснения обстановки. Судя по перерыву в переписке, свидание супругов продолжалось примерно с 28 февраля по 12 марта.

В августе 1708 года Дарья Михайловна возобновила хлопоты о свидании, но супруг превыше всего ставил ее безопасность и поэтому отказал. 17 мая 1709 года князь писал: «А ныне сами изволите разсудить, что тому старатца неможно, понеже и другие здесь бывшие принуждены в Харьков ехать».³⁸⁹

В переписке супругов можно обнаружить множество свидетельств взаимного внимания, заботливости и желания доставить удовольствие пусть мелкой, но приятной услугой. В 1708 году Меншиков отправил Дарье Михайловне «в презент двух шляхтянок-девок, ис которых одна, маленькая, может вам за попугая быть – такая словесница, какой еще ис таких младенцов мало видал и может вас больше увеселить, нежели попугай». В июне того же года Александр Данилович, будучи в Могилеве, получил в подарок шестьдесят огурцов. Сам он их есть не стал, а переправил жене: «Дай Боже, на здоровье кушать и при том веселиться, а не плакать». Полезны при дворе Меншикова могли быть и два шведа перебежчика – один из них паж, другой – камердинер. Обоих их князь переправил к Дарье Михайловне. «Вчерашнего дня послал к вам два цука лошадей: один к сыну, другой к вам», – писал светлейший 22 мая. И тут же ирония в адрес назадачливого шведского генерал-майора Круза, который, по словам князя, оказывается, «подарил нас» лошадьми. В октябре 1709 года князь, находясь в Мариенвердене, получил в подарок от Голштинского герцога шкатулку. Александр Данилович не замедлил ее передарить жене. Как-то довелось светлейшему оказаться в своих ижорских владениях, где он позабавился ловлей рыбы. Улов отправил домой, сопроводив подарок посланием: «И что здесь на ваше счастье своими руками наловил рыбы, и ныне все к вам отсылаем». Трогательно выглядит судьба яблока, которым князя одарил в Петергофе царь в 1723 году: «Его императорское величество пожаловал мне здешнаго саду одно яблоко, которое с сим денщиком к вам

³⁸⁸ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 141; Архив ФИРИ, ф. 83, картон 7, д. 9, л. 1; д. 102, л. 1.

³⁸⁹ РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 16, 18, 53, 117.

посылаем». ³⁹⁰

Князь, как видим, любил одаривать супругу, но не любил расставаться с деньгами, затрачиваемыми на приобретение подарков, – ни на один из них он не издержал ни копейки: огурцы, яблоко и шкатулку Александр Данилович получил в подарок, цуги лошадей, слуги и болтливые девицы оказались у него в качестве трофеев, а рыба была наловлена при его участии.

Приходится отметить – скупость Данилыча затмевала все прочие страсти, вместе взятые, в том числе любовь и привязанность к жене.

Подарки Дарьи Михайловны были более существенными. Среди них чаще всего съестное, напитки и одежда. Дарья Михайловна заботилась о продовольствовании Алексаши еще в годы, когда оба они не были связаны брачными узами. Супружество умножило заботы. Вероятно, имело значение и письмо царя, отправленное Дарье Михайловне 2 ноября 1707 года из Петербурга. «Також откормите Даниловича, чтоб я не так ево паки видел, как в Меречах». ³⁹¹

Старание супруги откормить Даниловича вне подозрений. Где бы ни находился князь, туда тянулись обозы со всякой снедью. В середине сентября 1708 года из Смоленска было доставлено 10 четьей сухарей, четь овсяных круп, 40 цыплят, бочонок огурцов, 100 булок и столько же калачей, бочка венгерского вина, две бочки пива. Не прошло и полутора месяцев, как запасы светлейшего пополнились новой снедью, среди которой были три пуда коровьего масла и множество деликатесов: пуд паюсной икры, две белужьи спинки, бочонок сельдей, бочонок соленых слив, кадка свежего винограда, четыре десятка соленых лимонов.

Меншиков то и дело благодарил Дарью Михайловну за полученное вино, цыплят, пиво, мед, пирожки, дыни, яблоки и прочее. Иногда он и сам требовал припасов: «Да извольте к нам прислать две телеги з запасами, в котором нужду имеем». Или: «Пришлите к нам немедленно бочку венгерского». ³⁹²

На попечении Дарьи Михайловны находился и гардероб супруга. Периодически она отправляла ему кафтаны, штаны, рубашки. Вместе с тем княгиня одаривала светлейшего всякого рода безделицами и украшениями. 3 мая 1710 года она писала князю: «Посылаю к милости твоей презент – перстень с зеленым камнем, то есть знак надежды нам в милости твоей»; в декабре следующего года светлейший благодарил из Ревеля «за презент, то есть за присылку табакерок, которые, – как писал получатель, – зело приятно я принял, тако ж и за икру». ³⁹³

Молва о добром согласии между князем и княгиней стала достоянием столицы. Услужливые виршеплеты по поводу девятнадцатилетнего юбилея их супружеской жизни сочинили поздравление с витиеватым и тяжеловесным описанием достоинств князя.

Льстивые вирши в его честь венчает стих, в котором имя Александра Меншикова поставлено рядом с Александром Невским и Александром Македонским:

Виват войск всероссийских фелтьмаршал главнейший,
Князь Римской и Российской империи светлейший,
Герцох земли Ижорской, кавалер дознанный,
Разными победами свидетельствованный,
Друг же многих монархов в союзе любезных,

³⁹⁰ Там же, л. 45, 71, 126, 204, 356.

³⁹¹ ПИБ. СПб., 1912. Т. 6. С. 144.

³⁹² Архив ФИРИ, ф. 83, картон 9, д. 185, л. 2; д. 325, л. 2; РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 3, 39, 45, 85 и др.

³⁹³ Архив ФИРИ, ф. 83, картон 13, д. 87, л. 1; РГАДА, ф. 198, д. 1170, л. 217.

Двом храбрым Александром тезоименитый —
Невску и Македонску – их же знамениты.

Вирши заканчиваются здравицей в честь супруги:

Да здравствует такожде и супруга его
С фамилиею всею, та ж да не престанет
От рода в роды паки сего света станет.³⁹⁴

Особое положение в семье светлейшего занимала его свояченица Варвара Михайловна. Ее не назовешь ни «бедной родственницей», ни приживалкой, готовой терпеть унижение ради куска хлеба и крыши над головой. Такого рода родственники выражали покорность и подбострастие, их заискивающие взгляды, встречаясь с глазами преуспевающих хозяев, пытались прочесть в них малейшее желание. Не такой была Варвара Михайловна.

В доме князя она пользовалась уважением. Не сумев завести собственной семьи, она верой и правдой служила семье своей сестры. На ней, по-видимому, держался дом и воспитание детей. Это была личность приметная и влиятельная – недаром ей после падения Меншикова была уготована келья, в то время как братья Дарьи Михайловны, люди серые, не были ущемлены.

Имя Варвары Михайловны в документах семьи встречается с той же порой и столь же часто, как и имя ее сестры Дарьи Михайловны. Редко какое письмо Александра Даниловича не содержит просьбы передать поклон Варваре Михайловне. Равным образом в ответных письмах Дарья Михайловна не забывала поклониться супругу от имени своей сестры. Но из этих скудных сведений можно сделать лишь единственный вывод – в доме Варвару Михайловну чтили и княгиня, и князь. В противном случае Александр Данилович не употреблял бы нежных слов: «Поклон мой отдаю Варварушке Михайловне». Иногда имя ее князь упоминал в обращении: «Княгиня Дарья Михайловна, о Господе, здравствуй, вкупе с моею и своею сестрами».

Самое примечательное в положении Варвары Михайловны в семье князя: она, в отличие от княгини, вмешивалась в дела вельможи и не чуралась роли ходатая, неизвестно, однако, бескорыстно или за мзду: к ней обращались с просьбами о «предстательстве» перед князем. Правда, такое происходило только после смерти Петра; майор Иван Хрущов просил Варвару Михайловну «чрез заступление милости вашей к светлейшему князю, чтоб мне быть во оном Стародубском полку полковником». Некий Г. Чернышов хлопотал через Варвару Михайловну о переводе из Воронежа в Петербург и т. д. Сколь успешным было «предстательство» Варвары Михайловны – неизвестно.³⁹⁵

Сестер у светлейшего было не две, как ранее полагали, а три: Анна, Мария и Татьяна. Чаше других источники называют Анну Даниловну, видимо, самую младшую из них. Анна Даниловна еще до женитьбы своего брата на Дарье Михайловне проводила время в ее обществе и находилась под присмотром девиц Арсеньевых. Мало что изменилось в положении Анны и после того, как отношения между ее братом и Дарьей Михайловной были оформлены браком, – года три она жила с Дарьей и Варварой Михайловнами, странствуя вместе с ними по городам и весям, расположенным вблизи театра военных действий.

Анна Даниловна вышла замуж за Антона Девиера. Этот брак не входил в расчеты Меншикова, считавшего, что сестре князя невместно иметь супругом царского денщика. Гнев светлейшего достиг апогея, когда к нему явился Девиер просить руки его засидевшейся в невестах сестры. Жених при этом заявил, что князь вправе ему отказать, но тогда

³⁹⁴ РГАДА, ф. 198, д. 215, л. 58.

³⁹⁵ Там же, д. 1172, л. 8, 1, 7, 18, 23.

светлейшему придется иметь дело с внебрачным племянником. Согласно молве, Александр Данилович велел высечь и выпроводить наглого жениха, осмелившегося нарушить честь его сестры, но тот пожаловался царю, и Петр велел сыграть свадьбу.

В этой версии, видимо, немало истинного. Во всяком случае, Анна Даниловна, выскочившая замуж при столь пикантных обстоятельствах, утратила прежнее расположение своего знаменитого брата. Не приобрел расположения и зять, Антон Мануйлович Девиер. Светлейший затаил если не злобу, то недовольство и не пожалел ни зятя, ни сестры, когда в мае 1727 года отправлял Девиера после экзекуции в сибирскую ссылку, а Анну Даниловну – на поселение в одну из деревень. Честолюбие взяло верх над родственными чувствами.

Из этого не следует, что две семьи намертво враждовали между собой. В отдельные годы отношения между ними были настолько тесными, что создавали полную иллюзию близости родственной. Подобное наблюдалось в 1722–1723 годах, когда князю грозили наибольшие беды и он в лихорадочных поисках заступников не пренебрег и своим зятем, снизойдя до того, что приблизил его к себе и на время забыл о неприязни. В январе 1722 года князь просит Девиера, находившегося вместе с царем в Москве на празднестве по случаю заключения Ништадтского мира, «о всем нас уведомлять, о чем мы на вашу милость есть благонадежный». Не подлежит сомнению, что у Меншикова было множество доверенных лиц, готовых «о всем нас уведомлять», но кто знает, может быть, зять проявит рвение и пронюхает то, что останется тайной для прочих корреспондентов.

В свою очередь светлейший не счел зазорным для себя разразиться теплым посланием в марте того же года по случаю рождения племянника, нареченного в честь дяди Александром. Сердечное поздравление завершается пожеланием: «Во оной торжественный праздник вам со всею вашею фамилиею препроводить во всякой целости здравие вашего и оного вашего новорожденного сына, нашего любезного племянника». В феврале 1723 года Меншиков дает Девиеру весьма деликатное поручение – известить его об оценке, данной царем строительным работам в Петербурге, которыми руководил он, Меншиков: «Угодны ли оные его величеству будут – извольте нас уведомить».³⁹⁶

Вхожа была в дом и Анна Даниловна. Визит ее в июне 1724 года зарегистрирован источником. Тем не менее у близких родственников отношения не были ни близкими, ни сердечными.

Вторая сестра Александра Даниловича, Мария, упоминается в письмах князя всего три раза, и то благодаря драматическим событиям, в которых оказался ее муж, бригадир Алексей Федорович Головин. Во время обороны Полтавы он угодил в плен, а потом был освобожден под Переволочной. Дальнейшая судьба Марии Даниловны нам неизвестна. С уверенностью можно сказать лишь одно – она умерла ранее 1718 года, а ее супруг Алексей Головин скончался в 1718 году в чине генерал-майора. Единственная их дочь Анна вышла замуж за морского флота поручика Александра Ивановича Леонтьева.

С племянницей Александр Данилович поддерживал более теплые отношения, чем с сестрой Марией. Во всяком случае, писем Марии Даниловны не сохранилось, а посланий Анны Леонтьевой и ее супруга дошло несколько десятков. Они высвечивают любопытные бытовые подробности тех времен, переносят нас в мир их несложившейся семейной жизни.

Первые письма относятся к 1716–1717 годам, когда Леонтьев еще служил на корабле и участвовал в морских походах. В июне 1717 года муж и жена обратились к светлейшему за защитой. Александр Леонтьев жаловался на Василия Ржевского и его брата Матвея, что оба они, в его, Леонтьева, отсутствие, «всякими ругательными шутками и досадами» изводили жену, «давая всем знать, что будто бы она многих любила». Кроме того, «князь Николай Гагин (чаю, больше по того же моего злодея наученью), приходя дважды, склонял жену мою, чтобы она его любила».

Супруга в отдельном письме тоже взывала к помощи могущественного дяди и просила

³⁹⁶ Там же, д. 180, л. 29, 47, 142; д. 191, л. 68.

«милостиво охранить» ее невинность: «Ей, ей, государь-батюшко от сего печали всечасно боюся, чтобы не преклонила какая ему (супругу. – *Н.П.*) болезнь – так он жестоко себя сокрушает, что во всем своем состоянии отменился».

Братья Ржевские, возводя поклеп на жену поручика Леонтьева, думали, что племянница утратила расположение князя и не пользуется его покровительством. В этом они просчитались.

Александр Данилович горячо вступился за честь своей родственницы и обратился с просьбой к адмиралу Апраксину, чтобы тот приструнил обидчиков, служивших по его ведомству. Адмирал откликнулся и уведомил поручика: «Изволил мне (Леонтьеву. – *Н.П.*) милостиво обещатца больше оное изследовать и учинить мне в том всякую сатисфакцию».

«Сатисфакции» капитан-поручик так и не получил. То ли от переживаний, то ли по другим причинам, но Леонтьев тяжело занемог, по всей видимости, чахоткой, с неимоверной быстротой подтачивавшей его здоровье. Последнее письмо капитан-поручика датировано июнем 1718 года, накануне трагической развязки: «Сие письмо перед смертью своею Александр Иванович приказал написать, паче вдруг ослабел, что не мог подписаться рукою своею».³⁹⁷

Меншиков опекал племянницу и после того, как она овдовела. В июне он велел ей после шестинедельного траура вместе с сыном приехать в Петербург. О причинах вызова сказано глухо: «Ваше сюда прибытие немалой вам впредь плод принести может». Вероятно, речь шла о вступлении в права наследницы имуществом, принадлежавшим отцу Анны – Алексею Головину.

Сведения о третьей сестре, Татьяне Даниловне, крайне скудны. Единственный раз ее имя названо в письме детей Меншикова к родителям от 21 июля 1724 года: «Сего дня у нас кушают тетушки Татьяна Даниловна, Анна Даниловна, да Анна Яковлевна».³⁹⁸ Других данных о ней нет.

То, что сестры в письмах Александра Даниловича редко упоминаются, можно объяснить двумя обстоятельствами: либо сестры вместе с семьями, живя в Петербурге, не имели надобности в переписке, либо в семье Меншикова его родственники пользовались меньшим почтением, чем родичи жены. На наш взгляд, предпочтение надобно отдать второму суждению. В данном случае это тем более вероятно, что к усилиям Дарьи Михайловны следует прибавить и старания ее сестры Варвары Михайловны.

Брату Дарьи Михайловны Ивану Арсеньеву Меншиков уделял большее внимание, чем прочим родственникам, вместе взятым. Александр Данилович, разумеется, не без влияния жены, проявлял заботу об его образовании. На первых порах шурином учился в России. 12 сентября 1706 года Меншиков поручил надзор за обучением своего родственника приятелю Петру Павловичу Шафирову. «...Изволь моего шурина [...] отдать в нашу школу и прикажи его учить немецкому, французскому языку».³⁹⁹

В 1710 году Иван и его старший брат Василий были отправлены для продолжения образования за границу: Василий обучался военно-морскому делу и сразу же был пристроен на военный корабль датского флота, участвовавшего в том же году в морском сражении со шведами.

Ивана Арсеньева, видимо любимца Дарьи Михайловны, было решено готовить к придворной карьере. Он жил в Копенгагене, а затем в Париже под наблюдением послов Василия Лукича Долгорукого и Бориса Ивановича Куракина. Последний присматривал за шурином светлейшего в Париже, где Иван должен был приобрести лоск и освоить азы

³⁹⁷ Там же, д. 707, л. 24, 26, 32, 59, 64, 67.

³⁹⁸ Там же, д. 1174, л. 109.

³⁹⁹ Есипов Г.В. Жизнеописание князя А.Д. Меншикова // Русский архив. М., 1875. № 9. С. 47.

придворного обхождения: «Для осмотра и примечания тамошних придворных поступков и прочего зрению годного».

Александр Данилович внимательно следил за успехами Ивана и щедро наставлял его на путь истинный. Повседневное наблюдение за ним в Париже князь поручил некоему Юрову. В обязанность ему вменялось следить за тем, чтобы подопечный, как писал Меншиков, «напрасно времени в гулянии не тратил, а именно обучался бы языка французского, также экзерсисией, ему пристойных».⁴⁰⁰

В июне 1717 года Иван доложил своему патрону об успехах: «Я ныне со всяким прилежанием учусь еще французскому языку, також фортификации, математики, гистории, географии, на лошадях ездить и на шпагах биться». Успехи Ивана Михайловича подтвердила и сторонняя наблюдательница – Анися Толстая, сопровождавшая царицу в ее поездке за границу. 7 июня 1717 года она писала Дарье Михайловне из Амстердама: «Любезный ваш брат Иван Михайлович обретается в добром здравии и науку свою отправляет зело изрядно, и ее величества, всемилостивейшая государыня царица зело к нему милостива».⁴⁰¹

Семье светлейшего этих знаний показалось мало, и она настаивала, чтобы родственник во что бы то ни стало овладел придворным этикетом и поднаторел в общении с иностранными министрами. Куракин получил предписание его «ко двору и в прочие компании с собой брать, дабы через то мог свыкнуться».

Науки Иван одолел, хотя и не столь успешно, как он доносил князю и княгине. Хуже обстояло дело с приобретением навыков в придворном обхождении, где Арсеньев не проявлял необходимых способностей. Куракин писал, что его подопечный к этому «весьма несроден, а против натуры невозможно его склонить». Меншиков, видимо, под влиянием супруги продолжал гнуть свое: шурина надобно «употреблять в посылках к министрам чужестранным, дабы мог обыкнуться».

В Париже Арсеньев пробыл около года и главную задачу видел в том, чтобы выколачивать у Меншикова деньги на свое содержание и обучение. В Голландии он жил у Куракина, что освобождало его от расходов на квартиру, стол, дрова и прочие «домовые нужды». В этих условиях он сводил концы с концами, но лишними деньгами не располагал. Живя в Париже, шурин Александра Даниловича оказался в затруднении. На присылаемые ему деньги в столице Франции, «ежели ездить ко двору для обхождения придворного, мне невозможно и думать, ибо при дворе смотрят на экипаж, а без того ни на что не поглядят». Поэтому письма Арсеньева из Парижа за апрель—июль 1719 года полны просьб о прибавке ему денег на содержание. Прижимистый Данилыч хотя и переслал Ивану Арсеньеву дополнительно тысячу, но сопровождал это щедрой дозой сентенций: деньги надо тратить лишь «на необходимые нужды и лутчее жить посмирные, в черном теле, нежели какие исполнять прихоти ненадлежащие, которые весьма пресечь и отставить надлежит».⁴⁰²

В 1720 году переписка обрывается – в этом году шурин, находясь не в Париже, а уже в Берлине, сообщил, что едет домой.

Заботы князя о судьбе шурина на этом не прекращаются. Он был пристроен ко двору Екатерины, причем на этот раз шефство над ним светлейший просил взять Виллима Монса.

Первые шаги Ивана Михайловича при дворе доставили князю удовлетворение. Он благодарил шурина в письме от 22 марта 1723 года «за поднос» Екатерине «из саду нашего цветов и протчаго» и рекомендовал ему «впредь, какие в нашем саду будут спелы цветы, редис, огурцы и протчие новины, взяв из оных, поднесите ее величеству». Ясно, что цветы и

⁴⁰⁰ РГАДА, ф. 198, д. 128, л. 169; Морской сборник. СПб., 1911. № 6. С. 1–8.

⁴⁰¹ РГАДА, ф. 198, д. 361, л. 6–9, 16, 17; д. 963, л. 47.

⁴⁰² Там же, д. 54, л. 11; д. 106, л. 188; д. 130, л. 155.

ранние овощи выращены в княжеских оранжереях и теплицах.⁴⁰³

Еще один шурин Меншикова – Василий Арсеньев подвизался на военно-морской службе. Его тоже опекал Александр Данилович. В 1716 году он ходатайствовал перед царем о повышении его чином. В следующем году Василий Арсеньев нес службу на флоте и в мае-июне крейсировал в поисках шведских каперов на корабле «Полтава». Два с лишним месяца русские корабли безуспешно искали встречи с неприятелем. Наконец 19 июля им посчастливилось обнаружить шведский галиот. Сначала за ним гонялись, пытались настичь, чтобы взять на abordаж, но внезапно утих ветер, паруса беспомощно обвисли, и капитан «Полтавы» отправил шлюпку с матросами во главе с Василием Арсеньевым, чтобы овладеть галиотом. Капитан неприятельского судна, не видя спасения, посадил его на мель, а экипаж высадил на берег.

В то время как команда Арсеньева снимала пушки с трофейного галиота, к нему приблизилась шлюпка во главе с поручиком с другого русского корабля, который, как писал Арсеньев, «спор начел, будто им оный галиот надлежал, и начел ис каюта выбирать и не работать, чтобы как обলেখчить оный галиот и снять с мели».

Пребывание Арсеньева и его команды на галиоте прервал срочный вызов на «Полтаву», тоже оказавшуюся в беде – корабль сел на камень. Попытка поджечь шведский галиот поручиком, претендовавшим на получение добычи, не увенчалась успехом, и галиотом в конце концов овладели шведы. «Кригсрехт» – военный суд – оправдал действия Арсеньева и признал виновным командира фрегата и его поручика. Первый был отрешен от должности, а второй – «без апшида отпущен». В следующем году Василий Арсеньев продолжал службу на флоте, на этот раз в должности командира фрегата «Сант Яков». Последнее по времени упоминание имени Василия Арсеньева относится к 1720 году, причем источник зарегистрировал его не на флоте, а в доме Меншикова.⁴⁰⁴

Третий представитель мужского клана Арсеньевых, Аникей Арсеньев, видимо, был дальним родственником Дарьи Михайловны и поэтому не пользовался такими же знаками внимания и заботой, как ее братья. Уже сам факт пребывания капитана Аникея Арсеньева в гарнизоне Черного Яра, в глубокой провинции, а не в гвардейском полку, в столице, свидетельствует о том, что на него не простиралась княжеская протекция. В 1719 году он обратился к Александру Даниловичу с просьбой вытащить его из дыры, где он не только прозябал, но и подвергался опасностям. К Черному Яру, жаловался он князю, бывает «приход кубанских татар и воровских людей часто». Нынешним летом, например, во время очередного нападения «скоцкой табун отогнан и пастухов в полон взяли».⁴⁰⁵ Откликнулся ли на призыв о помощи светлейший – мы не знаем, равно как не знаем о дальнейшей судьбе Аникея Арсеньева.

Положение детей в семье князя тоже заслуживает внимания, ибо отношение к ним характеризует общий климат, царивший в доме, приемы воспитания подраставшего поколения, а также дает представление об облике сыновей и дочерей, шедших на смену родителям.

Меншиков прижил с Дарьей Михайловной семерых детей: трех сыновей – Луку-Петра, Самсона и Александра, из которых остался в живых только Александр, и четырех дочерей – Марию, Александру, Варвару и Екатерину. Две последние дочери тоже умерли в детстве. Даже в княжеской семье, где условия жизни и уход были отменными, детская смертность, как видим, достигала высокого уровня.

Старшей среди выживших детей Меншикова была Мария, родившаяся в 1711 году.

⁴⁰³ Там же, д. 191, л. 73, 115.

⁴⁰⁴ Там же, д. 360, л. 3, 7, 8, 13–16.

⁴⁰⁵ Там же, д. 358, л. 1.

Александра Меншикова родилась годом позже, а единственный сын Александр появился на свет в 1714 году.

В отношениях родителей к детям прослеживаются два этапа: первый из них относится к раннему детству, когда супруги более всего были озабочены состоянием их здоровья и руководствовались лишь страхом, как бы ребенок не подхватил оспы. Оснований для тревог было немало, ибо оба сына – первенец Лука-Петр и родившийся вслед за ним Самсон – умерли в грудном возрасте.

В семье князя был заведен порядок, при котором малолетние дети, само собою разумеется не умеющие грамоте, обменивались письмами как между собой, так и с родителями. Письма за младенцев писали взрослые, они же отправляли и подарки от их имени. Так, Мария в сентябре 1712 года подарила «батюшке», «матушке» и «тетушке» по ленточке на нагрудные кресты, сообщив при этом, что «у себя имею шесть зубков и учюсь ходить». К февралю следующего года в обучении ходьбе она преуспела еще больше: «имею при ходьбе свободу». В этом же письме Мария поздравила родителей с рождением сестры своей Александры, которой отправила в подарок комплекты детского белья.⁴⁰⁶

Лица, сочинявшие письма от имени детей, пытались вызвать у родителей чувство умиления: к примеру, они сообщали летом 1713 года о посещении княжеского дворца царем и царицей. Во время их визита «я, – писала Мария, – по отеческому благословению при музыке танцевала, что было зело угодно их величествам».

К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь несколько десятков писем родителей к детям и детей к родителям. Этого слишком мало, чтобы получить достаточное представление о воспитании княжеских отпрысков. Мы не знаем, например, какими педагогическими истинами руководствовался Александр Данилович. Прибегал ли он к розгам, усмирал ли он строптивость другими наказаниями или ограничивался ролью моралиста, внушавшего, что надо проявлять трудолюбие, ибо леность и безделье первопричина всех пороков.

Не знаем мы также и о том, какими способностями были наделены дети, к какому поприщу родители готовили единственного сына – придворному, военному, дипломатическому, административному. О характере Александра нам известно не более, чем о характере его сестер Марии и Александры. Неизвестно и то, с кем из сверстников общались дети, кто был их наставником по части наук, с жадностью или, наоборот, с прохладцей они их усваивали, какими способностями были наделены. Единственное, что можно сказать с уверенностью, так это то, что Александр был бледной тенью своего родителя-самородка.

В августе 1715 года грудной сын Александр «извещал» родителей, что в дом приходит танцмейстер «и учит сестриц моих [...] науке танцу, и они уже оной науке принимаются, а я смотрю на них». Забота светлейшего о приобретении дочерьми соответствующего лоска выразилась в том, что он дал следующее поручение русскому резиденту в Вене Аврааму Веселовскому: «Поищите мальчика, который был бы искусен в танцеванье и такового сыскав, потому ж к нам пришлите».⁴⁰⁷ «В учении нашем время не тратим». «В науке нашей и с сестрицами всегда охотно пребываем», – так заверяли дети своего родителя.⁴⁰⁸ Отец напоминал сыну еще об одном: хотя сестры были старше Александра, его имя в письмах стояло первым и ему, как представителю сильного пола, вручалась опека над ними: «с сестрицами играй вместе ласково, нимало ни в чем раздражая».⁴⁰⁹

⁴⁰⁶ Там же, д. 1174, л. 2, 6, 7.

⁴⁰⁷ Там же, л. 20; д. 54, л. 14.

⁴⁰⁸ Там же, д. 1174, л. 26, 27, 36, 38.

⁴⁰⁹ Там же, д. 131, л. 111.

Чему учили детей, помимо танцев и грамоты, и сколь долго продолжалось обучение – мы не знаем. Дочерей, бесспорно, обучали языкам – свидетельство тому письма, написанные Марией и Александрой по-французски. Ответить на вопрос, когда отпрыски светлейшего закончили обучение, мы тоже не можем.

Есть свидетельства, что князь пытался приобщить сына к хозяйствованию, привлекал он его и к выполнению административных поручений. В 1724 году светлейший дал десятилетнему юнцу задание по управлению домом. Сын доложил отцу, что он «как возможнее с поспешением выполнит поручение», – речь шла о присмотре за окраской крыши дома. Два года спустя Александр Александрович докладывал о выполнении еще одного поручения отца – он присматривал за строением зимнего дома.

Задача, возложенная на него в том же 1726 году, была посложнее. Сам светлейший был поглощен заботами о курляндском престоле и поэтому находился то в Риге, то в Митаве. Его сыну надлежало явиться в Сенат и потребовать от него, чтобы тот «благословил вершить» дела, в решении которых был заинтересован Александр Данилович. В Сенате княжеского отпрыска заверили, что будут «в нынешней недели слушать и решение чинить».⁴¹⁰

Судя по сохранившимся письмам, дети росли людьми ординарными, лишенными примечательных черт. Бесполезно искать в письмах выражение детской непосредственности или нежной любви, либо, наконец, наблюдательности. Можно возразить, что подавляющее большинство писем сочиняли не дети, а служители, но и послания, составленные, по-видимому, Марией и подписанные всеми тремя, были наполнены таким же казенным пафосом, велеречивостью и клятвами в сыновнем и дочернем послушании родителям, как и письма, сочиненные канцеляристами. Среди посланий, исходивших в отдельности от каждой из дочерей и сына, встречаются совершенно одинаковые по содержанию, будто бы они писались под копирку. Уже одно это свидетельствует о лениности княжеских потомков. Другим свидетельством их лениности является стремление уклониться от собственноручного написания писем. Князь требовал, чтобы они писали письма, не прибегая к услугам канцеляристов. Родителям приходилось сурово напоминать: «Весьма удивляемся, для чего вы не пишете к нам своеручно, ис чего видно, что не от иного чего, точию за леностию. Того ради вам сим напоминаем впредь по сыновской своей должности, паче же для предбудущей вам пользы, надлежит к нам писать своеручно и иметь всегдашний труд, и времени праздно провожать не надобно, ибо по Святому писанию праздность всему злу корень».⁴¹¹

Отец с матерью полагали, что дети, общаясь с ними письмами, обретут навыки в составлении бумаг и, кроме того, написание «своеручных» писем отвлечет их от праздности. На поверку оказалось, что педагогические приемы княжеской четы не выдержали испытания – внушение не подействовало, что явствует из письма родителей к детям, отправленного с Петровских заводов в 1724 году: «При разлучении нашем с вами приказывали мы вам, дабы ежедневно уведомляли нас о состоянии здоровья своего чрез нарочных денщиков письменно, а потом предлагали вам, чтоб сверх того письма посылали на отправляемой из Адмиралтейства на Петровские заводы почте, но по се число ни единые строки от вас не получили, от чего в немалое пришли сомнение». Дети проявляли свойственный молодости эгоизм и уклонялись от написания писем. Леность отправлять «своеручные» послания подавляла все прочие чувства, в том числе заглушала и мысль, что молчание могло вызвать тревогу родителей. Таким образом, клятвенные заверения проявлять во всем дочернее и сыновнее послушание – не что иное, как дань формуляру писем тех времен, реального значения они не имели.

Последний раз по этому поводу сын просил прощения 18 апреля 1726 года. Причина

⁴¹⁰ Там же, д. 1174, л. 112, 114.

⁴¹¹ Там же, д. 1173, л. 105.

тому, что послание «писано не моею рукою», – приезд тетушки. С приездом Варвары Михайловны связано написание Александром Александровичем письма конечно же не по собственной инициативе, а по ее совету и при ее живейшем участии. В тот день сын подписал два письма: одно было адресовано матушке, другое – отцу. Сын просил мать о заступничестве и «предстательстве» перед отцом в помиловании слугителей, наказанных за различные проступки. Письмо к отцу было более пространное – просьбу Александр Александрович подкрепил мотивировкой, содержание которой свидетельствует о том, что за спиной двенадцатилетнего мальчишки стоял взрослый человек, изощренный как в лести, так и в интригах.

Сына, оказывается, «приводит в печаль» то обстоятельство, что императрица «для многолетнего здоровья своего» амнистировала колодников, отбывавших наказание на каторжном дворе и в коллегиях. «А понеже государь-родитель, – льстил сын отцу, – ваша светлость первый министр, то паче других милосерду быть подобает». Милосердие надо проявить тем более, что светлейший-старший, по мнению светлейшего-младшего, «не токмо Всероссийской империи, но и во всей Европе как в действиях, паче же о милосердии снисхождением ко всем имя вашей светлости проставляется».⁴¹² Откликнулся ли полудержавный властелин на призыв своего сына, мы не знаем. Известно лишь одно – это письмо Александра Александровича от апреля 1726 года было последним в переписке детей с родителями.

КРУШЕНИЕ

И вот семейная идиллия светлейшего разрушена. Меншиков и Дарья Михайловна из домашнего заточения обращаются за защитой к императору и его сестре Наталье. Но разве он сам пощадил зятя Девиера, когда жена его, родная сестра Александра Даниловича, слезно молила о снисхождении: «Светлейший князь, милостивый отец и государь, приемляю я смелость от моей безмерной горести труднить вас, милостивого отца и государя, о моем муже, о заступлении и милостивом предстательстве к ее императорскому величеству, всемилостивейшей нашей государыни, дабы гнев свой милостию обратить изволили».⁴¹³

Это письмо, полное безысходности и отчаяния, поданное Анной Даниловной 30 апреля, осталось без ответа – свирепые законы борьбы за власть не знали пощады: Девиера отправили в Сибирь. Теперь так же повисали в воздухе его собственные мольбы. Вместо удовлетворения просьбы Петр II подписал указ о ссылке его, лишенного чинов и наград, в нижегородскую вотчину: «Указали мы князя Меншикова послать в Нижегородские деревни и велеть ему жить тамо безвыездно, и послать с ним офицера и капральство, солдат от гвардии, которым и быть при нем». По просьбе опального вельможи нижегородская вотчина была в тот же день, 9 сентября, заменена ссылкой в Ранненбург – крепость близ Воронежа, сооруженную по чертежам Петра I.

Последний раз Меншикову довелось быть в Ранненбурге семь лет назад. Тогда к приезду владельца в крепости был наведен лоск. Теперь на всем лежала печать запустения: 197 оконных рам оказались без стекол, а в 153 окошках обветшала слюда, обстановка дома не шла ни в какое сравнение с роскошью, оставленной князем во дворце в Петербурге. Здесь были обнаружены три старых стула, обитых кожей, семь дубовых и липовых столов, единственный стул из орехового дерева заморской работы, впрочем, тоже ветхий, несколько стульев русского мастерства, требовавших ремонта.⁴¹⁴

⁴¹² Там же, д. 1174, л. 150, 152.

⁴¹³ РГАДА, ф. 198, д. 242, л. 4.

⁴¹⁴ РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 2, л. 1.

Можно представить, что творилось во дворце Меншикова в течение суток, отведенных ему на сборы. Обжитые и пышно обставленные роскошной мебелью и украшенные дорогими коврами и картинами покои дворца выглядели как после погрома: десятки слуг в величайшей сумятице выполняли распоряжения, противоречившие одно другому, – укладывали одни предметы, предназначавшиеся для вывоза, чтобы тут же заменить их другими. Мебель, дорогие ковры, картины, изделия из хрусталя и походные шатры пришлось тоже оставить. Но и то, что было решено прихватить с собой, едва разместились на телегах огромного обоза: в тридцать три кареты, коляски и колымаги были уложены подголовники, баулы и баульчики, сундуки и сундучки, спешно сбитые ящики, узлы. Обоз сопровождала пестрая свита слуг, свидетельствовавшая о намерении князя сохранить и в ссылке блеск своего двора.

Среди 133 человек свиты, выехавших из Петербурга, находились: маршалк, 8 пажей, 6 гайдуков, 16 лакеев, 12 поваров, 2 портных, 2 певчих, сапожник, гофмейстер и паж нареченной невесты и даже 2 карла. В то же число входили 13 собственных драгун, своего рода княжеских гвардейцев, а также 20 гребцов, предназначавшихся для движения по озеру Ильмень и рекам. В общей сложности штат слуг состоял из 148 человек.⁴¹⁵

Вместе с главой семьи в ссылку отправлялись супруга, сын Александр, дочери Мария и Александра, а также сестра супруги Варвара Михайловна Арсеньева.

Семья отправлялась в неизвестность. Впрочем, постороннему могло показаться, что едет не ссыльный, а богатый барин, не пожелавший расстаться со столичным комфортом в полюбившейся ему глухой вотчине. Лишь у Дарьи Михайловны, не выдержавшей напряжения, явно сдали нервы – весь долгий путь она, не переставая, рыдала.

Каков будет финиш подневольного путешествия семьи, она, разумеется, в точности не знала. Но ее проницательности вполне доставало, чтобы подвести черту под прошлым. В будущем она не рассчитывала ни на роскошь, ни на блеск.

Калейдоскопически сменялись картины былого. Вспоминался воскресный день 19 марта 1727 года, Данилыч устроил пышные, с царским размахом, торжества по случаю ее именин. За праздничным столом сидели все вельможи, иностранные послы, цесаревна Елизавета, наследник престола. После обеда танцы, пушечная пальба и фейерверк с изображением приветственных слов в честь именинницы: «Виват, светлейшая княгиня Дарья Меншикова!»⁴¹⁶

Будущее не предвещало чего-либо, даже отдаленно напоминавшего то, что произошло около полугода назад, в день ее именин.

Подобного отправления вельможи в ссылку не знала ни предшествующая, ни последующая история России. Напомним, как сам Меншиков отправлял в ссылку Петра Андреевича Толстого. Перед нами письмо Толстого, написанное из Петропавловской крепости в день своего отъезда в ссылку какому-то Борису Ивановичу: «По указу ея императорского величества кавалерия и шпаги с меня сняты и велено меня послать в Соловецкий монастырь от крепости прямо сего дня. Того ради, Борис Иванович, можешь ко мне приехать проститься, а сын мой Иван, чаю, от печали не может приехать, а вас обеих велели ко мне допустить.

И немедленно пришлите мне малова Яшку с постелею и баулку з бельем, да денег двести рублей, да сто червонных, также чем питаться и молитвенник и Псалтырь маленькую и прочее, что за благо разсудите. А малова Митьку я возьму с собою... А более писать от горести не могу». Толстой просил прислать еще «шляпрок», а также «малово, который бы умел ество сварить».⁴¹⁷

⁴¹⁵ Там же, ч. 1, л. 6, 17.

⁴¹⁶ Там же, д. 53, ч. 6, л. 38.

⁴¹⁷ Там же, Разряд XI, д. 215, л. 1.

Остается гадать, почему Меншикову был дозволен столь пышный выезд, с огромным обозом и в сопровождении многочисленной дворни, в то время как Толстой должен был довольствоваться «баулкой» с бельем, постельными принадлежностями и сопровождением двух слуг.

Вероятнее всего, падение «полудержавного властелина» являлось неожиданностью не только для него самого, но и для его противников. Дворцовые перевороты более позднего времени, как известно, готовились в непроницаемой тайне, и заговорщики располагали более или менее детальным планом действий, предусматривавшим не только отстранение от власти временщика или коронованной особы, но и их последующую судьбу. Вполне возможно, что хитрый и архиосторожный Остерман рискнул раскрыть карты и подсказать Долгоруким мысль об устранении Меншикова лишь после своего визита к светлейшему 5 сентября, когда обнаружил безмятежное состояние князя и убедился в беспроегрышности затеваемого дела. Успех Остермана и Долгоруких, как и поражение Меншикова, были столь ошеломляющими, что и победители, и побежденный в течение некоторого времени находились в состоянии оцепенения, некоего шока, мешавшего в полной мере осознать происшедшее и его последствия. Здесь вступал в силу закон инерции: до сознания Меншикова не сразу дошла мысль, что он уже и не светлейший, и не генералиссимус, и не член Верховного тайного совета, и не будущий тесть императора; равным образом и его противники, ранее безропотно повиновавшиеся светлейшему, в полной мере не осознали, что он повержен навсегда и что с ним можно поступать, как с простым колодником. Именно этими соображениями можно объяснить удививший наблюдателей парадный выезд князя. Современник, имевший возможность наблюдать этот выезд из столицы, записал: «Проезжая по улицам петербургским, он кланялся направо и налево из своей кареты и, видя в сбежавшихся толпах народа своих знакомых, прощался с ними так весело, что никто не заметил в нем ни малейшего смущения».⁴¹⁸ Хотел того князь или не хотел, но его пышно обставленное отправление в ссылку объективно являлось вызовом, брошенным победителям, и этот вызов не остался незамеченным.

Сейчас главная задача состояла в том, чтобы срочно выдворить его из столицы и тем самым лишить возможности принять ответные меры.

Следы этой поспешности видны даже в отсутствии инструкции у командира отряда, сопровождавшего Меншикова в ссылку, гвардии капитана Степана Мартыновича Пырского. Обычно лицам, отправляемым с каким-либо заданием, вручалась инструкция с перечнем наставлений. Но на этот раз Пырский, оказавшись без инструкции, сам обратился к секретарю Верховного тайного совета Степанову с девятью вопросами, на которые потребовал «резолуции». Ответы Степанова были затем утверждены Апраксиным, Головкиным и Голицыным. Характерно, что подпись Остермана под «резолуцией» отсутствовала – главный режиссер переворота предпочел остаться в тени, не оставлять следов своего в нем участия.

Пырский должен был взять под свой контроль переписку Меншикова, его общение с посторонними людьми; капитану надлежало решительно «противные поступки унимать».

На вопрос Пырского: «В пути и по городам, также и в Москве и в Ранненбурге приезжих и прочих людей кого к нему допускать ли?» – последовала резолюция Верховного тайного совета: «Везти его мимо Москвы; а пускать к нему посторонних людей токмо при себе».

Регулярно, почти ежедневно, Пырский информировал Верховный тайный совет о продвижении кортежа. В донесениях мелькают знакомые названия остановок на пути из Петербурга в Москву: Ижора, Тосна, Любань, Новгород, Валдай, Едрово, Березай, Вышний Волочек, Торжок, Тверь, Городня, Клин...

⁴¹⁸ Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 155; см. также: Есипов Г.В. Ссылка кн. Меншикова //Отечественные записки. 1860. № 8; 1861. № 3.

В первый же день пути, 11 сентября, Пырского догнал в Ижоре гвардии адъютант Дашков с устным предписанием Верховного тайного совета отобрать оружие у людей, сопровождавших ссыльного. Мера предосторожности не была лишней – команда Пырского состояла всего из 79 человек, значительно уступала челяди Меншикова. В Тосне Пырский изъял 18 фузей, 36 пистолетов, 33 палаша, 25 кортиков. Здесь же, в Тосне, у Меншикова обострилась застарелая болезнь. Как засвидетельствовал Пырский, «у него гортанью кровь по-прежнему появилась».⁴¹⁹

Сильный приступ болезни вынудил чету Меншиковых обратиться с просьбой к своим противникам: светлейший адресовал ее к Верховному тайному совету, Остерману и придворному лекарю Блюментросту, а Дарья Михайловна предприняла попытку заручиться сочувствием у женщин – супруги Остермана и его тещи. Меншиков сообщал, что «ныне в пути без лекаря пользоваться кем не имею», и просил Верховный тайный совет и лично Остермана отпустить к нему доктора Шульца, которому он еще в Петербурге успел выдать на путевые расходы 200 рублей. «Понеже, – писал Меншиков, – по воли Божией имею попрежнему мокроту с кровью». Выслать Шульца Меншиков просил и Блюментроста. Просьба Дарьи Михайловны носила более общий характер – она умоляла своих корреспонденток исхлопотать у Петра II «Божескую милость», чтобы «нам малую отраду видеть». Вернуть Меншикову «милости» было таким же безнадежным делом, как воскресить мертвого. Руки помощи никто не протянул. Отклика призыв к милосердию не вызвал – это был акт отчаяния столь же безрассудный, как и бесполезный. «Малой отрады» ссыльная семья не получила, письма Дарьи Михайловны не были вручены адресатам, они покоились среди бумаг Верховного тайного совета, но просимый Меншиковым доктор все же прибыл.

Три письма, подписанные Меншиковым 12 сентября 1727 года, являются последними документами с автографом Александра Даниловича – более никаких прошений и жалоб он не отправлял. Что касается его распоряжений хозяйственного содержания, то они не сохранились.

Впрочем, вмешательство медиков едва ли могло излечить князя от застарелой болезни. Само по себе путешествие в осеннюю слякоть сопряжено с большими трудностями и требовало затрат физических сил, которых у князя поубавилось. Но дело было не только в трудности пути. Улыбки и приветствия, расточаемые знакомым во время продвижения по улицам столицы, свидетельствовали всего лишь о его исключительном самообладании и выдержке. Меншикову было, конечно, уже не до улыбок. Оставшись наедине с собою, он оказался во власти отчаяния, видимо, еще более сильного, чем то, которое ему довелось пережить в январе-феврале 1723 года. Оно и вызвало обострение болезни. 2 октября, когда Меншиков был доставлен в село Березай, у него начался очередной приступ, едва не закончившийся смертельным исходом. Вот как выглядело состояние князя под пером Пырского: «И тут князя Меншикова зело было (болезнь. – *Н.П.*) смертельно схватила, что чуть не умер, отчего того часу кровь пустили и потом исповедали и приобщили святых тайн».⁴²⁰ Как вел себя капитан Пырский по отношению к знатному узнику, допускал ли он какие-либо послабления? Судя по всему, допускал, но не бескорыстно.

С одной стороны, он в своих донесениях подчеркивал усердие в пунктуальном выполнении «резолуции» Верховного тайного совета. Рвение Пырского вице-канцлер, по-видимому, подогрел обещанием пожаловать ему майорский чин. В делах сохранились частные письма Пырского к Остерману и Степанову с напоминанием об удовлетворении оставленной перед отъездом челобитной «о перемене своего ранга».

Ради майорского звания стоило постараться, и свое старание капитан изображал так, что ни у Верховного тайного совета, ни у Остермана не возникало даже тени сомнения, что

⁴¹⁹ РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 1, л. 7, 8.

⁴²⁰ Там же, л. 29.

режим содержания опального вельможи достаточно суров.

2 октября Меншиков, как мы видели, находился при смерти. Это, однако, не помешало Пырскому продолжать движение и отклонить просьбу Меншикова сделать остановку в селе Березай до появления зимнего пути. Меншикова уложили в качалку, привьючили ее к двум лошадям и таким способом 5 октября доставили в Вышний Волочек. Моросил ли нудный осенний дождь, дул ли пронзительный ветер – солдаты месили бездорожье и не спускали глаз с кареты, в которой везли ссыльного.

14 октября, находясь в Клину, Пырский получил указ об изъятии у Меншикова, его сына и дочерей орденов и о водворении Варвары Михайловны в Александровский монастырь. Курьер, доставивший этот указ, привез и кольцо, подаренное нареченному жениху, потребовав взамен кольцо, врученное Петром II Марии Александровне во время помолвки. Таким образом, слабо теплившаяся надежда, что «по учиненному пред Богом обещанию» Петр вступит с дочерью «в законное супружество», развеялась бесповоротно.⁴²¹

На следующий день Пырский донес о пунктуальном выполнении всех повелений: обменял перстни, отобрал «кавалерию», отправил в монастырское заточение сестру жены.

Был случай, когда действия Пырского могли вызвать раздражение членов Верховного тайного совета, и прежде всего Остермана. Речь идет о пересылке писем Александра Даниловича и Дарьи Михайловны Верховному тайному совету, Остерману, его супруге и теще с просьбой о присылке доктора. Но Пырский проявил осторожность: в частном послании к секретарю Верховного тайного совета Степанову он передавал судьбу писем в руки его, Степанова, – тот мог их захоронить в бумагах, а мог, если сочтет необходимым, вручить адресатам. Степанов, как мы видели, предпочел их задержать у себя.

Итак, донесения Пырского дают основание видеть в гвардейском капитане сурового и беспощадного служаку, бдительно сторожившего своего узника, не склонного проявлять никакого милосердия и даже готового доставить к месту назначения труп вместо живого Меншикова.

Быть может, все эти качества были присущи Пырскому, и именно они дали основание Остерману назначить его командиром отряда. Но вместе с тем Пырский не был свободен от распространенного среди современников порока – он принадлежал к числу мздоимцев.

Обещанная Остерманом «перемена ранга» была журавлем в небе, а в сундучках кареты Меншикова лежали драгоценности и деньги, которыми князь был готов поделиться со стражами. Соблазн получить хоть малую толику княжеских сокровищ был велик, и Пырский не устоял против этого соблазна. Он согласился брать подношения. Князь одаривал Пырского дорогими перстнями, деньгами, мехами, а когда кортеж ехал мимо недавно пожалованной капитану деревни из трех дворов, то распорядился выдать ему на обзаведение жеребца, шесть кобыл и несколько жеребят, велел снабдить этот конный завод овсом и сеном из своих вотчин, а также доставить три сотни бревен на хоромы для барина. Перепадало кое-что и рядовым. Под предлогом того, что команда терпит нужду из-за него, Меншикова, он награждал каждого солдата двумя с полтиною рублями.

Продаваемая Пырским благосклонность, видимо, избавила Меншикова и его семью от мелочной и назойливой опеки команды. Более того, ссыльным удалось несколько раз воспользоваться попустительством капитана, чтобы установить связь с внешним миром.

Светлейший был тяжело болен и, надо полагать, смирился со своей судьбой. Энергию Дарьи Михайловны целиком поглотили хлопоты вокруг больного супруга. Придавленная бедой, она, женщина хрупкая, едва ли была способна к сопротивлению. Единственным человеком в составе ссыльной семьи, сохранившим смелость, желание и энергию, чтобы выпутаться из беды, была Варвара Михайловна. Это она, разумеется, с согласия Меншикова и от его имени, отправила к заслуженному генералу князю Михаилу Михайловичу Голицыну гонца с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед царем об оказании ссыльной семье

⁴²¹ Там же, л. 36.

«милости».

Затея закончилась неудачей то ли потому, что встреча служителя Федора Фурсова с Голицыным не состоялась, то ли потому, что последний не пожелал компрометировать себя связями с опальным вельможей и отказал в просьбе. Неудача не обескуражила Варвару Михайловну, и она еще раз использовала этого же служителя, чтобы отправить его с такой же просьбой в Москву к губернатору Ивану Федоровичу Ромодановскому и престарелому сенатору Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину. Однако Фурсов не рискнул обратиться к московским вельможам. «Понеже, – как он позже объяснял, – то не малое дело».⁴²²

В менее существенных делах подкуп Пырского и его команды принес плоды. Так, Московская домовая контора Меншикова по его распоряжению доставила к нему, когда кортеж находился недалеко от старой столицы, 22 тысячи рублей. Половину этой суммы князь отдал Варваре Михайловне, которую ждала ссылка в Александров монастырь. Кроме того, Меншикову было разрешено отправить письма-распоряжения вотчинным приказчикам и служащим, оставшимся в Петербурге. Эта поблажка, как и прочие, являлась нарушением Пырским своих обязанностей.

17 октября 1727 года обоз со ссыльной семьей оказался в деревне Аксиныиной, что в двух верстах от Химок. Отсюда кортеж круто повернул на юг и, не заезжая в Москву, через два дня достиг Люберец. Дальнейший путь лежал по Коломенской дороге, и 3 ноября, почти два месяца спустя после выезда из Петербурга, Меншиков был доставлен наконец в Ранненбург. Здесь через три дня произошло событие, круто изменившее и судьбу Меншикова, и карьеру Пырского.

6 ноября ссыльный решил отметить день своего рождения. Семейный праздник он использовал для очередных подношений капитану и всей страже, включая солдат.

По требованию Пырского, считавшего, что Ранненбург «крепость немалая и содержания требует искуснова», численность охраны была доведена до 195 человек. Меншиков выдал солдатам, охранявшим его с начала пути, по два с полтиной, а прибывшим позже из Москвы – по два рубля, капралам – по пять, сержантам – в два раза больше, прапорщику – двадцать, капитану-поручику – пятьдесят. Самый дорогой подарок, позже оцененный в сто пятьдесят рублей, – перстень с алмазами – достался Пырскому. Кроме того, Меншиков в дополнение к казенному рациону велел выдавать каждому солдату по одной копейке в день на мясо и рыбу.

Надо полагать, что среди благодетельствованных князем людей начались распри из-за размера полученной подачки, и Пырский, опасаясь доноса, решил предупредить события. 9 ноября 1727 года он отправил в Верховный тайный совет донесение, в котором говорилось о «получении подарков не только здесь, в Ранненбурге, но и в дороге».⁴²³

Как же жилось князю в течение двух месяцев, когда он находился под надзором Пырского?

Меншиков, как явствует из документов, рассчитывал, что Ранненбург станет для него последним убежищем, где он будет коротать жизнь до конца дней своих, поэтому принимал меры, чтобы устроиться в нем поудобнее, и думал о завтрашнем дне. Еще будучи в пути, он позаботился о благоустройстве своей новой резиденции. В Ранненбург он отправил несколько распоряжений о заготовке столовых припасов, меда и пива, ремонте хорм, приобретении рыбы на Покровской ярмарке. Приказчикам вотчин, расположенных близ Волги, велено было проявить старание «о покупке и присылке яйцкой и волжской разных засолов икры», а московский приказчик должен был обеспечить дом разными сортами вина.⁴²⁴

⁴²² Там же, л. 75.

⁴²³ Там же, л. 54.

⁴²⁴ Там же, л. 91, 92, 101.

Режим содержания ссыльного, видимо, не отличался строгостью. Меншиков по-прежнему покупал благосклонность капитана Пырского разного рода подношениями, которые тот охотно принимал и после того, как известил Верховный тайный совет о том, что князь не скупился на подарки. Поводов для приема подношений было немало: то день рождения Пырского, то именины его супруги, то день рождения самого князя, то встреча Нового года. В руках Пырского оказались золотые часы, табакерка, перстни, отрез золотой парчи на камзол и даже пара поношенных платьев с княжеского плеча.

Несмотря на послабления Пырского, от бывшего величия остались жалкие воспоминания. Семья князя хотя и пользовалась услугами дворни, но численность ее уменьшилась более чем вдвое: выехали из Ранненбурга слуги-иностранцы, исчезли певчие, карлы, убавилось лакеев и конюхов. В Петербурге проснувшегося князя ждала толпа вельмож и придворных. В Ранненбурге вместо вельмож у дверей стоял часовой, зорко следивший за каждым шагом узника.

Жизнь семьи, успевшей как-то приспособиться к условиям ссылки, была в начале января 1728 года нарушена появлением в Ранненбурге двух новых лиц – гвардии капитана Петра Наумовича Мельгунова и действительного статского советника Ивана Никифоровича Плещеева. Первый из них должен был заменить Пырского на посту начальника караула.

В Верховном тайном совете в действиях Пырского усмотрели грубые нарушения инструкции, поэтому Мельгунова снабдили новой инструкцией, устанавливавшей более жесткий режим заточения. Строже стал контроль за перепиской Меншикова. В инструкции читаем: «Чтоб ни единое письмо ни к ним, ни от них мимо твоих рук не миновало». Ограничивались права Меншикова на вотчины – ему было запрещено заключать какиелибо сделки. Инструкция содержала новый пункт, навеянный отпращиванием должности начальника караула предшественником Мельгунова. «У него же, Пырского, принять остаточную у него денежную казну. А от князя Меншикова как тебе самому никаких подарков не брать, так и подчиненным брать отнюдь не допускать под опасением за преступление по военному артикулу». ⁴²⁵ Плещеев тоже был снабжен инструкцией. Президент Доимочной канцелярии, человек, по отзывам современников, весьма свирепый, в дни могущества Меншикова постоянно отиравшийся в приемной его дворца, теперь, согласно инструкции, должен был выполнять роль следователя.

Опальному вельможе предъявили множество финансовых претензий частные лица и государственные учреждения. Плещеев должен был потребовать от Меншикова ответа в расходовании казенных сумм. Долги ссыльного, реальные и мнимые, дали Верховному тайному совету повод приказать Плещееву описать все его «пожитки», опечатать их и приставить караул. Следователю, кроме того, надлежало отобрать у Меншикова и его сына «чужестранные кавалерии» – иностранные ордена, «понеже, – как сказано в инструкции, – чужестранные потентаты чрез своих министров» требовали их возвращения. Одно поручение, весьма деликатное, выполнение которого требовало соответствующих навыков, объясняет, почему при назначении следователя выбор пал именно на президента Доимочной канцелярии.

Двор и столичные сановники твердо уверовали в несметные богатства Меншикова. Эта убежденность подкреплялась еще и тем, что князь в дополнение к доходам с вотчин в 1727 году взял у казны на расходы около 200 тысяч рублей. Члены Верховного тайного совета надеялись обнаружить в княжеском дворце уйму денег наличными. Но вот незадача: «Денег в доме ево ничего не является», – разочарованно отметила депеша. Плещеев должен был допросить Меншикова, «чтоб он сказал подлинно, без утайки, куда взятую в нынешнем году сумму употребил или где и у кого в сохранении положены. Також, нет ли где в

⁴²⁵ Там же, л. 111–117.

чужестранных государствах в банках и в торгах».⁴²⁶

Плещеев начал составление описи имущества 5 января 1728 года. В присутствии Меншикова, членов его семьи и многочисленной челяди открывались один за другим подголовки, сундучки, ларчики, футляры, из которых извлекали усыпанные бриллиантами, жемчугом и изумрудами шпаги, трости, пряжки, запонки, перстни, портреты. В общей сложности в опись было включено 425 предметов различных наименований, принадлежавших Меншикову, его супруге, сыну и двум дочерям. Поскольку многие драгоценности записывали под одним номером и называлось их общее число (например, «15 булавок, на каждой по одному бриллианту» или: «2 коробки золота литого», «2 больших алмаза в серебре», «95 камней лаловых больших и средних и самых малых»), то общее количество предметов достигало нескольких тысяч. Среди конфискованных предметов находилась и трость, изготовленная по эскизу Петра и подаренная Меншикову за Калишскую победу, а также подарки и награды иностранных коронованных особ: шпага с золотым эфесом, украшенным алмазами, – подарок польского короля; запонка с большим алмазом, подаренная прусским королем, датский орден Слона с шестью большими бриллиантами. Среди «пожитков» княжеской семьи интересны предметы домашнего обихода и гардероб вельможи, его супруги и детей. Вся посуда была сработана из серебра: чайники, подносы, сахарницы, кофейники, ножи, вилки. Даже «блюдо, что бреютца» и «уринник с ручкою» (ночной горшок) были серебряными. Поражает огромное количество одежды князя. Перечень ее вполне подтверждает репутацию, которую снискал светлейший среди современников: он был модником и тщательно следил за своим гардеробом. Достаточно сказать, что опись Плещеева зарегистрировала 147 рубах без манжетов и с кружевными манжетами, из голландского полотна, около 50 кружевных и кисейных галстуков, 55 пар простых и шелковых чулок, 25 париков, огромное количество простынь, подушек, скатертей.

Гардероб Дарьи Михайловны был скромнее, причем все вещи оставлены за нею. Помимо юбок, кафтанов, корсетов, платков, более 50 рубах, ей было оставлено под расписку множество кусков разных сортов материи: 28 аршин тафты, 62 аршина байбрека, 8 аршин белого атласа, узлы с разноцветными лентами.

Второе место после главы семьи по количеству драгоценностей и одежды занимала старшая дочь Мария. Для нареченной невесты царя князь приготовил богатое приданое. Перечень принадлежавших ей драгоценностей, разумеется конфискованных, включал свыше 200 наименований. Среди них четыре бриллиантовых креста, множество ниток крупного и мелкого жемчуга, сотни бриллиантов и изумрудов, серьги, кольца, пряжки, подвески, запонки, «две персоны арапских, литых в золоте, при них искры алмазные», портреты Петра, Екатерины и Дарьи Михайловны, украшенные бриллиантами и алмазами. В списке изъятых вещей находилась пудреница, чернильница с двумя песочницами, игла золотая, серебряная «готоваленка», зрительная труба. Вся одежда и обувь, а также шесть вееров и соболя муфта были оставлены Марии.

В феврале Плещеев донес Верховному тайному совету о результатах своих усилий: «А пожитки ево, князя Меншикова, также деньги и вещи, что чего явилось переписал и собрал в одно место, запечатал и поставлен караул».

Закончив составление описи драгоценностей и имущества, Плещеев призвал всех слуг князя и под угрозой смертной казни предложил сообщить о деньгах и вещах, утаенных Меншиковым от следствия. Обращение к прислуге не дало ожидаемых результатов, хотя все же было кое-что обнаружено сверх предметов, включенных в опись.

Один из слуг донес, что в Москве у княгини Татьяны Шеховской хранится ларчик Меншикова с драгоценностями «тысяч на сто и больше». Князь признал, что у Шеховской находится ларчик, но, по его мнению, «в том ящике золотых вещей, например, только тысячи

⁴²⁶ Там же, л. 117.

на три или четыре».⁴²⁷

Другая попытка утаить деньги была сделана с целью обеспечить черный день свояченице Варваре Михайловне. Речь идет о 22 тысячах рублей, доставленных семье Меншикова из Московской домовой конторы, когда ссыльные находились в пути. Половину этой суммы князь взял себе, и ее остатки были изъяты Плещеевым, а другую половину он передал свояченице, будущей инокине Варсонофии, перед отправлением ее в монастырь.

Три складня, два из них усыпанных бриллиантами, один – изумрудами, оцененных в 22 тысячи рублей на тогдашние деньги, то есть самые дорогие предметы, были переданы на хранение служанке Екатерине Зюзиной. Месяц после приезда Плещеева она хранила тайну, а затем не выдержала и донесла.

Молва современников Меншикова оценивала его сокровища в фантастические суммы. Князь Куракин сообщал, что ежегодный доход князя с вотчин достигал 150 тысяч рублей, «также и других трезоров (драгоценностей) великое множество имел, а именно в камнях считалось на полтора миллиона рублей». Среди «каменьев» выделялся «яхонт червчатой (рубин. – *Н.П.*) великой цены по своей великости и тяжести и цвету, который считался токмо един в Европе».⁴²⁸ Богатства князя в представлении Куракина выглядят ничтожными по сравнению с тем, что на этот счет сообщал саксонский посланник Лефорт. В октябре 1727 года он доносил в Дрезден: «Одни говорят, что вещи, отнятые у него в дороге, превышают 20 миллионов, другие же говорят, что только пять».⁴²⁹ В другом донесении, отправленном в конце ноября, Лефорт сообщал: «Составляется опись имуществу, оставшемуся в доме князя Меншикова. Собирают все данные о незаконно приобретенном им в различное время из государственной казны, как то: на 250 000 серебряной столовой посуды, на 8 000 000 червонных и на 30 000 000 серебряной монеты. Все это кажется невероятным».⁴³⁰ Сообщенные Лефортом цифры, правда, с упоминанием его сомнений относительно их достоверности, попали на страницы трудов историков.⁴³¹

Слово «невероятно» слишком слабо отражает преувеличение Лефортом реальных богатств Меншикова. Их оценку следует признать плодом ничем не сдерживаемого полета фантазии. Лефорт черпал информацию из абсолютно недостоверных источников. Точно известно, что в пути у Меншикова никто деньги не изымал. Из инструкции Плещееву мы также знаем, что во дворце князя в Петербурге никаких денег не обнаружено. Но даже если бы в нашем распоряжении не было оценочных ведомостей сокровищ князя, то и в этом случае сведения Лефорта можно легко опровергнуть. Для этого достаточно сопоставить бюджет России с приводимыми Лефортом цифрами.

В 1724 году казна намеревалась получить восемь с половиной миллионов дохода. Он складывался из подушной подати, взимаемой с 7 миллионов налогоплательщиков, а также разнообразных косвенных налогов. Богатства Меншикова в деньгах и драгоценностях с учетом перевода червонных в рубли оценивались, по Лефорту, суммой от 51 250 до 66 250 тысяч рублей.

Воображение современников, судачивших по поводу несметных сокровищ Меншикова, видимо, подогревалось просочившимися сведениями об изъятии у него крупнейшего в Европе яхонта. Эта драгоценность стала предметом особых забот Верховного тайного совета

⁴²⁷ Там же, л. 81.

⁴²⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 76.

⁴²⁹ Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 500.

⁴³⁰ Там же, с. 507.

⁴³¹ Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 152.

в связи с тем, что камень стоил колоссальных денег – Меншиков в 1706 году заплатил за него какому-то сибирскому купцу девять тысяч рублей. В журнале от 10 сентября 1727 года читаем: «Призываны Алексей Макаров и Петр Мошков и приказано им, чтоб они камень яхонт большой у князя Меншикова взяли». Запись следующего дня отметила выполнение указа: «Впущен был Петр Мошков и объявил камень большой лаловой, который по вчерашнему приказу взял он у князя Меншикова, и тот камень для отдания е. и. в. принял барон Андрей Иванович Остерман».⁴³²

Сведения о сокровищах Меншикова можно отчасти проверить по оценочным ведомостям изъятых у него драгоценностей, а также наличных денег. Считаем, что «отчасти», ибо цена, проставленная в ведомостях, занижена по крайней мере в 2–3 раза. Драгоценности были оценены в 120 тысяч рублей. Реальная их цена, видимо, равнялась 300 тысячам рублей. Каково же было удивление Плещеева, когда он в сундучках князя вместо ожидаемых миллионов обнаружил сущую безделицу – 11 156 рублей русской монетой и на 1455 рублей иностранной валюты. К этой сумме следует прибавить еще 6594 рубля и 88 червонных, отписанных в казну из приморских дворцов домовой конторе, ведавшей ингерманландскими и копорскими вотчинами, а также 73 822 рубля, конфискованные в Петербурге. Наконец, приплюсуем 11 тысяч, подаренных Варваре Михайловне, и 1 тысячу рублей, отданную купцу на приобретение мехов, вина и прочего. Без большой погрешности общую сумму сокровищ и денег Меншикова можно определить в 400 тысяч рублей. Тоже сумма немалая! Если перевести деньги того времени на курс золотого рубля начала XX века, то получим около 3,5 миллиона.

Работный человек средней квалификации на мануфактуре во времена Меншикова получал 18 рублей в год.

Уместно вспомнить, что в начале жизненного пути все богатство Меншикова составлял кузов, наполненный пирогами. На склоне лет для доставки в Москву одних только драгоценностей и денег понадобилось шесть сундуков.

Сумма в 400 тысяч рублей, разумеется, не отражала всего богатства Меншикова. Немалых денег стоила обстановка дворцов Меншикова в Ораниенбауме, Кронштадте, Москве и Нарве. Главное же богатство князя составляли многочисленные вотчины, крепостные крестьяне, промысловые заведения, дворцы, мебель, хрусталь, ковры, картины, одежда и прочее.

Какова дальнейшая судьба сокровищ светлейшего, кто стал владельцем осыпанного бриллиантами складня, оцененного в 16 тысяч рублей, бриллианта к прусскому ордену Черного Орла в 7 тысяч, кому достались запонки, серьги, перстни, булавки и прочее добро?

Канули в неизвестность. Попытки обнаружить следы сокровищ Меншикова в собраниях главных музеев страны – Эрмитаже, Оружейной палате, Историческом музее – не увенчались успехом. На судьбу сокровищ и имущества Меншикова проливают свет архивные документы.

Гардероб княжеской семьи доставили в Москву. Частично им воспользовались дети Меншикова, возвращенные из ссылки в 1731 году.

Перечень предметов, полученных Александром и Александрой Меншиковыми, занимает свыше 30 архивных листов. Среди них разнообразная мужская одежда: камзолы, кафтаны, шапки, шляпы, чулки, перчатки, галстуки, 23 парика. Женская одежда представлена менее богато: юбки, корсеты, муфты и т. д. Наследники получили немало столового и постельного белья. Посуда, возвращенная наследникам, была медной и оловянной.⁴³³ Большая часть одежды стала жертвой времени и небрежного хранения. Летом 1730 года Московская губернская канцелярия сообщала, что кровля дома, где хранилось

⁴³² Сб. РИО. СПб., 1889. С. 69, 273, 277.

⁴³³ РГАДА, ф. Сената, кн. 234, л. 402–436.

имущество, дала течь, отчего, как сказано в доношении, пожитки «весьма трупуют».⁴³⁴

Любопытна судьба предметов, доставшихся в приданое Александре Александровне, вышедшей замуж за брата фаворита императрицы Анны Иоанновны – Густава Бирона.

Александра Александровна умерла бездетной в 1736 году, а четыре года спустя катастрофа постигла и Биронов – Эрнст Бирон, ставший после смерти Анны Иоанновны регентом, в результате дворцового переворота вместе с братьями оказался в ссылке в Пелыме. Имущество Густава Бирона было конфисковано, в том числе и полученное в приданое покойной его супругой. Таким образом, части имущества Меншикова суждено было дважды подвергнуться конфискации.

Законным наследником приданого был брат покойной Александр Александрович, но он по каким-то причинам объявил свои права на него только в 1752 году. В челобитной он сообщал, что за сестрой было отдано из возвращенного имущества отца «пожитков тысяч до семидесяти, да деревни купленные, лежащие в Польше, Горы Горки, которые проданы графу Потockкому за восемьдесят тысяч рублей, и деньги за сестрою моею в приданство не были отданы ему, Бирону».

Мы не ругаемся за точность оценки «пожитков», ибо в челобитной Александра Александровича сказано, что Горы Горки были проданы за 80 тысяч рублей, а на поверку оказалось, что продажная цена была на 10 тысяч меньше и составила всего 70 тысяч. Во всяком случае, к 1740 году, когда составлялась опись конфискованного имущества, «пожитки» Густава Бирона оценивались в 5696 рублей, в том числе женского платья на 1051 рубль, фарфоровой и хрустальной посуды на 331 рубль, а медной и оловянной – на 297 рублей. Остальные предметы, бесспорно принадлежавшие А. А. Меншиковой, большой ценности не представляли. Это прежде всего множество портретов князя, его супруги, детей и всей семьи, выполненные финифтью на меди и оцененные от двух до шести рублей каждый, а также несколько картин. Изделий из золота и серебра, за исключением двух золотых перстней с вынутыми камнями, а также прочих драгоценностей опись не регистрировала. Относительная скромность конфискованных «пожитков» дает основание предположить, что Густав Бирон, возможно, готовился к падению брата и сумел заблаговременно куда-то пристроить драгоценности.

Имущество Густава Бирона, как отмечалось выше, было оценено в 5696 рублей, а с торгов его продали за 13 963 рубля. Следовательно, купцы-эксперты, привлекаемые Канцелярией конфискации в качестве оценщиков, имели обыкновение проставлять на предметы, изъятые у опальных лиц, не реальные, а значительно заниженные цены.⁴³⁵

Иностранные ордена Меншикова без бриллиантов были отправлены в Иностранную коллегия, а часть русских – обрела новых владельцев. Орден святой Екатерины, изъятый у сына Александра Даниловича, царь отдал своей сестре Наталье Алексеевне, а орден Александра Невского, отобранный у пажа нареченной невесты, вручил фавориту Ивану Долгорукому. Прочие ордена с бриллиантами, принадлежавшие самому светлейшему и оцененные в 11 500 рублей, были употреблены в дом его императорского величества.

Наиболее ценные предметы из меншиковских сокровищ Петр II подарил Наталье Алексеевне. В их числе упоминавшийся выше бриллиантовый складень, бриллиант к «прусской кавалерии», золотой пояс с пряжкой, усыпанной бриллиантами, и множество других украшений.

Использование остальных сокровищ связано с двумя событиями в царском доме: коронацией Петра II и смертью его сестры. По распоряжению Остермана серебряную посуду Меншикова весом около центнера передали «для убору ко гробу» царевны.⁴³⁶ На

⁴³⁴ РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 4, л. 134.

⁴³⁵ РГАДА, ф. 5-й департамент Сената, оп. 1, кн. 4356, л. 418–429.

⁴³⁶ РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 4, л. 32.

изготовление короны использовали бриллианты, алмазы, изумруды, жемчуг. Их пришлось извлечь из пуговиц, портретов, запонок, петлиц, крестов. Общая их стоимость превышала 29 тысяч рублей.

Все, что осталось от дележа, присвоила императрица Анна Иоанновна. Бывшая Курляндская герцогиня затребовала драгоценности на следующий же день по восшествии на престол. Доставленные в ее дворец предметы она, как написано в официальном документе, «пересматривать изволила и по пересмотру указала те вещи», на общую сумму в 22 872 рубля, оставить у себя.⁴³⁷

Покончив с описью драгоценностей и имущества, Плещеев приступил к допросам Меншикова. Ему надлежало выяснить связи Меншикова с шведским сенатором Дибеном, которому он якобы дал гарантию, «что со стороны российской ничего опасаться не надлежит, понеже власть в войске содержится у него в руках и наипаче, что тогда здоровье ее величества государыни императрицы зело в слабом состоянии и чаёт он, что век ее долго продлиться не может». Такое обещание Меншиков дал не бескорыстно. Шведский посол в Петербурге барон Цедеркрейц будто бы выдал Меншикову взятку в 5 тысяч червонных за информацию о внешнеполитических планах России по отношению к Швеции.⁴³⁸

Иными словами, у Верховного тайного совета было намерение обвинить Меншикова в государственной измене. Подозрение в измене покоилось на донесениях русского посланника в Стокгольме графа Головкина, сына канцлера.

В Петербурге были допрошены три секретаря Меншикова. Ни один из них не подтвердил обвинения: никаких писем, «противных ее императорского величества и Российской империи, в чужеземные государства и особливо в Швецию ни к кому не писали». Не удалось обнаружить следов преступной переписки и в опечатанной канцелярии Меншикова.⁴³⁹ Остерман и Голицын признали убедительными показания взятых под стражу секретарей и распорядились освободить их. Осталось допросить самого Меншикова.

Плещеев вел допросы Меншикова в присутствии капитанов Мельгунова и Пырского. Обвиняемый, однако, категорически отрицал как получение взятки, так и действия, направленные против интересов России.⁴⁴⁰

Помимо официальных допросов, Плещеев вел с Меншиковым частные разговоры. Формально они якобы происходили с глазу на глаз, как непринужденный обмен мнениями, но их подслушивали заранее спрятавшиеся за ширмой капитан Пырский и подпоручик Ресин. Правда, всего им расслышать не удавалось, но во время одного из таких частных разговоров они уловили следующие слова Меншикова: «С шведской-де стороны и много разговоров бывало и говорено, чтобы им отдать Ригу и Ревель и из Выборга Шувалова и Порошина вывести и определить иноземца, и за то обещали ему, кн. Меншикову, отдать во владение Ревель и объявить князем в Ингрии, и он, кн. Меншиков, того по верности своей к его императорскому величеству и ко всему Российскому государству не учинил. Ингрия и так моя, к тому ж и Ревель», – рассудил князь.⁴⁴¹

⁴³⁷ РГАДА, ф. Сената, кн. 234, л. 391.

⁴³⁸ Нечаев В.Н. Следственные допросы кн. А.Д. Меншикова // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 115, 123.

⁴³⁹ Там же. С. 118.

⁴⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴⁴¹ Там же. С. 125; Овчинников Р.В. Крушение полудержавного властелина // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 87—104.

Обвинение Меншикова в измене повисло в воздухе, улики на этот счет отсутствовали.

Плещеев допрашивал Меншикова и по поводу вымогательства им у герцога Голштинского 80 тысяч рублей. После смерти Екатерины герцога выдворили из России, причем перед отъездом он должен был получить 300 тысяч. Меншикову ставилось в вину, что он вынудил герцога из этой суммы выдать крупный куш в 80 тысяч якобы «за труды», то есть за хлопоты. В инструкции Плещееву действия Меншикова названы «дерзким вымогательством».

В этом обвинении налицо тоже передержка. Во-первых, деньги были выданы герцогу без участия (во всяком случае формального) Меншикова на основании завещания Екатерины и определения Верховного тайного совета, на заседании которого Меншиков, кстати, не присутствовал. Следовательно, он не мог претендовать на вознаграждение «за труды». Тем не менее деньги Меншиков все-таки получил, но совсем при иных обстоятельствах. Он заявил следователю, что герцог накануне отъезда сам подарил вотчины в Голштинии, оцениваемые в 100 тысяч рублей. От щедрого подарка светлейший не отказался, но пожелал взять его деньгами: 60 тысяч он получил наличными, а на 20 тысяч ему был выдан вексель. Мысль обвинить Меншикова в вымогательстве пришла герцогу после падения светлейшего, когда Верховный тайный совет обратился с призывом, чтобы все, кто имел к нему претензии, немедленно их предъявили.

В задачу Плещеева входило и расследование хищений Меншикова. О масштабе казнокрадства Меншикова среди иностранных дипломатов при русском дворе, как мы знаем, ходили невероятные слухи. Сумма начета, предъявленного Меншикову, равнялась 110 тысячам рублей, 1 тысячи ефимков и 100 червонным. Из этой суммы Меншиков признал обоснованными претензии казны только на 100 червонных. Остальной начет он оспаривал, причем на законных основаниях.

С какой целью Плещеев допрашивал Меншикова, в чем состоял практический смысл следствия, затеянного Верховным тайным советом четыре месяца спустя после события, обратившего всеобщее внимание на вельможу в ссылке?

Задача следствия состояла в том, чтобы доставить Верховному тайному совету необходимый материал для манифеста «О винах Меншикова»: надо было положить конец пересудам и обнародовать обвинения, убеждавшие всех как внутри страны, так и за ее пределами в том, что в Ренненбург отправлен государственный преступник, достойный самого сурового наказания.

Такой манифест от имени Петра II был подготовлен Остерманом. Французский посол Маньян доносил в Париж 9 сентября, в день падения Меншикова: «Каждую минуту ожидают появления манифеста по этому делу».⁴⁴² Но проходили дни, недели и даже месяцы, а манифест так и не увидел света. Его обнаружил два века спустя в ворохе архивных бумаг историк В. Н. Нечаев.

Что же удержало Верховный тайный совет удовлетворить любопытство современников?

Ответ на поставленный вопрос дает анализ проекта манифеста. Среди восьми «вин» Меншикова на первое место поставлен его произвол к лицам царствующей династии – Петру II и его бабке Евдокии Федоровне Лопухиной. Меншиков, сказано в проекте манифеста, «дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочери своей княжне Марье», а также «бабке нашей великой государыне Евдокии Федоровне чинил многие противности, которых в народ публично объявлять не надлежит». Все же одну «противность» составитель манифеста назвал: Меншиков не разрешил свидания царицы с внуком и заточил ее в Новодевичий монастырь в Москве.

Оба обвинения, правильные по существу, формально не могли быть предъявлены Меншикову. Известно, что «тестament» – завещание покойной императрицы – возлагал на

⁴⁴² Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 88.

Верховный тайный совет обязанность «супружество учинить» между Петром II и одной из дочерей Меншикова. Более того, Верховный тайный совет в свое время обвинил Толстого и Девиера как раз в том, что они противились сватовству «на принцессе Меншиковой». Сам Остерман принимал живейшее участие в этом сватовстве. В манифесте, обнародованном в мае 1726 года от имени Петра II, было сказано, что Толстой, Девиер и их сообщники, «не доброхотствуя нам, тщились отвратить блаженные памяти ее императорское величество от ее всемилостивейшего от нас высокоmaterного попечения о сватовстве нашем на принцессе Меншиковой, которую мы во имя Божие, с воли ее ж величества и по нашему свободному намерению к тому благоугодно избрали».

Не подлежит сомнению, что составление «тестамент», как и расправа с Девиером, Толстым и другими, – дело рук Меншикова, хотя все это было санкционировано императрицей, Петром II и тем же Верховным тайным советом, который теперь переадресовал вину Меншикову. Но обвинение Меншикова задним числом выглядело бы нелепо и выставило бы обвинителей в неприглядном виде. В самом деле, в проекте манифеста о винах Меншикова от 17 декабря 1727 года было сказано, что Меншиков «дерзнул нас принудить на публичный зговор к сочетанию нашему на дочери своей, княжне Марье, уграживая, ежели б мы на то не соизволили, весьма нам противным и вредительным злым своим намерениям».

Не менее щекотливым было также обвинение во «многих противностях» по отношению к престарелой царице Евдокии Федоровне.

Сомневаться в ее неприязни к Меншикову не приходится, она восходит, надо полагать, ко времени, когда царь зачастил в Немецкую слободу к Анне Монс. Но Меншиков напомнил о себе много позже, после так называемого суздальского розыска.

Когда следствие по делу царевича Алексея обнаружило, что бывшая царица вела в Суздале отнюдь не монашеский образ жизни, ее решено было перевести в Ладожский девичий монастырь, что в Старой Ладоге. Выбор места заточения был не случайным – Старая Ладога входила в состав столичной губернии. Губернатор Меншиков 20 мая 1718 года подписал инструкцию капитану Маслову, начальнику стражи; бывшая императрица должна была содержаться в полной изоляции – ей запрещались переписка и общение не только с людьми, находившимися за монастырской стеной, но и с монахинями. Солдаты, а их в карауле было двенадцать человек, должны были днем и ночью сторожить монастырь.

Царица, освобожденная из заточения, не преминула воспользоваться падением временщика и отправила своему внуку письмо с жалобами на него: «Хотя давно желание мое было не только поздравить ваше величество с восшествием на престол, но, по несчастию моему, по се число не сподобилась, понеже князь Меншиков, не допусая до вашего величества, послал меня за караулом к Москве». Вероятно, так оно и было. Но Меншиков в данном случае обставил дело столь предусмотрительно, что обвинить его в самоличном решении этого вопроса, по крайней мере формально, нет оснований. Сама Евдокия в письме Верховному тайному совету выразила желание переселиться из Шлиссельбурга в Новодевичий монастырь и просила, чтобы «определено бы было мне нескудное содержание в пище и прочем». Будучи в это время больным, Меншиков пригласил к себе членов Верховного тайного совета, которые и распорядились удовлетворить просьбу инокини Елены. Шаткость обвинений Меншикова была очевидна.

У членов совета теплилась надежда обосновать «вины», перечисленные в проекте манифеста, и добыть новые факты. Но миссия Плещеева разочаровала – следовательно ничего нового в столицу не привез. Именно поэтому Верховный тайный совет воздержался от обнародования манифеста – Меншикова, таким образом, отправили в ссылку без следствия и суда. В опубликованном 27 марта 1728 года указе о преступлениях Меншикова сказано глухо и в самой общей форме: «За многие и важнейшие к нам и государству нашему и народу показанные преступления смертной казни достоин был, однако же, по нашему

милосердию, вместо смертной казни сослан в ссылку».⁴⁴³

Что нового внесло в жизнь ссыльной семьи появление в Ранненбурге Плещеева и Мельгунова?

Прежде всего, князя лишили огромных богатств, представленных не столько драгоценностями, сколько вотчинами. Из его владений, разбросанных по всей территории Европейской России и за границей, можно было бы составить не одно немецкое княжество средней руки. Теперь ему оставили только тысячу крепостных. Правда, эта утрата в месяцы, проведенные под надзором Мельгунова, еще не сказалась – Меншиков расходовал имевшиеся у него наличные деньги. Зато конфискация части пожитков и уменьшение числа слуг сразу же лишили его прежней роскоши и бытовых удобств, к которым он привык за многолетнюю жизнь в столице.

Во времена Пырского Меншиков в значительной мере был предоставлен самому себе. Он мог проводить многие часы наедине со своими думами или в окружении членов семьи. С приездом следователя и нового начальника караула он должен был постоянно находиться в их обществе. Опись пожитков, как и ответы на вопросы следователя, усиливали нервное напряжение, взрывы гнева перемежались с упадком сил князя, не вполне оправившегося от болезни.

Наконец, наглухо были перекрыты все каналы общения. В те три месяца, когда караулом командовал Пырский, от имени Меншикова было составлено 35 писем-распоряжений приказчикам, служителям, доверенным лицам. Пырский, выполнявший обязанности цензора, аккуратно отправлял письма адресатам, но приказчики своевременно получили предписания игнорировать распоряжения Меншикова и поэтому не отвечали на них.

Лейтмотив большинства писем – приказания о присылке с вотчин денег и припасов, стекол для ремонта оконных рам, покупке в Москве разных сортов вина. Но были письма и другого содержания. При чтении краткого изложения писем в журнале Пырского создается впечатление, что в жизни Меншикова ничего не изменилось, и он, как и в прежние времена, снимает нерадивых приказчиков и назначает новых, хлопочет о продаже хлеба в Ладоге, видимо предназначавшегося для доставки в Петербург, велит возратить какому-то купцу «нитяные кружева», оказавшиеся теперь ненужными. Несколько писем – их отправление свидетельствовало о том, что князь помнил о своем новом положении, – содержали распоряжения об уплате долгов кредиторам: Меншиков не желал, чтобы в его адрес раздавались проклятия.

При Мельгунове этот порядок был изменен – все без исключения письма Меншикова он отправлял в Верховный тайный совет, где все они и осели. Кстати, и количество писем значительно поубавилось: в январе князь передал всего пять писем, а в феврале и марте – ни одного.⁴⁴⁴

Ужесточение режима коснулось и отношений Меншикова с супругой и детьми. Его бесконтрольное общение с членами семьи, которые заходили к нему в спальню, где он мог, как доносил Мельгунов, говорить, «что ему надобно», вызывало у начальника караула опасения. «И нам во оном не без сумнения, и о том как ваше величество повелишь?» – спрашивал Мельгунов в донесении от 15 января 1728 года.⁴⁴⁵

Ответа на запрос не последовало, но можно не сомневаться: коль у Мельгунова возникло «сумнение», то он не преминул воспользоваться своей властью, чтобы устранить повод для опасений. Опыт Пырского показал, что куда безопаснее перегнуть палку, чем быть

⁴⁴³ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 7. № 5252. С. 21.

⁴⁴⁴ РГАДА, Госархив, Разряд VI, д. 160, ч. 1, л. 119, 123–125.

⁴⁴⁵ Там же, ч. 4, л. 16.

обвиненным в упущениях. Во всяком случае, Мельгунов не без гордости доносил 1 февраля 1728 года Остерману, что Меншиков на него, Мельгунова, «имеет гнев» за то, что он содержит узника «в великой крепости». Мельгунов рассчитывал, что это его усердие будет должным образом оценено бароном. В цидулке, приложенной к письму к Остерману, Мельгунов просил пожаловать его за труды 110 дворами, присмотренными им в Орловском уезде. Герцог де Лириа, пользуясь рассказами современников, писал в «Донесении о Московии в 1731 году»: «Меншиков перенес немилость с величайшим мужеством и жил в Ранненбурге с большим душевным спокойствием или выказывал таковое хотя бы для вида...»

В Ранненбурге Меншикову довелось жить недолго. 3 февраля 1728 года состав Верховного тайного совета пополнился двумя новыми членами – Василием Лукичом и Алексеем Григорьевичем Долгорукими. Оба они были заклятыми врагами князя и немедленно воспользовались возможностью свести с ним счеты. Вместе с Остерманом они внушили Петру II мысль о необходимости отправить опального вельможу куда-либо подальше от старой столицы. 9 февраля Остерман объявил Верховному тайному совету волю императора: «Его императорское величество изволили о князе Меншикове разговаривать, чтоб его куда-нибудь послать, пожитки его взять, а оставить княжне его и детям тысяч по десяти на каждого, да несколько деревень, и приказал Совету составить об этом определение».

В феврале вельможам было не до Меншикова – шла подготовка к коронации Петра II. Она состоялась 25 февраля, а затем пришел черед празднеств. Трудно сказать, на какое время затянулось бы исполнение царского указа, если бы 24 марта у Спасских ворот Кремля не обнаружили подметное письмо. Анонимный автор его, согласно донесению испанского посла де Лириа, восхвалял Меншикова, «великие способности и ум сего несчастного министра». Смысл сочинения, более всего смутивший членов Верховного тайного совета, состоял в том, что если Меншиков не будет возвращен к власти, «то дела никогда не пойдут хорошо». Такой ход рассуждений сочли опасным, а пребывание ссыльного в относительной близости к Москве – угрожающим для спокойствия страны. Более всего верховники негодовали по поводу того, что подметное письмо пыталось возбудить у императора недоверие к новым фаворитам. Подозрительность верховников подогревалась еще и тем, что начавшийся розыск хотя и не обнаружил автора подметного письма, но привел к важному открытию: выяснилось, что Варвара Михайловна не расставалась с мыслью выбраться на свободу и после того, как оказалась в монастырской келье. Она писала письма к царевнам Прасковье и Екатерине (дочерям Ивана Алексеевича, брата Петра), Татьяне Кирилловне Голицыной и прочим знатым дамам с просьбой о помощи. Варвара Михайловна обзавелась преданной помощницей, аккуратно доставлявшей ее послания адресатам. Ею оказалась сестра Аксинья Колычева, которой Варвара Михайловна помимо писем вручила три тысячи рублей на подарки.

Вскоре, однако, неугомонная монахиня и сестра убедились в бесплодности своих хлопот. Тогда было решено использовать в качестве защитницы инокиню Елену, то есть бабку царя, содержавшуюся в Новодевичьем монастыре. Колычева познакомилась с ее духовником, для начала одарила его лисьей шубой и обещала уплатить тысячу рублей, если он уговорит бывшую царицу исхлопотать если не освобождение, то хотя бы «свободный выезд» из монастыря и право получать съестные припасы от родственников. Кроме того, он должен был «ввести Меншикова в милость царицы».⁴⁴⁶

Деньги духовник взял, но его хлопоты были прерваны суровым следствием в связи с подметным письмом, к которому привлекли всех причастных к делу. Последовал указ о ссылке Меншикова не «куда-нибудь», как было определено 9 февраля, а в далекий Березов, причем ссылке подлежал не один князь, а вся его семья – супруга и дети.

⁴⁴⁶ Русский архив. М., 1909. № 3. С. 353, 354.

Согласно именному указу от 4 апреля 1728 года Меншикову разрешено было взять с собой в Березов «мужеска и женска полу десять человек». На содержание каждого из пяти ссыльных отпускалась крупная по тому времени сумма – по рублю на день, в то время как на расходы сопровождавших их десяти человек «из подъемных» по рублю на всех, итого шесть рублей.

Этот же указ окончательно определил судьбу Варвары Михайловны: ее велено было «послать в Белозерской уезд в Горской девичь монастырь и тамо ее постричь при ундер-офицере, которой ее повезет в тот монастырь». После пострижения Варвара Михайловна стала именоваться Варсонофией.

Любопытное предписание получил Мельгунов: пожитки ссыльной семьи должны быть еще раз тщательно осмотрены, как только она выедет из Ранненбурга, «не явится ль чего у него утаенного сверх описи Ивана Плещеева, и те все пожитки у него отобрать».⁴⁴⁷ У членов Верховного тайного совета, как видно, теплилась надежда найти тщательно упрятанные векселя на миллионы. Надежда оказалась тщетной.

В восьми верстах от Ранненбурга поезд был остановлен, и началась последняя по счету проверка имущества князя. Мельгунов составил опись пожитков, с которыми князь отправился в Березов. Вильбоа в этой связи писал: «Перед отъездом из Ранненбурга сняли с Меншикова его обыкновенное платье и вместо того дали ему мужицкое, а также одели и детей его в бараньи шубы и шапки, под которыми были сокрыты кафтаны грубого сукна».⁴⁴⁸ Слухи, запечатленные Вильбоа и позже заимствованные у него историками, писавшими о Меншикове, не соответствовали действительности. Верно, что гардероб князя и членов его семьи был скромнее того, каким ему позволили пользоваться в Ранненбурге, но минимум вещей ему оставили. Он ехал в собольей шапке, атласном зеленом бешмете, кафтане и камзоле, вез он теплый халат, три подушки и даже пуховую шляпу. Гардероб трех женщин включал тафтяные шубы, атласные чепцы, корсеты, юбки и прочее. Из посуды было разрешено взять медный котел, три кастрюли, по дюжине оловянных блюд и тарелок и три железные треноги. Вместе с Меншиковым в ссылку отправились и десять его слуг.

Князь выехал из Ранненбурга 16 апреля. Сопровождавший княжеский поезд лейтенант гвардии Преображенского полка Степан Крюковской должен был содержать Меншикова в полной изоляции.

Крюковской отправлял краткие донесения о продвижении к пункту назначения. 21 апреля сухим путем прибыли в Переславль-Рязанский, откуда до Соли Камской двигались водою. Чем дальше от центра России, тем реже он отправлял рапорты. 5 мая он донес, что Меншиков доставлен в Нижний Новгород «з женою, с сыном и дочерьми и служителями». Следующий рапорт, написанный в Лаишеве, датирован 18 мая: «...и при мне Меншиков с сыном, дочерьми и служителями». Супруга в этом перечне отсутствует, но вместе с тем отсутствует и донесение о ее смерти. Вряд ли Крюковской не сообщил об утрате одной из ссыльных. Скорее всего, донесение о смерти Дарьи Михайловны не сохранилось – она умерла между 5 и 18 мая. По свидетельству современников, она похоронена под Казанью. Дореволюционный путеводитель по Волге среди достопримечательностей упоминает часовню, воздвигнутую на месте захоронения Дарьи Михайловны.

Потеря любимой супруги, надо полагать, усугубила переживания князя. Но Крюковской времени на эмоции не отпускал – бурлаки продолжали тянуть барку и доставили ее вместе с пассажирами в Соль Камскую 24 июня. Следующее донесение Крюковской отправил из Тобольска. Он извещал, что 15 июля передал ссыльного губернатору князю Долгорукому.⁴⁴⁹

⁴⁴⁷ РГАДА, ф. Сената, кн. 234, л. 316.

⁴⁴⁸ Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 159.

⁴⁴⁹ Отечественные записки. СПб., 1861. Т. 3. Приложение. С. 8.

Подневольное путешествие Меншикова в Березов и его жизнь в нем официальными документами не отражены: в фондах Тобольской губернской и Березовской уездной канцелярий их не сохранилось. Любопытные детали о жизни Меншикова и его семьи в Тобольске и Березове приводит Вильбоа, но достоверность их крайне сомнительна.⁴⁵⁰

Повествование Вильбоа венчает сюжет о возвращении Александры и Александра Меншиковых из ссылки: «В описях имения и бумаг Меншикова нашли, что у него находились значительные суммы в банках Амстердамском и Венецианском. Русские министры неоднократно требовали выдачи сих сумм на том основании, что все имение Меншикова принадлежало правительству русскому по праву конфискации. Но требования не были исполнены, ибо директоры банков, строго следуя правилам своих заведений, отказывались отдать капиталы кому бы то ни было, кроме того, кто положил их, и отдали их тогда только, когда утвердились, что наследники Меншикова были на свободе и могли распоряжаться своим достоянием. Полагали, что сии капиталы, простиравшиеся более нежели на полмиллиона рублей, обращены были в приданое княжне Меншиковой и что сему обстоятельству юный князь Меншиков одолжен был местом штабс-капитана гвардии и получил пятидесятую часть недвижимых имений, коими владел его отец».⁴⁵¹

В своем месте мы обращали внимание на неточности в сочинении Вильбоа. В целом о его мемуарах можно сказать так: чем дальше от столицы происходили события, тем менее у него достоверно их описание. Совершенно очевидно, что сведения о жизни Меншикова в Ранненбурге и Березове Вильбоа мог почерпнуть только от вторых или даже третьих лиц. Вымыслы и домыслы автор мемуаров дополнил собственными измышлениями. К сожалению, далеко не все им написанное можно проверить, а поэтому вычлнить легендарное из достоверного затруднительно.

Версия Вильбоа о возвращении детей Меншикова из ссылки тоже сомнительна. Если бы Меншиков имел вклады в иностранных банках и эти вклады достались Александре в качестве приданого, когда она выходила замуж за Густава Бирона, то об этом непременно бы написал Александр Меншиков-сын в челобитной императрице Елизавете, о которой было сказано выше. Но в челобитной о вкладах ни слова. Между тем историки, опираясь на Вильбоа, перенесли сообщаемые им сведения на страницы своих исследований.

Что касается прочих сюжетов в анекдотах Вильбоа, то они изобилуют таким количеством сменяющих друг друга драматических ситуаций, что их нагромождение ставит под сомнение достоверность всего построения автора.

Скончался Меншиков 12 ноября 1729 года. Бывшего генералиссимуса и адмирала без пушечной пальбы и торжественных церемоний похоронили у церкви, которую он срубил.

Падение Меншикова произошло в то время, когда он достиг наибольшего могущества, славы и богатства. Все это баловню судьбы досталось шутя. Будто бы шутя он и расстался с тем, что имел. В опале он сохранил то, что не в силах были отнять у него противники, – самообладание и оптимизм. Он стойчески переносил ссылку. Поверженный, он не обращался с просьбами к победителям. Кончал он жизнь с топором в руках, с чего начинал свою умопомрачительную карьеру. Умению владеть топором он обучился на Саардамской верфи. В Березове эти навыки пригодились ему, чтобы срубить церковь.

Попытка объяснить падение Меншикова была предпринята еще современниками события. В фонде Походной канцелярии князя Меншикова хранится сочинение с перечислением всех прегрешений князя, которые, по мнению автора, обусловили его ссылку. Сразу же оговоримся, что анонимный автор, несомненно иностранец, располагал абсолютно

⁴⁵⁰ Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1983. С. 180–183.

⁴⁵¹ Русский вестник. СПб., 1842. № 2. С. 158–175.

недостовверными сведениями, скорее всего, слухами, ходившими в столице, досужими разговорами, лишенными всякого вероятия. Тем не менее и слухи, несмотря на свою нелепость, представляют известный интерес, ибо отражают восприятие современниками совершившегося. Оно в первую очередь потрясло князя и его семью, но не оставило равнодушным и население столицы.

В представлении анонима светлейший выглядит исчадием ада, средоточием всех возможных пороков, виновником многих преступлений, как совершенных, так и им задуманных.

Начнем с того, что заявление о симпатиях, проявляемых народом к бывшей царице Евдокии Лопухиной, относится к числу вымыслов анонима, — память о ней за тридцатилетнее пребывание в заточении давно выветрилась. О ней царь напомнил подданным в 1718 году, но указ представлял инокиню-блудницу в столь неблагоприятном свете, что она своим поведением не могла вызвать ничего, кроме осуждения. Аноним, далее, всю вину за то, что царевич Алексей и бывшая супруга Петра были «жестоко» содержаны, возложил на Меншикова, поскольку царь установил режим их существования с его совета.

Петр будто бы склонен был перевести Евдокию «из тесного сохранения или темницы в другое веселое место или местность», но князь в интересах своей безопасности убедил его не делать этого, так как «из народа многие ей, принцессе, склонны».

Верно, что Меншиков не питал нежных чувств ни к Евдокии, ни к ее сыну. Но столь же верно и другое — условия содержания бывшей царицы определял не Меншиков, а царь — он распорядился отправить бывшую супругу в Новоладожский монастырь еще во время своего пребывания в Москве, тогда, когда Меншиков находился в Петербурге. Светлейший являлся всего лишь исполнителем царской воли, поскольку монастырь находился на территории, подвластной петербургскому губернатору. Документы свидетельствуют о противоположном — после смерти Петра режим содержания «известной персоны», то есть Евдокии, был облегчен. Правда, указ на этот счет исходил от императрицы, но совершенно очевидно, что его никогда бы не издали и тем более не претворили в жизнь, если бы он противоречил интересам Меншикова. Указ повелевал «известную персону пищею довольствовать, чего когда пожелает», разрешив расходовать на дневной рацион по одному рублю. Кроме того, велено выдавать на одежду и обувь по 100 рублей в год. В январе 1726 года было отправлено распоряжение капитану Маслову, командовавшему караулом: «Извольте на пищу содержащейся известной персоне покупать крупитчатую добрую муку и держать папошники и пирошки и прочее кушанье ежедневно хорошее». Лицо, отдавшее это распоряжение, интересовалось еще одним вопросом: «Имеется ль при ней для держанья кушанья хорошей повар».

Сказанное, однако, не исключает, что «известную персону» продолжали содержать в строгой изоляции. Она была настолько строгой, что шлиссельбургский комендант Степан Буженинов в апреле 1727 года доносил Меншикову, что капитан Маслов одержим тяжелым недугом и «для надзирания не может ходить в светлицы», а сам он, комендант, заглядывать в них «опасен».

Меншикову можно инкриминировать лишь желание уязвить самолюбие инокини Елены, переезжавшей из Шлиссельбургской крепости в Новодевичий монастырь в Москву.

«Возок» ей был предоставлен настолько ветхий, что потребовалось немало времени для его ремонта. Это и явилось причиной задержки ее переезда.

Столь же необоснованным выглядит обвинение Меншикова в жестоком содержании царевича. Времена, когда царь прислушивался к советам фаворита, давно канули в прошлое. Заявление анонима свидетельствует всего лишь о его неосведомленности об истинном отношении царя к князю.

Аноним, далее, сообщает, что Екатерина умерла от того, что «несчастливое или отравленное питье получила». Правда, автор остерегается от категорического утверждения, что царица была отравлена Меншиковым, он в данном случае осторожен, пишет, что «имеет розыскано быть, от кого оно произошло», но намек на Меншикова прозрачен, ибо сюжет

помещен в абзаце, посвященном изложению «вин» князя.

Автор анонимного сочинения не преминул обвинить Меншикова и в том, что он перевел в Амстердамский и Лондонский банки «многие суммы денег» – версия, не подтвержденная ни одним источником, о чем мы уже писали.

Наряду со зрящими обвинениями, основанными на непроверенных слухах, аноним писал и о невыдуманных действиях Меншикова, которые в конечном счете оказали влияние на его судьбу. К ним относится расправа князя с противниками его матримониальных планов. Автор, однако, ошибочно полагал, что светлейший по отношению к ним «напрасные оклеветания и обвинения учинил», хотя известны подлинные намерения некоторых авторов воспрепятствовать осуществлению его мечты.

Невозможно также защитить Меншикова от обвинения во «властолюбии для возвеличения фамилии своей», выразившемся в намерении выдать дочь свою замуж за императора. Согласимся и со справедливым упреком анонима в адрес князя, который, опасаясь враждебных акций супруги герцога Голштинского, дочери Петра, Анны Петровны, да и самого герцога, поспешил выдворить их из России.

Таким образом, в пространном перечне «вин» Меншикова лишь небольшую долю их можно признать обоснованными. Если бы все, о чем повествовал аноним, соответствовало истине, то наверняка бы это вошло в проект указа о «винах» Меншикова, так и не увидевший свет.

Авторы дореволюционных работ связывали охлаждение Петра II к Меншикову с двумя поступками светлейшего, якобы ущемлявшими престиж императорской власти и поэтому вызвавшими недовольство юнца. Первая размолвка на этой почве состоялась 12 июля, когда Петр ко дню рождения своей сестры Натальи Алексеевны решил подарить ей 10 тысяч рублей. Меншиков, тогда болевший, случайно встретил слуг, тащивших подарок, и велел отнести деньги на место, а Петру выговорил, что подобная расточительность неуместна, ибо казна пуста и надобно экономить. Второй раз Меншиков вызвал гнев Петра тем, что во время освящения церкви занял кресло, предназначавшееся для царя.

Подобное объяснение исходит из идеи Божественного происхождения царской власти. За всякое покушение на нее любой подданный, даже такого масштаба, как Меншиков, должен сурово расплачиваться. Эта мысль пронизывает всю «Картину жизни», от ее первой до последней страницы.

Предисловие автор начинает рассуждением о достоинствах Меншикова и его пороках, из которых наиболее важны два: «корыстолюбие и любочестие». Именно это последнее и привело светлейшего к гибели – он «не полагал предела своим замыслам и даже впоследствии дерзал простирать виды свои выше состояния подданнического».

Истоки обоих пороков, «по моему мнению, – читаем в „Предисловии“, – отнести надлежит к низкому его (Меншикова. – *Н.П.*) состоянию, в коем он родился и возрел, не быв еще взыскан прозорливостью Петра Великого. Во все сие время, не имея благоразумного вождя, обращался с сверстниками, грубо воспитанными, и видя ежеминутно примеры неукротенных благими правилами склонностей, в таких обстоятельствах не мог он конечно получить ни полезных нравственных впечатлений [...] ни той душевной твердости и решимости, которая дает человеку господство над самим собой».⁴⁵² А вот заключительные строки, подводящие итог сочинению: «Меншиков, будучи из ничего возвышен до первых достоинств в государстве, мог бы без сомнения окончить жизнь свою со славою, если бы не обладала им самая безрассудная страсть любочестия, чтоб иметь потомков своих на престоле; о сей-то камень многие любимцы, подобные ему, расшибались».

Трактовку судьбы Меншикова знаменитый историк Карамзин распространил на Бориса Годунова, затем она перешла в бессмертное творение Пушкина: Борис Годунов был наделен многими добродетелями, но он незаконно занял трон, и это обрекло его на смерть. Пушкин

⁴⁵² Картина жизни и великих деяний кн. А.Д. Меншикова. М., 1809. С. IV–V.

вложил в уста умиравшего царя Бориса слова раскаяния:

Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало.⁴⁵³

Подлинные причины падения Меншикова состояли в ином. Это была типичная для XVIII века борьба за власть среди верхов феодального общества. Ни Меншиков, представлявший новую знать, выросшую на почве преобразований, ни Долгорукие и Голицыны – отпрыски древних аристократических фамилий – не выступали с планами общественного переустройства. Последних вообще не существовало. Возможно, что деятельность правительства, возглавляемого аристократами, привела бы к пересмотру и изменению некоторых аспектов внутренней и внешней политики. Однако, как показывает опыт дворцовых переворотов XVIII века, менялись люди, стоявшие у кормила правления, но неизменной оставалась политическая система, покоившаяся на феодальном землевладении, крепостном праве и самодержавии. Суть дворцовых переворотов в XVIII веке, а падение Меншикова как раз и открывало их серию, глубоко вскрыта В. И. Лениным. Он отмечал, что они были «до смешного легки», поскольку речь шла не об изменении общественного строя и политической системы, а всего лишь о смене лиц, стоявших у кормила правления.⁴⁵⁴ Сменялись цари и царицы, место одних фаворитов и временщиков занимали другие, но порядки оставались прежними. Все они независимо от происхождения, национальности и вероисповедания ревностно служили классу, в состав которого влились. И если мы вспоминаем имя Меншикова, то прежде всего потому, что этот человек-самородок был героем Калиша, Полтавы и Переволочны и внес немалый вклад в укрепление могущества России.

* * *

Останки Меншикова долгое время покоились в земле вечной мерзлоты, и никто к ним не проявлял интереса, в том числе и потомки князя. Но вот почти столетие спустя после смерти ссыльного, в марте 1825 года, в Тобольск был назначен губернатором Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский, получивший известность не как администратор, а как историк. Его перу принадлежит множество фундаментальных трудов, в том числе и «Словарь достопамятных людей русской земли» в пяти частях. Во второй части этого сочинения в тексте о Меншикове Бантыш-Каменский рассказал о том, как он, будучи тобольским губернатором, поручил березовскому городничему Андрееву разыскать могилу Меншикова. Столетний мещанин города Матвей Баженов указал место захоронения вельможи. 30 июля 1825 года могилу раскопали и на глубине трех с четвертью аршин был обнаружен выдолбленный из колоды гроб длиной в сажень. Когда сняли крышку гроба и освободили покрывало от слоя льда, то взору присутствовавших предстало великолепно сохранившееся тело усопшего – мужчины с бритой бородой, который, по словам Бантыш-Каменского, «как будто покоился в объятиях глубокого сна». На покойнике был халат, стеганая шапочка, под которой голова была обернута платком с венчиком наверху. На ногах – зеленого цвета остроконечные туфли на высоких каблуках. После осмотра и описания увиденного гроб был зарыт, и городничий отправил донесение губернатору. Изложив его суть, Бантыш-Каменский писал: «Не видав портрета знаменитого изгнанника, городничий донес мне, что открыл место погребения его (Меншикова. — *Н.П.* .), но не ручается, действительно ли усопший был Меншиков».

⁴⁵³ Пушкин А.С. Собр. соч. Л., 1978. Т. 4. С. 271.

⁴⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 443.

Сомнения городничего Бантыш-Каменский решил развеять и сам присутствовал при повторном вскрытии могилы и гроба. Процедура состоялась 6 января 1827 года. При вскрытии гроба губернатор «увидел Меншикова, которого тотчас узнал по портрету», бывшему у него. Далее он продолжал: «Черты лица его не изменились, но от прикосновения воздуха тело, бывшее до того бело (как утверждал Андреев), все почернело: сукно, позумент, покрывало, шапочка подверглись тлению».⁴⁵⁵

В этой версии Бантыш-Каменского не находит места ряд интересных деталей. В частности, он ничего не сообщил о неприятных для себя последствиях, вызванных раскопкой могилы. Они стали известны после опубликования служебной переписки губернатора с Министерством внутренних дел.

Неприятности начались после того, как Бантыш-Каменский, желая угодить правнуку опального вельможи флигель-адъютанту Александру Сергеевичу Меншикову, отправил ему шейный крест, а также лоскутки сукна, покрывала и позумента, извлеченные из гроба еще при первом вскрытии могилы. Этим губернатор не удовлетворился и во время повторного раскопа велел лекарю выдернуть из бровей покойного несколько волос, поместить их в пробирку со спиртом и отправить ее вместе с башмаком родственникам в столицу. Намерение, однако, не было осуществлено, так как губернатор, не надеясь на способность почты доставить пробирку адресату в целости, решил ждать okazji. Что касается башмака, то «от сырости и чрезвычайной мокроты оной развалился и истлел».

Молва же донесла до родственников известие о том, что у покойника была вырезана бровь и извлечен глаз. Слух о кощунстве над телом покойника стал достоянием Николая I, и он велел министру внутренних дел отправить губернатору предписание: «Дошло до сведения государя императора, что 6 числа прошедшего января в городе Березове вырыто из земли тело покойного фельдмаршала князя Меншикова. Его величеству угодно знать без отлагательства, по чьему повелению и по какому поводу было сие сделано».

Ответ Бантыш-Каменского гласил, что тело бывшего генералиссимуса князя Меншикова не было вырыто из земли, а только открыто место его погребения по его приказанию березовским городничим Андреевым. Повторно могила была вскрыта «для того только, чтобы удостовериться, действительно ли найденное г. Андреевым тело было Меншикова». Цель всех разысканий – поставить на могиле «знаменитого изгнанника» «простой памятник».

Поскольку Бантыш-Каменский не обмолвился ни единым словом относительно волос, шейного креста, позументов и сукна, то царь, ознакомившись с ответом, «изволил найти, что в оном нет чистосердечия». Николай I в ответе губернатора раздражало также умолчание о вырезанной брови и вынутом глазе. Во втором донесении Бантыш-Каменский подробно изложил все обстоятельства двукратного вскрытия могилы. В конечном счете царь осудил действия губернатора, велел передать ему, что «любопытство ваше было, по крайней мере, неуместно».⁴⁵⁶

Этим история с могилой Меншикова не закончилась. Член Русского географического общества Н. А. Абрамов во время посещения Березова в 1842 году, то есть через семнадцать лет после вскрытия могилы, имел беседы с участниками и очевидцами этого события, продолжил разыскание места захоронения Меншикова и пришел к выводу, что в 1825 и 1827 годах была раскопана могила не Меншикова, а кого-то другого. В пользу своего утверждения он привел несколько убедительных доказательств. Абрамов установил, что могила Меншикова находилась не у Спасской церкви, где городничий вел раскопки, а у Богородице-Рождественской. Именно эту церковь срубил Меншиков, и там он был

⁴⁵⁵ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1817. Ч. 2. С. 420; Русская старина. СПб., 1903. № 1. С. 70, 71.

⁴⁵⁶ Русская старина. СПб., 1873. № 6. С. 744–762.

похоронен. Она сгорела 20 февраля 1764 года. Другой довод – платье и обувь на покойном не мужские, а женские: капор на голове, шлафрок, башмаки на высоких каблуках. Далее – рост Меншикова (2 аршина 12 вершков) не соответствовал длине выдолбленной части гроба, равнявшейся 2 аршинам 5 вершкам. Очевидцы вскрытия могилы рассказали Абрамову, что на большом гробу стояло два маленьких гробика. Согласно преданию, старшая дочь Меншикова, нареченная невеста Петра II, тайно обвенчалась с князем Федором Долгоруким, разрешилась двойней и тут же скончалась.⁴⁵⁷ Казак, показавший за мзду место погребения Меншикова, по мнению Абрамова, полагал, «что покойник, пролежав в земле 98 лет, давно сгнил, а между тем ждал себе за открытие награды». Вывод автора таков: могилы Меншикова давно не существует – место, где он был захоронен, смыла река Сосьва.

Последний раз судьба останков Меншикова рассматривалась в работе М. Путинцева «К празднованию 300-летия г. Березова», опубликованной в 1891 году. Автор разделяет взгляды Абрамова, он излагает содержание статьи и приводит из нее обширные цитаты. Новых доводов М. Путинцев не приводит, но его суждения отличаются большой категоричностью. Если, например, Н. А. Абрамов могилу, раскопанную Андреевым и Бантыш-Каменским, связывает с именем Марии Меншиковой, ссылаясь на предание, то Путинцев считает эту могилу могилой дочери Меншикова без всяких оговорок.⁴⁵⁸

Итак, отбросив налет фольклора и романтики в рассказах о могиле Меншикова, следует признать за достоверное, что городничий и губернатор раскопали не могилу Меншикова – его останки унесла река Сосьва.

Работа Н. А. Абрамова не получила широкой известности, только этим и можно объяснить, что нетленность тела А. Д. Меншикова (в условиях вечной мерзлоты) стала хрестоматийной.⁴⁵⁹

Усилиями краеведа-энтузиаста В. И. Елфимова в 1983 году в Березове был сооружен памятник А. Д. Меншикову работы скульптора А. П. Антонова и приведена в порядок могила М. А. Меншиковой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы проследили основные вехи жизни Александра Даниловича Меншикова. Необычным был путь восхождения его к могуществу, славе и богатству – пирожник стал вторым лицом в государстве. Незаурядными были дарования этого человека, в полной мере раскрывшиеся на военном и административном поприщах. Не оставляет равнодушным падение князя, последние годы жизни, проведенные в полной неизвестности в далеком Березове. Среди сподвижников царя Меншиков занимал особое место и по талантам, и по реальному вкладу в преобразования. Интересен он и как личность – личность нового времени, пробужденная к жизни реформами царя-преобразователя.

Петр и Меншиков стояли при самом возникновении нового типа государства – абсолютистской монархии. Симптомы его появлялись в России в более раннее время, но только при Петре Великом оно приобретает зримые очертания. Новую форму государственного устройства создают новые люди.

Подобно тому как Петр не похож по складу своей натуры на царя Алексея Михайловича, так не похожи соратники Петра на бояр, окружавших трон его родителя. Но сподвижники Петра не схожи и с людьми, находившимися у подножия трона, скажем,

⁴⁵⁷ Записки имп. Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 370–372.

⁴⁵⁸ Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 23/24. С. 507–510.

⁴⁵⁹ Сумгин М.И., Демчинский Б.Н. Завоевания Севера. М.; Л., 1938. С. 137; они же. Область вечной мерзлоты. М.; Л., 1940. С. 207; Вельмина Н. А. Ледяной сфинкс. М., 1975. С. 93.

Екатерины II или Александра I. Главное, что отличало Меншикова и Шафирова, Ягужинского и Нестерова от деятелей XVII века, Голицыных и Долгоруких, Шереметевых и Куракиных, с одной стороны, и от Потемкиных и Новосильцевых, Воронцовых и Строгановых – с другой, состояло в отсутствии традиции.

Отсчет времени, когда началось формирование личности в России, следует вести со знаменитой Табели о рангах 1722 года, хотя идеи, в ней заложенные, начали внедряться Петром задолго до ее обнародования. Петр, нарушая традиции и преодолевая сословную замкнутость, комплектовал ряды своих сподвижников, как мы знаем, не только из людей «породных» (Голицыны, Долгорукие, Шереметевы), но и из бывших холопов (Курбатов, Ершов), посадских (Макаров) и иностранцев (Ягужинский, Брюс).

Когда присматриваешься к деяниям Петра и его сподвижников, обращаешь внимание на то, сколь основательно опережал свое время царь идеями всеобщего блага, которой он служил. Из этого отвлеченного понятия соратникам царя было ближе и роднее благо – личное. Суровые меры Петра оказались бессильны преодолеть казнокрадство прежде всего тех, кто вышел из низов. Шереметев, Голицыны и прочие аристократы не были уличены в этом пороке. Князь Матвей Петрович Гагарин, повешенный за казнокрадство, являл собою исключение.

Заслуживает внимания еще одна особенность в формировании личности петровского времени: отношения между вельможами строились не только на принципах родства, как то было в предшествующем столетии, но и не на принципах идейной или духовной близости, как то можно будет наблюдать в начале следующего столетия. Отношения среди новой знати, выдвинувшейся при Петре, строились на иной основе – на взаимной выгоде, то есть на более преходящих мотивах. Каждый действовал за себя и объединялся для совместных действий только в двух случаях: когда политическая комбинация сулила им взаимные выгоды либо когда над ними нависала общая угроза, как то, например, случилось в часы, решавшие судьбу трона после смерти Петра I. Этим определяется суть соперничества сподвижников царя при Екатерине I и Петре II, когда вельмож разделяли не идейные разногласия, а прозаические заботы о власти. Успех сначала сопутствовал Меншикову: он сурово расправился с бывшими своими союзниками Толстым и Девиером, удалил от двора Ягужинского и Макарова, а затем и сам стал жертвой интриг Остермана. Характерная деталь: никто не сделал попытки подать руку помощи ни Толстому, ни Девиеру, как никто не проявил ни малейших усилий, чтобы выручить из беды светлейшего.

Таков был строительный материал, пользуясь которым Петр создавал политическую систему, именуемую абсолютизмом. Она впитывала черты своих строителей, живых людей, с их достоинствами и пороками, и в то же время сама воздействовала на них.

Когда сопоставляешь Меншикова – сподвижника царя с Меншиковым, фактически державшим в своих руках после смерти Петра бразды правления огромной страной, то создается впечатление, что перед нами два разных по масштабам деятеля. В первом случае Меншиков не только энергичный исполнитель воли царя, сдается, что он был единственным, кто брал на себя смелость действовать инициативно, часто предвосхищая его повеления или давая ему советы.

После смерти царя перед нами Меншиков, которого будто кто-то подменил: и при Екатерине I, и при Петре II он стал безынициативным и, как никогда ранее, скованным. Обретя огромную власть, он не знал, как этой властью распорядиться. Меншиков был более озабочен благополучием собственной семьи и удовлетворением ненасытного честолюбия, чем благополучием государства и сохранением его международного престижа.

Чем объясняется эта метаморфоза и можно ли назвать это метаморфозой? Быть может, суть инициативы Меншикова оставалась неизменной на всем протяжении его умопомрачительной карьеры?

При Петре деятельность князя озарялась идеями, вынашиваемыми царем, и тогда каждый из его сподвижников, в том числе и Меншиков, вносили свой посильный вклад в претворение этих идей в жизнь. После смерти Петра Великого наступила пора безвременья,

когда государственная телега в силу инерции продолжала двигаться в раз заданном направлении. Страна, подобно путнику, израсходовав ресурсы во время продолжительного и изнурительного перехода, как бы сделала привал, решила передохнуть, чтобы собраться с новыми силами и вооружиться новыми идеями.

Сказанное нисколько не умаляет значение сподвижников Петра, и прежде всего главного среди них – Меншикова, создававших могущественную империю. Александр Данилович бесспорно принадлежал к выдающимся сподвижникам Петрапреобразователя.

О незаурядности личности Меншикова свидетельствует живейший интерес к ней не только современников, но и потомков. Сочинения, прославлявшие деяния царствовавших особ, создавались еще при их жизни. При Иване Грозном появляются два труда, посвященные истории его царствования, причем один из них он сам редактировал. Время Петра Великого тоже оставило несколько сочинений о его деятельности. Редактируя одно из них – «Историю Свейской войны», – царь не ограничился стилистической правкой и сокращением текста, но внес в него немало своих оценок происходящего, имеющих огромное значение для понимания эпохи.

В истории русского летописания и публицистики Меншиков был единственным, кто, не находясь на троне, удостоился написания прижизненной биографии. Надо полагать, что эта затея осуществлялась не только с ведома героя биографии, но и по его инициативе – отсутствием честолюбия князь не страдал. Цель написания апологетического сочинения состояла в том, чтобы, как писал анонимный автор, «опровергнуть несправедливые мнения, печатные пасквили и ложные слухи, какие распространяли враги и злопамятные или несведущие люди насчет происхождения, жизни и действий его светлости».

Автор использовал всю палитру красок, чтобы изобразить светлейшего человеком, с избытком наделенным всеми добродетелями: он и умен, и сметлив, и отважен, и услужлив, и великодушен, и справедлив. Но с наибольшей настойчивостью сочинитель пытался внушить читателю мысль, что светлейший – идеальное воплощение благородства, человек без страха и упрека.

Но вот Александра Даниловича не стало. Казалось бы, что и интерес к нему должен был угаснуть. Этого не случилось – жизнь «баловня судьбы» продолжала волновать потомков: на протяжении XVIII столетия в Германии и Англии было опубликовано несколько сочинений, пытавшихся проникнуть в тайны блестящей карьеры Меншикова. Авторы эксплуатировали интерес обывателя к драматической судьбе князя – его крутому восхождению к власти и богатству и к столь же крутому падению.

Имя Меншикова уже в XVIII веке проникло на страницы художественных произведений. Об одном из них, вызвавшем дипломатические осложнения, поведала нам сохранившаяся в архиве переписка русского посла в Париже князя Ивана Барятинского с вице-канцлером Остерманом в 1775 году. Драматург Лагарп, написавший трагедию «Меншиков», по мнению Барятинского, допустил неточности и непристойные выпады в адрес Екатерины I: Лагарп приписал императрице коварное намерение развести Меншикова с законной супругой, чтобы самой выйти за него замуж. Посол советовал драматургу изобразить дело так, что мысль сочетаться брачными узами созрела не в голове Екатерины, а вынашивалась, «яко мечтательная надежда», дерзким Меншиковым. Хотя Лагарп и доказывал, что в художественном произведении «историческая верность не нужна, как только в важнейших происшествиях», но все же уступил давлению посла и внес требуемые им исправления.

Что князь принадлежал к деятелям крупного масштаба, явствует из значимости его поступков – не в манере светлейшего было мельчить и довольствоваться малым. Размах, как свойство широкой натуры князя, виден во всем: и на театре военных действий, где он никогда не ограничивался полумерами, и в отношениях со своими недругами, где он был неумолим, и в сооруженных по его заданию дворцах, по своей пышности и размерам превосходивших все, что в то время было сооружено в новой столице и ее пригородах, и в его самом длинном и пышном, уступавшем лишь царскому титулу, и в захватывающей

воображение роскоши, и в казнокрадстве, и в безграничном честолюбии.

Другой бы на его месте, залезая в казенный карман, изощрялся бы в поисках способов, как, не оставляя улик, извлекать из сокровищ какую-либо мелочишку. Не таков был Александр Данилович – брал он по-крупному и не таясь. Другой бы в матримониальных делах проявил осмотрительность и тоже довольствовался более скромным: скажем, выдачей замуж своих дочерей в старорусские аристократические роды или – за женихов из захолустных немецких княжеств. Александр Данилович и здесь не стал мелочиться и замахнулся породниться с царствующим домом России.

Заслуги Меншикова в преобразовательных начинаниях Петра Великого вряд ли можно переоценить. Даже если бы эти заслуги ограничивались только воинскими подвигами князя, то простого их перечисления достаточно, чтобы увековечить его имя: Калиш, Лесная, Батурин, Полтава, Переволочна, Штеттин – вот главные победы князя в Северной войне. Если в двух из них (Лесная и Полтава) он делил радость триумфа с Петром, то в остальных он руководил операциями самостоятельно, показав при этом недюжинные способности военачальника. Но он проявил себя не только на поле брани, но и как крупный государственный деятель.

Что касается места Меншикова в правительственном механизме, то природа сохранившихся источников такова, что, пользуясь ими, невозможно вычленить его роль как сенатора или даже руководителя Военной коллегии. Если течение дел журчало по привычному бюрократическому руслу и не вызывало осложнений, то, как говорится, за лесом не видны деревья, участие каждого сенатора или члена коллегии скрыто общим решением. Исключение составляет знаменитая свара в Сенате в 1722 году, когда за скупой регистрацией перебранки можно восстановить ход разыгравшегося скандала и роль в нем отдельных сенаторов. Именно поэтому в книге отмечена роль князя в строительстве Петербурга и ничего не сказано о Меншиковесенаторе, равно как и о Меншикове – президенте Военной коллегии.

Слабости Меншикова на виду, как на виду и его вклад в победы Северной войны, в создание регулярной армии и флота, в строительство и благоустройство новой столицы. Алчность светлейшего, его порою затмевавшая рассудок страсть к стяжанию способны в известной мере «подмочить» репутацию героя нашего повествования. Но в жизни выдающейся личности привлекает прежде всего ее реальный вклад во славу России, разумеется, России той поры, с ее социальными противоречиями и самодержавно-крепостными порядками. Вклад его велик, и потому потомки помнят имя Меншикова.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА

1673, 6 ноября – рождение Меншикова.

1691 – солдат «потешных войск».

1693 – денщик Петра I.

1695 – участие в Первом Азовском походе в качестве солдата, денщика.

1696 – участие гвардии сержанта Меншикова во Втором Азовском походе.

1697–1698 – участие в Великом посольстве. Меншиков значится первым волонтером в списке «десятника» Петра Михайлова (Петра I).

1700 – начало войны со Швецией. Поражение русских войск под Нарвой. Меншиков – в чине бомбардир-поручика Преображенского полка.

1702 – Меншиков вручает указ Петра I о пожаловании Б.П. Шереметеву звания фельдмаршала за победу при Эрестфере. Участие в штурме Нотебурга (Шлиссельбурга). Меншиков назначен комендантом крепости. Пожалован титулом графа Священной Римской империи.

1703 – Меншиков вместе с Петром участвует в овладении двумя шведскими фрегатами

в устье Невы. Награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

1704 – назначается губернатором Санкт-Петербурга и Ингерманландии.

1705 – пожалован титулом князя Священной Римской империи.

1706 – свадьба с Дарьей Михайловной Арсеновой. Победа русских войск под командованием Меншикова над шведами при Калише.

1708 – участие в победоносных сражениях при Доброй и Лесной. Разгром Батурина, резиденции изменника Мазепы.

1709 – активное участие в Полтавской виктории. Взятие в плен шведской армии у Переволочны.

1710 – участие в осаде Риги.

1712 – Меншиков командует русскими войсками в Померании.

1713 – руководит осадой Штеттина и овладевает городом.

1714 – избран членом Королевского общества в Лондоне. 1716 – руководит строительством Петербурга. 1716–1722 – сооружение дворца Меншикова в Петербурге. 1718 – участвует в следствии над царевичем Алексеем.

1719 – назначается президентом Военной коллегии.

1725 – смерть Петра Великого. При активном участии Меншикова на престол вступает Екатерина I.

1726 – создание Верховного Тайного совета. Меншиков – фактический глава этого учреждения.

1727, 6 мая – смерть Екатерины I. Вступление на престол Петра II.

25 мая – обручение Петра II и дочери Меншикова Марии.

11 сентября – ссылка Меншикова в Ранненбург. Конфискация имущества и лишение орденов.

1728 – ссылка Меншикова с семьей в Березов. Смерть в дороге супруги Меншикова Дарьи Михайловны.

1729, 12 ноября – смерть А. Д. Меншикова. Смерть дочери Марии.

1731 – возвращение из ссылки дочери Александра и сына Александра Меншиковых.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Герб А. Д. Меншикова. *Гравюра из книги «Ляврея, или венец бессмертных славы». 1714 г.*

Панорама Москвы в 1702 г. *Иллюстрация к книге К. Де Брюйна (издание 1704 г.)*

Петр I. *Я. Веникс. 1697 г.*

Надпись Петра I и А. Д. Меншикова в альбоме Ф. Рюйша. *17 сентября 1697 г.* Первая известная подпись Меншикова: «Александръ Меньшикофъ».

Франц Яковлевич Лефорт. *Гравюра П. Шенка. 1698 г.*

Никита Моисеевич Зотов. *Неизвестный художник.*

Дом Ф. Я. Лефорта в Немецкой слободе. *Гравюра И. Шхонебека. Начало XVIII в.*

Князь Аникита Иванович Репнин. *Неизвестный художник. Первая четверть XVIII в.*

Граф Борис Петрович Шереметев. *С гравюры Антипова. XVIII в.*

Граф Федор Алексеевич Головин. *Гравюра П. Шенка. 1706 г.*

Адмирал Корнелий Иванович Крюйс. *Гравюра П. Шенка. Первая четверть XVIII в.*

Дарья Михайловна Меншикова. *Гравюра А. Ф. Зубова.*

Царевна Наталья Алексеевна. *И. Н. Никитин. Не позднее 1716 г.*

Дворец А. Д. Меншикова в Москве. Главные ворота со стороны двора. *1707-1708 гг.*

Императрица Екатерина Алексеевна. *Ж. М. Наттье. 1717 г.*

Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня). *1701-1707 гг.*

Штурм русскими войсками шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 г. *Гравюра А. Шхонебека. 1703 г.*

Медаль в память взятия двух шведских судов в устье Невы 7 мая 1703 г. *Работа Ф.*

Алексеева. 1703 г. На лицевой стороне: погрудное изображение Петра в доспехах и надпись: «Царь Петр Алексиевич, всея Руси повелитель». На обороте: русские лодки атакуют шведские парусные суда. Надпись: «Небываемое бывает».

Карта Финского залива. 1703 г. *Гравюра П. Пикарта.*

Медаль в память основания Санкт-Петербурга 16 мая 1703 г. *Работа Ф. Г. Мюллера. 1714—1716 гг.*

Знамя ротное лейб-гвардии Преображенского полка. *1700 г.*

Август II, король Польский.

Карл XII, король Шведский.

А. Д. Меншиков на фоне сражения при Калише. *Гравюра П. Пикарта. 1707 г.*

Медаль наградная (полковничья) за сражение при Калише 18 октября 1706 г. *Работа Г. Гаупта. 1706 г.*

Светлейший князь Александр Данилович Меншиков. *Неизвестный художник. Первая четверть XVIII в.*

Сражение при Лесной. *Барельеф работы А. К. Нартова. 1720-е гг.*

Петр I в Полтавской битве. *И. Г. Таннауэр. 1710-е гг.*

Полтавский бой. *Барельеф работы А. К. Нартова. 1720-е гг.*: «Россиски Са[м]псон шведскаго при Полтаве лва растерза».

Триумфальные ворота 1709 г. в Москве, возведенные на средства А. Д. Меншикова. *Архитектор И. Зарудный.*

Разгром шведских войск близ Переволочны. *Гравюра Лармессена с картины Мартена-младшего.*

Медальон с изображением А. Д. Меншикова. *С. Гуэн. 1710-1711 гг. (?)*

Дом светлейшего князя Меншикова. *Гравюра А. И. Ростовцева. 1716—1717 гг. Отпечаток второй половины XVIII в.*

Петр I на смертном ложе. *И. Н. Никитин. 1725 г.*

А. Д. Меншиков. *Скульптурный портрет Б. К. Растрелли 1716—1717 гг.*

Императрица Екатерина I. *Миниатюра на финифти А. Г. Овсова. 1726 г.*

Блюдо с изображением коронации императрицы Екатерины I. *Вторая половина XVIII в.*

Петр II. *Портрет из Романовской галереи.*

Князь Иван Алексеевич Долгорукий.

Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая. *И. П. Людден. 1729 г.*

Антон Мануилович Девиер.

Граф Петр Андреевич Толстой. *И. Г. Таннауэр. 1719 г.*

Палаты его светлости князя Меншикова. *Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г.*

Граф Андрей Иванович Остерман.

Граф Федор Матвеевич Апраксин. *И. Г. Таннауэр.*

Граф Гавриил Иванович Головкин. *И. Н. Никитин. 1720-е гг.*

Мария Александровна Меншикова. *И. Г. Таннауэр (?). 1722-1723 гг.*

Александра Александровна Меншикова. *И. Г. Таннауэр (?). 1722-1723 гг.*

Дворец А. Д. Меншикова. «Ореховая» – кабинет Меншикова. *Современный вид.*

Дворец Меншикова. Токарня. На переднем плане: станок «овалистый», работа А. К. Нартова.

Часы, принадлежавшие А. Д. Меншикову.

Компас корабельный. Куплен в Англии для Петра I.

Вид на реку Неву с Кадетским корпусом (бывшим домом Меншикова). *Гравюра Я. В. Васильева. 1753 г.* На переднем плане – первый мост через Неву в Петербурге, построенный от церкви Исаакия Далматинского ко дворцу А. Д. Меншикова.

Стеклянный кубок с гербом А. Д. Меншикова. По верхнему краю надпись: «Виват князь Александр Данилович».

Четверик Петровского времени. Стенки украшены сценами с изображением Георгия Победоносца, поражающего дракона.

Дворец Меншикова. Конторка – первая служебная комната на половине хозяина, в которой работали дежурные секретари и денщики.

Дворец Меншикова. Печь.

Дворец Меншикова. Изразцы с изображением кораблей.

Портрет светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. *И. Г. Таннауэр.*

Фронтиспис книги «Ляврея, или венец безсмертныя славы». *1714 г. Гравюра А. Ф. Зубова.* Меншиков изображен на вершине лестницы славы, уставленной аллегорическими фигурами, которые держат щиты с написанными на них титулами и должностями Меншикова. Над самим Меншиковым, в овальной рамке, портрет Петра; в облаках – апостол Петр и святой Александр Невский.

Дарья Михайловна Меншикова. *Неизвестный художник. 1720-е гг.*

Могила Д. М. Меншиковой в поселке Верхний Услон, Татарстан. *Фото В. И. Елфимова.*

«Меншиков в Березове». *Картина В. И. Сурикова.*

Могила М. А. Меншиковой в Березове. *Современный вид Фото В. И. Елфимова.*

Памятник А. Д. Меншикову в Березове. *Скульптор А. Г. Антонов. Фото В. И. Елфимова.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР – Архив внешней политики России;
ПиБ – Письма и бумаги имп. Петра Великого;
ПСЗ-I – Первое Полное собрание законов Российской империи;
РИО – Русское историческое общество;
РВИО – Русское военно-историческое общество;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов;
ТРВИО – Труды Русского военно-исторического общества;
ф. 63 – Сношения России с Курляндией;
ф. 198 – Походная и домовая канцелярия Меншикова;
ФИРИ – Санкт-Петербургский филиал Института российской истории (бывшее Ленинградское отделение Института истории);
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских.